Очевидность и тайна

Избранные труды ФРИТЬОФА ШУОНА

Апгрейд проекта "Upgrade"

УДК 1/14
ББК 87.2
Ш 96

Шуон Ф.
Очевидность и тайна — М.: Номос, 2007. 384 с.

ISBN 978-5-9900868-2-1

Ш 96 Фритьоф Шуон – метафизик, теолог, философ, логик, знаток традиционного искусства. Принадлежа к кругу философов-традиционалистов и развивая общие для этого круга идеи, Ф.Шуон полностью самобытен. В своих сочинениях он затрагивает вопросы, связанные с природой универсального и человеческого интеллекта, проблемы вечности и времени, добра и зла, а также роль священного искусства, как в традиционном, так и в современном обществе. Его подход отличает редкое, сбалансированное сочетание строгости, бескомпромиссности, бережного, местами даже трепетного отношения к религиозным идеям и духовному опыту человечества. Издание представляет собой развернутую антологию основных работ Фритьофа Шуона, ранее на русском языке не публиковавшихся. Оно адресовано философам, богословам, специалистам в области сравнительного религиоведения, культурологам, а также всем, кому близки универсальные принципы, лежащие в основе мировых духовных традиций и религий.

Настоящая книга была составлена проф. Сиидом Хусейном Насром и напечатана с его обширным предисловием издательствами Element, Inc. USA и Elements Books Ltd. Great Britain в 1991 году. В 1996 году она была переведена с английского языка на русский Альгисом Уждавинисом и опубликована в Каунасе издательством «Балтийос Арас». В России публикуется впервые под редакцией и с предисловием Аркадия Ровнера с разрешения World Wisdom, Bloomington, IN USA, являющегося обладателем всех прав на труды Фритьофа Шуона.

ISBN 978-5-9900868-2-1

УДК 1/14
ББК 87.2

The copyrights of Frithjof Schuon's writings are courtesy of World Wisdom, Bloomington, IN USA.

© 2007 World Wisdom
© 2007 Номос

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

Фритьоф Шуон — возрожденная метафизика

Фритьоф Шуон (1907–1998) принадлежит к кругу так называемых философов-традиционалистов, включающему в себя такие имена, как Рене Генон, Ананда К. Кумарасвами, Юлиус Эвола, Титус Буркхардт и др. Он — одновременно метафизик, богослов, философ, специалист в области сравнительного религиоведения, исследователь традиционного искусства и цивилизации, авторитет в науке о человеке и обществе и критик современного мира не только в его практическом, но и в его философском аспектах.

По содержанию и стилистике своих работ Шуон — универсальный мыслитель в классическом смысле этого слова. Используя символический язык разных традиций — платонизма и неоплатонизма, восточного и западного христианства, ислама, индуизма, буддизма и прочих, Ф. Шуон раскрывает метафизическую доктрину сверхличностного Единого и Его манифестаций. Автора занимают вопросы, связанные с природой универсального и человеческого интеллекта, теория Логоса, проблемы вечности и времени, добра и зла, а также роль священного искусства, как в традиционном, так и в современном обществе.

Согласно Шуону, вещи этого мира не соответствуют уровню человеческого интеллекта, ибо из всех интеллектов мира только человеческий интеллект предрасположен к объективности, и только Абсолют дает ему полное осуществление того, на что он способен. Истина вплетена в субстанцию человеческого духа, и многочисленные откровения выявляют и кристаллизуют для него ядро очевидности на разных уровнях и в соответствии с различными обстоятельствами.

Не только интеллект, но и человеческая воля имеет ту же природу, что и Абсолют, и предрасположена к раскрытию себя в Абсолюте. Наша воля не удовлетворена ничем в мире вещей — ни властью, ни успехом, ни богатством, ни наслаждением, — и только в Боге она свободна от всех стремлений и стеснений.

Главная функция человеческого интеллекта — это распознавание между реальным и иллюзорным, а главная задача воли — это стремление к Реальности. Эти две вещи — распознавание между реальным и иллюзорным и стремление к Реальности — лежат в основе универсальности

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

любой части духовного наследия человечества и являются религией мудрецов, основанной на божественно установленных формальных элементах.

Одной из важнейших тем изучения Шуона является феномен религии. Согласно Ф. Шуону, религии отделены друг от друга преградами взаимного непонимания, и главная причина этой разделенности состоит в том, что Абсолют помещается в них на разных уровнях и, соответственно, трактуется с различных точек зрения. Мировые религии, претендующие на универсализм, не отвечают ожиданиям ни их универсальности, ни — успешности в деле спасения человечества. Религии не могут спасти все человечество и даже часть его. Каким образом Бог создал религии, заранее обреченные на провал относительно их целей, и каким образом, вопреки всем этим обстоятельствам, люди продолжают верить каждый в свою религию как в единственную возможность спастись и остаются равнодушными к доводам других религий или вероисповеданий, даже изучив их досконально, — спрашивает Фритьоф Шуон.

Принимая разнообразие религий, санкционированное Небом, Шуон подчеркивает внутреннее единство в этом разнообразии и религиозное значение самого многообразия. Каждая религия является единственной религией, и глубоко проживая любую религию, человек переживает религию как таковую и тем самым живет во всех религиях, и все же только Абсолютная Реальность, которая выше всех манифестаций и особенностей, является для него Абсолютом как таковым. Тем самым солнце каждого религиозного космоса выступает для этого космоса единственным солнцем, будучи в то же время звездой на той духовной тверди, которая символизирует Божественную Бесконечность.

Религия возникает из Предельной Реальности, одновременно трансцендентной и имманентной, находящейся абсолютно вне и, в то же время, в центре вещей. Человек, однако, живет в мире форм, множественности и непрозрачности, который можно увидеть как субъективацию, если Предельная Реальность рассматривается как Высочайший Объект или Трансцендентное Единое; или его можно увидеть как объективацию и наложение, если Реальность рассматривается как Высочайший Субъект или Имманентная Самость. В любом случае, сам принцип манифестации требует принятия различия между сущностью и формой, между внутренним и внешним, между ноуменом и феноменом, при этом ни религия, ни космос не могут быть исключением.

Именно в связи с этим пониманием Шуон делает акцент на вечной религии, или *religio perennis*, называемой им религией сердца, пребывающей в центре каждой конкретной религии, а также в центре той субстанции, из которой создан человек. Если бы человек достиг самого центра своего существа и вступил во внутреннее царство, он достиг бы *religio*

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

perennis, или *religio cordis*, которая находится в центре проявленных религий. Но из-за грехопадения человека и в результате влияния этого события на его душу, человек может войти в этот центр только с помощью благодати, исходящей из тех объективных манифестаций Божественного Логоса, которые существуют как явленные религии. Акцент на предвечной и универсальной религии сердца, полагает Шуон, вовсе не разрушает и не уменьшает значения религиозных традиций человечества, но подчеркивает их Божественное Происхождение, сакральный характер, абсолютную необходимость для человеческого порядка и человеческой природы.

Другим важнейшим понятием шуоновской метафизики является Традиция. Традиция, в том смысле, в каком это слово используется Шуоном, а до него использовалось такими мыслителями, как Рене Генон и Ананда К. Кумарасвами, не является просто предметом веры и практики конкретной цивилизации в определенный исторический период. Скорее это реальность, которая превышает любую форму и которую поэтому невозможно полностью определить путем установления границ. Традиция — это все то, что имеет своим источником Небо и проявляется в своем наиболее универсальном значении, раскрываясь в конкретных пространственных и временных условиях, избранных Источником, из которого приходит Традиция. Она соответствует не только истине небесного происхождения, но также приложению принципов, которые она в себе несет, к областям столь несопоставимым, как законы и искусство, медитация и способы разведения садов. Это слово употребляется не только по отношению к метафизике и религии, но также к традиционному искусству, традиционной социальной структуре и традиционной науке.

Фундаментальной характеристикой творчества Шуона, особенно в отношении религий, является его ортодоксальность. Шуон ощущает себя человеком строго ортодоксальным и защитником ортодоксии. Поэтому может показаться несколько странным для тех, кто отождествляет ортодоксию с ограниченностью и узостью, что под крышей ортодоксии Шуон защищает не только Майстера Экхарта в христианской традиции, но и экзотерическое и эзотерическое измерения других религий. Для Шуона ортодоксия одновременно связана и с Истиной, и с формальной упорядоченностью конкретных традиционных систем миропонимания. Говорить об Истине значит также говорить о возможности ошибки. Быть ортодоксом значит стоять на стороне Истины. Но поскольку Истина открывала себя не один раз и не в одном формальном языке, но многократно и в разных «мирах», каждый из которых обладал своей собственной формой и разными языками, вопрос об истине включает также вопрос о рассматриваемом мире форм. Поэтому Шуон защищает христианство как ортодоксальное внутри самого себя и одновременно

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

еретическое с точки зрения иудейской ортодоксии и объясняет, почему буддизм является ортодоксальной религией, то есть — воплощением Истины и средств, предоставляемых Истиной для достижения Истины, тогда как с точки зрения брахманизма он выходит за рамки ортодоксии, ибо не опирается на Веды. Согласно Шуону, каждая религия несет в себе беспредельную Истину, воплощенную в ограниченной форме, и в то же время Истина, не ограниченная никакой формой, существует на высотах Беспредельного и Бесформенного, открытых в высших состояниях эзотерическому знанию.

Шуон с большой тщательностью проводит различие между экзотеризмом и эзотеризмом, демонстрируя их необходимость и Божественное Происхождение каждой традиции. Он также обращает внимание на границу между эзотеризмом и индивидуалистическим мистицизмом и особенно современными профанными псевдо-эзотерическими движениями.

Согласно Шуону, каждая религия обладает также и эзотерическим измерением, которое настроено на внутреннюю реальность более, чем на внешние формы и экзотерическое измерение, которое управляет, определяет и освящает сферу разнообразия и формы, в рамках которых люди живут и действуют. Единство религий можно найти только на уровне бесформенного, внутреннего, эзотерического. На экзотерическом уровне может быть только вежливый разговор и дипломатическая гармония, но не единство. Как утверждал Шуон, не в человеческой атмосфере, а только в небесной стратосфере возможна настоящая гармония и высшее единство религий. Таким образом, употребление Шуоном термина «трансцендентное единство религий» подчеркивает тот факт, что это единство не следует искать на уровне внешних форм.

Эзотеризм, утверждает Шуон, пытается достичь чистой и непосредственной объективности, и в этом — причина его существования и необходимости. Эту объективность Шуон трактует как Истину, в которой субъект и объект совпадают, существенное берет верх над случайным, а принцип имеет преимущество перед манифестацией. Эзотерик видит вещи не такими, какими они кажутся в определенной перспективе, но такими, какими они являются на самом деле: он учитывает то, что существенно и, следовательно, устойчиво под покровом различных формулировок, хотя своей исходной точкой он по необходимости считает одну из данных формулировок. Такова позиция и таково оправдание эзотеризма; фактически он далеко не всегда является последовательным, поскольку промежуточные решения человечески неизбежны.

Парадокс эзотеризма заключается в том, что, с одной стороны, люди «не зажигают светильника, чтобы держать свет под спудом», а с другой стороны, сказано ведь — «не давайте святыни псам»; между этими двумя выражениями находится свет, который «во тьме светит, и тьма не объяла

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

его». Тем не менее, здесь происходят колебания, которых никто не в состоянии предотвратить и которые являются данью миру случайностей.

Относительно эзотеризма как такового — а это, по Шуону, есть не что иное, как гнозис, — необходимо помнить две вещи. Необходимо знать, что, с одной стороны, эзотеризм поддерживает экзотеризм, гармонически сообщая ему глубину, потому что в форме выражается сущность и потому что в этом отношении они проявляют сплоченность, тогда как, с другой стороны, эзотеризм противостоит экзотеризму, резко его трансцендируя, потому что Сущность в силу своей беспредельности никоим образом не сводится к форме или, иначе говоря, форма, поскольку она содержит в себе предел, противопоставляется тому, что несет в себе полную беспредельность.

Суммируя свои выводы, Фритьоф Шуон утверждает следующее: вопросы, возникающие на фоне векового опыта и ставящие в затруднительное положение великих философов, явно не знающих на них адекватного ответа, демонстрируют ограниченность религий и определяют решающую роль внутрирелигиозного эзотеризма.

Метафизика, как ее излагает Шуон, начинается не с Бытия, а с той Высшей Реальности, которая является одновременно Абсолютом, Бесконечностью и Совершенным Добром и которая содержит в себе все возможности манифестации. За пределами бытия в Самой Себе, Она есть Принцип Чистого Бытия, которое является первым определением Запредельного Бытия, направленного к манифестации и творению. Будучи бесконечной, Высшая Реальность должна обладать всеми возможностями, включая возможность отрицания Самой Себя, чем и является проявленный мир. Следовательно, существует проекция в сторону ничто, которая составляет космогоническое искусство и создает все явления мира. Это Запредельное Бытие порождает Чистое Бытие; Чистое Бытие порождает Универсальное Существование, а Универсальное Существование осуществляет и облекает в конкретные внешние формы скрытые возможности в мире бытия; таким образом в иерархической последовательности осуществляется спуск по направлению к ничто или небытию, хотя этот предел никогда фактически не достигается.

Настоящая книга была составлена проф. Сиидом Хусейном Насром и напечатана с его обширным предисловием издательствами Element, Inc. USA и Elements Books Ltd. Great Britain в 1991 году. В 1996 году она была переведена с английского языка на русский Альгисом Уждавинисом и опубликована в Каунасе издательством «Балтийос Арас». В России публикуется впервые с разрешения World Wisdom, Bloomington, IN USA, являющегося обладателем всех прав на труды Фритьофа Шуона.

Аркадий Ровнер
Москва, апрель 2007 г.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

Часть I.

РЕЛИГИЯ И ОТКРОВЕНИЕ

ПРИРОДА РЕЛИГИИ

Religio perennis*

Тот факт, что явления этого мира никогда не дотягиваются до подлинного уровня нашего интеллекта**, является ключевым для понимания нашей истинной природы и нашего предвечного назначения. Наш интеллект создан для постижения Абсолюта, или он — ничто. Среди всех интеллектов мира лишь человеческий дух способен быть объективным, и это подразумевает или доказывает, что один только Абсолют предоставляет нашему интеллекту силу для полного осуществления того, на что он способен, и целиком делает интеллект тем, чем он является. Если бы было нужно или полезно доказывать бытие Абсолюта, объективный и сверхличностный характер человеческого интеллекта служил бы достаточным для этого доказательством, поскольку само существование этого интеллекта неоспоримо свидетельствует в пользу чисто духовной Первопричины, беспредельно центрального и всеохватывающего Единства и одновременно имманентной и трансцендентной Сущности. В разных традициях неоднократно утверждалось, что полная Истина бессмертными письменами вписана в самую субстанцию нашего духа, а многообразные Откровения всего лишь «кристаллизуют» и «актуализируют» на разных уровнях и согласно обстоятельствам ядро непреложных очевидностей, которые не только вечно обитают в глубинах божественного Всеведения, но также потаенно дремлют в «естественно-сверхъестественном» зерне нашей индивидуальности, также как и в основаниях

---

* Вечная религия; Из *Light on the Ancient Worlds*, глава 11. (*здесь и далее указаны названия книг Ф. Шуона, из которых почерпнут материал для настоящей антологии*).

** В издании The Essential Writings of Frithjof Schuon, Element, 1986 в данном случае и в ряде других случаев используется понятие intelligence, которое переводится здесь как «интеллект» или «интеллектуальное познание» в трансперсональном, космическом смысле этого слова.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

любого этнического или исторического коллектива, и — человеческого рода как целого.

Так же обстоит дело и в случае воли, которая есть не более чем продолжение или дополнение интеллекта: объекты, которые она обычно ставит себе целью достичь или которые сама жизнь ей предлагает, не соответствуют всей полноте ее достоинства, ибо лишь «божественное измерение» способно утолить всю жажду нашего устремления или нашей любви. То, что делает нашу волю человеческой и потому свободной, — это факт ее соразмерности Богу; лишь пребывая в Боге, она свободна от всех стеснений и, таким образом, ото всего, что ограничивает ее природу.

Основным назначением человеческого интеллектуального познания является различение между Реальным и иллюзорным, или — между Постоянным и изменчивым. Соответственно и главная функция воли состоит в стремлении к Постоянному, или Реальному. Такое различение и такая связь являются сущностью всей области духовного. Поднятые до своей величайшей высоты или сведенные к своей чистейшей субстанции, они образуют основу универсальности великого духовного наследия человечества, или того, что может быть названо «вечной религией», *religio perennis*. Именно она, и ничто другое, есть религия мудрецов, всегда и обязательно опирающаяся на божественно установленные формальные элементы... Перефразируя хорошо известное изречение св. Иринея, мы можем сказать о *religio perennis* следующее: Реальное вошло в иллюзорное для того, чтобы иллюзорное смогло стать Реальным. Вот та тайна, которая, наряду с метафизическим различением и созерцательной сосредоточенностью, единственно важна с точки зрения гнозиса. Для гностика (в этимологически выверенном и справедливом смысле этого слова) в конечном итоге нет и не может быть никакой другой религии. Именно ее Ибн Араби и называл «религией любви», подчеркивая элемент «реализации».

Двоякое определение *religio perennis* — как различение между Реальным и иллюзорным и как объединяющее и постоянное сосредоточение на Реальном — несет в себе и критерий внутренней ортодоксальности для каждой религии и всей области духовного в целом. Чтобы быть ортодоксальной, религия должна обладать мифологическим и доктринальным символизмом, устанавливающим вышеупомянутое существенное различие, а также представлять собой путь, обеспечивающий как необходимое совершенство сосредоточения, так и его постоянство. Иными словами, религия ортодоксальна лишь при условии, что она обеспечивает если не всегда исчерпывающую, то, по крайней мере, достаточную идею абсолютного и относительного, а значит и идею взаимоотношений между ними, а также основания для проявления духовной активности,

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

созерцательной по своей природе и в должной мере эффективной в отношении нашего предвечного предназначения. Заслуживает внимания то, что гетеродоксии всегда стремятся к искажению либо самой идеи божественного Принципа, либо способа нашей с ним связи; они предлагают или светскую, профаническую, или, если угодно, «гуманистическую» подделку религии, или мистицизм, не содержащий в себе ничего, кроме *ego* и его иллюзий...

Чувство Абсолюта в религиях*

Религии отделены одна от другой преградой взаимного непонимания. Одна из главных причин этого состоит, очевидно, в том, что чувство Абсолюта для каждой из них помещается на разных планах, а потому то, что представляется общим основанием для сравнения, часто вовсе таковым не является. Сходные по форме элементы появляются в столь разных контекстах, что их назначение, а также их природа, по крайней мере до некоторой степени меняются, и это происходит по причине бесконечности Все-Возможного, исключающего точное повторение чего-либо. Короче говоря, достаточной причиной «нового» феномена, с точки зрения манифестации возможностей, является его отличие от «предыдущего» феномена...

«Чувство Абсолюта» в различных религиях не привито к тому же органическому элементу — отсюда вытекает невозможность сравнения элементов всего лишь внешним образом, и этот факт ясно иллюстрируется различным характером обращения в христианство и ислам: тогда как обращение в христианство в некотором отношении кажется началом великой Любви, в свете которой вся прежняя жизнь человека видится как пустая и тривиальная, так что это обращение становится «возрождением» после «смерти», обращение в ислам, наоборот, подобно пробуждению после несчастной любви или трезвости после опьянения, или, опять же, напоминает утреннюю прохладу после тревожной ночи. В христианстве душа пребывает в «смертном холоде» по причине врожденного эгоизма, а Христос есть центральный огонь, ее согревающий и возвращающий к жизни; в исламе же душа «задыхается» в цепях того же эгоизма, и ислам оказывается прохладной безграничностью пространства, позволяющей ей «дышать» и «расширяться» в сторону бесконечности. «Центральный огонь» обозначается крестом; на «необъятность пространства» указывают Кааба, молитвенный коврик и абстрактные переплетения мусульманского орнамента.

---

* Из *Gnosis — Divine Wisdom*, глава 1.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

В каждой религии существует не только выбор воли между мирами горним и дольним, но также и выбор интеллекта между Истиной и заблуждением; разумеется, существуют различия в соотношении, в том смысле, что Христос истинен потому, что Он — Спаситель, а отсюда — важность феноменального элемента, тогда как ислам, когда речь заходит о спасении, начинает с различения, являющегося в конечном итоге метафизическим (*la ilaha illa 'Llah*) — именно эта Истина спасает; однако, несмотря на то, имеется ли в виду христианство, ислам или любая другая традиционная форма, в действительности именно метафизическая истина, благодаря своей универсальности, определяет ценность вещей. И эта Истина содержит в себе и пронизывает собой решительно все, в ней нет ни «дольнего» мира, ни «горнего», ни какого бы то ни было выбора, совершаемого волей; во внимание принимаются только универсальные сущности, которые находятся «везде и нигде»; в этом плане нет выбора в плане проявления воли, потому что, по словам Аристотеля, «душа и есть все то, что она знает». Эта созерцательная безмятежность видна и в абстрактной ясности мечетей, и во многих храмах романской архитектуры, как и в некоторых элементах лучших образцов готики, особенно в кафедральных витражах, которые кажутся «зеркалами гнозиса» в этих святилищах Любви...

Здесь неминуемо возникает вопрос относительно историчности великих религиозных феноменов: большего ли доверия заслуживает то сияние, которое в максимальной степени несет в себе историческую очевидность? На это нужно ответить, что не существует никакой разницы между Истиной, проявленной в преходящих фактах, и Истиной, выраженной другими символами, например при помощи мифологической формы: модусы манифестации обусловлены умственными требованиями различных человеческих сообществ. Если некоторые виды ментальности предпочитают эмпирически «невероятные» чудеса исторической «реальности», это происходит именно потому, что чудесное — без которого, во всяком случае, ни одна религия не может обойтись, — указывает на трансценденцию земных фактов; мы даже соблазнились бы сказать, что аспект невероятности является достаточной причиной чудесного и что как раз эта бессознательная потребность восприятия сущности вещей, которая объясняет склонность к преувеличению, наблюдаемую среди определенного типа людей, есть след ностальгии по Бесконечности. Чудеса указывают на переплетение чудесного с миром чувственным; признающий чудеса вынужден также признать и принцип чудесного как такового и даже в некотором смысле относиться снисходительно к благочестивому преувеличению. Возможность «мифологических» чудес, с одной стороны, и существования противоречий между религиями, с другой, — что ни в коей мере не подразумевает внутренней абсурдности

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

в пределах отдельной религии, как и встречающиеся внутренние противоречия во всех религиях, не являются абсурдом, — и мы утверждаем, что эти факторы по-своему демонстрируют, что относительно Бога Истина, прежде всего, заключается в действенной силе символа, служащей для озарения, а не в его буквальности, и это еще более очевидно по той простой причине, что Бог, чья мудрость превосходит все возможные слова, вкладывает в одно-единственное выражение множество значений[1]; темнота эллиптического или противоречивого выражения часто указывает на богатство и глубину значения, и именно это объясняет кажущиеся противоречия в священных Писаниях. Бог этим способом проявляет Свою трансцендентность по отношению к ограниченной человеческой логике; человеческий язык может быть божественным только косвенным образом, поскольку ни наши слова, ни наша логика не достигают высот божественного замысла. Несотворенное Слово вдребезги разбивает тварную речь, направляя ее при этом в сторону конкретной и спасающей Истины.

Должны ли мы на этом основании сделать вывод, что с точки зрения духовности историческое основание само по себе обладает меньшей ценностью, нежели мифологическое или чисто метафизическое, поскольку принципы важнее феноменов? Разумеется, не в той мере, в какой это относится к символизму; меньшую ценность имеет приписывание историческому основанию большего значения, чем оно заслуживает, если им заменяется символическая истина и та метафизическая Реальность, которую оно выражает; тем не менее полностью сохраняется важность исторического факта по отношению к священным институтам. С другой стороны, следует заметить, что традиционное предание всегда правдиво; так что, например, более или менее мифические черты, наложенные на историческую канву жизни Будды, являются всего лишь многообразием способов для выражения тех духовных реалий, которые было бы нелегко выявить иначе.[2] В тех случаях, когда Откровение явно опирается на историю, исторический модус, без всякого сомнения, обязателен: в том мире, который является наследником еврейского «историзма» и эмпиризма Аристотеля, Откровение не могло избежать того, чтобы принять форму земного события, без присоединения к нему какого-либо не-исторического символизма; тем не менее мы обязаны заметить, что непомерное настаивание на историзме — а не историчности как таковой — может в какой-то мере затемнить метафизическое содержание священных фактов, их духовную «прозрачность», или даже закончиться «разложением» самой истории посредством бранного критицизма и принижением того, что превышает силы человеческого понимания.

Приверженцы строгого историзма в противовес мифологиям Азии несомненно возразят, что историческая правда доказывает ценность

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

благодати: в данном контексте необходимо подчеркнуть, что, во-первых, исторические доказательства в этой сфере могут быть лишены достаточной строгости, и, во-вторых, традиция как таковая, наряду со всем тем, что она содержит благодаря своему символизму, своей доктрине и институту святости, не говоря уже о других более или менее неопределенных критериях, предоставляет гораздо более неопровержимые доказательства в пользу божественного происхождения и ценности обрядов; одним словом, принятие традицией средств благодати и их воплощение в институте святости является несравнимо более убедительным критерием, нежели историчность, не говоря уже о внутренней ценности Писания. История часто не поддается проверке; именно традиция, а не критицизм, является ее основанием, но при этом традиция гарантирует также и ценность неисторического символизма. Таким образом, актуальное и перманентное чудо традиции сводит на нет утверждение, что ни один из живущих людей не был свидетелем священной истории; святые свидетельствуют о ней совершенно иным образом, нежели историки; отрицание традиции как гарантии Истины равнозначно, в итоге, утверждению, что существуют следствия, не имеющие причин.

Конечно, нет более «точной» истины, чем историческая; вопреки этому, однако, необходимо подчеркнуть, что существует Истина, которая более «реальна», нежели факты; высшая реальность заключает в себе также и «точность», но эта последняя далека от того, чтобы быть условием первой. Историческая реальность менее «реальна», чем та глубокая Истина, которую она выражает и которую также выражают мифы; мифологический символизм несравненно более «правдив», чем факт, лишенный символизма. И это возвращает нас к вышесказанному, а именно к тому, что мифологические и исторические возможности чудесного, так же, как и существование догматических антиномий, призваны показать, что Истина для Бога, прежде всего, заключается в действенности символа, а не в «голом факте».

С точки зрения наличия историзма или его отсутствия следует различать три уровня: мифологию, компетентный историзм и точный историзм. Мы обнаруживаем первый уровень во всех мифологиях в собственном смысле слова, а также в монотеистических сведениях о творении, и, в меньшей степени, в других «доисторических» рассказах, повествующих, например, о Ное или Ионе, или же о человеческих воплощениях (*avatara*) Вишну.[3] В иудаизме строгий историзм начинается, пожалуй, с Синая; а что касается христианства, то он наблюдается во всем Новом Завете,[4] но не в апокрифах или в так называемой «Золотой легенде», которые, однако, не являются каноническими трудами — факт, послуживший причиной весьма незаслуженного пренебрежения ими, несмотря на то, что символизм — это существенный способ передачи Истины;

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

также в исламе историческая точность наблюдается в отношении жизни Пророка и его сподвижников, а также в их изречениях (*ahadith*), признаваемых традицией за достоверные[5], но не в рассказах, повествующих о доисламских пророках и событиях, выраженных при помощи несомненно «точных», но более или менее «мифических» символов; принимать их буквально означает позволить себе быть воодушевленным их «алхимическими» качествами, когда истинное понимание отсутствует.

Историческая перспектива, несмотря на всю свою важность для определенного слоя христианской доктрины, является законной лишь постольку, поскольку она может быть включенной в платонический неисторизм. Христианский «персонализм» своим истоком имеет факт Воплощения и зависит от «бхактического» характера христианства — особенности, отнюдь не мешающей этой религии «содержать» в себе метафизику и гнозис, потому что Христос есть «Свет мира»; но гнозис открыт не каждому, поэтому в своей актуальной форме религия не может быть метафизической; а что касается платонизма, то, не будучи религией, он способен на это. Христианский «историзм», сопряженный с еврейским «историзмом», отнюдь не предполагает никакого превосходства по отношению к другим перспективам и не стоит ниже их до тех пор, пока обсуждаемая особенность находится на том уровне, который ей по праву принадлежит.

Принять или отвергнуть Откровение*

Основа «логического субъективизма» верующих кроется в так называемом «религиозном солипсизме», и это неизбежно по двум основным причинам. Во-первых, каждое религиозное послание есть Послание Абсолюта; этим характером абсолютности насквозь пропитано Послание, что придает ему качество уникальности. Бог вещает для Внутреннего и не заботится о внешнем как таковом; Он провозглашает «Религию» в форме, которая соответствует данным человеческим возможностям; Бог не занимается «сравнительным религиоведением». Во-вторых, обычный человек не расположен к восприятию свойства Абсолютности, если оно не внушается уникальностью своего выражения; и Бог не пойдет на компромисс ради детализации, подчеркивающей то, что является внешним и относительным, и таким образом чуждым Тому, что является Причиной существования самого Послания. Но это вовсе не должно стеснять эзотеризм: с одной стороны, потому, что он не является религиозным Посланием, а возникает в большей мере из Интел-

* Из *From the Divine to the Human*, глава 10.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

лекта, чем из Откровения, и, с другой стороны, потому, что он адресован людям, не нуждающимся в уникальности и исключительности на уровне выражения для того, чтобы воспринять свойство Абсолютности в священных Посланиях.

Из этого явствует, что мы настолько, насколько это возможно, далеки от одобрения беспочвенного и сентиментального «экуменизма», не различающего Истины ото лжи и кончающего религиозным равнодушием и поклонением человеку. На самом деле следует понять, что неопровержимый факт наличия трансцендентной Истины, священного и сверхъестественного в других формах, нежели наша собственная религия, должен вести нас отнюдь не к сомнению относительно характера Абсолютности, присущего нашей религии, а просто к признанию наличия Абсолюта во всех системах доктринального и сакрального символизма, который уже по определению Его манифестирует, но который, опять же по определению, поскольку относится все-таки к формальному миру, является условным и ограниченным вопреки своему качеству уникальности. Эта последняя, как мы уже говорили, является обязательной в той степени, в которой она свидетельствует об Абсолюте, но, с точки зрения Самого Абсолюта, она способна лишь указывать на Него, проявляющего Себя с необходимостью в своей уникальности и с такой же необходимостью — в силу своей Бесконечности — в многообразии форм.

Все эти соображения вызывают следующие вопросы: как может человек, видя, что та религия, к которой он принадлежит от рождения или которую он принял, совершенно очевидно не в состоянии спасти все человечество, вопреки этому своему наблюдению продолжать верить в нее как в единственную, способную спасти человечество? И как может человек, наблюдая наличие других прочно укоренившихся религий, выдвигающих точно такие же притязания, продолжать верить, что Бог, искренне желая спасти мир, не нашел для этого никаких иных средств, кроме создания одной-единственной религии, причем наделенной ярко выраженными этническими и историческими чертами — как оно и должно по необходимости быть — и обреченной на провал относительно своей основной цели? И, наконец, почему в подавляющем большинстве случаев последователи одной религии или вероисповедания остаются равнодушными к доводам другой религии или другого вероисповедания, даже если они изучили ее максимально широко и глубоко?

Несомненно, вопросы эти не возникают *a priori*, но, в конце концов, они все-таки встают перед нами в результате многовекового опыта человечества. Тот факт, что упомянутые вопросы возникают и что они в значительной степени компрометируют религию, которая явно не обладает средствами для адекватного на них ответа, сам этот факт, по нашему глубокому убеждению, показывает, что встают они вполне законно и

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

неизбежно и что в религиях — насколько они считаются исключительными — есть аспект недостаточности, хотя, без сомнения, нормальный, и все же, в конечном счете, разрушительный.

Божественный Источник и величие религий подразумевают, что они обязаны содержать в себе всю Истину и все ответы; именно здесь кроется тайна и здесь раскрывается роль эзотеризма. В том случае, когда религиозный феномен, оказавшись в критической ситуации из-за дурно истолкованного опыта, стоит на грани истощения своих ресурсов, из сокровенных глубин этого феномена возникает эзотеризм, с целью показать, что Небо не может себе противоречить и что данная религия на самом деле суммирует все религии и что все религии могут быть увидены в этой религии по той простой причине, что Истина одна. Иначе говоря, контраст между абсолютным характером Откровения и аспектом его относительности косвенным образом предоставляет, наряду с непосредственными и прямыми доказательствами, еще одно доказательство в пользу как Реальности, так и необходимости эзотерического измерения, надлежащим образом присущего каждой религии; дело обстоит именно так, и поэтому религии, в тот самый момент, когда они кажутся уже потерпевшими поражение и сокрушенными опытом, вновь победоносно себя утверждают на всех уровнях в своей сокровенной сущности.

* * *

Доказательством, которое часто выдвигается в защиту религии, но редко понимается во всей своей полноте, является довод относительно моральной действенности Божественного Законодательства. И в самом деле, во что превращается человеческое общество, лишенное Закона, основанного на Божественном авторитете? Неверующие, как правило имеющие крайне ограниченную и частично ложную идею о человеческой природе — ибо в противном случае они не были бы неверующими — ответят, что достаточно заменить религиозный Закон законом светским, опирающимся на общую выгоду; однако мнение этих «свободных мыслителей» относительно общественного блага зависит от их шкалы ценностей, то есть от их собственного понимания человека, а значит — и смысла жизни. Ибо то, что учреждено одной личностью, всегда может быть упразднено другой личностью; философии меняются по вкусу, они следуют по ведущему их вниз склону истории по той простой причине, что как только человек лишается Причины своего существования, которая заключена в Боге, он может лишь катиться вниз, согласно закону гравитации, сохраняющему свою силу как для человеческого, так и для физического мира, несмотря на периодическое обновление, которое происходит благодаря религиям, мудрецам и святым.[1]

Тот факт, что Божественный Закон, поскольку он является осно-

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

вополагающим и потому универсальным[2], по определению остается единственно действенным, насколько Закон может и обязан быть таковым, показывает, что он есть Послание Истины; он один неопровержим и незаменим. Конечно, современный мир, помимо этого, обладает еще и сводами государственных законов, и гражданским правом, но, хотя это и так, в общем понимании существует все меньше и меньше властей, которые являются таковыми «по праву», а не только «фактически».[3] К тому же закон создан для защиты не только общества в целом, но и индивидуумов, которых легко обидеть; и если «секулярный кулак» вызывает страх у имеющих дурные намерения, то, с другой стороны, у людей нет никакой внутренней причины не поддаваться своим греховным наклонностям, за исключением страха Божьего. Угроза человеческого суда недостаточно определена, а значит — относительна, а угроза Божьего Суда абсолютна, ибо от людей можно ускользнуть, а от Бога — нет.

Скажем в заключение: одним из косвенных доказательств существования Бога является то, что без Бога нет авторитетной власти, а без власти нет действенности; это значит, что религиозное Послание, помимо прочих императивов, императивно еще и потому, что без него невозможна ни моральная, ни социальная жизнь, за исключением коротких периодов, когда люди, сами того не подозревая, пользуются остатками им же отрицаемого наследия. А это приводит нас к другому внешнему доказательству существования Бога — доказательству от противного (*a contrario*), хотя оно существенно не отличается от первого: опытом подтверждается тот факт, что поведение ординарного человека, который дисциплинируется не социальной необходимостью, но лишь религией и благочестием, деградирует сразу же, как только лишается наполняющей и пропитывающей его религии; опыт также показывает, что исчезновение веры и нравственности влечет за собой разрушение достоинства личности и частной жизни, которые фактически обладают смыслом и ценностью лишь при условии, что у человека имеется бессмертная душа. Вряд ли необходимо напоминать, что благочестивым крестьянам и ремесленникам часто бывает присущ аристократизм и что это объясняется их религиозностью; не следует забывать, что аристократия сама по себе, а именно — благородство чувств и поведения, наряду со склонностью контролировать и трасцендировать себя, — возникает из духовного импульса, из которого сознательно или бессознательно она черпает свои принципы. Для того, чтобы найти смысл жизни, а тем самым и возможность земного счастья, люди нуждаются в религии и ремеслах: в религии потому, что каждый человек в ней нуждается, и в ремеслах — потому, что они позволяют человеку выявить свою личность и осуществить свое призвание в рамках божественного символизма; каждый человек любит интеллигентный труд и хорошо выполненную работу.[4] Индустриализм

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

же отнял у людей и то, и другое: с одной стороны — религию, отвергнутую сциентизмом, от которого берет свое начало индустрия и который создал механистическую среду с ее бесчеловечными свойствами, а с другой стороны — ремесло, разрушенное и замещенное, в свою очередь, машинизацией. Несмотря на все «социальные доктрины» Церкви и национальной буржуазии, людям решительно ничего не оставлено из того, что могло бы наполнить смыслом их жизнь и сделать их счастливыми. Классическое противоречие традиционного католицизма состоит в желании сохранить социальную иерархию — и в этом теоретически он прав, — одновременно с открытым сердцем принимая сциентизм и машинизацию как достижения «христианской цивилизации», которая фактически уже давным-давно упразднена, ибо как раз сциентизм и машинизация компрометируют вышеупомянутую иерархию, фактически лишая людей человеческого облика. Противоположное заблуждение имеет в своей основе то же самое преклонение перед технологией, с той лишь разницей, что оно видит технологию как наносящую вред скорее буржуазии, нежели простолюдинам, и как приводящую общество к бесчеловечному механицизму, однако преподносит все это с неким налетом безразличия и горечи, который губит сам орган, способный испытывать счастье; ибо необходимо быть ребенком, чтобы быть счастливым, потому что, рассуждая по-человечески, счастье состоит из благодарности и доверия. Машина противоположна человеку, а следовательно, она противоположна и Богу; в мире, в котором она выдает себя за норму, она устраняет как человеческое, так и Божественное. Логическим разрешением проблемы был бы возврат к ремеслам и тем самым — к религии[5], который без Божественного вмешательства фактически уже невозможен, а также восстановление той жизненной среды, которая не искажала бы нашего чувства реального и не превращала бы очевидное в невероятное. Одним из самых блестящих успехов дьявола является создание вокруг человека такой жизненной среды, в которой и Бог, и бессмертие кажутся невероятными.[6]

* * *

Есть смягчающие обстоятельства для человека, когда он испытывает внутренние терзания, колеблясь между дурными примерами, представленными под именем религии, и своим собственным врожденным инстинктом относительно предвечной религии, и когда он не знает, что все можно поставить на правильные места. Однажды один рабочий рассказал нам, что он чувствует близость к Богу не в церкви, а когда находится среди девственной природы. В рассказе Толстого один из персонажей говорит: «Есть ли где-нибудь крестная купель величиной в океан?» Здесь можно увидеть восприимчивость как в отношении универсальной

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

истины, так и в отношении священного характера природы, однако мы не должны терять из виду тот факт, что настаивание на подобного рода упрощениях легко оборачивается нарциссизмом, что в конечном итоге непростительно, ибо человек сотворен для того, чтобы подниматься выше самого себя, и он должен иметь такого рода стремления, подобно растению, которое тянется к солнцу. Восприимчивость к одному требует восприимчивости к другому, но нельзя останавливаться на полпути.

Человек «верующий», или одаренный избранностью по своей природе, несет в себе наследие потерянного Рая, и это обнаруживается в его врожденной тяге к трансцендентному и в чувстве священного; с одной стороны, это проявляется в его способности верить чудесному, а с другой стороны — в потребности благоговеть и поклоняться. К этому двоякому расположению мы должны непременно добавить двоякую беспристрастность: по отношению к миру сему и жизни земной и по отношению к человеческому эго, его грезам и притязаниям. Вопрос о доверии по отношению к религиозному Посланию может быть решен лишь тогда, когда мы берем за исходную точку те факты, которые являются нормативными, ибо они являются функциями человеческой теоморфности.

«Авраам поверил Господу, и Он вменил ему это в праведность» (Быт. 15, 6): здесь Авраамова вера является заслугой, потому что объектом своим она имела нечто по человеческим меркам невероятное; то же самое случилось с девой Марией, которая поверила Благовещению. Неверующий по природе своей не расположен считать возможным то, что противоположно природе и, следовательно, разуму, но не разуму как таковому, а разуму, не располагающему качествами, позволяющими понять законы сверхъестественного. Есть три возможных отношения к сверхъестественному или реакции на него: отказ, принятие и сомнение; классическим примером последнего является отношение к нему апостола Фомы. «Блаженны не видевшие и уверовавшие» (Ин. 20, 29), то есть те, которые предрасположены к вере прежде, чем они увидят. Неверующий на земле верит лишь тому, что видит, а верующий на Небесах видит все, во что он верит.

Нас всегда поражает тот факт, что неверующие и даже некоторые люди среди верующих проявляют странную бесчувственность по отношению к непосредственному языку священных Посланий: они с самого начала не способны понять, что Псалтирь, Евангелие, Упанишады, Бхагавадгита могут быть лишь Небесного происхождения, а что касается их достоверности, то духовное благоухание этих книг выше любого богословского анализа, а тем более — исторического исследования.[7] Лично мы, даже если бы мы не были ни метафизиками, ни эзотериками, уверовали бы без малейшего затруднения; мы были бы убеждены с самого первого нашего соприкосновения со священным во всех его формах.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

Мы верили бы в Бога и бессмертие потому, что их очевидность проявляется даже в самой форме Послания; ибо узнать, что такое Бог, — значит вспомнить, чем мы сами являемся.

Точка зрения, легко теряющаяся из виду — если о ней вообще помышляют, когда защищают тех, кто отвергает небесное Послание, — относится к самому факту появления Посланников; вспомним хорошо известные формулировки: «увидевший Пророка видел Бога»; «Бог стал человеком для того, чтобы человек смог стать Богом». Лишь самый жестокосердный не способен увидеть это, войдя в соприкосновение с подобными существами; и именно это жестокосердие заслуживает гораздо большего порицания, чем любые идеологические колебания.

Сочетание святости и красоты, столь характерное для Посланников Неба, передается от человеческих теофаний дальше к священному искусству, которое его сохраняет: сущностно интеллектуальная и глубокая красота этого искусства свидетельствует в пользу вдохновляющей ее Истины; его ни в коем случае нельзя считать просто человеческим изобретением. Священное искусство скорее является сошествием Неба на землю, чем тяготением земли к Небесам.

Ход мысли, похожий на только что нами представленный, заключается, как мы уже не раз упоминали, в следующем: если бы люди были настолько тупы, чтобы тысячелетиями сохранять веру в божественное, сверхъестественное и в бессмертие, считая все это не более чем иллюзией, то совершенно невозможно, чтобы в один прекрасный день они стали бы достаточно разумны для того, чтобы осознать свои заблуждения; невозможно, чтобы они вдруг непонятно каким образом стали интеллигентными и при отсутствии нравственных заслуг, которые могли бы поддержать подобное чудо. И наоборот: если люди, подобные Христу, верили в сверхъестественное, то совершенно невозможно, чтобы такие люди, как просветители-энциклопедисты, были бы правы, в это не веря.

Скептический рационализм и титанический натурализм — это два великих злоупотребления интеллекта, оскверняющие как чистую интеллектуальность, так и чувство священного; именно благодаря им мыслители «мудры в своих собственных глазах» и «зло называют добром, и добро злом, тьму почитают светом, и свет тьмою» (Исаия 5, 20 и 21); это также те, кто в сфере жизни и опыта «горькое почитают сладким», то есть призрачность мимолетного мира, а «сладкое — горьким», то есть любовь к вечному Богу.

* * *

Невозможно понять смысл божественного Писания, не зная природы человеческого восприятия; понимающий человека понимает и все

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

сверхъестественное, и не может его не принимать. Человек сотворен для созерцания Абсолюта, начиная с относительного; Абсолют Сам Себя сознает в Себе Самом, но тем не менее Он хочет осознать Себя, начиная с иного, нежели Он Сам; это косвенное видение есть возможность, заключенная в Бесконечности, которая принадлежит Абсолюту. Следовательно, она не может не осуществиться; необходимо, чтобы был мир, живые существа, люди. Созерцать Абсолют, начиная с относительного, соответственно, означает созерцать все в Боге и созерцать Бога в вещах таким образом, чтобы последние не уводили нас от Бога, а наоборот — приближали к Нему; это и есть причина существования человека, и отсюда вытекают как его жизненные права, так и духовные обязанности. В принципе, человек имеет право на удовлетворение своих элементарных нужд и наслаждение благоприятным окружением, но он имеет это право лишь при условии понимания своего собственного призвания, которое заключается в знании Бога, а отсюда возникает его долг блюсти дисциплину, прямо или косвенно содействующую этому знанию.

Достоинство человека зависит от осознания им Абсолюта, и, следовательно, от интегральности и глубины этого осознания; утратив его при погружении в мир феноменов, понимаемых как существующие сами по себе, — что произошло при падении первой человеческой пары, — человек нуждается в напоминании об этом посредством небесного Послания. Послание это по сути исходит не из эмпирического «я», а изнутри «самого себя», из имманентной Самости, присущей Богу, без которой и вовсе не было бы «я», ни человеческого, ни ангельского, ни любого другого; достоверность Послания является следствием того обстоятельства, что оно — суть мы сами, как внутри себя, так и вне себя. В недрах трансцендентного кроется имманентное, а в недрах имманентного — трансцендентное.

* * *

Говорят, что если ничто логически не в состоянии заставить людей поверить в то, что проповедует Пророк, то и самого Пророка ничто не может принудить верить тому, что Бог открывает ему, или кажется, что открывает; таким образом, отсутствие доверия было бы тем же самым в обоих случаях. Итак, даже помимо факта, что для того, чтобы понять суть дела, было бы необходимо или самому быть Пророком, или воспринимать проповедь Пророка, обсуждаемое мнение грешит грубым невежеством по отношению к феноменам Откровения и веры, и грешит постановкой вопроса, основанного на утверждении, что Бога нет; ибо, если Бог реален, Он должен найти способ быть услышанным и принятым.

Феноменальным решением проблемы о доверии к религиозным аксиомам и, следовательно, квинтэссенцией доказательства существования Бога является онтологическая связь между микрокосмом и мак-

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

рокосмом, а именно тот факт, что микрокосм неизбежно повторяет макрокосм, иными словами, субъективное суждение в целом соответствует объективному измерению, к которому и относятся религиозные и метафизические истины. Что важно, так это актуализация упомянутого совпадения, что в принципе или *de facto* как раз и осуществляется посредством Откровения, если и не всегда пробуждающего прямой Интеллект, то, по крайней мере, — косвенный Интеллект, называемый Верой; *credo ut intelligam*.

Все, что мы знаем, мы носим внутри самих себя, следовательно, это и есть то, чем мы являемся; вот почему мы в состоянии это знать. Эту тайну мы могли бы выразить символически при помощи круга, охватывающего четыре полюса; нижний полюс представил бы человеческий субъект постольку, поскольку он оторван от объекта; верхний полюс, наоборот, выражал бы абсолютную Внутреннюю Самость, которая не есть ни субъект, ни объект, или является обоими сразу, или одним внутри другого.

Правая половина круга была бы объективным миром, а левая — субъектной глубиной: в центре каждой половины, то есть на полпути к Самости, помещались бы, соответственно, абсолютный Объект и абсолютный Субъект, иначе говоря, Внутренняя Самость косвенно воспринимается или переживается либо как объект, либо как субъект. Следовательно, круг всегда остается тем же самым Реальным; вот почему одинаково абсурдно говорить, что Бог не существует, поскольку мы не имеем объективного восприятия Бога, или утверждать, что Он абсолютно непознаваем потому, что Он является абсолютно трансцендентным. Ибо эта трансценденция, в конечном итоге, суть наша собственная Сущность и основа нашего бессмертия.

* * *

Религиозный феномен, в конечном итоге, сводится одновременно к интеллектуальному и волевому проявлению связи между божественной Субстанцией и космической акцидентностью, или между Атманом (*Atma*) и Сансарой (*Samsara*); и поскольку эта связь охватывает различные аспекты, то религиозный феномен различается в проявлении этих аспектов или возможностей.

Каждая религия в сущности представляет собой «миф», относящийся к определенному «архетипу» и, следовательно, хотя это и второстепенно, — ко всем архетипам; все эти аспекты связаны между собой, хотя преимущественно лишь один из них определяет форму самого мифа. Если амидаистская перспектива напоминает христианскую перспективу, это происходит потому, что в рамках буддизма она в большей степени

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

указывает на архетип, определяющий христианство; и это происходит не потому, что он якобы испытал влияние со стороны последнего, не говоря уж об исторической несостоятельности подобной гипотезы. Конечно, обычный человек не в состоянии не только постичь архетипы, но даже заинтересоваться ими; ему нужен миф, очеловечивающий и драматизирующий архетип и приводящий в движение соответствующие реакции воли и восприятия; а это значит, что обычный, или коллективный, человек нуждается в таком боге, который имеет с ним сходство.[8]

Даосский символ Инь-Ян является адекватным образом фундаментальной связи между Абсолютом и относительностью, между Богом и миром, или между Богом и человеком: белая часть изображения означает Бога, а черная часть — человека. Черная точка на белой стороне олицетворяет «человека в Боге» — человека, принципиально имеющего свой прообраз в божественном Порядке, — или условное в Абсолюте, — если подобный парадокс допустим, — или божественное Слово, которое есть первообраз человеческого феномена; если космическая манифестация не предвосхищалась бы внутри области принципиального, то не только мир, но и любая связь между миром и Богом была бы невозможна. С другой стороны и как бы дополняя представленную нами картину, белая точка в черной части изображения Инь-Ян означает «человеческого Бога», «Человека-Бога», который связан с тайной Имманентного и Теофании, а значит также Посредничества и Искупления, напоминая некое «дыхательное» взаимодействие между землей и Небом; если Небо не присутствовало бы на земле, существование превратилось бы в ничто, оно стало бы *a priori* невозможным. В этом и заключается вся игра *Майи* со своими модальностями, степенями, циклами, с многообразием и чередованиями.

С одной стороны, один только Принцип есть манифестация, а мир — нет; с другой стороны, манифестация реальна, или «не-нереальна» именно по той причине, что она манифестирует, проецирует или продлевает Принцип; последний, будучи абсолютным и поэтому — бесконечным, требует проекции Самого Себя в «ином, нежели Он Сам». С одной стороны, Принцип имеет тенденцию «наказывать» и «разрушать» манифестацию, потому что последняя, ввиду своей условности, не является Принципом, или потому что она пытается быть Принципом иллюзорно и с люциферическим намерением, или потому, что «Он один есть»; с другой стороны, Принцип «любит» манифестацию и «помнит», что она — манифестация Его Самого и что она не есть «иное, нежели Он», так что в рамках этой онтологической перспективы обнаруживается тайна Откровения, Посредничества, Искупления. Итак, отношения между Принципом и манифестацией создают разнообразные архетипы, мифологическими кристаллизациями которых и являются религии, предрас-

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

положенные к тому, чтобы привести в движение волю и чувственность определенных людей или определенных человеческих коллективов.

Однако архетипы объективного, макрокосмического и трансцендентного порядка являются также архетипами субъективного, микрокосмического и имманентного порядка, ибо человеческий Интеллект по ту сторону индивидуальности совпадает с универсальным Интеллектом; и это настолько верно, что даже миф, полученный путем Откровения, хотя фактически приходит извне, от «Господа», тем не менее, в принципе появляется изнутри, от «нас самих», от «Самости». Это значит, что принятие религиозного Послания в принципе и в глубине совпадает с принятием того, чем мы на самом деле являемся как внутри себя, так одновременно и вне себя, поскольку там, где есть имманенция, там находится также и трансценденция Имманентного.

Верить в Бога — значит возвратить себе истинный облик, вновь его обрести, по степени нашей веры, когда вера становится бытием.

ЭЗОТЕРИЗМ И МИСТИЦИЗМ

Понятие эзотеризма*

Эзотеризм, согласно его толкованиям, его откровениям и его действиям, обращенным вовнутрь и в сторону сущности, пытается достичь чистой и непосредственной объективности; в этом — причина его существования. Объективность одновременно учитывает как имманенцию, так и трансценденцию; это и угасание, и реинтеграция. Она не отличается от Истины, в которой субъект и объект совпадают, а существенное берет верх над случайным, или, иначе говоря, Принцип имеет преимущество перед манифестацией — путем ее исчерпания либо реинтеграции, в зависимости от различия аспектов самой относительности[1].

Объективность обозначает тотальность, и это относится ко всем уровням: эзотерические доктрины реализуют тотальность настолько, насколько они реализуют объективность; именно тотальность отличает

* Из *Esoterism as Principle and as Way*, стр.15–45.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

учение Шанкары от учения Рамануджи. С одной стороны, она удовлетворяет нас; однако, с другой стороны, если Бог считает благом даровать нам понимание, трансцендирующее необходимый минимум, то ничего не остается делать, ибо мы оказались бы в высшей степени неблагодарными, будучи недовольны этим. Несомненно, человек волен закрывать глаза на определенные данные, поступая так или по причине неведения, или потому, что так удобнее, но в конечном итоге его никто не принуждает так поступать.

Подобным образом, разница между двумя перспективами, о которых идет речь, состоит не только в способе рассмотрения определенного объекта, но также и в рассматриваемых объектах; ибо не только говорится по-разному о том же самом предмете, но также речь идет и о различных предметах, что вполне очевидно.

Тем не менее, если, с одной стороны, мир гнозиса и мир верования различаются, то, с другой стороны и в другом отношении, они сходятся и переплетаются друг с другом. Нам могут сказать, что из упомянутых точек зрения ни одна не несет в себе ничего собственно эзотерического или гностического; мы охотно соглашаемся с этим и спешим это признать. Обе упомянутые перспективы могут и должны совпадать во многих точках и на разных уровнях по той простой причине, что Истина едина, а также потому, что человек един.

Довод против универсального эзотеризма, выдвигаемый экзотерическим подходом, заключается в следующем: в Откровении сказано то-то и то-то, следовательно, оно должно приниматься без всяких оговорок. Со стороны эзотерической на это надо ответить, что внутренне Откровение является абсолютным, а внешне — относительным; и что эта относительность возникает в связи с двумя человеческими особенностями, а именно — интеллектом и опытом. Например, аксиома о том, что форма не может быть абсолютно уникальна в своем роде, как и солнце, которое хотя внутренне и представляет собой уникальный центр, но, тем не менее, не исключает существование других фиксированных звезд, суть аксиома интеллекта, которая *a priori* имеет только абстрактное значение; однако она становится конкретной благодаря опыту, который при удобном случае немедленно ставит нас в непосредственное отношение с другими солнечными системами религиозного космоса, что и заставляет нас делать различие в пределах Откровения между абсолютным, внутренним, и относительным, внешним значениями. Согласно первому значению, Христос уникален, что Он и сообщил нам; согласно второму значению, Он сообщил это как Логос, который уникален и фактически заключает в себе другие возможные манифестации.

Верно, что один только опыт, при отсутствии чистого интеллекта, может привести к искаженным выводам: некто действительно поверит,

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

что множественность религий доказывает их ложность или, в конечном счете, — их субъективность, так как все они различны. Наиболее парадоксальным и тем самым фатальным образом — ибо развитие цивилизации подготовило почву для этого — официальный пласт католической мысли, произвольно игнорируя заключения интеллекта, позволил сокрушить себя выводам светского опыта; такая ситуация приводит религиозных идеологов к принятию некоторых внешних постулатов эзотеризма — особенно касающихся ценности других религий, однако делают они это ценою разрушения своей собственной религии и при отсутствии глубокого понимания других.[2]

Эзотерик видит вещи не такими, какими они кажутся в определенной перспективе, но такими, какими они на самом деле являются: он учитывает то, что существенно и, следовательно, устойчиво под покровом различных религиозных формулировок, хотя своей исходной точкой он по необходимости считает одну из данных формулировок. Такова позиция и таково оправдание эзотеризма; фактически он далеко не всегда является последовательным, поскольку промежуточные решения человечески неизбежны.

Все, что в пределах метафизики или духовности является универсально истинным, становится «эзотерическим» по мере своего несогласия или кажущегося несоответствия данной формалистической системе или «экзотеризму»; однако Истина по праву присутствует внутри каждой религии, ибо каждая религия основывается на Истине. Это как раз означает, что эзотеризм возможен и даже необходим; весь вопрос заключается в знании, на каком уровне и в каком контексте он проявляется, поскольку относительная и ограниченная истина тоже имеет свои права, как и истина тотальная; она правомочна внутри того контекста, который дан ей порядком вещей, проявленном в психологическом и нравственном благоприятствовании и традиционном равновесии.

Парадокс эзотеризма заключается в том, что, с одной стороны, люди «не зажигают светильника, чтобы держать свет под спудом», а с другой стороны, сказано ведь — «не давайте святыни псам»; между этими двумя выражениями находится свет, который «во тьме светит, и тьма не объяла его». Тем не менее здесь происходят колебания, которых никто не в состоянии предотвратить и которые являются данью миру случайностей.

Экзотеризм есть опасная вещь по причине его же ограничений или его исключений; в истории наступает момент, когда опыт обязан модифицировать собственные притязания на исключительность и ему предстоит выбор: освободиться от этих ограничений, устремляясь ввысь, или спуститься вниз — в сторону светского и самоубийственного либерализма. Как и стоило ожидать, цивилизационный экзотеризм Запада выбирает путь, ведущий вниз, хотя и пользуется случайно некоторыми

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

эзотерическими положениями, которые в подобных условиях остаются недейственными.

Павший человек, то есть обычный человек, грубо или тонко отравлен страстями; отсюда происходит затмение Интеллекта и появляется необходимость такого Откровения, которое приходит извне. Удали из души и интеллектуального познания элемент страсти — очисти «зеркало», или «сердце» от «ржавчины» — и Интеллект будет освобожден; тогда он изнутри откроет то, что внешне открывает религия.[3] Это подводит нас к важному итогу: оказывается, для того, чтобы стать понятной для душ, которыми владеют страсти, религия обязана заговорить на языке страстей. Отсюда и появляется исключительный догматизм и синхронизирующий с ним морализм; если обычный, или коллективный человек не оказался бы охвачен страстями, то Откровение вещало бы на языке Интеллекта и не было бы экзотеризма, а, следовательно, и эзотеризм не рассматривался бы как неявное дополнение к нему. Здесь имеются три возможности: 1) люди властвуют над элементом страсти, и каждый живет в духовном согласии со своим внутренним Откровением; это возможность золотого века, в котором каждый рождается посвященным; 2) люди затронуты страстями, приводящими к забвению некоторых аспектов Истины, так что появляется необходимость — или возможность — таких Откровений, которые, несмотря на наличие внешней стороны, остаются метафизическими по своему духу, как об этом свидетельствует Упанишады[4]; 3) страсти господствуют над большинством людей, так что появляются формалистические, исключительные и воинствующие религии, которые предоставляют людям, с одной стороны, средство для направления страстного порыва в русло спасения, а с другой стороны — средство для преодоления страстного порыва в виду тотальной Истины, трансцендируя, таким образом, религиозный формализм, который эту Истину скрывает и намекает на нее лишь косвенно. Религиозное Откровение есть одновременно покров света и свет под покровом.

* * *

Для тех, кто принимает эзотеризм, что равнозначно принятию «вечной философии» — *philosophia perennis*, и в то же время чувствует себя эмоционально связанными с определенным религиозным климатом, возникает великое искушение путать тонкое с эзотерическим и верить, что все, перед чем они благоговеют, относится *ipso facto* к эзотеризму, начиная с богословия и святости. Чтобы избежать подобного смешения, важно иметь не смутное, а вполне отчетливое понимание проблемы; с целью ее уяснения мы рассмотрим имперсональную и единящую недвойственность Шанкары и противопоставим ее персоналистскому и сепаративному монизму Рамануджи. С одной стороны, перспектива последнего

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

субстанционально напоминает монотеизм семитского происхождения, а с другой стороны, перспектива Шанкары является одним из наиболее адекватных, среди возможных, выражений *philosophia perennis*, или просветленного эзотеризма...

Было бы совершенно ошибочно верить, будто внутри определенной религии гнозис преподносит себя в виде чуждой и привнесенной доктрины; напротив, то, что в каждой религии представляет собой ключ для всеобщего и недвойственного эзотеризма, есть не какая-нибудь тайная концепция гетерогенного характера, но сама руководящая идея религии; и это так, поскольку религия, представляющая себя с абсолютной настоятельностью — «*extra ecclesiam nulla salus*», — уже этим заявляет о тотальности Послания и, следовательно, не исключает ни одной существенной возможности человеческого духа. Христианский гнозис несомненно находит себе опору в трудах как Фомы Аквинского, так и Григория Паламы, хотя фактически эти опоры нейтрализуются основным «бхактическим» характером христианства, если только они определенным образом не изолируются от контекста; в любом случае, они не являются основой понимания. По необходимости и *a priori* христианский гнозис находит свою опору в таинствах Воплощения и Искупления, а это значит и в феномене Христа как таковом, тогда как мусульманский гнозис находит свою опору, прежде всего, в таинствах Трансценденции и Имманенции, то есть в Коранической или Мухаммадовой Истине; более того, гнозис двух упомянутых религий основан на таинстве Божественной Любви, рассматриваемой в каждом случае согласно характерному акценту: любовь теофании, которая одновременно является как человеческой, так и божественной, в христианстве, и любовь Принципа, который одновременно является как трансцендентным, так и имманентным, в исламе.

* * *

Относительно эзотеризма как такового — а это не что иное, как гнозис, — мы обязаны вспомнить две вещи, хотя мы уже касались их в других обстоятельствах. Во-первых, необходимо понимать разницу между абсолютным и относительным эзотеризмом; во-вторых, необходимо знать, что, с одной стороны, эзотеризм поддерживает экзотеризм, гармонически сообщая ему глубину, потому что в форме выражается сущность и потому что в этом отношении они проявляют сплоченность, тогда как, с другой стороны, эзотеризм противостоит экзотеризму, резко его трансцендируя, потому что Сущность в силу своей беспредельности никоим образом не сводится к форме или, иначе говоря, форма, поскольку она содержит в себе предел, противопоставляется тому, что несет в себе тотальность и свободу. Эти два аспекта легко различимы в суфизме[5], хотя, правда, порой невозможно установить у суфийских авторов,

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

где тут случай благочестивой неосведомленности, где случай простой предусмотрительности, а где духовного благоразумия; подобная смесь, тем не менее, является вполне естественной до тех пор, пока не ведет к абсурдам и всяческим опровержениям. В любом случае пример суфиев показывает, что можно быть мусульманином и не являясь ашаритом*; по той же причине и с равным правом можно быть христианином, не являясь ни схоластом, ни паламитом, или лучше скажем, что можно быть томистом, отказавшись от аристотелевского сенсуализма Фомы Аквинского, так же, как и быть паламитом, не разделяя ошибок Паламы относительно греческих философов и их доктрин. Иначе говоря, можно быть христианином и одновременно платоником, признав отсутствие любого соревнования между мистическим волюнтаризмом и метафизической интеллектуальностью и не входя в обсуждение семитской концепции «творения из ничего» — *creatio ex nihilo*.

В конечном итоге мы обязаны настаивать на следующем: тот факт, что истины трансцендентного порядка оказываются недоступными для логики определенной личности или определенного круга людей, вовсе не означает, что истины эти по сути и *de jure* чужды всякой логики, поскольку, с одной стороны, действительность логики всегда зависит от интеллектуальной мощи мыслителя, а с другой стороны — от адекватности информации или знания необходимых данных. Постигшие метафизику находят ее истинной не потому, что выражается она логическим путем, но ее как раз можно выразить логическим путем потому, что она истинна, и очевидно, что истинность ее ни в коем случае не ущемляется изъянами человеческого разума.

В своем стремлении защитить права божественной сверхразумности по отношению к *de facto* фрагментарной логики рационалистов некоторые заходят так далеко, что провозглашают право на иррациональность и, таким образом, на алогичность для вещей божественного или просто духовного порядка, как будто существует право на внутренний абсурд. Утверждать, что Христос ходил по воде, вовсе не противоречит логике или разуму, несмотря на то, что основание чуда остается нам неизвестным[6], поскольку закон гравитации — вещь условная, следовательно, относительная, знаем мы об этом или нет; и даже не ведая об этом, мы по крайней мере можем предполагать или считать это возможным, учитывая уровень феномена. Но утверждать, будто Христос ходил по воде, не ходя по воде, или что он ходил по воде, взмывая к небесам, несомненно противоречило бы разуму, ибо явление или возможность не в состоянии в том же отношении оказаться другим явлением или возможностью, или отсутствием того, чем они являются: Бог может требовать безропотного

* ашарит — последователь ал-Ашари, основоположника калама (X век).

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

принятия чуда или тайны, но Он не потребует принять настоящий абсурд, то есть абсурд как логический, так и онтологический.[7]

Когда речь заходит о христианском эзотеризме, это может быть только одно из трех. Во-первых, это может быть гнозис Христовый, основанный на личности, учении и дарованиях Христа и извлекающий пользу из определенных возможностей платоновских концепций, ибо в метафизике подобный процесс не представляет собой ничего неправомерного;[8] этот гнозис проявился особым, хотя и весьма неравноценным образом, в сочинениях Климента Александрийского, Оригена, Дионисия Ареопагита, Скотта Эригены, Мейстера Экхарта, Николая Кузанского, Якоба Бёме и Ангелуса Силезиуса.[9] Во-вторых, он может быть чем-то совершенно отличным, а именно — греко-латинским или ближневосточным эзотеризмом, внедренным в христианство; здесь мы, прежде всего, имеем в виду герметизм и ремесленнические посвящения. В этом случае эзотеризм предстает в более или менее ограниченном и даже фрагментарном виде, он в большей степени кроется в просветленном характере метода, ныне утерянного, нежели в доктрине и объективной цели; эта доктрина была принципиально космологической, следовательно, ее цель не превышала «малых мистерий» или горизонтального совершенства, то есть предвечные совершенства, имея в виду идеальные условия «Золотого Века». Однако в любом случае этот христианизированный космологический или алхимический эзотеризм — «гуманистический» еще в законном смысле, поскольку речь шла о возвращении микрокосмосу макрокосмического совершенства в согласии с Божественными началами, — по сути был делом призвания, так как ни науки, ни искусства невозможно навязать каждому; человек выбирает науку или искусство по причине созвучия или квалификации, а не *a priori* для спасения души. Поскольку религия обеспечивает спасение, *a posteriori* на том же основании человек имеет право использовать свои дарования и профессиональные занятия, и это вполне нормально и необходимо, чтобы он поступал подобным образом, когда на любом основании ему предлагается занятие, связанное с алхимическим или ремесленническим эзотеризмом.

В-третьих, и превыше всего, а также вне любых исторических или литературных соображений, под «христианским эзотеризмом» можно и следует понимать истину как таковую — метафизическую и духовную истину, насколько она выражена или проявлена посредством догмы, ритуала и прочего. Если формулировать все это в обратном порядке, то этот эзотеризм есть тотальная сумма христианских символов при условии, что они выражают или манифестируют чистую метафизику и одну-единственную универсальную духовность. И это вовсе не зависит от нашей осведомленности о том, до какой степени Ориген или Климент Александрийский могли осознавать, в чем тут дело; подобный вопрос

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

в любом случае является поверхностным, поскольку очевидно, что по более или менее внешним причинам они не могли отдавать себе отчет обо всех аспектах упомянутой проблемы, тем более что они были тесно связаны с *bhakti,* определяющей специфическую направленность христианства. При любых обстоятельствах важно не путать эзотеризм в принципе с эзотеризмом фактическим, или доктрины виртуальной, имеющей все права на истину, с доктриной действительной, которая в жизни может и не соответствовать обещаниям, в ней содержащимся.

Христианство является эзотерическим по отношению к еврейскому легализму, ибо оно суть Послание о внутренней сущности: внутренняя добродетель в христианстве ставится в предпочтение внешнему соблюдению закона, почти до устранения последнего. Но поскольку эта точка зрения остается волюнтаристической, она может быть трансцендирована внутренним содержанием иного порядка, относящимся к чистому интеллекту, который сводит конкретные формы к универсальным сущностям и точку зрения покаяния заменяет точкой зрения очищающего и освобождающего знания. Гнозис имеет Христову природу в том смысле, что, с одной стороны, он принадлежит к Логосу — трансцендентному и имманентному одновременно, — а с другой стороны, потому, что он есть послание о внутренней сущности и, следовательно, об интериоризации.

* * *

Здесь мы обязаны дать ответ на возражение, что позиция эзотерика предполагает своего рода двойственность по отношению к религии, которую он провозглашает своей, при этом давая вещам совершенно иной смысл; такое подозрение не учитывает актуальной перспективы гнозиса или его усвоения душой, благодаря которому интеллектуальное познание и чувственность спонтанно сочетают различные точки зрения, не изменяя ни их реальности, ни их естественным требованиям[10]; конкретное понимание космического и духовного уровней исключает любой скрытый обман. Обращаться к Богу, зная при этом, что Его по необходимости антропоморфная личность есть следствие *Майи,* отнюдь не является менее искренним, нежели обращаться к человеку, зная при этом, что он также *a fortiori* — только следствие *Майи*, как и все мы; подобно тому, как просить у человека одолжения, зная при этом, что все дары даются Богом, вовсе не есть отсутствие искренности. Божественная Личность, как мы сказали, — антропоморфна; несмотря на тот факт, что в действительности человек имеет сходство с Богом, а не наоборот. Бог необходимо становится человеком в области Своих отношений с человеческой природой.

Религиозная лояльность есть не что иное, как искренность наших человеческих отношений с Богом на основании тех средств, которые Он

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

предоставил в наше распоряжение. Эти средства, будучи принадлежностью мира формального порядка, *ipso facto* исключают другие формы, но от этого они ничего не теряют с точки зрения нашего взаимоотношения с Небом; в этом своем внутреннем значении форма поистине уникальна и незаменима как раз потому, что такими являются наши взаимоотношения с Богом. Тем не менее эта уникальность внутренней опоры и искренность нашего поклонения в ее рамках не дает нам разрешения на то, что можно было бы назвать «религиозным национализмом»; если мы осуждаем такое отношение — неизбежное для обыкновенного человека, но не об этом речь, — то это происходит потому, что это предполагает точки зрения противоположные истине, которые являются еще более несовместимыми с истиной, когда верующий предъявляет притязание на эзотерическую мудрость и заявляет об обладании знанием, позволяющим ему учитывать границы религиозного формализма, с которым он себя чувственным образом и ущербно отождествляет.

Для того, чтобы ясно понять нормальное отношение между общепринятой религией и мудростью, или между *bhakti* и *jnana,* необходимо знать, что в принципе человек имеет двойную субъективность — «души» и «духа». Одно из двух возможно: или дух понижен до уровня принятия догм откровения так, что индивидуальная душа остается единственным субъектом на пути к Богу, или дух осознает свою природу и стремится к конечной цели, для осуществления которой он и сотворен, так что это дух, а не «я» выступает субъектом пути, несмотря на то, что нужды и права обычной субъективности, то есть чувственной индивидуальной души, при этом не устраняются. Равновесие двух упомянутых субъективностей, одной — эмоциональной, другой — относящейся к интеллекту, которые, к тому же, в определенной точке неизбежно совпадают, рождает безмятежность, чьим благоуханием пропитаны ведантические сочинения; неправильное сочетание этих субъективностей в частичных и несовершенных видах эзотеризма, напротив, порождает противоречие, которое мы можем парадоксально называть «метафизическим индивидуализмом», то есть мучительным мистицизмом, нередко сопровождаемым проявлениями раздражения, хотя, тем не менее — героическим и открытым Милосердию; суфизм этому дает примеры.

Эго как таковое логически не может стремиться к опыту, лежащему за пределами индивидуальности; человек есть человек, а Самость есть Самость. Мы должны остерегаться, чтобы не перемещать волюнтаристический и чувственный индивидуализм религиозного рвения на уровень сверхличного осознания; мы не можем стремиться к гнозису при помощи воли, которая противоположна природе гнозиса. Это не мы познаем Бога, это Бог познает Сам Себя в нас...

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

* * *

У человеческой личности имеется одна огромная забота, превышающая все остальные: спасти свою душу; для осуществления этой задачи он обязан следовать религии, а чтобы следовать ей, он должен быть верующим; но поскольку даже при лучших намерениях в этом мире он в состоянии верить лишь тому, что заслуживает доверия, то человек, в достаточной степени знающий две или больше религий и к тому же имеющий некое воображение, может почувствовать, что ему необязательно следовать одной из них по той причине, что она преподносит себя догматически как единственно законную и единственную религию спасения, и что она преподносит себя, так сказать, с абсолютной настоятельностью и, весьма возможно, в своих характерных формулировках вовсе не представляя некоторых убедительных и умиротворяющих элементов, которые можно найти в других религиях. С тем, что Псалтирь или Евангелие являются возвышенными, можно согласиться без малейшего на это сомнения; однако верить, что в самой своей буквальности и психологическом настрое они содержат все, что преподносится нам Упанишадами или Бхагавадгитой, — это уже совершенно другой вопрос. Откровенно говоря, только просветленный эзотеризм, который является тотальным и универсальным, а не формалистическим, в состоянии удовлетворить любую законную умственную потребность, имея своим уделом основательные интенции, а не проявления, полные предрассудков; лишь он способен дать ответ на все вопросы, порожденные религиозными отклонениями и ограничениями, а это равнозначно утверждению, что в объективных и субъективных условиях, которые мы здесь имеем в виду, он преподносит единственный ключ, позволяющий нам понять религию, не принимая во внимание вопросы об эзотерической реализации. К тому же интегральный эзотеризм в состоянии указать на то, что в данной религии является поистине фундаментальным с метафизической и мистической точек зрения, где, при желании, вместо слова «мистический» можно читать «алхимический» или «оперативный» — и что, следовательно, позволяет ей примкнуть к *religio perennis*.

Даже признав, что религии обязаны учитывать психологические и социальные возможности и являются ограниченными в некоторых отношениях — не благодаря тому, что они включают, а благодаря тому, что исключают, несмотря на это, неизбежно требуя к себе абсолютной приверженности, — они, надо сказать, не имеют права закрывать глаза на каждый довод, превышающий их догматическую перспективу; и на самом деле Провидение, действующее в них по причине их божественного происхождения, отдает себе отчет о положении, возникающем вследствие поистине особых обстоятельств нашего времени[11], так же,

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

как и во все времена оно тем или иным образом учитывало некоторые исключительные обстоятельства.

Религии с разных точек зрения рассматривают Божественный Принцип и вечную жизнь; но они не в состоянии, подобно эзотеризму, рассматривать религиозный феномен как таковой и раскрыть сущность разных точек зрения. Было бы абсурдом требовать от них этого по двум причинам: во-первых, что само собой разумеется, каждая религия по определению должна представлять себя как единственно возможную, поскольку ее точка зрения зависит от Истины и, следовательно, обязана исключить любую опасность релятивизма, а во-вторых, потому, что в своем внутреннем и существенном содержании, который как раз трансцендирует относительность формулировки или символизма, религия полностью выполняет обещание, предполагаемое тотальным характером ее требований, — полностью, а это значит, учитывая то, чего требуют самые глубокие человеческие возможности...

Мы могли бы сказать, немного упрощая, что экзотеризм возносит форму, *credo*, над сущностью, то есть над Универсальной Истиной, а последнюю принимает только как функцию первой; форма, благодаря ее божественному происхождению, становится здесь критерием сущности. Эзотеризм, напротив, сущность ставит выше формы, а последнюю признает только как функцию первой; для эзотеризма и вообще, согласно реальной иерархии ценностей, сущность является критерием формы; единая и универсальная Истина является критерием различных религиозных форм Истины. Если в экзотеризме наблюдается обратное отношение, это явно не происходит вследствие искажения, но потому, что форма, как кристаллизация сущности, является гарантом Истины; последняя считается непостижимой независимо от формы, или, точнее — независимо от формы, которая предъявляет абсолютные требования, что совершенно верно, если имеется в виду обычный средний человек, так как иначе феномен догматического откровения был бы необъясним.

Эзотеризм, насколько он является абсолютным, характеризует то, что в связи с догматической системой он универсализирует символ или религиозное понятие, с одной стороны, а с другой — интериоризирует их; особое или ограниченное признается за проявление принципиального и трансцендентного, что, в свою очередь, открывается как имманентное. Христианство универсализирует понятие «Израиля», интериоризируя при этом божественный Закон; оно заменяет обрезание плоти обрезанием сердца, «Избранный Народ» — Церковью, заключающей в себе людей любого происхождения, а внешние предписания — добродетелью, во всем этом имея в виду не повиновение Закону, а любовь к Богу и, в конечном итоге, — мистическое единение. Эти принципы или перестановки едва ли не были известны ессеям и, возможно, другим иу-

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

дейским посвященным, однако оригинальность христианства состоит в том, что оно из них создало религию и ради них пожертвовало Моисеевым формализмом...

* * *

Фундаментальной ошибкой является путать *jnani* с рационалистом, хотя рационализм фактически есть отклонение от интеллектуальной перспективы, поскольку *jnani* или, скажем, тот, кто по своей природе интеллектуален, не хочет и не притязает *a priori* на знание сути вещей и не стремится к этому; он учитывает факт, что он видит то, что он видит, следовательно, он знает то, что его «естественно сверхъестественное» распознание ему открывает, хочет он этого или нет, и обнаруживает себя, таким образом, как бы в положении человека, который единственный видит нашу Солнечную систему со стороны и поэтому ему дана возможность, начав с наблюдения за Солнцем, знать причины времен года, дня и ночи, кажущегося круговращения звезд. Общая догматическая и формалистическая религия привязана, рассуждая по аналогии, к точке зрения имеющейся человеческой субъективности; эзотеризм — наоборот, хотя и принимает эту систему видимостей как символизм и на уровне, соответствующем *bhakti*, тем не менее, сознает относительность того, что мы парадоксально можем назвать «метафизическим феноменом». Рационалист, притязающий на интеллектуальное постижение, принцип которого он вполне может уяснить, но которым он фактически не обладает, и который путает разум с интеллектом, являет собой пример искажений, сравнимых с ложными инспирациями еретических сект; но, поскольку «порча лучшего есть худшее», рационализм гораздо вреднее ложного мистицизма, который, во всяком случае, не испытывает искушения отрицать Бога и загробную жизнь. Здесь весьма полезно вспомнить нечто из сказанного нами при других обстоятельствах, а именно, что существуют два источника уверенности, один внешний, другой — внутренний, а именно Откровение и Интеллектуальное познание. Первое легко узурпируется чувственностью, а второе — рационализмом; однако фактически Интеллектуальное познание должно сочетаться с Откровением, так же, как и Откровение должно быть высвечено Интеллектуальным познанием...

Здесь нам следует объяснить два парадокса, относящихся, в одном случае, к ремесленническим посвящениям, а в другом — к императору. Ремесленнические посвящения принадлежат области *jnana*, хотя, как мы заметили выше, они были сведены к космологии и алхимии: вопрос заключается в возвращении человека к предвечной норме не посредством чувственного героизма, а просто основываясь на природе вещей и при помощи ремесленнического символизма; вполне вероятно, что в

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

случае масонства упомянутая перспектива подчинила себя гуманистическому универсализму, который есть всего лишь карикатура интеллектуальной точки зрения, и отдаленной причиной этого был Ренессанс, а непосредственной причиной — «Просвещение». Что касается случая императора, то он парадоксален в той мере, в какой функция этого монарха, с одной стороны, относится к миру, а не к религии, а с другой стороны — продолжает роль *pontifex maximus* римской религии, принадлежавшей к типу *jnana*, вследствие своего арийского происхождения и несмотря на вырождение ее общей формы для большинства; именно это понтификальное и, так сказать, «гностическое» качество, или это прямое воздействие Неба, — которое Данте и другие гибеллины, кажется, вполне сознавали, — объясняет, по какому праву и не встречая ни малейшего сопротивления, Константин мог созвать Никейский Собор; то же самое качество, каким бы туманным оно ни казалось, объясняет терпимость и реализм императоров по отношению к нехристианским меньшинствам, за которых они должны были заступаться перед священнослужителями, чему одним из самых поразительных примеров служит взаимопонимание, существовавшее между христианами и мусульманами в Сицилии во времена Фредерика II...

* * *

Одним из проявлений эзотерического измерения является так называемый квиетизм, о котором здесь надо сказать несколько слов. У большинства людей существует ассоциация между квиетизмом и одухотворенной сексуальностью в том смысле, что, согласно их убеждению, эти два явления могут быть легко сведены к искушениям, как будто легкость является синонимом ложного, а трудность — истинного и как будто подлинный квиетизм и одухотворенная сексуальность не заключают в себе аспектов, которые если и не относятся к покаянию, то, по крайней мере, столь же настоятельны и серьезны. В действительности квиетизм основан на идеях экзистенциальной субстанции и божественной имманенции и на переживании Присутствия Бога: он состоит из «покоя в своем собственном бытии», или, другими словами, покоя в Божественном Покое; для этого положения требуется, во-первых, достаточное понимание, что такое тайна, а также — активное и оперативное отношение, то есть постоянная молитва, или «молитва сердца», подразумевающая глубокую аскезу, если только она не ограничивается полностью профанной и эфемерной импровизацией, приносящей больше вреда, чем пользы. Но тот факт, что имеется и чувственный квиетизм, не подозревающий о строгой и активной стороне священного спокойствия, не позволяет предавать анафеме квиетизм как таковой, так же, как сектантский и подлинно

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

еретический гностицизм не дает прав на осуждение истинного гнозиса, а разврат — на осуждение тантризма.

Наряду с упреком в «легкости» имеется и упрек в «безнравственности»; духовность, которая использует сексуальный элемент, кажется компрометирующей себя заранее явным поиском «удовольствия», как будто удовольствие лишает символ его значимости, и как будто чувственный опыт не компенсируется более чем достаточно сопутствующим созерцательным и интериоризирующим опытом; и, наконец, как будто боль может служить критерием духовной ценности. Квиетизму также предъявляется обвинение в безнравственности вследствие того, что он предусматривает состояние, в котором человек стоит выше греха, — идея эта, которая часто неправильно понимается, указывает на состояние святости, когда деяния человека сияют золотом, поскольку он несет в себе субстанцию золота и потому что все, к чему он прикасается, превращается в золото; это, очевидно, исключает скверные поступки как по отношению к Богу, так и по отношению к ближним. На деле квиетизм нередко аскетичен, но он по своей природе и без всякого умалчивания допускает интеграцию сексуальности в духовность в той мере, в какой последняя экзистенциально находится в согласии с прекрасным, а следовательно и с любовью, или точнее — с созерцательной и миротворческой стороной любви. Но эта любовь есть также и смерть (*amor/mors*), так как иначе она не была бы духовной; ибо сказано: «Темна я, но прекрасна»[12].

* * *

Человек знания постоянно — по крайней мере, к тому ведут его предрасположение и намерение, — осознает онтологические корни вещей: акциденция для него не только «то» или «это», но, прежде всего, многообразная и неисчерпаемая манифестация Субстанции, интуиция, которая в меру своей конкретности и живучести благоприятствует не только пониманию и созерцательности, но также и благородству характера, поскольку знание Всего охватывает всего человека. Это благородство в значительной степени содержится в самой созерцательности, при условии, что человек расположен к созерцанию Того, чем он определенным образом и в определенной степени является.

Акциденция есть случайный субъект и объект; это случайность, ибо только Субстанция суть необходимое Бытие. Акциденция — это мир, который нас окружает, и жизнь, которая нас вовлекает; это — аспект, или фаза объекта и точка зрения, или присутствие субъекта; это — наше наследие, наш характер, наши склонности, наши способности, наша судьба; это — факт рождения в определенной форме, в определенном месте, в определенный момент и получение определенных восприятий, влияний, определенного опыта. Все это есть акциденция, и все это — ничто,

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

поскольку акциденция не является необходимым Бытием; акциденции, с одной стороны, ограничены, а с другой — преходящи. И содержанием всего этого в конечном итоге является Блаженство (*Felicity*); именно оно притягивает нас сквозь тысячи отражений и вовлекает в тысячу обличий; именно к нему мы тянемся во всех наших желаниях, не подозревая об этом. Находясь в уплотняющей и рассеивающей акциденции, мы поистине не являемся собой; такими мы являемся только в сакральном и освобождающем протяжении Субстанции, поскольку, в конечном итоге, Самость — есть истинное бытие каждой твари.[13]

Если мы сравним Божественную Субстанцию с водой, то акциденции будут напоминать волны, капли, снег или лед, явления мира или явления души. Субстанция — это чистая Сила, чистый Дух, чистое Блаженство; акциденция воспроизводит эти измерения в ограничивающем или даже ущербном модусе; с одной стороны, ее «нет», а с другой стороны, она — «не что иное», как Субстанция. В эзотерическом смысле имеется только два отношения, подлежащие рассмотрению, — трансценденция и имманенция: согласно первой, реальность Субстанции упраздняет реальность акциденции; согласно второй, качества акциденции, если их считать реальными, будут не чем иным, как качествами Субстанции. С позиции экзотерической, первая точка зрения является абсурдом, поскольку вещи существуют, а вторая — не праведна, она пантеистична, так как вещи не могут быть Богом. То, что, с одной стороны, вещи существуют, и то, что, с другой стороны, они не являются Богом, эзотеризм вполне учитывает, но к этим двум начальным наблюдениям он добавляет измерение глубины, которое противоречит их поверхностной и как бы двухмерной взаимной исключительности. Тогда как экзотеризм замкнут в мире акциденций и охотно черпает из него себе славу, когда он стремится показать свое чувство реальности по отношению к тому, что представляется ему образом теней, эзотеризм сознает прозрачность вещей и наличие лежащей в их основе Субстанции, манифестациями которой являются Откровение, Человек-Логос, доктринальный и священный символ, а также в человеческом микрокосме — Интеллектуальное познание, Сердце-Интеллект и одушевленный Символ. «Манифестировать» значит «быть»; Имя и Именованное таинственным образом идентичны. Святой и *a fortiori* Человек-Логос являются, с одной стороны, Манифестацией Субстанции в акциденции, а с другой стороны, Реинтеграцией акциденции в Субстанцию.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

ВЕРА, ЛЮБОВЬ И ЗНАНИЕ

Природа и доводы веры*

Вера — это соответствие интеллектуального познания и воли истинам, полученным путем Откровения. Такое соответствие является либо только формальным, либо сущностным в том смысле, что объектом веры выступает догматическая форма, за которой кроется сущность Истины. Вера является доверием, если волевой элемент преобладает над интеллектуальным; и она является знанием, или гнозисом, если интеллектуальный элемент преобладает над волевым. Однако существует также уверенность и пыл, последний является волевым, а первая — интеллектуальной: пыл дает верованию его духовные качества, а уверенность выступает подлинным качеством гнозиса. Понятие «веры» не ограничивается исключительно доверием или пылом, или — исключительно знанием и уверенностью; нельзя сказать о доверии, что им исчерпываются все возможности веры, так же, как нельзя сказать о знании, что оно вовсе чуждо вере.

Другими словами, вера, на каком бы уровне она ни рассматривалась, имеет аспект участия и аспект разъединения: участия, потому что ее субъектом является интеллектуальное познание как таковое, принимающее «вертикальное» участие в Истине, и разъединения, поскольку «горизонтально» интеллектуальное познание ограничивается своим уровнем, отделяющим его от божественного Интеллекта. В первом отношении, вера есть «уверенность», неважно, принимается ли ее объект посредством материальных или рациональных доказательств или его природа открывается в чистом интеллектуальном познании; во втором отношении, вера является «помраченностью», поскольку верующий субъект экзистенциально оторван от объекта своего верования. Ни незрелый разум, то есть разум, вследствие нашего грехопадения лишенный сверхразумного света, ни *a fortiori* тело не в состоянии созерцать небесные тайны.

Для экзотерической перспективы интеллектуальное познание представляется актом разума, незаслуженно притязающим на свободу от помраченности, и ложно провозглашающим независимость по отношению к Откровению. В действительности помраченность

---

* Из *Stations of Wisdom*, глава 2.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

в сфере интеллектуального познания отличается от помраченности в разуме ввиду того, что последний относится не к самому интеллектуальному познанию, а к эго, если только оно не преобразовано духовной реализацией; интеллектуальное видение фактически не предполагает априорной интеграции всего нашего бытия с Истиной. Что касается Откровения, то интеллектуальное познание живет им, ибо из него получает все свои формальные доспехи; интеллектуальное познание, в таком случае, не может рассматриваться как замена объективной, пророческой, законодательной и традиционной манифестации божественного Интеллекта. Как невозможно вообразить себе св. Августина без Евангелия, так и Шанкарачарью — без Вед.[1]

Это приводит нас к мысли о том, что существует вера, которая может возрастать, а также существует другая, которая неизменна: вера неизменна благодаря содержанию и набору своих догм, а также по причине метафизической неизменности Истины, или же, возможно, неизменность зависит от прочности личного верования или от незыблемости знания; что касается веры, способной к возрастанию, она может быть доверием к абсолютной достоверности Откровения или страстной убежденностью в нем; но в зависимости от точки зрения эта вера может также выступать и как духовное проникновение в догмы, то есть быть гнозисом.

Некоторые люди, несомненно, заметят, что употреблять слово «вера» как синоним «гнозиса» значит полностью лишить его значения, так как «видение» противоположно «верованию», иначе выражаясь — вера одновременно требует помраченности понимания и достоинства свободной приверженности, но это различие, которое представляется законным на своем собственном уровне, где оно отражает реальную ситуацию, влечет за собой неудобство, ограничивая библейскую терминологию экзотерической точкой зрения. Экзотерическая точка зрения, однако, не может ставить рамки божественному Слову, хотя, с другой стороны, божественное Слово кристаллизируется, учитывая нужды экзотеризма, что и служит для последнего источником универсальности. Вера, как мы говорили, есть верность интеллектуального познания Откровению; на самом деле, экзотеризм ограничивает интеллектуальное познание одним только разумом, а Интеллект, сверхразумную природу которого он не в состоянии постичь, заменяет благодатью, которая видится ему единственным сверхъестественным элементом; тем не менее это ограничение, хотя и уместное, не может изменить природу вещей или упразднить интеллектуальную способность в случае ее наличия; таким образом, понятие «веры» обязательно содержит внутреннюю беспредельность и поливалентность, поскольку в религиозной цивилизации не ставится вопрос об отрицании веры для тех, чье интеллектуальное познание превосходит ординарные границы человеческого понимания...

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

Понимание и верование*

Обычно признается, что человек способен верить, не понимая того, во что он верит, но гораздо менее осознается обратная возможность — понимания без веры, что даже кажется противоречием, поскольку не представляется, чтобы вера была обязательна для кого-либо, за исключением тех, кто не понимает. Однако лицемерие является не только притворством личности, делающей вид, что она лучше, чем есть на самом деле; оно проявляется также в диспропорции между убеждением и поведением, и в этом отношении большинство людей в большей или меньшей степени — лицемеры, ибо они понимают истины, которым на практике следуют весьма вяло. Верить на уровне простого верования, то есть не поступая согласно предписаниям, вытекающим из этого верования, в интеллектуальном плане подобно пониманию без веры, которое мертво; стало быть, подлинное верование означает отождествление себя с истиной, которую принимаешь, какой бы ни была степень приверженности. Благочестие для религиозного верования есть то же самое, что действенная вера для доктринального понимания, или же, можно добавить, что святость для истины.

Если за исходную точку мы примем идею, согласно которой духовность по существу имеет два фактора, а именно — различение между Реальным и иллюзорным и постоянную сосредоточенность на Реальном, принимая за *conditio sine qua non* соблюдение традиционных обрядов и упражнения в добродетели, которая за ними следует, тогда мы увидим, что существует связь между различением и пониманием, с одной стороны, и между сосредоточенностью и верой, с другой; на любом уровне вера всегда подразумевает квази-экзистенциальное участие в Бытии и Реальности, что значит, по словам одного из важнейших хадисов, «поклоняться Богу, как если бы ты видел Его, а если ты не видишь Его, то Он тебя видит». Иначе говоря, вера есть участие воли в интеллектуальном познании; как на физическом уровне человек приурочивает свои действия к физическим фактам, определяющим их природу, так же на духовном уровне ему следует действовать согласно своим убеждениям, опираясь больше на внутреннюю активность, чем на внешнюю, поскольку, «прежде чем действовать, он должен быть», а наше бытие есть не что иное, как наша внутренняя активность. Душа для интеллектуального познания должна быть тем, чем Красота является для Истины, а это как раз и есть то, что мы называем «нравственной квалификацией», которая обязана сопровождать «интеллектуальную квалификацию».

Существует связь между верой и символом; также существует связь

---

* Из *Logic and Transcendence,* глава 13.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

между верой и чудесами. Как символический образ, так и чудесное явление говорит языком бытия, а не рассуждения; на проявление бытия со стороны Неба человек обязан отвечать своим собственным бытием, и он это делает посредством веры и любви, выступающих как два лика одной и той же реальности, не переставая при этом быть творением, наделенным мыслью. Проще говоря, мы вправе задаться вопросом, какую основу или оправдание может иметь под собой элементарная вера, которая относится с высокомерием к любой попытке понимания. Ответ был только что дан, а именно, что такая вера основана на озаряющей силе, которая в принципе принадлежит символам, феноменам и доводам Откровения;[1] «скрытое достоинство» этой веры заключается в том, что мы остаемся открытыми для действия благодати, для которой и сотворена наша природа...

Уже обращалось внимание на связь между верой и чудесами; совершенная вера состоит в осознании метафизически чудесного характера природных явлений и, таким образом, — в созерцании в них божественных примет. Поэтому порок неверия или недостатка веры не заключается в естественном недостатке особых способностей или в неясности Послания, так как в этом случае не было бы никакого порока; порок заключается в страстном ужесточении воли и в мирских устремлениях, несущих с собой такое ужесточение. Достоинством веры является сверхъестественно естественная восприимчивость предвечного человека; а это значит — сохранение в себе тех качеств, с какими Бог сотворил нас, и верность Ему в отношении Небесного послания, которое может оказаться противоречащим земному опыту, оставаясь в то же время неколебимым с точки зрения как субъективных, так и объективных критериев...

Вера как качество души является стабилизирующим дополнением к постигающему и, соответственно, страстному интеллектуальному познанию; без этого дополнения интеллектуальная деятельность может уноситься в сторону собственным движением и подобна пожирающему пламени; она теряет равновесие и приходит к тому, что пожирает сама себя в безысходном беспокойстве, или попросту доводит себя до беспамятства. Вера включает в себя устойчивые и тонкие качества, такие как терпение, благодарность, доверчивость, щедрость; она сообщает меркуриальному интеллектуальному познанию фиксирующий момент и, таким образом, наряду с постижением устанавливает равновесие, выступающее в качестве предвосхищения святости. Именно к этой полярности на ее высшем уровне относятся дополняющие друг друга понятия «благоговение» (или «молитва», *salah*) и «покой» (или «приветствие», *salam*) в исламе.

Вновь следует подчеркнуть, что интеллектуальная квалификация не является полноценной, если она не связана с религиозной и нравственной квалификацией; этим объясняются все фидеистические подходы,

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

которые склонны ограничить импульс интеллектуального познания. Приверженцы чистой и простой традиции (*naqt*) в первые века ислама глубоко осознавали это, и сам Ашари должен был это ощущать (хотя это и увело его в прямо противоположную сторону, поскольку он посвятил себя богословским рассуждениям), когда он приписал Богу неинтеллигибельность, которая, в конечном итоге, могла бы означать лишь неосновательность интеллектуальных средств человека перед лицом абсолютного измерения.

Можно до бесконечности размышлять или спекулировать о трансцендентных истинах и их приложении (чем как раз и занимается автор настоящей книги, однако имея при этом вескую причину и делая это не для себя). Можно всю свою жизнь провести, размышляя над сверхъестественным и трансцендентным, однако значение имеет только «прыжок в пустоту», то есть фиксация духа и души в сверхмыслимом измерении Реального; этот прыжок, который одним махом завершает бесконечную цепь формулировок, зависит от непосредственного понимания и благодати, а не от достижения определенной фазы развертывания доктрины, поскольку это развертывание, мы повторяем, не имеет логического конца. Этот «прыжок в пустоту» можно назвать «верой»; именно отрицание этой реальности и является истоком всей философии типа «искусство ради искусства» и любого мышления, которое верит в свою способность установить абсолютную связь с Реальностью путем анализа, синтеза, соглашений, фильтраций и шлифовок мышления, являющегося мирским уже вследствие одного факта своего невежества и потому, что оно есть порочный круг, который не только не позволяет избежать иллюзии, но даже усиливает ее благодаря соблазну возрастающего знания, которого на самом деле и вовсе нет.[2]

Ввиду того вреда, который предрассудки и склонности обычного благочестия могут иногда нанести метафизическим спекуляциям, мы можем испытывать соблазн в том, чтобы прийти к заключению, что от благочестия следовало бы отказаться на пороге чистого знания, но это было бы ложным и в высшей степени пагубным заключением; на самом деле благочестие, или вера, никогда не должны покидать душу, однако совершенно ясно, что им следует присутствовать на уровне тех истин, которые душа созерцает, а отсюда явствует, что такое положение полностью отвечает их природе, о чем свидетельствуют ведантические гимны, если воспользоваться исключительно одним лишь убедительным примером...

Чувство священного — это словосочетание удачно указывает на то измерение, которое должно быть присуще как метафизической мысли, так и повседневной жизни; именно оно является причиной рождения литургии, и без него нет веры. Чувство священного, совместно с досто-

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

инством, несокрушимостью, твердостью перед искушениями, терпением и щедростью, является ключом к интегральной вере и той сверхъестественной добродетели, которая ей присуща.

* * *

Если принять различие, проводимое алхимиками между «сухим путем» и «влажным путем», где первый соответствует «Знанию», а второй «Любви», то нужно понять, что оба полюса, соответственно представленные этими двумя путями, то есть полюсы «огня» и «воды», отражаются в каждом из них отдельно, так что и «знание» необходимо имеет аспект «влаги», и «любовь» — аспект «сухости». Что касается пути «любви», то упомянутым аспектом «сухости», или «огня» является доктринальная ортодоксия, поскольку хорошо известно, что духовность невозможна без незаменимого и неизменного оплота, который есть Божественное выражение спасительной Истины; аналогичным образом, только в обратном направлении, аспект «влажности», или «воды», который, будучи женским, происходящим от Божественной Субстанции (*Prakriti, Shakti*), является необходимым для пути «знания», который, как уже сказано, нуждается в равновесии, устойчивости и эффективности.

Два принципа «огня» и «воды» объединяются в вине, которое одновременно есть «жидкий огонь» и «огненная вода»[3]; освобождающее опьянение возникает именно из этого алхимического и чудесного сочетания противоположных элементов. Поэтому вино, а не огонь, является наиболее совершенным образом освобождающего гнозиса, рассматриваемого не только в совокупности, но также в равновесии его виртуальных модальностей, поскольку равновесие между познанием и созерцанием можно найти на каждом уровне. Другим образом того же равновесия, или согласия, является масло, ибо при помощи масла огонь стабилизируется и становится мирным и созерцательным сиянием лампад в святилищах. Масло, подобно вину, является огненной жидкостью, которая, согласно знаменитому кораническому аяту (*Ayat an-Nur*), «сияет даже без прикосновения огня»...

Из всего вышесказанного следует, что как вера, так и интеллектуальное познание могут восприниматься на двух различных уровнях: вера, как полуонтологическая и до-ментальная уверенность, стоит выше различающих и спекулятивных аспектов интеллектуального познания,[4] хотя интеллектуальное познание, в своем чистом виде, возвышается над верой, которая есть не более, чем приверженность к чувствам; именно эта двусмысленность и является источником значительных недоразумений, однако делает возможным экзо-эзотерический язык, одновременно простой и сложный. Вера в своем наивысшем аспекте есть то, что мы вправе называть *religio cordis*; такая вера сверхъестественно естественна

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

по отношению к человеку и соответствует *religio caeli*, или *perennis*, то есть — универсальной Истине, находящейся по ту сторону всевозможных случайностей формы и времени. Эта вера довольствуется малым. В отличие от интеллектуального познания, стремящегося к точности, но никогда не удовлетворенного игрой формулировок, переходящего от одного понятия к другому, от символа к символу, и неспособного ни на чем остановиться, вера сердца способна чувствовать себя удовлетворенной первым же символом, посланным ей Провидением[5], и жить согласно ему до последней Встречи.

Вера и ее объект*

Обладает ли объект веры первенством над самой верой, или вера имеет первенство над своим объектом? Обычно объект веры имеет первенство над верой, ибо он определяет веру и предоставляет последней достаточную причину для существования; однако с определенной точки зрения и в некоторых случаях вера может оказаться более важной, нежели ее содержание, и она может «взять приступом» ворота Неба, несмотря на несостоятельность непосредственного объекта верования. Вера заключает в себе два «полюса», один — объективный и догматический, а другой — субъективный и мистический; идеалом является совершенная вера в ортодоксальную истину. Именно идея порождает веру, и качество первой определяет качество второй, однако парадоксальная и непредвиденная игра универсальной Возможности часто допускает преобладание полюса «веры» над полюсом «идеи», и тибетцы по этому поводу говорят, что собачий зуб, ошибочно принятый за реликвию и ставший объектом искренней и горячей веры, на самом деле начинает сверкать. Фактически возможна такая вера, которая в самой своей субстанции несет отпечаток для обычного сознания более или менее недоступной истины, при условии, что внутренняя ошибка не компрометирует качество энтузиазма, который должен быть до такой степени чистым и благородным, чтобы предохранить от серьезного заблуждения; вера является как бы «жизненной» интуицией своего «интеллектуального» объекта. Эта возможность веры, которая превосходит «идеологический» элемент и которая как будто заставляет его наконец подчиниться истине, предполагает весьма созерцательный склад ума, уже свободный от множества недостатков; более того, если качество веры способно упомянутым образом компенсировать ненадежность идеи, то эта идея должна показаться светом, каким бы тусклым он ни был, а не мраком; и вообще в этой области много неуловимого.

* Из *Gnosis — Divine Wisdom,* стр. 25–26.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

Любовь к Богу и то, что ей сопутствует*

Понятие «любви к Богу», справедливо или нет, вызывает представление о чувстве, связанном с человеческой личностью. Подобный образ, кажется, противоречит как бесформенному и трансцендентному характеру Божества, так и духовному, сверхъестественному характеру созерцательной любви, но в действительности никакого противоречия здесь нет, во-первых, потому, что Бог принимает человеческий образ, обращаясь к человеку,[1] и еще потому, что духовность, настолько, насколько она является человеческой, непременно содержит эмоциональный элемент души, какими бы ни были место и функция, отведенные этому элементу. Но если мы отвлечемся от такого очеловечивания Божественного, а вместе с тем и от духовного русла для человеческой восприимчивости, мы увидим, что сама по себе «любовь к Богу» не имеет ничего ограниченного по отношению к объекту и ничего специфически чувственного в отношении субъекта; в конечном итоге она сводится к нашему выбору «внутреннего измерения», согласно словам Евангелия: «Царство Небесное находится внутри вас». В своей основе это вопрос выбора между «внешним» и «внутренним», между миром и Богом[2]: «внешнее измерение» есть область множества вещей, рассеяния и непостоянства, а также — область ограничения, эгоистического сжатия и «ожесточения сердца»; «внутреннее измерение», наоборот, является областью единения, синтеза и постоянства, а также — областью безграничности, духовного расширения и «смягчения сердца». Таким образом, любовь к Богу выступает как радикальное изменение акцентов или тенденций, или возвращением к первоначальному и естественному движению в противовес движению, вывернутому наизнанку, вследствие извращенности нашей падшей природы; более того, эту перемену или обращение надо постоянно обновлять даже в рамках стабилизирующей духовной любви, ибо сила нашего эго постоянно рядом, а движение к Внутреннему всегда требует определенной дистанции по отношению к феноменам.

Человек, «любящий Бога» — будь то монотеист или буддист — в принципе, это человек, пребывающий во «внутреннем измерении» или на него ориентированный. Эта позиция включает как неподвижность, так и движение: духовная неподвижность противопоставляется бесконечному движению вещей, находящихся в нескончаемом потоке, а духовное движение, наоборот, противопоставляется естественной пассивности души, ибо эта пассивность есть вид жестокосердия.

Любовь к Богу, по сути, есть функция веры; без целостности, свойственной вере, любовь не может быть реальной. Есть много возможных

---

* Из *Dimensions of Islam*, глава 9.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

видов сосредоточенности — высокомерие тоже предполагает сжатие, но духовная интериоризация немыслима при отсутствии объективного и интеллектуального начала, именуемого Истиной.

Напрашивается вывод: интериоризация существенным образом связана с метафизическим распознанием, а также с идеей абсолюта и бесконечности; вполне очевидно, что гораздо лучше иметь лишь такую идею, не приложив ни малейшего усилия для ее осуществления, нежели стремиться к притворной интериоризации углубления и оказаться в ловушке во много раз худшей по сравнению с простой и чистой рассеянностью. Истина такова, что любое ложное удовлетворение оборачивается против нее; истина также нейтрализует естественный эгоизм сердца, придавая созерцательной алхимии некое благоухание смерти, согласно изречению: «Спасающий душу свою ее потеряет». *Amor Dei* одновременно есть *mors Deo;* сходство любви и смерти нигде не проявляется так реально, как перед лицом Бога.

Любовь и знание *

Метафизическая уверенность не есть Бог, хотя и содержит в себе нечто от Бога. Вот почему суфии даже то, в чем они не уверены, сопровождают формулой: «Бог знает лучше» (*wa-'Llâhu a 'lam*).

Культ интеллектуального познания и ментальной страсти уводит человека все дальше от Истины. Интеллектуальное познание быстро подходит к концу, как только человек начинает полагаться исключительно на него. Ментальная страсть, следующая за интеллектуальной интуицией, подобна ветру, задувающему свет лампады.

Мономания духа, сопровождаемая бессознательной претензией, предубеждением, ненасытностью и спешкой, несовместима со святостью. Святость придает потоку мыслей некую скромность и сострадательность, наряду со спокойствием и великодушием. Подобные элементы, не причиняя ущерба духовному побуждению или энергии истины, освобождают дух от страстного томления и обеспечивают, таким образом, как интегральность мысли, так и безупречность вдохновения.

Согласно суфиям, ментальная страсть должна быть отнесена к «сообществу» сатаны, подобно другим формам «идолопоклонства» страстям. Она не может иметь Бога своим непосредственным объектом, так как если бы Бог был ее непосредственным объектом, она лишилась бы своих специфически негативных характеристик. Она не имеет в себе и принципа покоя, ибо не сознает своей собственной нужды.

---

* Из *Spiritual Perspectives and Human Facts,* часть пятая, глава 2.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

Человек обязан остерегаться двух вещей: во-первых, ни в теории, ни на практике не подменять Бога функциями и продуктами интеллекта и не рассматривать Его исключительно с точки зрения упомянутых способностей; а во-вторых, не замещать никаких «механических» фактов духовности добродетелью, то есть человеческими ценностями, и рассматривать добродетель в связи с красотой, а не исключительно в связи с ее «технической» утилитарностью[1].

Интеллектуальное познание имеет только одну природу, которая лучезарна. Тем не менее ей присущи многообразные функции, и действует она на разных уровнях, поэтому и создается впечатление, что существует множество отдельных форм интеллектуального познания. Недостаточно обладающего «логическими», «математическими», или, как говорят, «абстрактными» качествами интеллектуального познания, чтобы постичь все аспекты реального. Нельзя настойчиво подчеркивать «визуальную» и «эстетическую» значимость интеллектуальной способности. В реальности все напоминает игру чередований между тем, что предопределено, начиная с принципов, и тем, что не поддается исчислению, а иногда и вовсе является непредвидимым, и познается лишь при конкретной проверке, а не путем абстрактного «распознания».[2]

В рассуждениях о формальных элементах болезненным было бы отворачиваться от эстетической функции интеллекта. Религия открывается свыше не только посредством доктрины, но и в общей форме послания, которая имеет свою характерную красоту, и эта красота отражается в каждом аспекте религии — от ее «мифологии» до искусства. Священное искусство выражает Реальность в соответствии с определенным духовным видением. Эстетический интеллект созерцает манифестации Духа там, где глаз видит лишь цветочки. Поэтому, например, чтобы глубоко понять буддизм, не будучи буддистом от рождения, недостаточно изучения его доктрины, а прежде всего необходимо проникнуть в красоту языка буддизма, который дает о себе знать в священном образе Будды и в так называемой «проповеди цветка».[3]

Эстетическая функция интеллектуального познания, если ее можно так назвать при отсутствии лучшего понятия, присутствует не только в форме, но и в процессе каждой духовной манифестации. Истина должна провозглашаться не только согласно определенным пропорциям, но и в соответствии с определенным ритмом. О священных предметах нельзя говорить «как попало», и нельзя о них говорить безо всяких ограничений.

Каждая манифестация имеет законы, которые интеллектуальное познание, манифестируя себя, обязано соблюдать, ибо в противном случае страдает истина.

Интеллект не есть нечто чисто умственное и не является специфи-

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

чески человеческим или ангельским. Все существа «обладают» им. И если золото не является свинцом, это потому, что оно «знает» Божественное лучше. «Знание» кроется в самой его форме, а это значит, что само знание ему не принадлежит, ибо материя не познает. Тем не менее, можно сказать, что роза отличается от лилии «интеллектом», то есть своим «знанием» и, следовательно, своим модусом интеллектуального постижения. Если существа «пассивны» и «периферийны» [по своему положению в структурной иерархии бытия], то интеллектуальное познание скрывается в их форме, а если существа «центральны», «активны» и «сознательны», тогда интеллектуальное познание проявлено в их сущности. Благородное животное или прекрасный цветок в «интеллектуальном» отношении стоят выше порочного человека.

Растению Бог открывается в виде солнечного света. У растения непреодолимое влечение к свету; оно не может быть атеистическим или безбожным.

Безошибочный «инстинкт» животных является низшим «интеллектом», а человеческий интеллект следует называть высшим «инстинктом». Между инстинктом и интеллектом находится разум, тревоги которого связаны с тем, что он есть некое «люциферическое» повторение Божественного Интеллектуального познания — единственного интеллектуального познания, которое реально.

Знание фактов зависит от случайностей, тогда как принципиальное знание от них не зависит. Уровень фактов в некотором отношении противоположен уровню принципов, ибо он заключает в себе такие неуловимые моменты и модальности, которые прямо противоположны математической строгости универсальных законов. По крайней мере создается такая видимость, ибо очевидно, что универсальным принципам они не противоречат. Даже под покровом неисчерпаемого многообразия всяческих возможностей их неподвижность всегда налицо при условии, что интеллектуальное познание находится в соответствующем состоянии для их распознания.

Стало быть, если интеллект является независимым и непогрешимым в своей основе, то на уровне фактов он распознает не иначе как условно. Более того, на уровне фактов Бог по собственному желанию может выдвинуть определенные вещи, которых порою нельзя предвидеть, так что принципиальное знание таких вещей можно принять во внимание лишь *a posteriori*.

Скрытые причины, как космические, так и человеческие, должны признаваться в том случае, когда их вмешательство соответствует природе вещей, а не как попытка угодить постулату, в котором теряется из виду и метафизическая основа, и ее практическое значение. При виде водопада, даже если в нем и утонул святой, не обязательно считать, что

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

им движет магическая сила. Тот факт, что некоторые люди творят зло более сознательно, чем другие, отнюдь не позволяет нам утверждать, что любое человеческое счастье, как по своему размеру, так и в своих последствиях есть результат сознательных действий. Еще меньше это позволяет нам говорить, что любое дело, имеющее отрицательный аспект, было предпринято именно с целью достижения этого результата. Человеческое зло направлено на непосредственный объект, а не на его космическую подоплеку. Будь это по-другому, оно, в конце концов, растворилось бы в знании. Если бы Вольтер смог предвидеть несчастья двадцатого века, он постригся бы в картезианские монахи...

Строго говоря, доктринальное знание не зависит от индивидуальности. Но актуализация знания отнюдь не является независимой от человеческой способности действовать в качестве его инструмента. Обладающий истиной должен, тем не менее, быть ее достойным, несмотря на то, что дар дается ему бесплатно. Истина неизменна в самой себе, но внутри нас она живет, поскольку мы живы.

Если мы хотим, чтобы внутри нас обитала истина, мы обязаны жить в истине.

Знание спасает нас лишь при условии, что оно захватывает нас полностью, что оно является путем, что оно действует и преображает, и возделывает нашу природу подобно тому, как плуг возделывает почву.

Сказанное означает, что одно только интеллектуальное познание и метафизическая уверенность не спасут; сами по себе они не удержали титанов от падения. Это как раз объясняет психологические и другие предосторожности, которыми каждая традиция окутывает дар своей доктрины.

Когда метафизическая доктрина действенна, она порождает любовь и разрушает высокомерие. Она порождает любовь, а стало быть, и спонтанное устремление воли к Богу, и восприятие «себя» и Бога в образе своего ближнего.

Она разрушает высокомерие, ибо знание не позволяет человеку переоценить себя или недооценить других. Превращая в пепел все, что Богом не является, она приводит все вещи в порядок.

Все, что св. Павел говорит о милосердии, относится к действенному знанию, ибо последнее есть любовь, так что апостол противопоставляет ее теории настолько, насколько теория является концепцией сугубо человеческой. Св. Павел хочет, чтобы истина созерцалась всем нашим существом, и подобную целостность созерцания он называет «любовью».

Метафизическое знание свято. Это право священного требовать от человека его всего.

Можно сказать, что интеллектуальное познание, поскольку оно различает, постигает пропорции. Духовный человек интегрирует эти пропорции в свою волю, в свою душу, в свою жизнь.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

Все дефекты — это дефекты пропорции; они суть заблуждения, которыми люди живут. Быть духовным — означает в своем бытии не отступать ни на шаг от того, что утверждаешь своим знанием, то есть от того, что одобрено интеллектуальным познанием.

Истина, которой человек живет — это твердость в добре и щедрость. Поскольку невежество характеризует человека целиком, а не только лишь его мышление, знание тоже должно охватить нас полностью, то есть настолько, насколько наши экзистенциальные модальности по своей природе способны причаститься Истине.

Человеческая природа заключает в себе темные элементы, которых интеллектуальная уверенность не в состоянии *ipso facto* устранить...

Чистая интеллектуальность безмятежна, как летнее небо, — безмятежна такой безмятежностью, которая не только абсолютно незыблема, но и бесконечно щедра.

Иссушающий сердце интеллектуализм не имеет ничего общего с интеллектуальностью.

Неподверженность порче, или незыблемость Истины не связана ни с презрением, ни с корыстолюбием.

Что такое человеческая уверенность? Она может быть совершенной на уровне идей, но в самой жизни она редко свободна от иллюзий.

Все мимолетно, и каждого ждет неминуемо смерть. Всем это известно, и, тем не менее, никто этого не знает.

Принимая самые высокие трансцендентные идеи, человек при этом может иметь совершенно иллюзорные интересы и охотно верить, что стоит выше кого-то другого, кто, не имея подобных интересов — может быть потому, что слишком интеллигентен или слишком благороден, чтобы их иметь, — достаточно искренен в своем от них отказе, хотя, тем не менее, он может быть более способным постичь эти идеи, нежели тот, который их принял. Человек не всегда принимает истину потому, что ее понимает; часто он верит, что понимает ее, потому что страстно желает принять.

Люди часто обсуждают истины, а на деле им следовало бы ограничиться обсуждением вкусов и склонностей...

Острота интеллектуального познания есть благо лишь в том случае, когда дополняется величием и гармоничностью души. Она не появится в виде дисбаланса или эксцесса, раскалывающего человека надвое. Природный дар требует дополнительных качеств, дающих возможность для его гармонической манифестации; в противном случае возникает опасность, что свет будет смешан с тьмою.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

«Четыре драгоценности» человеческой жизни*

Мы убедились, что мир, жизнь и человеческое существование на практике представляют собой сложную иерархию уверенностей и неуверенностей. На вопрос, что в первую очередь должен делать человек, находящийся в мире загадок и колебаний, следовало бы ответить, что четыре заповеди должны соблюдаться, или четыре драгоценности не должны теряться из виду: во-первых, человек обязан принять Истину; во-вторых, помнить это постоянно; в-третьих, сторониться всего, что противоположно Истине и неизменному осознанию Истины; и, в-четвертых, делать все в согласии с этим.

Внешне и с человеческой точки зрения, вся религия полностью и вся мудрость в целом сводится к этим четырем правилам: каждая традиция печется о непреложной Истине, о законе «присоединения к Реальному», о «воспоминании», о «любви» к Богу, и, в заключение, о запретах и предписаниях; все это возводит строение элементарной достоверности, которая охватывает и устраняет человеческую неуверенность и, таким образом, всю проблему земного существования сводит к одновременно простой и предвечной геометрии.

БОГОСЛОВИЕ И ФИЛОСОФИЯ

Человек и уверенность**

Человеческая жизнь полна неуверенности, и человек теряет себя в неуверенности вместо того, чтобы держаться за то, что абсолютно надежно в его судьбе, а это — не что иное, как смерть, Судный День и Вечность. Кроме перечисленных, есть и четвертая несомненность, непосредственно доступная человеческому опыту, и это есть настоящий момент, в котором человек имеет свободу выбора между Реальным и ил-

---

* Из *Logic and Transcendence,* стр. 256–266.

** Из *Studies in Comparative Religion* (название журнала), Spring 1972, стр. 70.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

люзорным, и, таким образом, возможность убедиться в ценности трех великих эсхатологических истин. Сознание мудреца прямо или косвенно основывается на этих трех основах посредством «воспоминания Бога».

Кроме фактора последовательности мы должны учитывать одновременность, которая опирается на символизм пространства: окружающий нас мир полон возможностей, предоставленных нашему выбору, желаем мы этого или нет; таким образом, он полон неопределенностей — не последовательных, как в потоке жизни, но одновременных, наподобие вещей, которые предоставляет нам пространство. Желающий покончить с неопределенностью должен опереться на абсолютно достоверное, на то, что превышает нас, а это суть Бог и наше бессмертие в Боге. Но даже здесь, в земной жизни, есть нечто абсолютно достоверное среди многочисленных и приводящих в замешательство возможностей этого мира, есть нечто, что сакральные формы предоставляют в виде многочисленных проявлений, и это есть не что иное, как метафизическая истина и «воспоминание Бога», тот центр, который внутри нас и который, по мере нашего в нем участия, ставит нас на вертикальную ось Неба, Бога, Самости.

Человек обнаруживает себя в пространстве и во времени, в мире и в жизни, и эти две ситуации предполагают две эсхатологические и духовные оси, одну статическую и «вертикальную», другую динамическую и «горизонтальную», более или менее временную; так что ум созерцательного человека воспринимает случайности с точки зрения Абсолюта, устремлен к нему и ведет его к нему. Но эти разные точки зрения становятся объектами рассмотрения лишь в той мере, в какой мудрец необходимо осознает условные ситуации; они же характеризуют его способ восприятия собственной относительности. Во всем этом контексте, но совершенно от него независимо и никоим образом не поддаваясь «локализации», кроется тайна того, что знание есть бытие, а бытие есть знание; иными словами, достоверность «последовательности» и «одновременности», или «жизни» и «мира», формирует необходимые рамки для созерцания, репрезентируя некие точки отсчета, которые служат для нашего освобождения от мира и от жизни или этому освобождению способствуют. На самом деле, экзотеризм, являющийся необходимой основой для эзотеризма, в конечном итоге сосредоточен на элементах, касающихся нашей окончательной судьбы, то есть его волнуют Небо, Бог, смерть, Страшный Суд, Вечность, а также созвучие наших земных положений с упомянутыми реалиями.

Здесь важно понять, что актуализация сознания Абсолюта — «воспоминание Бога» или «молитва», в той мере, в которой они влекут за собой фундаментальную конфронтацию между творением и Творцом, предполагает любое положение на двух упомянутых осях: это — смерть и встре-

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

ча с Богом, и это уже переносит нас в Вечность, в этом уже есть нечто от Рая, а в своей таинственной и «несотворенной» квинтэссенции — даже нечто от Бога. Сущностная молитва спасает от мира и от жизни, ибо она обновляет и проливает божественную влагу на покров призрачной видимости, на поток форм, и нашему присутствию среди игры феноменов придает новое значение.

Чего нет здесь, того нет нигде, и чего нет сейчас, того не будет никогда. Как налицо настоящий момент, в котором я волен отдать предпочтение Богу, так наступят смерть, Судный День и Вечность. Подобным образом, в этом же центре, в этой Божественной точке, которую я волен предпочесть всему безграничному и многообразному миру, я уже нахожусь внутри невидимой Реальности.

Чудеса как доказательство существования Бога*

Совсем к другому разряду, нежели интеллектуальные доказательства существования Бога и потустороннего мира, относится такой вид доказательств, в котором на первое место ставится нечто чисто феноменальное, а именно — чудо. Совершенно обратно предположению большинства людей, чудеса, ни в малейшей степени не будучи противоположны разуму, убеждают не так, как это делают физические следствия, которые могут доказать определенные причины, ибо в подобном случае имеющаяся достоверность была бы лишь приблизительной, так как причинность чудесного не поддается проверке; это, между прочим, и есть то возражение, в большинстве случаев выдвигаемое против упомянутой выше убедительности наряду с привычным отрицанием такого явления, как чудо, вообще. То, на что устремлено чудо и что происходит на самом деле, это — снятие покрова; оно действует как хирургическое вмешательство, которое, не ограничиваясь одним лишь абстрактным обсуждением, удаляет препятствие конкретным путем. Чудо разрушает преграду, отделяющую внешнее и способное на заблуждение сознание от внутреннего и безошибочного сознания, которое является всеведущим и блаженным. Посредством «лечебного шока» оно освобождает душу от ее оболочки невежества, но оно не добилось бы успеха, ограничиваясь лишь убеждением посредством демонстрации феномена, поскольку в этом случае, как мы видели, допустимо множество сомнений относительно уровня и значимости чуда.

* Из *Logic and Transcendence,* стр.72–73.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

Феномен чудесного существует, и, несмотря ни на что, с одной стороны, он несет в себе сверхъестественное, а с другой — естественное. Однако сверхъестественное не является противоестественным; оно само по себе «естественно» в универсальном плане. Если Божественный Принцип является трансцендентным по отношению к миру и в то же время заключает последний внутри своей уникальной субстанции, то чудеса должны происходить; небесное должно иногда прорываться в земное. Центр должен появиться на периферии, подобно вспышке молнии. Пользуясь примером из физической области, можно сказать, что невелика цена инертной материи, однако золото и алмазы в ней все-таки встречаются. В метафизическом смысле чудо есть возможность, которая, согласно иерархической структуре всего Универсума, необходимо должна быть проявлена как таковая.

Очевидность и тайна*

Бог создал мир из ничего; так учат семитские богословы, и этим путем они преодолевают следующую трудность: если бы Бог сотворил мир из некой предсущей субстанции, эта субстанция сама должна быть или сотворена, или божественна. Творение не есть Бог, поэтому оно не может эманировать из Бога; существует непреодолимая пропасть между Богом и миром, и ни один не может стать другим; они несопоставимы в их величии, реальности и совершенстве.

Главная задача такого рассуждения заключается не в незаинтересованном восприятии природы вещей, а в охране простого и непреложного понятия Бога, учитывая при этом такую ментальность, которая более активна, нежели созерцательна. Таким образом, задачей в данном случае является создание не метафизического утверждения, которое не затрагивает воли, или по видимости не затрагивает ее, а — ключевого понятия, рассчитанного на то, чтобы завоевать души, в большинстве своем связанные с волевым и активным началом, а не с знанием и созерцанием; здесь метафизическое ограничение является следствием приоритета, рассчитанного на то, что полезно для управления душой и ее спасения. Поскольку дело обстоит так, справедливо утверждение, что вследствие сложившихся обстоятельств религиозная мысль семитов является чем-то вроде динамической мысли с моральными обертонами, а не статической мыслью в стиле греческой или индийской мудрости.

С точки зрения последней, идея эманации, вместо *creatio ex nihilo*, никоим образом не ставит под угрозу ни трансцендентности, ни непод-

* Из *Logic and Transcendence,* глава 6.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

вижности Бога; между миром и Богом существует одновременно как прерывность, так и непрерывность в зависимости от того, основывается наше понятие Вселенной на схеме концентрических кругов или на одном из радиусов, идущих от центра к периферии. Согласно первому способу видения, ведущему от сотворенного к несотворенному, условное и Абсолютное — несоизмеримы, а согласно второму способу видения, ведущему от Принципа к его манифестации, есть лишь одна Реальность, заключающая в себе все и исключающая только ничто, по той простой причине, что последнее вообще лишено реальности. Мир есть либо произведенное из пустоты и, следовательно, — абсолютно иное, чем Бог, либо он является «свободно необходимой» и «необходимо свободной» манифестацией Божества, или Его Бесконечности, ибо необходимость и свобода суть Божественные совершенства.

Что касается утверждения, будто креационистская концепция стоит выше так называемой эманационной, или пантеистической концепции, потому что она библейская и от Христа, и что платоновская доктрина не может быть верной, потому что Платон не может стоять выше Христа или Библии, то такое утверждение просто уходит от истинной сути вопроса. Во-первых, то, что правильно или неправильно называется «эманационизмом»[1], вовсе не является изобретением Платона, так как его можно обнаружить в самых различных священных текстах; во-вторых, Христос, хотя и был традиционно заодно с креационистским положением, все-таки не учил ему явно и нигде не опровергал противоположного тезиса. Послание Христа, как и послание Библии, не является *a priori* учением метафизической науки; это, прежде всего, учение о спасении, однако косвенным путем и под покровом соответствующего символизма оно по необходимости заключает в себе метафизику во всей ее полноте. Поэтому противопоставление божественной Библии и человеческой философии, или — Христа и Платона, не имеет смысла в том случае, когда рассматриваются данные метафизические истины; и то, что платоновская перспектива дальновиднее библейской, вовсе не ставит под сомнение Библию, которая учит тому, что полезно и необходимо с точки зрения морального или духовного добра определенной части человечества, так что это, в свою очередь, не создает никакого преимущества для платоников, которые могут быть всего лишь мыслителями, а могут быть и святыми, если усвоили ту Истину, которую сами провозглашают.

Для платоника совершенно логично, что мир есть необходимая манифестация Бога и что мир безначален; если монотеисты семиты верят в творение из ничего и творение во времени, это, очевидно, не потому, что они, как полагают некоторые, думали, что обладают правом или привилегией принимать «сверхлогические» положения, которые с человеческой точки зрения выглядят абсурдом; совсем наоборот — идея творения

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

кажется им единственно разумной и поэтому единственно способной к логической демонстрации, что именно и подтверждает тот метод аргументации, который ими используется в богословии. Считая за начало аксиому, что Бог создал мир из ничего, семиты размышляют *grosso modo* следующим образом: поскольку один только Бог имеет Бытие, мир не может его с Ним разделять; таким образом, должно быть время, когда мира не было; один только Бог может дать ему существование. В религиозном плане, который в отношении космологии требует не больше, чем минимума, необходимого или полезного для спасения, эта идея творения вполне достаточна, и поддерживающие ее логические соображения вполне состоятельны в рамках своих ограничений, ибо они, во всяком случае, передают ключевые истины, способствующие более полному пониманию природы Бога в том виде, в котором Он соизволил явить Себя в монотеистических религиях.

Не один раз нам предоставлялась возможность упомянуть следующий ошибочный довод: если бы Бог сотворил мир из внутренней необходимости, как утверждают платоники, это значило бы, что Он вынужден был его создать и, таким образом, Он несвободен; а поскольку это невозможно, творение может быть только добровольным актом. Однако равным образом можно утверждать, что если Бог Один, или если Он Троица, или если Он всемогущ, или если Он благой, то Он и должен таким остаться, и, следовательно, Его природа является итогом принуждения, *quod absit*. Каждый раз мы сталкиваемся с нашей неспособностью воспринять антиномные реалии и понять, что если свобода, как отсутствие принуждения, является совершенством, то необходимость, как отсутствие произвола, тоже является совершенством.

Если в противоположность пифагорейско-платоновской перспективе выдвигается понятие Абсолюта, тройственного в самой своей сущности и поэтому лишенного тех уровней реальности, которые только и могут объяснить ипостатические поляризации Абсолюта, творящего помимо всякой метафизической необходимости и, вдобавок, действующего без какой-либо причины или повода, и если в то же самое время во имя исключительности «христианского сверхнатурализма» заявляется право на священную нелогичность, тогда все-таки надо объяснить толком, что же такое есть логика и что такое есть человеческий разум; ибо если наше интеллектуальное познание в самой своей структуре чуждо или даже противоположно Божественной Истине, то что же оно такое и почему Бог его нам дал? Иначе говоря, что это за Божественное послание, если оно противоречит законам интеллектуального познания, которому оно по существу и адресовано, и что тогда значат слова, что человек сотворен «по образу Божию»?[2] И какой мотив мог бы побудить нас принять такое послание, которое противостоит не земному материа-

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

лизму или нашим страстям, но самой субстанции нашего духа? Ибо под «плотской мудростью», упоминаемой апостолом Павлом, не имеется в виду любая форма метафизики, неведомая Евангелиям, или логика как таковая, поскольку апостол тоже пользуется логикой; под ней имеются в виду рассуждения светских людей, стремящихся оправдать свои страсти и свое высокомерие, подобно софистике или эпикурейству, которым в наши дни соответствует существующая сегодня философия мира. «Плотской мудростью» также является беспочвенная философия, которая не ведет нас вовнутрь и которая не открывает пути для духовной реализации; эта философия сродни «искусству ради искусства», она ни к чему не приводит и поэтому пагубна и пуста.

Непонимание платонического и восточного эманационизма со стороны богословов возникает ввиду того обстоятельства, что монотеизм исключает существенное для метафизики понятие Божественной Относительности, или *Майи*[3]; это исключение (или на практике — невежество) и препятствует пониманию того факта, что «абсолютный Абсолют», Над-Бытие, и «относительный Абсолют», творящее Бытие, вполне совместимы и что это различие даже является решающим. Божественная Майя, Относительность, есть необходимое следствие самой Бесконечности Принципа: она есть, ибо Бог бесконечен и Он заключает в себе измерение релятивности, а поскольку Он содержит в себе это измерение, Он манифестирует мир. К этому надо добавить следующее: поскольку мир является манифестацией, а не Принципом, относительность, которая с самого начала есть лишь определение, ограничение и проявление, производит ту особую модальность, в которой обнаруживается «зло». Зло коренится отнюдь не в наличии плохих вещей или их экзистенциальных свойств, и даже не в способности к чувствованию или действию, если речь идет о живых существах, и даже не в поступках, насколько они есть проявление силы; зло состоит лишь в том, что есть лишение или негативность по отношению к благу, и функцией зла является манифестация в мире его аспекта разлученности с Принципом, а также исполнение своей роли в сфере равновесия и ритма, чего требует экономия сотворенной Вселенной. С этой точки зрения зло, хотя полностью злом и остается, когда рассматривается в отдельности, тем не менее присоединяется к добру и растворяется как зло в своем космическом контексте и в своей универсальной функции.

Платоники вообще не чувствуют никакой нужды в заполнении той кажущейся бреши между чистым Абсолютом и причинным, или творящим Абсолютом; именно потому, что они осознают как относительность *in divinis*, так и Божественную причину этой относительности, они и являются эманационистами. Иначе говоря, у эллинов налицо своеобразная идея *Майи*, даже при отсутствии подходящего для этого слова, что и подтверждает их доктрина эманации.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

* * *

Теория «пресуществления» (*transubstantiation*) дает пример перехода неспосланной свыше предпосылки в сферу особой логики.[4] Логика является особой не в смысле своего функционирования, ибо дважды два всегда будет четыре, а в своих естественных предположениях, которые у римлян обладают характером физического эмпиризма и юрисдикции — отсюда их склонность к четким уравнениям и упрощенным, непреодолимым противоположностям. Когда Иисус, представитель Востока, выражается следующим образом: «сие есть тело мое, сие есть кровь моя», на языке Востока это означает, что хлеб и вино эквивалентны телу и крови Иисуса в контексте Божественных свойств и спасительной мощи, которые как раз и придают телу и крови ценность и являются их достаточной причиной; однако на языке Запада слова Христа могут иметь значение лишь строгого и сплошного физического уравнения, как будто любое такое уравнение несет в себе хотя бы крошечную метафизическую или священную пользу.[5] Тем не менее, можно признать, что догматизм является неизбежным в окружении эмоционального тоталитаризма и что, следовательно, в этой среде он представляет собой наиболее эффективное решение, с точки зрения безопасности таинства. Также можно признать, оставив в стороне любой вопрос о целесообразности, что Латеранский Собор был прав в том смысле, что составные части Евхаристии, даже оставаясь такими, какие они есть, очевидно, не могут быть такими, какие они есть, после того, как Божественное Присутствие, или Сила, проникшая внутрь хлеба, каким-то образом изменила его субстанцию. Тем не менее, такое соображение ведет нас в область неопределенного и невыразимого и не в состоянии полностью оправдать логику теории пресуществления; в любом случае, слова Христа, рассматриваемые как подтверждающие необходимость подобной формулировки, на самом деле вовсе не делают ее необходимой, поскольку восточный эллипсис* отнюдь не является математическим или физическим уравнением: «быть эквивалентом в некотором отношении» не обязательно означает «быть тем же самым предметом в любом отношении».

Подход к вопросу может быть следующим: если предметы Евхаристии поистине и буквальным образом становятся телом и кровью Иисуса, то насколько же мы сами оказываемся превосходнее этой, так сказать, «магической операции», учитывая, что ценность этого тела и этой крови надо искать в их Божественном содержании и что это само содержание может пронизывать хлеб и вино даже без какого бы то ни было «пресуществления»? Стало быть, мы неспособны ни пожелать, ни получить

* Эллипсис (греч. ellipsis, «нехватка») — опущение какой-то части текста, легко подразумеваемой по контексту.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

что-нибудь большее, нежели Божественное Присутствие; если это Присутствие наблюдалось бы в дереве, то дерево было бы равноценным телу Христову, и отпала бы необходимость спрашивать себя, была ли древесина чем-то другим, чем древесина, или же сделать вывод, что она была деревом, не являясь деревом, или — что она была «формой», противоречащей своему содержанию, и так далее. Не тело освящает Бога, а Бог освящает тело Иисуса.

Чтобы не осталось никаких недоразумений, скажем так: мы не имеем предвзятого мнения относительно идеи пресуществления, но если кто-нибудь заявит, что подтверждение этой идеи находится в словах Христа, то нам не останется выбора, как только возразить, что эти слова не предполагают приписываемого им значения. Однако, оставив в стороне вопрос о внутренней истине, можно признать, что идея пресуществления имеет ценность побудительного довода, вполне подходящего для того, чтобы предупредить любую натуралистическую или психологическую интерпретацию таинства в обществе, слишком падком на такого рода подмены.

* * *

Тринитарное богословие создает заметное расхождение между очень тонкой и сложной трансцендентной реальностью, которую сам Блаженный Августин называет «неисчерпаемой», и догматически затвердевшей и односторонней в своем благочестии логикой, обусловленной необходимостью приспособить тайну в большей степени к волевой, нежели к созерцательной ментальности. Это богословие Троицы не представляет собой ясного и гомогенного откровения; оно возникает, с одной стороны, как концепция пресуществления, благодаря буквальной и квази-математической интерпретации некоторых слов Писания, а с другой стороны — она есть итог различных точек зрения, связанных с разнообразными измерениями Реальности.

Первый парадокс тринитарной концепции заключается в утверждении, что Бог одновременно является абсолютно единым и абсолютно тройственным. Тем не менее, только единица выражает абсолютность; тройка обязательно относительна, если только она не находится в недифференцированном и лишь потенциальном единстве, ибо, когда она рассматривается отдельно, то выражает относительную точку зрения, точно такую же, как в случае ведантической триады Сат (Бытие), Чит (Интеллект), Ананда (Блаженство). Второй парадокс тринитарной концепции заключается в утверждении, что Божественные Личности отличны друг от друга, хотя каждая из них идентична Сущности, и это утверждение не могут сгладить никакие объяснения, поскольку ни один богослов не согласится с тем, что в одном отношении Личности стоят ниже

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

Сущности, а в другом отношении — Личности неразличимы. Наконец, третий парадокс заключается в утверждении, что Личности есть лишь отношения и что, помимо этих отношений, они являются Сущностью, хотя это равносильно заявлению, что они — ничто, ибо чистое и простое отношение не представляет собой ничего конкретного. Возможно одно из двух: либо отношения сообщают Личностям определенную субстанцию, и, благодаря этой субстанции, одна Личность отлична от других Личностей; либо отношения не сообщают субстанции, и тогда Личность является чистой абстракцией, о которой и говорить бесполезно, если только она не является Сущностью в том смысле, что Сущность заключает в себе отношения, высвечивающие природу Личности, что привело бы нас к моделизму савеллианства.[6]

Однако в тринитаризме есть и четвертая трудность, а именно его исключительный характер с нумерической точки зрения, если допустить такое неадекватное выражение. Ибо если Бог неоспоримо заключает в себе Троицу, которую в Нем обнаруживает христианство, то Он, стало быть, заключает в себе и другие нумерические аспекты, которые учитываются другими традиционными перспективами. Именно это многообразие по-своему указывает на относительность, хотя и в самом возвышенном смысле, понятия Троицы и, прежде всего, — «Божественного измерения», определяющего эту идею.

Христианство основывается на идее и реальности Божественной Манифестации. Если бы оно было не религией, а доктриной мудрости, оно могло бы заниматься описаниями того, почему и как Абсолют манифестирует себя; однако, будучи религией, оно вынуждено все рассматривать в рамках своей основной идеи Манифестации; Абсолют, таким образом, должен быть представлен исключительно в этом отношении, и именно это вызывает возникновение тринитарной доктрины не только самой по себе, но и в ее богословской, а следовательно — тоталитарной и исключительной форме.

* * *

Согласно первой возможности интерпретации Святой Троицы, Отец является Абсолютом, тогда как Сын и Дух Святой относятся к сфере Релятивности, составляя, в некотором смысле, ее основание. Подобная интерпретация неопровержима, так как если бы Сын был Абсолютом, он не назывался бы «Сыном» и даже не воплощался бы; и если бы Дух Святой был Абсолютом, он не мог бы ни исходить, ни быть посланным или делегированным. Факт воплощения подтверждает относительность Сына по отношению к Отцу, но отнюдь не по отношению к людям, для которых Сын является манифестацией Абсолюта. Правда, слова Христа, утверждающие его субординацию, приписываются лишь его человеческой при-

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

роде, однако подобное рассуждение является произвольным и пристрастным, поскольку человеческая природа зависит от своего Божественного содержания; если она часть Сына, то она должна манифестировать его содержание. Тот факт, что эта человеческая природа существует и что ее проявления прямо-таки говорят о ее субординации, а тем самым — об ипостасной субординации Сына, показывает, что интерпретация Сына как первой Относительности, противопоставленной Абсолютному Отцу, не противоречит Писаниям и в своей основе неопровержима.

Но есть и другая интерпретация Троицы, на этот раз горизонтального порядка, соответствующая другому реальному аспекту таинства: Бог есть Абсолют, Он — единственная Сущность (*Essence*), тогда как три Личности суть первые Относительности, в том смысле, что в плане, который уже является относительным, они актуализируют неделимые характеристики Сущности. Эта интерпретация тоже неопровержима и соответствует Писанию ввиду того, что в Писании есть выражения, которые объяснимы лишь с ее помощью; именно эта интерпретация оправдывает утверждение, что Божественные Личности равны и в то же самое время, в ином контексте, — обязательно не равны. Тот факт, что Сущность принципиальным и синтетическим образом и без какой-либо дифференциации *a posteriori* на уровне порождающей многообразие Относительности заключает в себе эти три Качества, или Силы, называемые «Личностями», позволяет предполагать, что они равны по отношению к единой Сущности. С этой точки зрения очевидно, что каждая «Личность» есть Сущность в тотальном и прямом смысле; относительность, которая иначе была бы невозможна, коренится в самом Абсолюте, внутренним или внешним измерением которого она является в зависимости от того, рассматривается ли она как чистая возможность или как проекция.

Все только что сказанное предполагает, что Троица утверждает себя на трех уровнях, которые экзотеризм путает, ибо не может поступать иначе, ради своего упрощающего синтеза и ради психологического удобства, ведомый некоторыми человеческими склонностями или слабостями. Первый уровень, как мы уже видели, это уровень самой Сущности, где Троица реальна, потому что Сущность (*Essence*) не терпит лишения, однако она недифференцированна, потому что Сущность не допускает различия; с этой точки зрения можно сказать, что каждая Личность, или каждое Качество-Принцип, тем самым суть и каждое иное, чего нельзя было бы сказать с точки зрения относительности, порождающей многообразие. Второй уровень — это уровень Божественной Относительности, творящего Бытия, персонального Бога: здесь все три Качества-Принципа разделяются на Личности; одно не является другим, так что утверждать безо всякой метафизической оговорки, что они — это Сущность, это значит, топчась на месте, идти в сторону абсолютности и нераздe-

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

льности либо благодаря диалектическому эллипсу, либо из-за отсутствия распознания и руководствуясь мистическими эмоциями. Можно выделить и третий уровень, на этот раз уже космический, но с человеческой точки зрения, определяющей богословие, все еще божественный, и это есть лучезарный центр космоса, «Тройная Манифестация» (*Trimurti*) индуистской доктрины и «Дух» (*Ruh*) учения ислама; здесь также присутствует, излучает и действует Троица. Повторим: первый метафизический уровень — это уровень Сущности; второй — многообразной Личности или метакосмической Относительности; третий — многообразной и манифестированной Личности, или космической Относительности, все еще Божественной и, таким образом, принципиальной и центральной. Надо сказать, что эти три уровня в указанном порядке соотносятся с тремя ипостасями, притом каждый уровень своеобразно заключает в себе Троичность.

О Воле Божьей *

Загадочное выражение «Бог делает то, что пожелает» становится ясным благодаря следующему доводу. В «Исходе» говорится, что «сердце фараоново ожесточилось», или что «фараон ожесточил сердце свое»; также неоднократно говорится, что «Ягве ожесточил сердце фараоново», и Бог изрекает: «Я отягчил сердце его и сердце рабов его»; это показывает, что оба с виду противоречащие друг другу выражения на самом деле суть синонимы. Соответствующим образом Коран гласит: «Бог сбивает с пути кого пожелает»; комментаторы уточняют, что «Бог сбивает с пути», отворачиваясь от тех, кто желает сбиться с пути, таким образом, оставляя их на попечение собственного мрака. Выражения «Бог сбивает с пути» или «Ягве ожесточил» объясняются стремлением напомнить, что Бог является причиной нашего света, и, следовательно, причиной нашего мрака может быть лишь отсутствие Бога;[1] отсутствие, вызванное люциферической жаждой от Него отлучиться, или, вернее, желанием, наподобие фараона, опираться на мудрость и силу, источник которой — вне силы и мудрости Божьей.

«Бог сбивает с пути» — говорится в Коране, в соответствии с подлинно семитским эллипсизмом; однако когда человек сбивается с пути — а мы видим, что Бог здесь является косвенной и неактивной причиной, — инициатива исходит от человека, то есть Бог манифестирует фундаментальную и глобальную возможность, которую человек воплощает, если только этот акт не является всего лишь мимолетным, ибо в подобном

* Из *Christianity/Islam*, глава 11.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

случае возможность представляет собой модальность второго порядка. Фундаментальная и характерная возможность индивидуума, определяющая ее окончательную судьбу, происходит из универсальной Возможности, а не является итогом постановления созидательного Принципа; последний — личностный Бог и законодатель — в отношении индивидуальных возможностей ограничивается облечением их в покров конкретного космического существования, как весьма удачно выразился Ибн Араби: они суть то, чем они «жаждут быть», как говорится в кораническом отрывке, где души перед своим нисхождением в космос свидетельствуют, что Бог их Господь. Иначе говоря, многообразные, как негативные, так и позитивные, возможности возникают из Бесконечности и Излучения божественной Самости: они позитивны благодаря своему соучастию и негативны по причине своей удаленности.

* * *

Grosso modo, немыслимо, чтобы Бог сотворил бы животное или растение, не обеспечив при этом ему средств существования, так что связь между творением и его витальной средой указывает в нравственном смысле на определенные обязательства со стороны Творца. Бог не сотворил разумное существо для того, чтобы ползать перед неразумным; Он сотворил его для того, чтобы тот познавал Его, начиная со сферы случайного, и именно для этой цели Он сотворил его разумным. Если бы Бог ничего не собирался давать человеку, он не сотворил бы его.

В общем виде заблуждение приверженцев полного послушания состоит в перемещении (по поводу избытка рвения) идеи «рабской зависимости» человека в онтологическом смысле в плоскость моральную, оскорбительным образом приписывая онтологически абсолютную подчиненность человеку с присущими ему чертами интеллигентности и свободы. Одно дело – экзистенциальная обусловленность человека, которую он разделяет с каждым камешком, а другое – его свобода, вытекающая из его богоподобной личности и являющаяся причиной его сопричастности Божественной природе.[2]

Во-первых, — и это существенно важно, — Божество «желает» Самого Себя; нет разницы между его «Желанием» и его Бытием; слово «Желание» здесь не обладает внешним значением, а просто относится к Бесконечности Абсолюта, ибо оно выражает сущность того, что внутри *Майи* является динамическим и космологическим измерением, или функцией Принципа, а именно: Излучение высшего Блага (сократовское или платоновское *Agathon*).

Во-вторых, — и в более относительном смысле, — на уровне этого Излучения Божественная воля имеет только одну цель: наделить сущес-

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

твованием, то есть спроецировать Все-Возможность Бесконечности в случайность, в относительность, а точнее — в Существование; это есть второй аспект Божественной Воли.

Наконец, в-третьих. Божество, вовлеченное в игру *Майи*, на этом основании или внутри этих рамок желает манифестировать свою собственную природу; в итоге личностный, законодательный и спасающий Бог регулирует человеческое поведение. Он требует добродетели и запрещает порок; Он воздает за добро и карает за зло. Однако Воля Его не может ретроспективно простираться, так сказать, до Его собственных Корней, или Сущности. Он «обязан» и «желает» принять фундаментальные и всеобщие космические последствия осуществляемого Излучения, поскольку для того, чтобы проявить Благо в мире, прежде всего требуется наличие самого этого мира. Воля Излучения, предшествующая и обуславливающая эту манифестацию, роковым образом создает дистанцию по отношению к божественному Источнику, и эта дистанция, наряду с многообразным, ступенчатым и контрастирующим развертыванием возможностей, порождает ограниченное и преходящее явление, называемое «злом».

Если мы хотим объяснить кажущиеся противоречия Божественной Воли, мы обязаны обратиться к только что намеченной перспективе, открывающей три уровня Божественной Воли, или «Субъективности» Принципа. Нелепо говорить, что одна и та же Субъективность, или Воля, с одной стороны — не желает греха, а с другой стороны — желает определенного греха; что один и тот же Субъект требует послушания, проявляя при этом определенную непокорность, или что Он желает того, что Он все-таки ненавидит. В данной последовательности идей христианское *distingue* между тем, чего Бог желает, и что Он позволяет, представляет большой интерес: Бог позволяет зло, ибо Он знает, что зло является онтологически неизбежной тенью всеобщего добра и что любое зло в конечном счете совпадает с добром; позволяя зло, Бог косвенным образом предусматривает добро, крошечным, преходящим и необходимым фрагментом которого как бы является упомянутое зло, так как случайность по своей природе требует и провоцирует контрасты, расколы и диссонансы. И лишь в указанном смысле можно утверждать, что все есть добро, поскольку Бог желает этого, и что никакая возможность не может находиться вне божественной Воли.

Если ашариты* ограничились бы утверждением, что воля Божья одна, поскольку Бог один, мы не имели бы против них никаких возражений по той простой причине, что ипостасные модусы Божьей Воли не

* Исламское течение, близкое к джабаритам и адаптировавшее идеи мутакаллимов. Основано в начале X в. Абу-ль Хасаном аль-Ашари.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

препятствуют ее сущностному единству. Воля Божья, желающая добра и мира, в итоге является всего лишь приложением Воли Божьей, желающей осуществляемого Излучения или желающей добра как Излучения; а эта первоначальная Воля, в свою очередь, есть лишь проекция внутренней Воли Сущности — Над-Бытия, имеющего в виду свое собственное Бытие. Наиболее «внешняя» Воля Божья в своей природе всегда содержит предшествующие ей онтологически ипостасные модусы, если только позволительно в данном случае называть «модусом» то, что есть чистая Сущность, по крайней мере, на своей вершине; иначе говоря, то, что Воля Божья по необходимости одна, вовсе не препятствует ее внешнему многообразию, предназначенному для ее осуществления на различных универсальных уровнях.

О предопределении и свободной воле *

Другим примером беспомощности человеческого разума, оставленного на собственное попечение, является проблема предопределения. Идея предопределения является просто выражением на языке человеческого неведения Божественного знания, которое одновременно и совершенно заключает в себе все возможности без какого бы то ни было ограничения. Иными словами, если Бог всеведущ, Он знает грядущие события, или, точнее, события, которые кажутся такими для существ, ограниченных временем; если Бог не знал бы этих событий, Он не был бы всезнающим; вследствие того, что Он их знает, они кажутся, так сказать, предопределенными относительно индивидуальной личности. Индивидуальная воля свободна настолько, насколько она реальна; если бы она не была ни в какой степени и никоим образом свободна, она была бы лишена всякой реальности; и действительно, по сравнению с абсолютной Свободой, она не имеет реальности, или, точнее, полностью отсутствует. Однако с индивидуальной точки зрения, являющейся точкой зрения человеческих существ, воля реальна в той степени, в которой они участвуют в Божественной Свободе, откуда индивидуальная свобода черпает всю свою реальность, благодаря существующей между ними причинной связи; отсюда следует, что свобода, как и все позитивные качества, Божественна сама по себе и человеку свойственна настолько, насколько не является собой полностью, подобно тому, как отражение солнца тождественно солнцу не как отражение, а как свет, так как свет един и неделим в своей сущности.

Метафизическую связь между предопределением и свободой можно

* Из *The Transcendent Unity of Religions,* стр. 50–51.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

проиллюстрировать, сравнив последнюю с жидкостью, заполняющей все извилины изложницы, или литейной формы, которая, в свою очередь, репрезентирует предопределение: движение жидкости в этом случае подобно свободному проявлению нашей воли. Если мы не в состоянии желать чего-нибудь иного, нежели того, что нам предназначено, это не мешает нашей воле быть тем, что она есть, а именно — относительно реальным соучастием в своем универсальном прообразе; как раз благодаря этому соучастию мы ощущаем и переживаем нашу волю как свободную.

Жизнь человека, а, следовательно, и индивидуальный цикл, модальностями которого являются и эта жизнь, и само человеческое состояние, в действительности содержится в Божественном Интеллекте как законченное целое, то есть как обусловленная возможность, которая есть то, что она есть, ни в одном из своих аспектов не являясь чем-то другим, нежели она сама, поскольку возможность есть не более, чем выражение абсолютной необходимости Бытия; отсюда следуют единство и гомогенность каждой возможности, которая, соответственно, есть нечто, что не может не быть. Сказать, что индивидуальный цикл содержится в Божественном Интеллекте в виде определенной формулы – то же, что сказать, что возможность содержится во Всеобщей Возможности, и именно эта истина предоставляет наиболее убедительный ответ на вопрос о предопределении. Индивидуальная воля в этом отношении будет выглядеть как процесс, последовательно реализующий необходимую взаимосвязь модальностей своей изначальной возможности, которая таким образом символически изображается или повторяется. Можно добавить, что, поскольку возможность существа неизбежно является возможностью манифестации, циклический процесс такого существа есть сумма аспектов его манифестации и, следовательно, его возможности, и что это существо проявлением своей воли всего лишь осуществляет в заниженном модусе свою одновременную космическую манифестацию; другими словами, индивидуальность аналитическим путем прослеживает свою синтетическую и первоначальную возможность, которая, в свою очередь, занимает необходимое место в иерархии возможностей, поскольку необходимость каждой возможности, как мы видели, метафизически основана на абсолютной необходимости Божественной Все-Возможности.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

О понятии философии *

Были ли Ибн Араби, ал-Джили и другие теоретики суфизма философами? Да и нет, в зависимости от значения, которое придается данному слову.

Согласно Пифагору, мудрость *a priori* является знанием звездного мира и всего того, что расположено над нами; так что *sophia* — мудрость богов, а *philosophia* — людей. Для Гераклита философом является тот, кто посвящает себя знанию сокровенной природы вещей; для Платона философия есть знание Неизменности и Идей; для Аристотеля это суть знание первопричин и принципов, наряду с науками, которые за ними следуют. К тому же для всех людей древности философия предполагает моральное соответствие мудрости: лишь тот является мудрым, *sophos*, кто живет мудро. В этом особом и определенном смысле мудрость Соломона есть философия; заниматься философией — это значит — жить согласно природе вещей, на основе благочестия, или «страха Божьего», то есть того, что является существенным и освобождающим.

Все это показывает, что в конечном итоге слово «философ» само по себе не означает чего-нибудь узко ограниченного и что нет оснований в законном порядке приписывать этому слову какие бы то ни было ассоциации с идеями, которые из него можно извлечь; в обиходе это слово применяется в отношении всех мыслителей, включая возвышенных метафизиков, ибо некоторые суфии считали пророками Платона и других греческих мыслителей, однако следовало бы сознательно ограничить употребление данного слова обозначением мудрецов, а профанических мыслителей просто называть «рационалистами». Тем не менее было бы вполне легитимным принять во внимание ставшее привычным злоупотребление языком, поскольку понятия «философия» и «философ» были скомпрометированы самым серьезным образом как древними, так и современными поклонниками разума; и действительно, большое неудобство этих понятий состоит в том, что они конвенционально предполагают, что нормой разума является рассуждение как таковое,[1] при отсутствии не только интеллектуального познания, но и необходимых объективных данных. Конечно, никто не является невеждой или рационалистом просто потому, что является логиком, но становится сразу и тем, и другим, если он всего лишь логик и не более.[2]

Согласно мнению всех профанических мыслителей, философствовать означает мыслить «свободно» настолько, насколько это возможно без исходных предпосылок, что, однако, совершенно невозможно; с другой стороны, гнозис или философия в надлежащем и первичном смысле

* Из *Sufism, Veil and Quintessence,* глава 5.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

слова есть мышление в соответствии с имманентным Интеллектом, а не только посредством одного лишь разума. Неразберихе способствует то, что в обоих случаях интеллектуальное познание действует независимо от внешних предписаний, хотя и по диаметрально противоположным причинам: так, рационалист в случае необходимости черпает свое вдохновение из предшествующих систем, что не мешает ему мыслить таким образом, который он считает «свободным», — что, конечно, неверно, ибо настоящая свобода совпадает с Истиной, — и, тем не менее, он действует подобным образом *mutatis mutandis*; то, что гностик, в ортодоксальном смысле слова, внешне опирается на определенное Писание или на учение другого гностика, вовсе не мешает ему мыслить внутренне свободно, благодаря имманентной Истине, или, вернее, Сущности, которая уже по своему определению указывает на отсутствие формальных ограничений. Или опять же: «думает» ли гностик, что он «видит» «оком сердца» или, наоборот, что «прозревает» благодаря предварительному и условному, но, тем не менее, действенному вмешательству мышления, которое принимает, таким образом, роль косвенно приуроченной причины, — это не имеет никакого значения по отношению к Истине или по отношению к почти сверхъестественному ее прорыву в духе.

Редукция понятия интеллектуальности к простой рациональности часто имеет своей причиной школьный предрассудок: св. Фома Аквинский — сенсуалист, иначе говоря, причины всего не богословского знания он сводит к чувственным восприятиям, для того чтобы принизить человеческий разум в пользу Писания; другими словами, потому что это позволяет ему всю славу «сверхъестественного» знания приписать исключительно Откровению. И Газали яростно выступает против «философов» потому, что желает приберечь для суфиев монополию духовного знания, как будто бы вера и благочестие в сочетании с интеллектуальными дарованиями и благодатью — а ведь все арабские философы какникак были верующими — не обеспечивают достаточным основанием безупречность интеллектуального познания.

Согласно Ибн Араби, «философ» – что для него практически означает скептика – не в состоянии познать всеобщую причинность иначе, как наблюдая за причинами внешнего мира и на основе своих наблюдений делая выводы, которые навязываются его логическому чутью. Согласно другому суфию, Ибн ал-Арифу, интеллектуальное знание является лишь «указанием» в сторону Бога: философ знает Бога только путем «заключений», его знание имеет дело всего лишь с «мнением о Боге», а не «с Богом», как в случае мистика. Но подобное *distinguo* имеет ценность только в том случае, если, как мы говорили, всю философию отождествить с явным рационализмом, забыв при этом, что у мистиков — творцов доктрин — имеется очевидный элемент рациональности. Короче говоря,

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

слово «философ» в обыденной речи значит не более, чем сам факт изложения доктрины, не нарушая при этом законов логики, присущих языку и здравому смыслу, без которых мы вообще не были бы людьми. Практиковать философию, во-первых и прежде всего, значит мыслить несмотря на то, справедливые или несправедливые причины побуждают нас на это. Однако в особенности и согласно лучшим из греков задачей философии, как отмечалось выше, является выражение «созерцаемой» и «переживаемой» достоверности при помощи разума, осуществляемое имманентным Интеллектом. Таким образом, объяснение неизбежно принимает такой вид, какой на нее налагают законы мышления и языка. Некоторые возразят, что простой верующий, вообще не разбирающийся в философии, может больше извлечь из символов Писания, нежели философ со своими дефинициями, абстракциями, классификациями; это несправедливый упрек, ибо теоретическое мышление, во-первых, не исключает сверхрациональной интуиции, что совершенно очевидно, и, во-вторых, не претендует на то, что оно не в состоянии предложить по своей природе. А то, что оно предлагает, может обладать огромной ценностью, так как иначе было бы необходимо запретить все доктрины; платоновский anamnesis своей косвенной причиной может иметь как доктринальные идеи, так и предоставляемые искусством или первозданной природой символы. Если в интеллектуальной спекуляции кроется человеческая опасность рационализма, а значит скептицизма и материализма по меньшей мере в принципе, то мистическая спекуляция, в свою очередь и с той же оговоркой, несет в себе опасность преувеличения или даже бессвязности и несообразности, что бы ни говорили фанатики эзотерического толка, получающие удовольствие в вечном собирании возражений и тончайших эвфемизмов.

* * *

Мы обязаны сказать несколько слов в защиту арабских философов, обвиняемых, между прочим, в смешении Платона, Аристотеля и Плотина; мы полагаем, что, напротив, им принадлежит заслуга интеграции этих выдающихся греков в один всеобъемлющий синтез, поскольку их интересовали не системы, а сама истина. Несомненно, мы выступим против некоторых эзотерических предрассудков, если скажем, что ортодоксальная философия, как средневековая, так и античная, в метафизическом плане относится к разряду именно эзотерической мудрости, и она такова внутренне, благодаря своей истине, или внешне, как противовес упрощениям со стороны богословия; она, если угодно, представляет собой «размышление», но не досужие мысли. Если нам возразят, что заблуждения, встречаемые у некоторых вполне ортодоксальных философов, доказывают неэзотерическую и, следовательно, профаническую природу

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

всей философии, то этот довод можно использовать и против богословия, и против мистических или гностических доктрин, поскольку настоящее вдохновение в этих сферах граничит со слишком уж ошибочными спекуляциями.

Для конкретного примера мы упомянем следующий случай, который интересен сам по себе независимо от любого вопроса о терминологии, а именно: арабские философы правильно признают вечность мира, поскольку, как они говорят, Бог не может творить в определенный момент, не поставив Себя в противоречие со Своей истинной природой, что вполне разумно;[3] с остроумной изобретательностью Газали отвечает на это, а другие повторяют тот же самый аргумент, что относительно творения не существует никакого «прежде», что время «было» сотворено вместе с миром, для мира и в мире. Однако это несостоятельный довод, ибо является односторонним: если он стоит на страже трансценденции, абсолютной свободы и вневременности Творца по отношению к творению, то он не дает объяснения временному характеру самого творения; иными словами, он не учитывает временных ограничений уникального мира, спроецированного в пустоте не-времени, или ограничения, которое затрагивает Бога, поскольку Он является его причиной и поскольку оно существует в соотношении с Его вечностью;[4] сама природа продолжительности требует начала. Решение проблемы заключается в том, что со-вечность мира, который неизбежно имел свое начало и придет к концу, состоит в необходимости последовательных миров: Бог, будучи тем, что Он есть со Своей абсолютной Необходимостью и Своей абсолютной Свободой, обязательно должен творить, но тем не менее Он свободен относительно модусов творения, которые никогда не повторяются, так как Бог беспределен. Вся трудность проистекает из того обстоятельства, что семиты предусматривают лишь один мир, а именно наш, тогда как свободные от семитского влияния арии допускают или бесконечные серии творений, как, например, индуистская доктрина космических циклов, или рассматривают мир как необходимую манифестацию Божественной Природы, а не как случайный и частный феномен. В этой конфронтации двух положений, богословского и философского, правы именно философы, а не богословы, будь они даже суфии, как Газали; и если доктринальный эзотеризм предлагает объяснения таких проблем, которые вера только наметила, но не внесла в них ясности, то мы не видим причины, почему эти философы, объясняющие посредством интеллектуального познания — поскольку размышление как таковое не преуспело бы в этом, тем более что метафизическая истина сама доказывает ценность связанной с ней интуиции, — почему они не заслуживают того же почета, как и всеми признанные эзотерики, особенно если учесть, перефразируя св. Павла, что о великих истинах невозможно свидетельствовать иначе, как при помощи Духа Святого.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

Для богословов сказать, что мир «не имеет начала», равнозначно тому, что он есть вечный *a se* — вот почему они отвергают подобную идею, тогда как для философов это значит, что он является вечным *ab alio*, поскольку именно Бог одалживает ему вечность; так вот, вечность, которая дана взаймы, совершенным образом отличается от самой вечности, и именно по этой причине мир одновременно является и вечным, и бренным: вечным, ввиду серии творений или созидательного ритма, и преходящим, потому что каждое очертание в его потоке имеет начало и конец. Сама Универсальная Манифестация со-вечна Богу по причине того факта, что она является необходимым выражением Его вечной Природы — солнце не в состоянии удержаться от сияния, но вечность нельзя свести к определенной вероятной фазе этой божественной Манифестации. Манифестация «со-вечна», но не вечна, ибо такова лишь Сущность, и поэтому она периодически прерывается и всецело поглощается Принципом; так что она является и существующей и несуществующей, и не наслаждается неограниченной и «непрерывной» реальностью, подобно самой Вечности. Сказать, что мир является «со-вечным», все же значит, что он необходим как аспект Принципа, и поэтому есть «нечто от Бога», на что уже указывает сам термин «Манифестация»; и именно этой Истине богословы отказывают в признании — по очевидным причинам, разумеется, поскольку в их глазах она размывает различие между творением и Творцом.[5]

Идея «со-вечности» мира Богу заставляет вспомнить об универсальной Материи Эмпедокла и Ибн Масарры, которая является не чем иным, как Логосом (Субстанцией) (*ama* = «облако» или *haba* = «пыль»)[6]: не творение как таковое со-вечно Творцу, а созидательная виртуальность, состоящая, согласно упомянутым доктринам, из четырех фундаментальных формулирующих принципов. Символически выражаясь, это «Огонь», «Воздух», «Вода», «Земля»[7], что напоминает три принципиальные детерминации (гуны), входящие в состав Пракрити (*Prakriti*): Саттва (*Sattva*), Раджас (*Rajas*), Тамас (*Tamas*); разница в числах служит проявлением второстепенной разницы в перспективе.[8]

* * *

Что касается конфронтации между суфиями и философами, уместно следующее заключение: если Газали ограничился бы заявлением, что эзотерическая реализация невозможна без инициации и соответствующего Послания и что философы в большинстве своем не требуют ни того, ни другого,[9] то у нас не было бы причины упрекать его; однако его критицизм направлен на философию как таковую, то есть, прежде всего, проявляется в доктринальном и эпистемологическом планах. Эллинизирующая философия, о которой здесь идет речь, фактически является

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

нейтральной, с точки зрения инициации, ввиду того, что она стремится к изложению истины и не более: частные мнения, подобно так называемому рационализму в истинном смысле слова, исключаются из определения философии.[10] Итак, остракизм Газали наводит нас на мысль о тех древних богословах, которые стремились «тщетной мудрости мира сего» противопоставить «слезы покаяния», но которые, в конце концов, не воздержались от конструирования собственных систем, и в этом деле они никак не могли обойтись без помощи эллинов, которым, однако, отказали в соучастии в «Духе Святом», не признавая, таким образом, за ними никакого сверхъестественного качества.

Суфии не хотят быть философами, это понятно, и они правы, если под этим подразумевают, что их отправной точкой не является сомнение и что их достоверности не являются рациональными выводами. Но мы совершенно не в состоянии понять, как в случае размышления они могут размышлять каким-то другим образом, нежели философы; или как философ, когда он постигает истину, признавая при этом ее трансцендентную и аксиоматическую природу, может делать это как-то иначе, нежели суфий.

Проблему зла Ибн Араби рассматривал не как гностик, а как «мыслитель», давая ему объяснение на основе субъективности и относительности, целиком руководствуясь пирроновой логикой. Опасение вызывает то, что, практически упразднив зло, поскольку оно сводится к субъективной точке зрения, единым махом Ибн Араби упраздняет и добро, желает он того или нет; и, в частности, лишая любовь ее содержания, он упраздняет красоту, тогда как именно на их реальной и необходимой связи настаивает его доктрина. Красота обусловливает любовь, а не наоборот: прекрасным является не то, что мы любим, и не потому, что мы его любим, а то, чья объективная ценность обязывает нас любить; мы любим прекрасное потому, что оно прекрасно, даже если на деле может оказаться, что мы лишены рассудительности, что отнюдь не нарушает принципа нормального отношения между объектом и субъектом. Подобным же образом тот факт, что можно любить красоту внутреннюю, несмотря на внешнее уродство, или то, что любовь может сочетаться с состраданием или другими косвенными поводами, вовсе не искажает ни природы прекрасного, ни природы любви.

На вопрос о свободе Ибн Араби отвечает совсем наоборот — на этот раз уже как гностик: каждое существо делает то, что оно желает, ибо каждое существо в своей основе является тем, чем оно желает быть; иными словами, дело обстоит так потому, что возможность является тем, что она есть, и ничем другим. Свобода, в конечном итоге, совпадает с возможностью, и это, кроме того, подтверждается кораническим рассказом о первоначальном договоре между человеческими душами и Богом; сле-

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

довательно, судьба есть то, чего тварь желает по своей природе, а это значит — в соответствии со своей возможностью. В таком случае уместно задать вопрос: кого мы здесь больше превозносим — гностика, проникшего в тайну, или философа, знающего, как выразить ее?

Однако если человек делает то, чем он по сути является, или если он суть то, что делает, зачем стремиться стать лучше и зачем для этого молиться? Потому, что существует разница между субстанцией и акциденцией: недостатки и достоинства исходят из одной или из другой, при полной неспособности человека ведать, из которого именно из этих двух источников они возникают, если он не является «пневматиком», осознающим свою субстанциальную восходящую реальность, поскольку она находится в согласии с Духом (*Pneuma*), то есть, как сказано, «Свою душу познавший, знает своего Господа»; но даже в этом случае усилия подобают человеку, а знание — Богу, ибо достаточно того, что мы прилагаем усилия, сознавая при этом, что Бог нас знает. Нам достаточно знать, что мы свободны в нашем движении к Богу и благодаря нашему движению к Богу, то есть благодаря движению к нашей собственной «Самости».

* * *

Разница между философией, богословием и гнозисом в одном отношении — тотальная, а в другом — относительная. Она является тотальной, когда под «философией» понимается один лишь рационализм, под «богословием» — только разъяснение религиозных учений, а «гнозисом» именуется интуитивное и интеллектуальное, то есть сверхрациональное знание; однако разница всего лишь относительна в том случае, когда под «философией» подразумевается факт мышления, под «богословием» — факт вещания о Боге и религиозных предметах с догматической точки зрения, а «гнозисом» именуется факт изложения чистой метафизики, ибо тогда все эти жанры проникают друг в друга. Невозможно отрицать, что наиболее знаменитые суфии, хотя и считались «гностиками» по определению, но в то же самое время в некоторой степени были богословами и в некоторой — философами, или что великие богословы одновременно были в некоторой степени философами и в некоторой степени — гностиками, если последнее слово понимать в его подлинном, а не сектантском смысле.

Если мы желаем, чтобы слово «философ» сохраняло ограниченный, то есть на самом деле уничижительный смысл, мы обязаны заявить, что гнозис, или чистая метафизика, своей отправной точкой имеет достоверность, а философия, наоборот, — сомнение, которое она стремиться преодолеть лишь при помощи тех средств, которыми сама располагает, то есть не более, чем сугубо рациональными средствами. Однако поскольку ни слово «философ» само по себе, ни его применение, на-

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

чиная с древнейших времен, не обязывает нас принимать лишь ограниченное значение этого слова, то мы не будем усматривать преступления в его употреблении в более широком смысле, нежели это может казаться уместным.[11]

Теория, по определению, не есть самоцель, ибо она лишь является и стремится быть ключом, приоткрывающим знание «сердца». Если с понятием философии связывается подозрение о поверхностности, недостатке и притворстве, это случается именно потому, что слишком уж часто, а на самом деле — всегда, когда речь идет о людях Нового Времени, она изображается как самодостаточная. Говорят: «Это только лишь философия», — и мы согласились бы одобрить подобное заявление, но только при одном условии, что так не будет сказано про Платона, написавшего, что «Красота есть сверкание Истины», что, мол, «Платон всего лишь философ»; ибо это есть такая Красота, которая заключает в себе или требует от нас полностью всего того, чем мы являемся, или того, чем мы можем быть.

Если Платон отстаивает мысль, что *philosophos* должен мыслить независимо от общепринятых мнений, то при этом он ссылается на интеллект, а не на одну только логику; тогда как Декарт, сделавший все, чтобы сузить и скомпрометировать понятие философии, приходит к такому выводу, отправной точкой имея систематическое сомнение, так что философия для него является синонимом не только рационализма, но и скептицизма. Это есть первое самоубийство интеллектуального познания, начавшееся, однако, со времен Пиррона и ему подобных, под предлогом реакции против того, что рассматривалось как метафизический «догматизм». «Греческое чудо» в действительности является заменой Интеллекта разумом, Принципа — фактом, Идеи — феноменом, Субстанции — акциденцией, Сущности — формой, Бога — человеком; и это одинаково верно как относительно искусства, так и относительно мышления. Истинное греческое чудо, если таковое имеет место, так как в подобном случае его следовало бы соотнести с «индийским чудом», — это доктринальная метафизика и богословская логика, провиденциальным способом использованная монотеистами семитами...

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

Часть II.
ИЗУЧЕНИЕ РЕЛИГИЙ

СРАВНИТЕЛЬНОЕ РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ — МЕТОДОЛОГИЯ

Многообразие Откровений *

При наличии одной-единственной Истины, не должны ли мы прийти к заключению, что возможно только одно Откровение, только одна-единственная Традиция? На это мы отвечаем, что, во-первых, Истина и Откровение не являются абсолютно эквивалентными понятиями, поскольку Истина находится за пределами форм, тогда как Откровение, или Традиция, усматривающая в нем свое начало, уже по определению относится к формальному уровню, однако говорить о форме — значит говорить о многообразии; основы существования формальной природы суть выражение, ограничение, разделение. Кто облекается в форму, тот, таким образом, получает число, и, следовательно, ему становится присуще повторение и многообразие; именно формальный принцип, вдохновляемый бесконечностью Божественной Возможности, придает этому повторению многообразие. Правда, можно возразить, что следовало быть лишь одному Откровению, или Традиции, для нашего земного мира, и что многообразие могло бы найти себе осуществление в других мирах, неизвестных человеку или даже для него непознаваемых; но это лишь показывает неспособность понять, что различие между формами Истины обусловлено различиями человеческого восприятия. Уже в течение тысячелетий человечество подразделяется на несколько фундаментально различных ветвей, как бы составляющих множество самостоятельных, более или менее замкнутых типов человечества; существование настолько различных и настолько оригинальных видов восприятия духовного требует своеобразного преломления единой Истины. Заметим, что отнюдь не всегда здесь имеются в виду расы, но чаще всего — группы людей, весьма различные, но, тем не менее, подчиненные таким ментальным условиям, которые в целом делают их достаточ-

---

* Из *Gnosis — Divine Wisdom*, глава 2.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

но гомогенными духовными реципиентами, хотя упомянутый факт не препятствует некоторым личностям покинуть эти рамки, поскольку человеческая общность никогда не несет в себе ничего абсолютного. Поскольку это так, можно сказать, что разные Откровения на самом деле не противоречат друг другу, ибо они не адресованы одному и тому воспринимающему субъекту, и поскольку Бог никогда не направляет того же самого послания двум, или более чем двум, различным реципиентам, принадлежащим, рассуждая по аналогии, к формально несовместимым измерениям, противоречия возникают лишь на одном и том же уровне. Кажущиеся антиномии между Традициями напоминают различия языков или символов; противоречия кроются в человеческих принципах, а не в Боге; многообразие мира есть функция его отдаленности от божественного Принципа, а это значит, что Творец не будет желать одновременно, чтобы существовал мир и чтобы он не был миром.

Если Откровения более или менее исключают друг друга, это происходит потому, что Бог, когда Он говорит, выражает Себя абсолютным способом; однако эта абсолютность в большей степени относится к универсальному содержанию, нежели к форме; к последней она обращается лишь в условном и символическом смысле, потому что форма является символом содержания и, таким образом, также и человечества в целом, которому и адресовано это содержание. Невозможно, чтобы Бог сравнивал разные Откровения внешним образом, как ученый; Он помещает Себя, образно говоря, в центр каждого Откровения, как если бы оно было единственным. Откровение говорит языком абсолютным, потому что абсолютным является Бог, а не форма; иными словами, абсолютность Откровения абсолютна в себе, но условна *qua* форма.

Язык священных Писаний — язык божественный, но в то же время он неизбежно является языком людей; для людей он создан, и божественным может быть только косвенным образом. Эта несоизмеримость между Богом и нашими способами выражения видна в Писаниях, где ни слова наши, ни наша логика неадекватны небесному намерению; язык смертных *a priori* не рассматривает вещи *sub specie aeternitatis*. Несотворенное Слово разбивает сотворенную речь, при этом направляя ее к Истине; таким образом, оно манифестирует свою трансцендентность по отношению к ограниченным возможностям человеческой логики; человек обязан преодолевать эти ограничения, если он хочет постичь божественный смысл слов, и он их преодолевает в метафизическом знании, являющемся плодом чистого интеллекта, а также, в некоторой степени, — в любви, когда он касается сущности. Желать свести божественную Истину к установкам земной истины — значит забыть, что нет общей меры между конечным и Бесконечным.

Абсолютность Откровения требует уникальности; однако на уровне

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

фактов подобная уникальность не может осуществиться до такой степени, чтобы факт оказался уникальным в своем роде, то есть представлял бы собой то, что подобает целому роду. Одна только Реальность уникальна, на каком уровне ее ни рассматривать: на уровне Бога, универсальной Субстанции или божественного Духа, имманентного этой Субстанции; однако есть «относительно уникальные» факты, например, Откровение, ибо поскольку все относительно, то даже принципы слабеют, во всяком случае по видимости, так как если они вступают в сферу случайного, то уникальность должна уметь проявиться на уровне фактов; если уникальных фактов не было бы вообще, то множественность стала бы абсолютной, а это есть просто противоречие. Как единичность, так и множественность обязаны уметь проявить себя; однако обе манифестации неизбежно относительны и должны ограничивать друг друга. Отсюда следует, что, с одной стороны, множественность не устраняет единства, ибо единство есть его субстанция, а с другой стороны, единство, или единичность, должно обязательно противопоставляться множественности в плане ее собственного существования; иначе говоря, в каждой манифестации единичности должна сохраниться компенсирующая множественность, так что уникальный факт встречается не в космосе как в целом, а только в его отдельной части. Можно было бы сказать, что тот или иной факт уникален настолько, насколько он представляет Бога для того или другого окружения, а не потому, что существует; существование это, однако, не упраздняет символизма факта, но повторяет факт за пределами тех рамок, внутри которых он уникален, и повторяет на том же уровне. Существование, несущее божественное Слово, не отрицает уникальности того или иного Откровения в ему провиденциально предназначенной области, но повторяет манифестацию Слова за пределами упомянутой области; именно поэтому множественность, не упраздняя метафизической необходимости манифестации уникальности, тем не менее противоречит ей за пределами определенных рамок, но на том же самом уровне, как бы желая этим показать, что только несотворенное и неманифестированное Слово имеет абсолютную уникальность.

В случае возражения, что в тот момент, когда происходит Откровение, оно, тем не менее, является уникальным для мира, а не только для части мира, отвечаем, что разнообразие не обязательно проявляется одновременно, оно тоже подвластно временной последовательности, что вполне очевидно, когда речь идет об Откровениях. Более того, уникальность факта нельзя путать с уникальностью принципа; мы не отвергаем возможности уникального факта в мире в некоторый период, но отвергаем возможность уникального факта в абсолютном смысле. Тот факт, который кажется уникальным в пространстве, не является таковым во времени, и наоборот; но даже в рамках любого из этих состояний экзис-

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

тенции никогда не следует утверждать, что факт является уникальным в своем роде — ибо речь здесь идет о роде, или о качестве, а не об особенности, так как мы не можем измерить ни времени, ни пространства, а еще менее — те модусы, к которым мы не причастны.

Вся эта доктрина в целом ясно иллюстрируется следующим образом: Солнце уникально в нашей Солнечной системе, но не в пространстве; мы можем видеть другие солнечные светила, поскольку они расположены в пространстве подобно нашему, но мы не видим их в образе солнц. Неверное представление об уникальности нашего Солнца создается благодаря виду множества постоянных звезд, что вовсе не лишает его значимости внутри той системы, которая предназначена нам Провидением; так уникальность проявляется в части, а не в целом, хотя эта часть является образом целого и представляет нам его; она «есть» целое по велению Бога, но только для нас, и лишь настолько, насколько наш разум, рамки которого тоже установлены Богом, не выходит за пределы форм; но даже в этом случае часть «есть» всеобщность в той мере, в какой это касается ее духовной эффективности.

* * *

Мы видим существование разных рас на земле, различия которых «ценны», ибо нет «неполноценных» рас как противоположных «истинным» расам; мы наблюдаем также существование множества языков, и никто не думает подвергать сомнению их легитимность; то же самое относится к наукам и искусствам. Было бы удивительно, если разнообразие человеческого восприятия не предполагало бы разнообразия божественных посланий, разумеется, с точки зрения формы, а не сущности. Но, подобно тому, как человек появляется в рамках каждой расы просто как «человек», а не как «белый» или «желтый», и каждый язык появляется в своей собственной сфере как «язык», а не как такой-то и такой-то язык среди прочих, так и каждая религия в своем собственном пространстве является «религией» без какого бы то ни было сопоставления или условного подтекста, который, в свете определенной цели, терял бы смысл; сказать «религия» значит сказать «уникальная религия»; полностью практиковать одну религию значит косвенным образом практиковать все религии.

Такая идея, или такое действие, которое собирается напролом преодолеть непреодолимое, противно самой природе вещей; этническое разнообразие человечества и географическая протяженность земной поверхности делают крайне непривлекательной аксиому одной уникальной религии для всех людей, и наоборот, крайне привлекательной, говоря без преувеличений, потребность во множестве религий; другими словами, идея единственной религии не лишена противоречий, если принять

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

во внимание ее притязание на абсолютность и универсальность, с одной стороны, и психологическую и физическую невозможность ее реализации, с другой, не говоря уже об антиномии между такими притязаниями и неизбежно относительным характером всей религиозной мифологии; только чистая метафизика и чистая молитва абсолютны и поэтому универсальны. А что касается «мифологии», то она, даже помимо своего внутреннего содержания и своей эффективности, необходима для того, чтобы метафизическая и существенная истина «пустила корни» в том или ином человеческом обществе.

Ограниченность экзотеризма*

Экзотерическая точка зрения фундаментальным образом является точкой зрения индивидуального интереса, рассматриваемого в своем высшем смысле, то есть охватывающего весь цикл существования индивидуальности, не ограниченного всего лишь земной жизнью. Экзотерическая истина ограничена по определению, и это происходит из-за ограниченности той цели, которую она перед собой ставит, но, тем не менее, упомянутая узость вовсе не препятствует эзотерической интерпретации, которой поддается та же самая истина благодаря универсальности своего символизма, или, точнее и главным образом, благодаря двусторонней природе самого Откровения — внутренней и внешней. Отсюда следует, что догма есть одновременно ограниченная идея и неограниченный символ. В качестве примера мы можем сказать, что догма единственности Церкви Божьей обязана исключать такую истину, как ценность других ортодоксальных религиозных форм, потому что идея религиозной универсальности отнюдь не приносит особой пользы для цели спасения, а иногда даже может оказать негативное влияние, ибо в случае личностей, неспособных подняться выше индивидуальной точки зрения, эта идея почти неизбежно обернется религиозным равнодушием, а отсюда — пренебрежением теми религиозными обязанностями, соблюдение которых и является основным условием спасения. С другой стороны, та же самая идея религиозной универсальности — идея, которая более или менее необходима на пути к тотальной и незаинтересованной Истине, — тем не менее содержится символически и метафизически в догматических и богословских определениях Церкви, или Мистического Тела Христова; или опять же, говоря языком двух других монотеистических религий — иудаизма и ислама, — в соответствующих концепциях «Избранного Народа» (*Yisra'el*) и «повиновения» (*Al-Islam*)

* Из *The Transcendent Unity of Religions,* глава 2.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

мы можем найти догматический символ идеи универсальной ортодоксии, или *Sanatana Dharma* индуизма.

Само собой разумеется, что внешние ограничения догмы, которые именно и делают ее догматичной, являются совершенно законными, поскольку индивидуальная точка зрения, с которой эти ограничения соотносятся, есть реальность на своем собственном уровне существования. Именно благодаря своей относительной реальности индивидуальная точка зрения может и даже должна быть так или иначе вплетена в любой путь, ставящий перед собой трансцендентную цель, за исключением тех случаев, когда она предполагает отрицание высшей перспективы, то есть когда она ограничена присущими ей пределами. С этой точки зрения, экзотеризм, или, точнее — форма как таковая, больше не предполагает интеллектуально ограниченной перспективы, но становится частью добавочных духовных средств, не нарушая при этом трансцендентности эзотерической доктрины и не налагая на нее никаких ограничений по соображениям индивидуальной целесообразности. Поэтому мы не должны экзотерическую точку зрения как таковую путать с функцией экзотеризма как набора духовных средств: в одном и том же сознании эта точка зрения несовместима с эзотерическим знанием, потому что последнее отменяет ее как предварительную, помещая ее в тот центр, откуда она и появилась; но экзотерические средства от этого не становятся бесполезными, и они, фактически, находят себе двоякое применение: с одной стороны — посредством интеллектуальной транспозиции в эзотерическую область, и в этом случае они оказывают поддержку интеллектуальной актуализации; а с другой стороны — посредством их регулирующего воздействия на индивидуальную сторону бытия.

Экзотерический аспект религии, таким образом, является провиденциальным положением, отнюдь не заслуживающим порицания, но необходимым ввиду того, что эзотерический путь касается лишь меньшинства, особенно в теперешних условиях человеческой жизни на земле. Порицание заслуживает не существование экзотеризма, а, скорее, его всеохватывающая автократия, которая, может быть, главным образом свойственна христианскому миру с его узкой аккуратностью латинского разума, так что по этой причине многие из тех, которые были бы способны следовать по пути чистого Знания, не только сосредотачиваются на сугубо внешней стороне религии, но даже полностью отвергают эзотеризм, о котором они знают лишь понаслышке — воспринимая его сквозь покров предвзятости и искажения, кроме тех случаев, когда, не находя в экзотеризме удовлетворительной пищи для своих интеллектуальных потребностей, они обращаются к ложным и искусственным доктринам в попытках найти нечто такое, чего экзотеризм им не в силах предложить, или даже то, на что он налагает запрет.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

Если экзотерическая точка зрения больше не обновляется, благодаря внутреннему присутствию в ней эзотеризма, для которого она одновременно служит внешним сиянием и покровом, то в конечном итоге она фактически обречена на отрицание самой себя. Таким образом, религия неизбежно порождает неверие настолько, насколько она отрицает метафизические и посвятительные реалии, кристаллизируясь в буквальный догматизм; атрофия, охватывающая догмы, лишенные внутреннего содержания, наносит удар по ним извне в форме еретического и атеистического негативизма.

* * *

Наличие эзотерического ядра в цивилизации, которая по своему характеру является специфически экзотерической, обеспечивает ей нормальное развитие и максимальную стабильность; это ядро, однако, никоим образом не является частью, даже внутренней частью, экзотеризма, а совсем наоборот — представляет собой полунезависимое «измерение» по отношению к последнему. Если это измерение, или ядро, перестает существовать, что, однако, может произойти лишь при совершенно ненормальных, хотя космологически неизбежных обстоятельствах, то тогда все религиозное знание сотрясается или даже отчасти рушится и, стало быть, в конечном итоге сводится к своим наиболее внешним элементам, то есть — буквализму и чувственности. Кроме того, наиболее ощутимым критерием такого декаданса является, с одной стороны, — неспособность, доходящая до отрицания вообще, признать наличие метафизической и посвятительной экзегезы, то есть мистического содержания Писания, — экзегезы, имеющей также тесную связь со всеми интеллектуальными аспектами рассматриваемой религиозной формы; а с другой стороны, — неприятие священного искусства, то есть возвышенных и символических форм, посредством которых эта интеллектуальность излучается и, следовательно, непосредственно и свободно обращается ко всем интеллектам. Этого, может быть, окажется отнюдь не достаточно для объяснения, почему экзотеризм косвенно нуждается в эзотеризме, — разумеется, не для того, чтобы обосновать существование экзотеризма вообще, ибо сам факт его существования не вызывает сомнений, как и незыблемость ему присущих средств благодати, а просто чтобы обеспечить нормальные условия для его существования. Дело в том, что наличие этого трансцендентного измерения в самом ядре религиозной формы снабжает ее экзотерическую часть живительной влагой, универсальной и параклетической в своей сущности, без которой она была бы вынуждена целиком полагаться только на себя, то есть обходиться лишь своими собственными средствами, которые ограничены по определению, и, в конечном итоге, — превратиться в некое тяжелое, не-

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

прозрачное тело, плотность которого неизбежно производит трещины, как это показывает современная история христианства. Иными словами, когда экзотеризм лишается сложных и тонких влияний трансцендентного измерения, он оказывается полностью поглощенным экстериоризированными последствиями своих же собственных ограничений, ибо последние становятся тотальными.

Итак, если мы предполагаем, что экзотерики не понимают эзотеризма и что они фактически имеют право его не понимать или даже считать его несуществующим, то должно быть признано также их право осуждать некоторые проявления эзотеризма, которые кажутся им вторгшимися на их территорию и наносящими им «оскорбление», согласно выражению Евангелия; но как объяснить тот факт, что в большинстве, если не во всех случаях такого рода, обвинители вовсе лишают себя на это права своим безобразным поведением. Совершенно ясно, что вовсе не более или менее естественное их непонимание и не защита своих подлинных прав, а только вероломство предпринимаемых ими мер приводит к тому, что называется «грехом против Святого Духа»; более того, это вероломство свидетельствует о том, что обвинения, выдвигать которые они считают необходимым, служат, главным образом, только предлогом для оправдания инстинктивной ненависти ко всему, что угрожает их поверхностному равновесию, которое в действительности является лишь формой индивидуализма, и поэтому — невежества...

* * *

Экзотерическая доктрина как таковая, рассмотренная независимо от «духовного влияния», которое она может иметь на души, вовсе не обладает абсолютной достоверностью. Богословское знание само по себе не в силах устранить соблазн сомнения даже в случае великих мистиков; что же касается воздействий Благодати, которые могут иметь место в подобных случаях, то они не единосущны с интеллектом, так что их прочность не зависит от существа, которое черпает из них для себя благо. Экзотерическая идеология, будучи ограничена относительной точкой зрения, касающейся индивидуального спасения, то есть пристрастной точкой зрения, которая оказывает влияние даже на понятие Божества в ограничительном смысле, не обладает средствами доказательства или доктринальными удостоверениями, соответствующими ее претензиям. Каждая экзотерическая доктрина фактически характеризуется диспропорцией между своими догматическими притязаниями и диалектическими гарантиями: ее претензии являются абсолютными, так как имеют своим истоком Волю Божию, а значит, тем самым — Божественное Знание, тогда как гарантии относительны, ибо они не зависят от упомянутой Воли и основаны не на Божественном Знании, а на человеческой точке

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

зрения, то есть на разуме и чувстве. Например, брахманам предлагается полностью отречься от религии, которая существует вот уже несколько тысячелетий и которая служила духовной опорой для неисчислимых поколений, выращивая цветник мудрости и святости вплоть до наших дней. Доводы, приводимые для оправдания такого чрезвычайного притязания, логически неубедительны и никак не отвечают размерам притязания, ибо причины, по которым брахманы остаются верными своему духовному наследию, являются несравненно более вескими, нежели те причины, во имя которых делаются попытки убедить их перестать быть собой. С индуистской точки зрения, диспропорция, существующая между необъятной реальностью брахманической традиции и несостоятельностью религиозных контраргументов, вполне достаточно доказывает, что если Бог захотел бы подчинить мир одной-единственной религии, то доводы в защиту таковой не оказались бы столь слабыми, а доводы, приводимые со стороны так называемых «язычников», не были бы так сильны; другими словами, если Бог стоял бы на стороне одной-единственной религиозной формы, убедительная сила данной формы была бы такова, что ни один благомыслящий человек был бы не в состоянии воспротивиться ей. Более того, применение термина «язычники» оскорбительно по отношению к цивилизациям, которые, с одним исключением, намного старше христианства и которые имеют всякое духовное и историческое право игнорировать последнее, раскрыв нелогичность наивных претензий христианства и показав неправомочность таких религиозных претензий в адрес других ортодоксальных традиционных форм.

Абсолютное требование верить в одну определенную религию, а не в другую, на деле не может быть оправдано иначе, как посредством чрезвычайно относительных средств, например, при помощи философско-богословских, исторических или сентиментальных доводов; в действительности, однако, нет никаких доказательств в поддержку подобных притязаний на уникальную и исключительную истину, так что любая попытка такого рода может касаться только индивидуальной предрасположенности людей, сводимой к вопросу о доверии и сугубо относительной. Уже по своему определению каждая экзотерическая перспектива претендует быть единственно истинной и законной. Это происходит потому, что экзотерическая точка зрения, для которой важным является только индивидуальный интерес, то есть спасение, не усматривает для себя никакой пользы в признании истинности других религиозных форм. Будучи незаинтересованным в своей собственной сокровенной истине, экзотеризм еще меньше интересуется истиной других религий, или, точнее, он отрицает эти истины, так как идея множества религиозных форм может оказаться вредной для исключительного стремления к индивидуальному спасению. Это ясно показывает относительность

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

формы как таковой, хотя последняя, тем не менее, абсолютно необходима для спасения индивидуальной личности. Однако можно задаться вопросом, почему гарантии, то есть доказательства истинности или достоверности, которые религиозные полемисты изо всех сил стараются отыскать, не возникают спонтанно по Воле Божьей, как это происходит с религиозной потребностью. Обычно подобный вопрос не имеет смысла, если он не относится к неким истинам, ибо невозможно доказать заблуждения; доводы религиозной полемики, однако, никак не связаны с подлинной и позитивной областью веры; идея, наделенная только внешним и негативным значением, которая в своей основе является лишь следствием индукции, — такая идея, как, например, идея исключительной правдивости и законности определенной религии, или, что является почти тем же самым, — ложности и незаконности других всевозможных религий, — такая идея, очевидно, не может быть объектом доказательства, несмотря на то, божественное это доказательство или, — что представляется более вероятным, — всего-навсего человеческое. Что касается истинных догм, то есть догм, возникших не при помощи индукции, а имеющих строго внутренний характер, то если Бог не предоставляет теоретических доказательств их правдивости, это происходит, во-первых, потому, что подобные доказательства непостижимы и не существуют на экзотерическом уровне, так что домогаться их, как это делают неверующие, было бы просто противоречием; во-вторых, как мы увидим далее, если подобные доказательства действительно существуют, то находятся они на совершенно ином уровне, и Божественное Откровение, безусловно, неукоснительно их включает. Кроме того, на уровне экзотерическом, ибо только здесь уместен такого рода вопрос, Откровение в своем существенном аспекте является достаточно вразумительным, чтобы позволить ему быть носителем действия Благодати, а Благодать является единственно достаточной и действенной причиной для сохранения верности религии. Однако, поскольку действие Благодати касается лишь тех, кто фактически лишен ее эквивалента в виде некоторой другой формы, полученной путем Откровения, то догмы оказываются не имеющими убедительной силы, или, иначе говоря, они ничего не доказывают тем, кто обладает подобным эквивалентом. Поэтому такие люди «необратимы», если не считать некоторых случаев, вызванных суггестивной силой коллективного психоза, ибо Благодать здесь входит лишь *a posteriori*, так как духовное влияние не может на них воздействовать, подобно тому, как один свет не может осветить другой. Это соответствует Воле Божьей, которая распределила единственную Истину в разных формах, или, иначе говоря, распределила ее между разными частями человечества, каждая из которых символически является единственной. Можно добавить, что если внешняя относительность экзотеризма согласуется с Божьей Во-

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

лей, которая, таким образом утверждается в соответствии с природой вещей, то очевидно, что никакая человеческая воля не в силах эту относительность устранить.

Следовательно, показав, что не существует строгих доводов в поддержку экзотерического притязания на исключительное обладание истиной, не должны ли мы пойти дальше и допустить, что даже ортодоксальность религиозной формы не может быть доказана? Подобные выводы были бы крайне искусственны и, в любом случае, полностью ошибочны, поскольку в каждой религиозной форме содержится абсолютное доказательство ее истинности и, следовательно, ее ортодоксальности; то, что не подлежит доказательству, когда хочется абсолютного доказательства, это не внутренняя истина и не традиционная легитимность частной формы универсального Откровения, а лишь гипотеза о том, что та или другая особая форма является единственно истинной и законной, и если этого нельзя доказать, то это просто потому, что это неправда.

Таким образом, существуют неопровержимые доказательства истин религии; однако эти доказательства, будучи чисто духовного порядка и, тем самым, будучи единственно возможными доказательствами открываемой истины, одновременно влекут за собой отрицание притязаний на исключительность формы. Другими словами, тот, кто собирается доказать истинность исключительно одной религии, либо не имеет доказательств, поскольку нет таких доказательств, либо он имеет доказательства, подтверждающие, что истинными являются все религии без исключения, независимо от того, в какую форму они себя облекли.

* * *

Экзотерическое притязание на исключительное обладание уникальной истиной, или Истиной с большой буквы, является поэтому чистым заблуждением; в действительности любая выражаемая истина неизбежно принимает форму своего выражения, и метафизически невозможно, чтобы та или иная форма представляла собой уникальную ценность за счет исключения других форм, так как форма, по определению, не может быть уникальной и исключительной, то есть она не может быть единственно возможным выражением того, что она выражает. Форма подразумевает разновидности или отличия, а разновидное может пониматься лишь как модальность «вида», категории, заключающей в себе сочетание аналогичных модальностей. С другой стороны, то, что является ограниченным по определению, исключает то, что не помещается внутри его собственных границ, и поэтому должно возместить это исключение путем нового подтверждения или повторения самого себя за пределами собственных рамок, а из этого следует, что существование других ограниченных вещей неукоснительным образом предлагается самим

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

определением ограниченного. Утверждать, что любая ограниченность, например, форма, рассматриваемая как таковая, является уникальной и несравнимой в своем роде и что она исключает существование других аналогичных модальностей, значит приписать ей уникальность самого Существования; однако никто не может оспаривать тот факт, что форма всегда является ограничением, или что религия всегда необходимо является формой, — разумеется, не благодаря своей сокровенной Истине, которая универсальна и относится к области сверхформального, а благодаря своему модусу выражения, который, как таковой, не может не быть формальным, и поэтому — специфическим и ограниченным. Необходимо настойчиво повторять, что форма всегда является модальностью категории формальной и, поэтому, отличительной или составной манифестации, а следовательно — одной модальностью среди прочих, в одинаковой степени возможных, так как уникальной является только их сверхформальная причина. Мы также повторим, так как метафизически это имеет громадное значение, что форма, поскольку она ограничена, неизбежно оставляет нечто позади себя, а именно то, что исключается по причине ее ограничений; а это нечто, если оно принадлежит той же самой области, неизбежно аналогично обсуждаемой форме, так как разница между формами должна быть возмещена отсутствием разницы или условной идентичностью, которая препятствовала бы их абсолютному отличию друг от друга, ибо это повлекло бы за собой абсурдную идею множества уникальностей и множества Существований, в котором каждая форма представляла бы своего рода божество без всякой связи с другими формами.

Как мы только что видели, экзотерическое притязание на исключительное обладание истиной наталкивается на аксиоматическое возражение, что не существует такой вещи, как уникальный факт, по той простой причине, что существование подобного факта является, строго говоря, невозможным, ибо только уникальность уникальна, тогда как ни один факт не является уникальным; именно это игнорируется идеологией «верующих», которая в своей основе есть не что иное, как преднамеренная и пристрастная путаница формального с универсальным. Идеи, которые утверждает некая одна религиозная форма (как, например, идея Слова, или Божественного Единства), так или иначе утверждаются в других религиозных формах; подобным же образом средства благодати, или духовной реализации, находящиеся в распоряжении у одного жреческого ордена, не могут не иметь себе эквивалента где-нибудь еще, ибо, поистине, чем важнее и необходимее те или иные средства благодати, тем более очевидно, что их можно будет обнаружить во всех ортодоксальных формах, и при этом в таком модусе, который подходит для данной среды.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

Вышеизложенное можно представить в обобщенном виде при помощи следующей формулировки: чистую и абсолютную Истину можно найти лишь по ту сторону всевозможных ее выражений; эти выражения как таковые не претендуют на то, чтобы называться атрибутами Истины; их относительная отдаленность от нее выражается их разнообразием и множественностью, чем они строго ограничены...

Выше упоминалось, что при нормальных условиях человечество состоит из нескольких разных «миров». Некоторые люди несомненно возразят, что Христос, когда Он говорит о «мире», отнюдь не имеет в виду никаких подобного рода ограничений и, более того, что Он не делает никаких отсылок к существованию эзотеризма. На это можно ответить, что Он в равной степени не объяснил евреям, как интерпретировать те Его слова, которые так возмутили их. Более того, эзотеризм адресован именно тем, кто «имеет уши, чтобы слышать» и по этой причине не нуждается в объяснениях и «доказательствах», нужных тем, кому эзотеризм не предназначен. Что касается учения, которое Христос мог приберечь для Своих учеников, или для некоторых из них, то оно не обязательно открыто выражается в Евангелиях, поскольку в Евангелиях оно скрывается под синтетической и символической формой, единственной формой, приемлемой для священных Писаний...

В конечном итоге связь между экзотеризмом и эзотеризмом эквивалентна связи между «формой» и «духом», которая обнаруживается во всех выражениях и символах; эта связь четко вырисовывается также внутри самого эзотеризма, и поэтому можно сказать, что только духовное основание находится на уровне неприкрытой и интегральной Истины. «Дух», то есть сверхформальное содержание формы, которая, в свою очередь, соответствует «букве», всегда проявляет склонность преодолеть свои формальные ограничения, ставя себя, таким образом, в наглядное противоречие с ними. По этой причине каждую религиозную реадаптацию и каждое Откровение можно рассматривать как выполняющие функцию эзотеризма по отношению к предыдущей религиозной форме; христианство, например, является эзотерическим относительно иудаизма, а ислам — относительно иудаизма и христианства, хотя, несомненно, все это верно, лишь если мы принимаем особую точку зрения, которая нами обсуждается, и было бы вовсе неверно понимать это буквально. Более того, поскольку ислам отличается по своей форме от двух других монотеистических религий, то есть поскольку он формально ограничен, то эти религии по отношению к нему тоже имеют эзотерический аспект, подобный тому, который существует между христианством и иудаизмом. Однако связь, о которой мы упомянули вначале, является более прямой, нежели вторая связь, так как именно ислам во имя духа отбросил предшествующие ему формы, а христианство отбросило иудаистскую форму, а не что-нибудь иное...

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

Очертания Духа *

Антропоморфизм является неизбежным для религий, однако это — обоюдоострый меч. Он неминуемо приносит с собой противоречия, которые можно лишь частично нейтрализовать, назвав их «тайнами».

Люди не в состоянии понять, что Божественная Природа предполагает манифестацию, творение, объективизацию, что это — «иное-нежели-Самость», и что эта проекция предполагает несовершенство и, следовательно, зло, ибо то, что является «иным-нежели-Бог», не может быть совершенным, так как один лишь Бог является благим.

Эту благость Бог проецирует через Свою манифестацию, в которой, по причине отделяющей Его отдаленности, заключено несовершенство. Бог никогда не желает зла прямо, но Он принимает его в той степени, в какой оно, по причине метафизической необходимости, манифестирует мир — Его же «проекцию» по воле Его бесконечности. Вся тайна не во зле, а в бесконечности. Божественная Личность никогда не желает зла прямо, разве только ради справедливости — для восстановления равновесия, но, тем не менее, возможность зла появляется не по воле и не из личности Бога, а — из бесконечности Его природы. Последователи веданты эту тайну бесконечности выражают, говоря, что Майя не имеет истока.

Бесконечность есть то, что она есть; можно ее понимать, а можно и не понимать.[1]

Метафизика не может быть преподана каждому, ибо, если это было бы возможным, не было бы атеизма.

Антропоморфизм не в состоянии избежать косвенного наделения Бога абсурдами; при этом для большинства людей невозможно говорить о Боге, не употребляя антропоморфический символизм, и это происходит, в частности, потому, что Бог на самом деле имеет личностный аспект, отражением которого именно и является человеческая личность.

Когда мы говорим, что Бог желает только блага, это полностью верно лишь в том случае, если Бог рассматривается в определенном и, таким образом, ограниченном аспекте и если мы уточняем, что зло должно рассматриваться как таковое, то есть таким, каким оно предстает перед тварями. Следует добавить, что даже в этом мире добро имеет верх над злом, несмотря на то, что иногда создается видимость противоположного, которую определенный участок космоса при определенной экзистенциальной ситуации может представлять.

Милосердие — это первое слово Бога, поэтому оно должно также быть и Его последним словом. Милосердие более реально, нежели весь мир...

---

* Из *Spiritual Perspectives and Human Facts,* часть третья, глава 1.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

Согласно христианскому учению, Адам согрешил, и падение явилось первым грехом.

Согласно исламу, Адам не мог согрешить. Он был первым среди пророков, а пророки неподвластны греху. С другой стороны, Адам был человеком, а человеческая природа предполагает ограничения и, следовательно, возможность проступков; иначе ничто не отличало бы его от Бога. Именно ошибка (*dhanb*), то есть своего рода оплошность или неразбериха, а не намеренное преступление (*ithm, zhulm*), стала причиной потери Эдема. Первой паре была прощена ее ошибка по окончании последовавшего за этим наказания на этой земле. Ошибки пророков характерны тем, что наказание за них надо понести в этой жизни, а не в будущей. Давид и Соломон страдали здесь, на земле, а не в ином мире. Согласно такому пониманию вещей, только через Каина грех вошел в мир.

Христианство не признает безгрешными ни пророков вообще, ни Адама в частности. Однако, поскольку оно не может согласиться с тем, что пророки терпели муки в огне вплоть до прихода Христа, оно поместило пророков в лимбо. Эта концепция лимбо, «не-неба», которое одновременно не является и адом, имеет богословскую функцию, аналогичную исламской концепции ошибки, «недостатка», что не есть грех.

Христианство, со своим «историческим» способом мышления, первородному греху приписывает то, что ислам относит к земной природе как таковой. В этом смысле христианская перспектива находится во «времени», а исламская — в «пространстве».

Христианская перспектива основана на грехопадении Адама, и поэтому она, как своего рода дополнение, требует мессианского искупления. Исламская перспектива, в свою очередь, рассматривает человечество, как оно есть — как бы в коллективном состоянии, и, стало быть, она покоится на идее «послания», или *risalah*, «посланников», или *rusul*, то есть на неизбежно множественной манифестации вечного Слова. Эта цепь посланников, поскольку она требует начала, требует и конечного синтеза — Пророка, который является «печатью», или *khatam*, пророческого цикла. Мифологии пересекаются друг с другом без внутреннего противоречия, и обоюдные неверные толкования возникают из-за незнания их соответствующих точек расхождения, а также из-за недоразумений, порождаемых приписыванием другим собственных постулатов.

Индуистская перспектива начинает с Реальности, а не с человека, падение которого предстает лишь одним из космических событий среди тысяч прочих.

Буддистская, как и христианская, перспектива начинает с человека: она основывается на противопоставлении страдания и Освобождения, однако она говорит о человеке лишь для того, чтобы превратить его в

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

ничто. Это кажущееся ничто является единственной Реальностью, бесконечной Полнотой.

Между реакцией буддистов и реакцией Шанкары существует некая комплементарная связь: буддизм выступает против брахманизма, ставшего сугубо софистическим и фарисейским; Шанкара выступил против доктринальных упрощений буддизма — упрощений, которые не были ошибочными сами по себе, но шли вразрез с традиционной метафизикой Индии. Если бы брахманическая духовность не потускнела, мирная экспансия буддизма стала бы невозможной; подобным же образом, если бы буддистская точка зрения не была сосредоточена на человеке и его судьбах, Шанкаре не пришлось бы ее опровергнуть во имя доктрины, в центре которой стояла Самость.

В этом состоит разница: Будда освобождает, устраняя то, что является человеческим, определив это в первую очередь как страдание; Шанкара освобождает при помощи одного только знания того, что является реальным, то есть чистого Субъекта, чистой Самости. Но устранение всего человеческого не имеет действенной силы без метафизики, а знание Самости не имеет действенной силы без устранения всего человеческого: буддизм является духовной терапией, которая, как таковая, нуждается в метафизике, а индуизм является метафизикой, которая, по причине такой же необходимости, предполагает духовную терапию.

В учении Шанкары невежество появляется, во-первых, как наложение «я» на «Самость», и, следовательно, во-вторых, — как желание.

Индуизм на первое место выдвигает невежество, а буддизм выдвигает желание.

Буддизм начинает не с понятия эго, как это делают религии семитского происхождения, но с эмпирической реальности страдания в целом; его исходная духовная точка — не вместилище, которым мы являемся, а то содержание, которым мы живем. «Я» суть эфемерный набор чувств: отсюда — кажущееся отрицание «души», возникающее в результате той же самой причины, что и кажущееся отрицание «Бога». Буддизм остается всего лишь логически верным себе в отрицании непрерывности чувственной души.

Только тогда, когда абстрактное вместилище, которое есть эго, становится, в свою очередь, эмпирическим содержанием, появляется метафизическое воззрение, которое *a fortiori* исключает всякую эгоцентричность. Буддизм становится метафизическим тогда, когда «я» в процессе угасания становится конкретно постижимым в виде «страдания».

Если буддизм видит мир только как хаос предельных субстанций (*dharmas*), бесчисленное количество которых создает субъективные и объективные видимости, это происходит по той же причине, по которой христианство, строго говоря, не имеет космологии, а именно потому,

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

что и та, и другая религии рассматривают мир не относительно его реальности или нереальности, но исключительно в связи с возможностью выхода из него. Для буддизма, еще в большей мере, нежели для христианства, стремление познать природу мира только отвлекает; в индуизме наоборот — знание космоса является аспектом знания Абсолюта, то есть знание Атмана в облике *Майи*, или «Универсальной Души» под личиной «Творящей Иллюзии». Эта перспектива, своим началом считающая Абсолют, является истинно метафизической, тогда как буддистская и христианская перспективы, которые начинают с человека, являются инициационными, то есть они прежде и более всего сосредоточены на вопросах духовной реализации, хотя, поскольку они внутренне истинны, постольку содержат в себе метафизический аспект, так же, как и индуизм, в свою очередь, содержит инициационный аспект.

Опровержения Шанкары, взятые в целом, показывают не то, почему буддизм является ложным, а почему индуизм не может принять его без самоотрицания.

Христианство начинает с грехопадения Адама и предполагает, что человек — это падший человек; ислам начинает с озарения Адама после падения («И получил Адам от своего Господа слова, и Господь повернулся к нему», Коран, 2:35), то есть с первого откровения; или, точнее, он начинает с озарения Авраама, которое является не чем иным, как откровением монотеизма.

Иными словами, христианство основывается на первичном грехопадении одного-единственного человека, ислам — на природе человечества или, вернее, человека как такового, буддизм — на страдании человека, а индуизм — на иллюзии существования, как человеческого, так и любого другого. Иудаизм — Закон Моисея — видит в человеке постоянный мятеж против Закона и, следовательно, — моральные последствия грехопадения Адама в большей степени, нежели сам факт грехопадения; можно добавить, что он нейтрализует упомянутые последствия, тогда как христианство устраняет их причину.

По отношению к всеобщей и божественной Истине традиционная перспектива, или «мифология», выступает как геометрическая форма по отношению к пространству. Каждая основная геометрическая форма — такая, как точка, круг, крест или квадрат, представляет полную картину всего пространства, но каждая из них исключает другие.

В пустом пространстве каждая точка является центром и, таким образом, — начальной точкой символически обоснованной меры; однако никакая «мера» пространства не является абсолютно адекватной, в противном случае она была бы самим пространством. Различные изначальные точки традиционных мифологий — сотворение мира, грехопадение Адама, откровение Аврааму, страдание по причине невежества, — все

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

они являются, образно говоря, великим множеством точек соотношений в метафизическом пространстве.

Человеческий сектор *

Христос, отвергая некоторые раввинские предписания как сугубо «человеческие», а не «Божественные», показывает, что, согласно Божьей шкале измерений, имеется некий сектор, который, будучи ортодоксальным и традиционным, тем не менее в некотором смысле является человеческим; это означает, что Божественное воздействие тотально лишь по отношению к Писанию и существенным следствиям Откровения и что всегда имеется «человеческий сектор», где воздействие это не более, чем косвенное, в котором решающее слово принадлежит этническим и культурным факторам. Именно к этому сектору, или пограничному пространству, относится большинство экзотерических спекуляций. С одной стороны, ортодоксия гомогенна и невидима, а с другой стороны, она допускает степени абсолютности и относительности. Поэтому нас не должны слишком уж возмущать анафемы, которые диофизиты, монофизиты**, афтартодоксты, фартолатры, агноэты, актисты*** и ктистолатры**** швыряли в адрес друг друга по поводу труднопостигаемых вопросов — состоит ли Христос из нетленной субстанции и присуще ли душе Христа человеческое незнание, было ли тело Христа несотворенным, будучи одновременно зримым, или сотворенным, и тому подобное.

То, что поражает в большинстве случаев, хотя и не всегда равным

---

* Из *Islam and Perennial Philosophy,* глава 3.

** Монофизиты признавали в Христе только одну божественную природу, или естество, и были осуждены четвертым вселенским собором в Халкидоне, по определению которого в едином лице Христа пребывают без слияния и без разделения две природы, или два естества: божественное и человеческое.

*** В христологическом вопросе существовали два основных направления (Budge, «*The Discourses of Philoxenus*», т.2, 1894). Одни (самый значительный из них Севир Антиохийский, севириане, «агноэты», «фартолатры») протестовали против халкидонского постановления лишь как против формального новшества, соглашались признать различие двух природ Христа в понятиях. Другие (Юлиан Галикарнасский, «актисты», «афтартодокеты») напротив, отвергая преобразование одной природы в другую, выводили вместе с Кириллом (и заходили дальше его) все следствия из единства природы Христа.

**** Ктистолатры — одна из многочисленных монофизитских партий, выделившаяся в конце эпохи христологических споров. В основе их учения лежит теория Юлиана Галикарнасского, утверждавшего, что тело Иисуса Христа нетленно.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

образом, — это страстное желание пригвоздить себя и других к вопросам, вовсе не имеющим решающего значения, и неспособность проявить некоторую широту взглядов относительно тех вещей, по поводу которых Откровение не сочло необходимым пускаться в подробности, поэтому все, что было необходимо, как с мистической, так и с догматической точек зрения, — это признать, что Христос как живой Бог в своей человеческой природе показал столько сверхъестественных прерогатив, что было бы напрасно пытаться их сосчитать, но, поскольку Он бесспорно был также и человеком, то Он был вынужден испытывать некоторые ограничения; это подтверждается случаем со смоковницей, бесплодия которой Он не смог распознать издали. Вопрос о *filioque* является ярким примером подобной склонности к бессмысленной точности и догматизации, приносящей обильный урожай ссор и анафем.

Одно обстоятельство, которое в этой связи вынуждает нас обратить на себя внимание, заключается в том, что павший, или пост-эдемный, человек является своего рода существом фрагментарным; поэтому мы обязаны раскрыть наши глаза на очевидную истину, что человеческая святость не исключает возможности для святого человека быть, например, чистым логиком или обладать в большей степени чувственной, чем интеллектуальной природой и, тем не менее, чувствовать в себе призвание к выполнению некой учительской функции, разумеется, будучи движимым при этом не претензией, а «усердием для дома Господня». Инспирация Духом Святым не означает, что Дух заменяет человеческий интеллект, освобождая его от всех естественных ограничений, как в случае Откровения; она лишь означает, что Дух руководит человеком согласно Божественному намерению и в соответствии с качеством человеческой восприимчивости. В противном случае не было бы ни богословских разработок, ни каких-либо расхождений в ортодоксии, а первый Отец Церкви написал бы один-единственный богословский трактат, который оказался бы исчерпывающим и окончательным, так что никогда не появились бы ни Фома Аквинский, ни Григорий Палама. К тому же есть люди, инспирированные Духом Святым по той причине, что они святые, и соразмерно их святости, тогда как есть другие, являющиеся святыми потому, что они инспирированы Духом Святым, и святость которых пропорциональна их инспирации.

Самые обычные примеры человеческого сектора, который допускается Небом по отношению к традициям, обнаруживаются в расколах внутри подлинно ортодоксальных религий; и это не имеет ничего общего с вопросом гетеродоксии, поскольку подлинные ереси находятся по ту сторону этого сектора как такового. Совершенно бесспорно, что коллективная человеческая мысль не преуспевает в понимании ни флуктуаций между разными точками зрения, с одной стороны, ни тех аспек-

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

тов, к которым они относятся, с другой, то есть она не делает различий между разными модусами субъективности и объективности, что приводит к поляризациям и расколам, которые, какими бы неизбежными и провиденциальными они ни оказались, все-таки суть опасные примеры несовершенства. Небо позволяет человеку быть тем, что он есть, однако эта снисходительность, или терпение, не означает полного одобрения со стороны Бога...

Религия ограничивается не тем, что она заключает в себе, а тем, что исключает; это исключение не затрагивает глубочайшего содержания религии, ибо каждая религия внутренне есть тотальность, однако то, что она исключает, непременно берет реванш в промежуточном плане, именуемом нами «человеческим сектором», служащим ареной для богословских спекуляций и как морального, так и мистического энтузиазма. Конечно, не чистая метафизика и не эзотеризм заставляют нас притворяться, что вопиющее противоречие не является противоречием; все, что мудрость позволяет нам, или, скорее, обязывает нас предпринять, — это признать, что внешние противоречия могут скрывать внутреннюю совместимость или идентичность, а, следовательно, каждый противоречивый тезис содержит истину и, таким образом, — аспект всеобщей истины и путь постижения этой тотальности.

Когда одна религия помещает в ад человеческий Логос другой религии, или когда одна конфессия подобным же образом поступает со святыми другой конфессии, то на самом деле нельзя под предлогом того, что сущностная истина одна, утверждать, что здесь нет вопиющего противоречия или что это противоречие не является, по определению, серьезным недостатком на его собственном уровне; единственное смягчающее обстоятельство, которое можно здесь привести, заключается в том, что упомянутый уровень не является существенным для традиции, то есть что присущая ей духовность вовсе не обязательно связана с данной ошибкой, ибо ее созерцательные души внутри нее тоже не обязательно занимаются этими внешними анафемами своей религии; кроме того, не трудно убедиться, что в этих анафемах личности превращаются в негативные символы, и, таким образом, здесь наблюдается всего лишь ошибка атрибуции, а не идеи, ошибка факта, а не принципа.

Что касается обычных богословских остракизмов, как на Западе, так и на Востоке, глубокий урок нам преподают басни Эзопа и Бидпая; рассказ о лисице и винограде, висевшем слишком высоко, чтобы его достичь, и который по этой причине был провозглашен кислым, повторяется во всех секторах человеческого существования. Именем мудрости некто поносит мудрость своего соседа, чтобы утешить себя или взять реванш за то, что сам этого не открыл; выдающиеся богословы не стесняются заявлять, что внутренний голос Сократа принадлежал лукавому,

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

и не стесняются обзывать всю греческую мудрость дьявольской, хотя все это есть, мягко говоря, пустое сумасбродство, поскольку христианство, даже в своих восточных ответвлениях, не сумело обойтись без помощи той же самой мудрости. В закрытом пространстве богословия сияют две щели: гнозис и литургия. Совершенно очевидно, что гнозис — отверстие в сторону Беспредельного, однако необходимо знать, что формальный язык сакрального, будь то язык сакральной архитектуры или природы, является как бы дополнением или продолжением метафизической мудрости. Ибо красота, как и чистая истина, спокойна и щедра; она бескорыстна, свободна от удушливой страстности споров о словах; стало быть, одной из причин существования священного искусства, несмотря на то, насколько это может выглядеть парадоксальным, является то обстоятельство, что оно в состоянии обратиться как к интеллекту мудреца, так и к воображению простого человека, удовлетворяя чувственность обоих и предлагая пищу, соответствующую потребностям и того, и другого...

* * *

Человеческий сектор, разумеется, не ограничивается областью доктрины или диалектики, и мы уже упоминали об этом, когда говорили о раввинских экстравагантностях, осужденных Христом. Аналогичными этим являются некоторые неадекватные практики, освящаемые традицией и терпимые ею, особенно в индуизме, где имеют место определенные мнения или положения, которые хотя и вполне понятны, но, в любом случае, до такой степени непропорциональны, что в действительности становятся суеверием. Подобные вещи частично объясняются постоянной заботой о сохранении традиции в ее первоначальной чистоте (когда против одного набора заблуждений выдвигаются другие заблуждения), а также — своего рода тоталитаризмом, свойственным человеческой природе; забота о чистоте, несомненно, идет рука об руку с осознанием, что коллективы нуждаются в формулировках точных и поэтому острых, и, откровенно говоря, — несдержанных, ибо иначе учения ослабели бы и, наконец, вообще исчезли.

Однако в некоторых из подобных эксцессов проявляется реализм, цель которого — попытаться исчерпать негативные возможности в рамках самой традиции, подобно тому, как Священные Писания содержат в себе мудро провиденциальные несовершенства, или как священное искусство показывает чудовищ наряду с богами, бесов наряду с ангелами для того, чтобы путем предохранительного и дисциплинированного предвидения свести к минимуму неминуемые воздействия темных сил.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

* * *

Если существуют некоторые вариации или даже отклонения, которые духовно и традиционно считаются законными или приемлемыми, то, в конечном итоге, дело обстоит так потому, что люди подразделяются на три основных типа: страстный, чувственный, интеллектуальный, а также различные их комбинации.

Каждый человек есть «я», помещенное в «мир»; этот мир имеет формы, а «я» наделено «желаниями». Следовательно, очень важно знать, каким образом человек с самого начала, согласно своей подлинной природе, реагирует или интерпретирует эти четыре факта человеческой экзистенции; именно эта спонтанная реакция и служит признаком его духовного типа.

Для человека страстного типа случайные факты существования, мир и «я» со всем своим содержанием, люди и вещи, добрые дела и грехи, имеют в себе, строго говоря, нечто абсолютное; Бог кажется ему неким видом абстракции, фоном, который не налагается на него *a priori*. Страсть владеет им и погружает его глубоко в мир видимостей; его путь, прежде всего, является путем раскаяния, исправляет ли он себя суровым аскетизмом, жертвует собой в священной войне или предается служению, посвященному Богу.

Страстный человек не способен быть интеллектуальным в полном смысле этого слова; для него доктрина состоит из угроз и обещаний наряду с метафизическим и эсхатологическим минимумом, которого требует охваченный страстью интеллект.

Для человека интеллектуального типа, наоборот, случайные факты существования как таковые очевидны и прозрачны; прежде, чем спросить «чего я хочу», он спрашивает «что такое мир» или «что такое я», а это заранее определяет его некую беспристрастность в отношении форм и желаний. Правда, он может испытывать привязанность к небесной реальности, сияющей в своих земных отражениях; созерцательное дитя в той человеческой пустыне, в которой его поместила судьба, может крепко привязаться к вещам, служащим ему напоминанием о Рае, одновременно потерянном и имманентном. Однако в любом случае для глубоко созерцательного человека реальностью является Невидимое, тогда как «жизнь есть сон», *la vida es sueno*; в нем платоническое чувство прекрасного заступает место грубой страсти.

К третьему типу относится эмоциональный человек, который может быть назван музыкальным типом; он является промежуточным, поскольку он может склоняться как в сторону страстного, так и интеллектуального типа, и, кроме того, он отражается в каждом из них. Именно любовь и надежда составляют в нем преобладающий и действенный элемент; и он будет предрасположен к тому, чтобы особо подчеркивать

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

манифестацию поклонения с пристрастием к музыкальной литургии; это — духовность радости, но также и духовность ностальгии.

* * *

Существует великое искушение кажущуюся наивность Священных Писаний относить к «человеческому сектору», который как будто бы находится в тени Божественного вдохновения; совершенно ясно, что между ними нет никакой связи, если только мы не будем рассматривать этот «сектор» в переносном, то есть в совсем ином смысле, как мы и попытаемся сделать в будущем, однако очевидно, что отнюдь не такого рода перенос подразумевают современные критики, когда они, в виде довода против священных книг, ссылаются на научные ошибки, которые эти книги якобы содержат. Данные, например, из Книги Бытия, о которых говорят, что они наивны, доказывают не то, что Библия неверна, а то, что человеку не полагалось знать сверх определенной меры; ясно, что знание не является вредным само по себе и что всегда обязательно найдутся люди, способные духовно интегрировать всевозможные знания, однако единственный вид знания, доступный среднему человеку, — это знание, которое приходит к нему путем элементарного, универсального, веками проверенного и поэтому нормального опыта, как это ясно подтверждает история последних столетий. В действительности человек науки, тип которого наметился еще в классической Греции и развился на современном Западе, не только по мере своего увлечения физическими науками теряет религию, но, кроме того, чем больше он в них погружается, тем больше закрывает себя от бесконечного измерения сверхчувственного знания — истинного знания, дарующего смысл жизни.

Верно, что Рай в Писаниях изображается как находящийся «наверху», потому что небесный свод является единственной высотой, постигаемой эмпирическим, или чувственным, образом; аналогично ад находится «внизу», «под землей», во тьме, в тягости, в заточении. Подобным же образом для уроженцев Азии сансарические перерождения в том случае, когда они не являются небесными или адскими, имеют место «на земле», то есть на том единственном уровне, который можно воспринять эмпирически; для Откровения важна только действенность символизма, а не бесконечное знание бессмысленных фактов. Правда, ни один факт сам по себе не является совершенно бессмысленным, иначе он вообще не существовал бы, однако бесчисленные, выходящие за пределы нормального человеческого опыта факты, которые научное мировоззрение накапливает в нашем сознании и в нашей жизни, духовно понимаются лишь теми, кто вовсе в них не нуждается.

Древний человек с особой силой чувствовал смыслы, заложенные в символических выражениях, что подтверждается, с одной стороны, эф-

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

фективностью подобных выражений в течение веков, а с другой стороны, тем фактом, что человек древности был интеллигентным существом, о чем свидетельствует все, что с ним связано; когда он слышал повествование об Адаме и Еве, он так хорошо понимал, о чем идет речь, — а ведь на самом деле истина здесь ослепительно ясна, — что ему и не снилось по этому поводу удивляться «почему» и «как», ибо повествование о Рае и Грехопадении мы несем в своих душах и даже в своих телах. То же самое относится ко всему эсхатологическому символизму: «вечность» того света, прежде всего, указывает на его контраст по сравнению с тем, что находится здесь внизу, на измерение абсолютности, противопоставленное нашему миру преходящих и поэтому «тщетных» случайностей, — стало быть, только это и является важным, и это есть божественное намерение, которое скрывается за образом. В системах трансмиграционного символизма, наоборот, эта «тщета» продолжается также в мире ином, по меньшей мере в некоторой степени, ввиду глубокой разницы перспективы; здесь тоже нет никакого «почему» и «как», если глубокий смысл символа усвоен так, как будто он стал частью нашей собственной плоти.

Человек, носящий в себе отпечаток мировоззрения современной науки, лишен интуиции сокровенных намерений, и это еще не все; современная наука, для которой аксиоматически закрыт доступ к сверхчувственным измерениям Реальности, привела человека к полному невежеству и, таким образом, исказила его воображение. Современная ментальность имеет склонность сводить ангелов, бесов, чудеса — словом, все нематериальные феномены, необъяснимые в материалистических терминах, — к области «субъективного» и «психологического», тогда как между ними нет ни малейшей связи, за исключением того, что психическое тоже состоит, причем объективно, из субстанции, находящейся по ту сторону материи; один современный богослов, рассуждая о Вознесении, дошел до того, что глупо вопросил: «Где же завершается это космическое путешествие?» — и это показатель самодовольного тупоумия определенной ментальности, которая хочет быть «современной». Было бы нетрудно объяснить, почему Христос был «вознесен», и что означает «облако», скрывшее его из виду, а также почему было сказано, что Христос «появится в том же облике», ибо каждая деталь указывает на определенную реальность, которую можно легко понять в свете традиционной космологии; ключом к такому пониманию служит тот факт, что переход с одного космического уровня на другой на низшем уровне возвещается путем «технически» необходимых и полных символического значения обстоятельств, которые на свой лад отражают высшую ступень и следуют одно за другим соответственно тому порядку, которого требует сама природа вещей.

В любом случае недостаток современной науки кроется, по сущес-

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

тву, в ее пренебрежении универсальной причинностью; на это, несомненно, будет выдвинуто возражение, что наука не имеет отношения к философской каузальности и занимается только феноменами, что, однако, неправда, поскольку эволюционизм, как единое целое, есть не что иное, как гипертрофия, воображаемая как средство отрицания реальных причин, и подобное материалистическое отрицание, вместе со своей эволюционистской компенсацией, относится к философии, а не к науке.

Совершенно иная точка зрения заставляет признать, что сторонники прогресса не так уж полностью и не правы, полагая, что в религии есть нечто, что больше не срабатывает; на самом деле, индивидуалистическая и сентиментальная аргументация, к которой прибегает традиционное благочестие, почти потеряла свою силу над умами, и причиной этого является не только то обстоятельство, что человек Нового Времени стал неверующим, но также и то, что обычные религиозные доводы, недостаточно глубоко проникающие в природу вещей и не имевшие раньше в этом никакой надобности, психологически серьезно устарели и не отвечают некоторым требованиям каузальности. Если, с одной стороны, человеческое общество вырождается с течением времени, то, с другой стороны, оно накапливает опыт, благодаря своему значительному возрасту, несмотря на то, насколько этот опыт может быть пронизан заблуждениями; любое пасторское учение, стремящееся быть эффективным, обязано иметь в виду этот парадокс и действовать не путем извлечения новых директив из общего заблуждения, а наоборот — использовать доводы высшего порядка, прежде всего — интеллектуальные, а не чувственные; в итоге, по меньшей мере, хоть некоторые будут спасены, возможно, даже больше, нежели можно себе представить, тогда как пасторы-демагоги от науки не спасут никого.

* * *

Представление о «человеческом секторе» может пониматься в высшем смысле, полностью трансцендирующем как психологический, так и вообще земной смысл, так как в этом случае мы вступаем в совершенно новое измерение, которое никоим образом не следует путать с превратностями мышления. Мы подразумеваем здесь тот факт, что упомянутое понятие можно отнести и к Божественному порядку и применить на уровне Логоса, тем более что определенные человеческие отклонения провиденциальным образом заложены в Божественном Интеллекте; с этой точки зрения это не вопрос о крайностях отклонений, особенно тех, которые вытекают из человеческой слабости, а об адаптациях, которые пожелала Божественная Милость. Хотя здесь нет абсолютного различия

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

в принципе, есть значительное различие в измерении, аналогичное различиям между квадратом и кубом или между белизной и светом.

Когда говорится, что религиозные различия являются всего лишь разницей формулировок, этого может быть на время достаточно для тех, кто в этом убежден заранее и абстрактно; но этого недостаточно, когда речь заходит о конкретных деталях, ибо в этом случае надо знать, почему эти формулировки проявляются в виде взаимно исключающих утверждений, а не просто как различия в стиле. Недостаточно просто убедить себя, что несходные традиционные доктрины выражают «точки зрения» и различные «аспекты» единой Истины; нам надо знать, что это по необходимости происходит так, а не иначе, потому что средства выражения не могут быть исчерпаны, несмотря на то, что в каждом отдельном случае они предоставляют нам ключ, вполне достаточный для Истины в целом. То же самое можно сказать и о физическом опыте: невозможно описать ландшафт так исчерпывающе, чтобы исключить возможность других описаний, поскольку ни один человек не может наблюдать ландшафт во всех его аспектах одновременно и ни одна точка зрения не может помешать наличию и весомости других в равной степени возможных точек зрения.

Исторические факты, на которых основывается конкретная религия, подтверждают для человека ее исключительную истину именно потому, что они — факты и поэтому реальности; для Бога те же самые факты являются всего лишь символами, используемыми в качестве доводов с целью иллюстрации, и поэтому они могут быть заменены другими фактами подобно тому, как одна иллюстрация или один символ могут быть заменены — всегда при условии, что на то есть веская причина, — другой иллюстрацией или другим символом; существенным содержанием всегда является та же самая Истина, с одной стороны — небесная, с другой — спасительная, однако постигаемая разными путями, поскольку не существует одного-единственного возможного угла зрения. Именно на это указывают противоречия, содержащиеся в Священных Писаниях, а также, как и можно было ожидать, расхождения в видениях святых.

Религиозное верование всегда основывается на точке зрения, со стороны которой, оно, и только оно, кажется возвышенным и неопровержимым; не разделять этой позиции кажется не только худшим из пороков, ибо это означало бы противление Богу, но также и самым крайним абсурдом, так как это свидетельствовало бы о неспособности понять, что дважды два — четыре. Каждый на Западе знает, каковы основания для ощущения того, что христианство очевидно истинно, однако в гораздо меньшей степени понимает, почему другие религии отказываются принять это чувство. Совершенно очевидно, что христианство в своем непосредственном и буквальном выражении, а не в своей необходимо

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

универсальной и поэтому поливалентной сущности адресовано грешникам, то есть тем, кто «нуждается в целителе»; его исходная точка — грех, подобно тому, как в буддизме — страдание. В исламе, как и в индуизме (так как самая древняя религия и самая последняя в некоторых чертах парадоксальным образом сходятся), исходная точка — сам человек; по сравнению с этим, христианская перспектива (опять же согласно ее буквализму, который, образно говоря, составляет ее «венчающий довод») может показаться ограниченной только одним аспектом человека и его земного состояния — аспектом, который, несмотря на его неоспоримую реальность, не является ни единственным, ни исчерпывающим. И не под силу чудесам, каковы бы они ни были, поколебать упомянутое убеждение, ибо оно соответствует природе вещей, и ничто феноменальное не может иметь приоритета над Истиной.

Однако не разделяющее разнообразие, а единодушие имеет значение, и было бы мало пользы обсуждать первое, не думая о последнем. Если «наука» для нас означает знание, имеющее отношение к реальным предметам, несмотря на то, могут ли они быть прямо выявлены или нет, а не исключительно только знание, обусловленное некой узко ограниченной и философски дефектной программой с соответствующим методом, то религия будет наукой о всеобщей иерархии, о равновесии и ритмах космического масштаба; одновременно она учитывает внешне открывающуюся Манифестацию Бога и Его внутренне абсорбирующее Притяжение, ибо только религия делает это и может это делать *a priori* и спонтанно.

* * *

Не может быть сомнения в том, что Послания Нового Завета имеют своим истоком божественное вдохновение, однако это — второстепенное вдохновение; иными словами, это не прямое Откровение, как слова Иисуса и Марии или псалмы, что тем самым дает повод различать степени даже в сфере вторичного вдохновения, в зависимости от того, сам ли Дух говорит, или Он почти полностью позволяет человеку говорить самостоятельно. Человек, в вышеупомянутом контексте, является святым, однако он не Дух Святой. Апостол Павел сам это признал, когда, давая некоторые советы, уточнил, что они не вдохновлены Параклетом, а суть его мнения. «А вступившим в брак не я повелеваю, а Господь...» Здесь ясно, что говорит Дух. «Относительно девства я не имею повеления Господня, а даю совет, как получивший от Господа милость быть Ему верным...» Здесь говорит человек. И аналогично: «Прочим же я говорю, а не Господь...» И опять: «Но она блаженнее, если останется так, по моему совету; а думаю, и я имею Духа Божия» (1 Кор. 7.10, 25,12, 40).

Здесь мы находимся в «человеческом секторе», но он несет в себе еще

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

и другую степень. Стопами Апостола, выражавшего свое мнение, позже последовали римские богословы, которые — не без нереалистического идеализма и окончательного смешения аскетизма с моралью — установили по этому поводу целибат для всех священников — меру, тесно связанную с приписыванием таинству брака слишком уж внешнего мотива, забыв, в итоге, духовные аспекты сексуальности. Позитивным результатом этого стал расцвет святости определенного типа, а негативным — нарастание напряжения, ответственного за все виды неустойчивости, достигшей своей вершины в Ренессансе; нереалистичный, с моральной точки зрения, и духовно узкий пиетизм определенного типа, утвердившийся в христианстве, не был единственной причиной последующих взрывов натурализма, но он внес огромный вклад в этот процесс и по сей день испытывает на себе его последствия.

АРХАИЧЕСКИЕ РЕЛИГИИ

Древний мир в перспективе*

Над всей жизнью людей античности и вообще людей, находящихся в русле традиций, господствуют две ведущие идеи — идея Центра и идея Начала. В пространственном мире, где мы живем, каждая ценность так или иначе связана со священным Центром, с местом, где Небо соприкасается с землею; в любом человеческом мире есть место, в котором Бог проявляет Себя для распространения там своей Благодати. То же происходит и с Началом — квази-вневременным моментом, когда Небо находилось рядом и когда земные вещи еще оставались полунебесными; однако в тех случаях, когда цивилизации имели своего исторического основателя, Начало также было тем временем, когда Бог вещал людям, обновляя таким образом для определенной ветви человечества первоначальный завет. Находиться в согласии с традицией значит верить в Начало и по той же самой причине находиться в Центре; это значит жить в первоначальной Чистоте и согласно универсальной Норме. Все, что касается поведения древних и вообще традиционных людей, прямо или

* Из *Light on the Ancient Worlds,* глава 1.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

косвенно объяснимо со ссылкой на эти две идеи, служащие как бы вехами для измерения низшего и опасного мира форм и перемен.

Именно такого рода «мифологическая субъективность» объясняет, например, империализм древних цивилизаций, так как нельзя свести все это просто к «закону джунглей», даже если этот закон в действительности может оказаться биологически неминуемым и, в известной степени, закономерным; также надо учитывать, и даже в первую очередь, поскольку речь идет о человеческих существах, тот факт, что каждая древняя цивилизация живет воспоминанием потерянного Рая, и что настолько, насколько она является проводником незапамятной традиции или Откровения, восстанавливающего «потерянный мир», она верит, что является самой непосредственной наследницей «века богов». Поэтому, в любом случае, считается, что «наши люди», а не другие, сохранили первоначальные человеческие ценности, как с точки зрения мудрости, так и — добродетели; и надо признать, что этот взгляд является не более и не менее ложным, нежели — утверждающий исключительность религий или, в чисто естественном плане, — опыт каждого эго, что только оно одно есть «я». Есть много объединений людей, которые не называют себя тем именем, под которым они известны другим; они называют себя просто «народ» или «люди», а другие племена — это просто неверующие, отщепенцы. Вообще, такая точка зрения была присуща как Римской империи, так и конфедерации ирокезов.

Целью древнего империализма было распространение «порядка», состояния равновесия и стабильности, отвечающих божественной модели и так или иначе отраженных в природе, особенно в Солнечной системе. Римский император, как и император Поднебесной, имел власть благодаря «мандату Неба». Юлий Цезарь, обладатель этого мандата и «божественный человек» (*divus*), осознавал свой ранг и свою миссию; по его мнению, никто не имел права сопротивляться этому; Веркингеторикс* в его глазах был всего лишь своего рода еретиком. Если не-римляне воспринимались как «варвары», то это происходило именно потому, что они находились за пределами «порядка»; с точки зрения *pax romana* они олицетворяли неравновесие, нестабильность, хаос, постоянную угрозу. Как в христианстве (*corpus mysticum*), так и в исламе (*dar-al-islam*) теократическая сущность имперской идеи очевидна; без теократии не было бы цивилизации, достойной этого имени. Это настолько верно, что римские императоры в разгар языческого разложения Рима и со времени Диоклетиана, ощущали потребность в собственном обожествлении, или были согласны на то, чтобы их обожествляли, при этом неуклюже

* Галльский вождь, живший во времена Юлия Цезаря и поднявший кельтские племена на борьбу с римскими завоевателями Галлии.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

приписывая себе титул «потомков Венеры, победивших галлов». Современная идея «цивилизации» исторически относится к традиционной идее «империи»; однако «порядок» в ней стал чисто человеческим и совершенно профаническим, как об этом свидетельствует понятие «прогресса», поскольку оно является подлинным отрицанием какого бы то ни было небесного происхождения; «цивилизация» на деле есть не что иное, как урбаническое изобретение в рамках светского и меркантильного мировоззрения, что как раз и объясняет ее враждебность по отношению к первозданной природе и религии. Согласно критерию «цивилизации», созерцательный отшельник, олицетворяющий собой как человеческую духовность, так и святость первозданной природы, будет восприниматься как своего рода «дикарь», тогда как в действительности он свидетельствует о Небе на земле.

Эти соображения естественно ведут к дальнейшим замечаниям по поводу сложности вопроса о Власти в Западном христианстве. Император, в противоположность папе, воплощает в себе светскую власть; однако благодаря своему, хотя и дохристианскому, но все-таки небесному происхождению он представляет аспект универсальности, тогда как папа по своим функциям ограничивается одной христианской религией. Мусульмане в Испании не подвергались преследованию до тех пор, пока духовенство не обрело достаточной мощи по сравнению со светскими властями; светские власти, находившиеся в подчинении у императора, в этом случае олицетворяли собой универсализм или «реализм», а значит и «терпимость», и поэтому некую долю мудрости согласно природе вещей. Эта двусмысленность имперской функции, которую сами императоры в большей или меньшей степени сознавали, объясняет в частности то, что можно было бы назвать традиционной неуравновешенностью христианства; и надо полагать, что, простершись перед Карлом Великим после его коронации, Папа Римский понимал эту двусмысленность, то есть свое более высокое положение, парадоксальным образом представшее более низким...

* * *

Когда мы говорим о древних людях, принадлежавших разным традициям, важно не путать здоровые и интегральные цивилизации с великим язычеством Средиземноморья и Ближнего Востока, классическими воплощениями и конвенциональными образами которого стали Фараон и Навуходоносор, ибо здесь термин «великое язычество» вполне оправдан. Прежде всего в этих «окаменелых» традициях Библейского мира нас поражает культ массивности и гигантизма, наряду с космолатрией, часто сопровождаемой кровавыми жертвами, причем не стоит упускать из виду еще и чрезмерное развитие магии и науки прорицания. В подоб-

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

ного рода цивилизациях сверхъестественное заменяется магическим, настоящее обожествляется, и ничего не оставляется для будущей жизни, по крайней мере, в области экзотерической, которая, фактически, довлеет над всем остальным; обожествление человека, предстающего подобием некой мраморной статуи, сочетается со страстным очеловечиванием Божественного, где властители суть полубоги, а боги руководят всеми страстями.

Может возникнуть вопрос: как произошло, что эти древние религии могли склониться к язычеству и потом вообще исчезнуть, тогда как подобная судьба, кажется, исключена в случае великих традиций, которые сегодня живы как на Западе, так и на Востоке? Ответ звучит так: традиции, имеющие доисторическое происхождение, предназначены, символически говоря, для «пространства», а не для «времени»; то есть они созерцают свет первоначальной эры, когда время еще было не чем иным, как ритмом, обнаруживающим себя в пространственном и статическом блаженстве, и когда пространство, или одновременность, еще господствовало над опытом длительности и изменчивости. Исторические традиции, с одной стороны, должны учитывать опыт «времени» и предвидеть нестабильность и упадок, поскольку они возникли в те периоды, когда время стало подобным быстротекущей всепожирающей реке, и когда, следовательно, духовный взор должен был сосредоточиться на конце мира. Положение индуизма является промежуточным в том смысле, что он обладает исключительной для традиций предвечного типа способностью омоложения и адаптации; он одновременно доисторический и исторический, так как своим собственным способом осуществляет чудо синтеза между богами Египта и Богом Израиля.

Вернемся, однако, в Вавилон. Окаменелый характер такого типа цивилизации не может быть объяснен одной лишь склонностью к чрезмерности, так как мы можем сказать, что вавилоняне видели первоначальное блаженство улетучивающимся и поэтому стремились сооружать крепости, и в итоге дух задохнулся, вместо того чтобы сохраниться, так что окаменевшая и нечеловеческая сторона этих языческих цивилизаций представляется титанической реакцией пространства против времени. С этой точки зрения непоколебимость звезд парадоксальным образом сочетается со страстями плоти; сияющий небесный свод, божественный и грозный, всегда рядом, однако захватывающая бурная жизнь занимает место земного божества. С другой точки зрения, многие черты цивилизаций древнего мира объясняются тем фактом, что в начале божественный Закон был несокрушимо строгим, а жизнь в то же самое время еще сохраняла в себе нечто небесное. Вавилоняне ошибочно жили этого рода воспоминаниями; однако в сердцевине самых жестоких языческих традиций все-таки наблюдается смягчение за счет перемен в циклическом

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

круговороте времени. Небесный Закон становится менее требовательным, приближаясь к концу нашего цикла, ибо по мере ослабления человека возрастает Снисходительность. Оправдание Христом виновной в нарушении супружеской верности женщины имеет подобное значение, несмотря на другие, отнюдь не менее приемлемые толкования — и о том же свидетельствует вмешательство ангела в жертвоприношение Авраама. Никто не думал бы жаловаться на смягчение моральных законов, однако обсуждать все это следует не отвлеченно, а в подобающем контексте, поскольку именно контекст раскрывает их смысл, их диапазон и их ценность. В действительности смягчение моральных законов, если только оно не является иллюзорным, может представлять собой внутреннее достижение лишь при соблюдении двух условий, а именно: если оно, во-первых, несет конкретную пользу обществу, и, во-вторых, если оно не приобретается ценою того, что вообще придает жизни смысл. Уважение к человеческой личности не должно распахнуть ворота разгулу заблуждений и безобразия, не должно способствовать сокрушению качества количеством, всеобщему разложению и потере культурных ценностей, поскольку если оно проявляется таким образом, то оно является не нормой, а другой крайностью, противоположной древним тираниям. Когда гуманизм представляет собой не более чем преувеличение человеческого за счет Божественного, или голого факта за счет истины, он не может считаться позитивным достижением. Критиковать «фанатизм» наших предков легко тому, кто утратил само понятие истины, приводящей к спасению, как легко проявлять «терпимость», презирая религии.

РЕЛИГИИ АМЕРИКАНСКИХ ИНДЕЙЦЕВ

Священная Трубка индейцев*

...В традиции североамериканских индейцев[1] Священная Трубка является символом первостепенной важности и «орудием благодати», представляющим собой не только доктринальный синтез, простой и сложный одновременно, но и орудие ритуала, вокруг кото-

* Из *Language of the Self,* глава 11.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

рого зиждется вся духовная и социальная жизнь. Описать символизм Священной Трубки и связанные с ней обряды в некотором смысле означает подвести итог всей мудрости краснокожих. Здесь необязательно рассматривать этот предмет во всей его полноте; осуществить это было бы весьма затруднительно, поскольку традиция краснокожих индейцев значительно разнится в формах проявления (как видно на примере мифа о происхождении Калумета* и цветового символизма), ибо эти различия возникли вследствие рассеивания племен в течение веков, поэтому мы в большей степени сосредоточимся на фундаментальных аспектах этой мудрости, которая как таковая никогда не меняется, несмотря на великое разнообразие путей выражения. Среди прочих, однако, мы предпочтем доктринальные символы народа сиу, хорошо известные нашему другу Дж. Э. Брауну, который описал обряды народа сиу так, как это поведал ему своими устами ныне покойный Черный Лось (*Hehaka Sapa*)**.

Индейцы Северной Америки представляют собой одну из наиболее изученных этнографических рас, однако далеко не все о них полностью известно по той простой причине, что этнография не исчерпывает все формы знания и поэтому не может служить основным ключом для нашего понимания. Фактически существует такая область, которая по определению расположена по ту сторону обычной науки (то есть «внешней», или «профанической», науки), но которая составляет подлинную основу цивилизации: это есть духовность — знание Божественной Реальности и средств Ее постижения в той или иной степени. Ясно, что никто не сможет понять какой бы то ни было формы духовности, не осознав, что такое духовность сама по себе[2]; для того чтобы быть способным знать мудрость людей, прежде всего надо иметь ключ к этой мудрости, и этот необходимый ключ вручает нам не какая-нибудь вспомогательная ветвь изучения, а интеллектуальность на своем чистейшем и самом универсальном уровне. Отвергнуть то, что составляет подлинную сущность всей настоящей мудрости, значит заранее преградить себе путь для понимания любой мудрости вообще; иными словами, формы осознанной мудрости являются необходимым ключом для понимания любой другой, еще не осознанной мудрости.

Некоторые исследователи чувствуют себя обязанными задаться вопросом, имеет ли вообще место идея Бога в религии американских индейцев, поскольку они думают, что имеют дело со своего рода «пантеизмом» или «имманентизмом»; однако это недоразумение вызвано тем обстоятельством, что большинство индейских понятий, обозначающих

---

* Церемониальная трубка у северо-американских индейцев.

** «Священная Трубка»; Издательство Оклахомского университета; на англ. яз.: *The Sacred Pipe; University of Oklahoma Press: Norman.*

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

Божество, указывает на всевозможные его аспекты, а не на один только персональный аспект, как в случае слова «Бог» (по меньшей мере, на практике); Вакан-Танка (*Wakan-Tanka,* «Великий Дух») есть Бог не только как Творец и Господь, но также как Имперсональная Сущность.

Иногда высказываются возражения по поводу имени Вакан-Танка на языке сиу и подобных понятий на других индейских языках, таких как «Великий Дух»; однако, хотя Вакан-Танка (и связанные с ним понятия) может переводиться также как «Великая Тайна» или «Великая Тайная Сила» (или даже «Великое Колдовство»), и хотя «Великий Дух» отнюдь не является совершенно адекватным выражением, тем не менее оно кажется весьма пригодным и, в любом случае, лучше других понятий передает нужное значение; правда, слово «дух» имеет довольно неопределенное значение, но, по этой же причине, оно имеет то преимущество, что не вводит ограничений, а это и есть именно то, чего требует «полисинтетический» термин *Wakan.* Выражение «Великая Тайна», которым предлагается переводить слово *Wakan-Tanka* (или аналогичные понятия, такие, как *Wakonda* или *Manitu* на языках других индейских племен), не лучше, чем «Великий Дух», передает данную идею, и кроме того, важно не то, соответствует этот термин или нет тому, что мы называем «Духом», но возможно ли идеи, выражаемые индейскими понятиями, перевести как «Дух», или нет...

Индейцы созерцают ангельские Сущности и божественные Качества посредством разного рода животных и феноменов природы; в этой связи мы приведем цитату из одного письма Джозефа Э. Брауна: «Для тех, кто смотрит на традиции краснокожих со стороны или глазами образованного разума, часто бывает трудно понять их пристрастие к животным и озабоченность по поводу всех вещей во Вселенной. Но для этих людей, как и для всех традиционных людей вообще, каждый сотворенный объект является важным просто потому, что им известна метафизическая связь между этим миром и Миром Реальным. Ни один объект для них не есть то, чем он кажется, но является лишь тусклой тенью Реальности. По этой причине каждый сотворенный объект есть *wakan*, то есть священный, и обладает силой в соответствии с благородством той духовной реальности, которую он отражает; таким образом, множество объектов обладает негативными силами так же, как другие — позитивными и благими, и каждый объект вызывает уважение, поскольку особая сила, которой тот обладает, может быть передана человеку, ибо всякая вещь находит себе двойника в человеческой душе. Индейцы скромны в отношении всего творения, особенно в периоды ламентаций (то есть когда они, уединившись, ритуально взывали к Великому Духу), поскольку все видимые вещи были сотворены прежде них и, будучи старше возрастом, заслуживают уважения (первенство сотворенных вещей может, к тому

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

же, служить символом первенства Принципа); но, несмотря на то, что человек появился последним среди тварей, он также является первым, ибо только он может познать Великий Дух...»

Калумет был «открыт» или «ниспослан Небом»; его пришествие в этот мир является сверхъестественным, как об этом повествуют священные предания.

Когда индеец совершает обряд Калумета, он приветствует небо, землю, четыре стороны света, протягивая ствол трубки вперед (например, в обряде племени сиу) или выпуская дым в сторону «центрального огня», горящего перед ним; порядок этих жестов может меняться, но их статический план не меняется, поскольку речь здесь идет о доктринальной форме, утвержденной обрядом.

Согласно некоторым обрядовым практикам, мы начнем наши описания с Запада: «Западный Ветер» приносит с собой гром и дожди, то есть — Откровение и Благодать; «Северный Ветер» очищает и укрепляет; с Востока приходит Свет, то есть — Знание, которое, согласно представлению индейцев, несет с собой Мир; Юг — это источник Жизни и Роста, именно здесь начинается «Благоприятный Красный Путь», путь благосостояния и блаженства. Вселенная, таким образом, зависит от четырех изначальных детерминаций — «Воды», «Холода», «Света», «Тепла»; первая из них, «Вода», является не чем иным, как позитивным аспектом мрака, который обычно противопоставляется Свету, точно так же, как Холод — Теплу; позитивным аспектом мрака фактически выступает качество «тени», предоставляющее убежище от палящей мощи солнца и производящее или поддерживающее влагу; небо темнеет перед тем, как прольется дождь, и Бог проявляет Гнев (гром) перед тем, как даровать Благодать, естественным символом которой выступает ливень. Что касается «Холода» («освящающий и очищающий ветер, дарующий силу»), его позитивным аспектом является чистота, и, таким образом, «Чистота» Севера может быть противопоставлена «Теплоте» Юга точно так же, как «Дождь» Запада противопоставляется «Свету» Востока; связь между «Холодом» и «Чистотой» очевидна: неодушевленные, «холодные» вещи, то есть минералы, не разлагаются подобно одушевленным, «теплым существам». «Свет» Востока, как мы уже говорили, есть «Знание», а «Теплота» есть «Жизнь» и поэтому также «Любовь» и «Добро», «Красота» и «Радость».

Прежде чем идти дальше, ответим на возражение, которое может возникнуть в связи с тем обстоятельством, что в мифологии сиу «Четыре Ветра», по всей видимости, связаны с второстепенной функцией Божества, подразделяемой здесь на четыре Аспекта, каждый из которых, в свою очередь, имеет четыре подразделения. Доктрина сиу, путем значительного изменения в обычной мифологической иерархии, отдает

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

предпочтение этим четырем Принципам перед лицом других Божеств, таким образом ясно показывая, что в обряде Калумета, или, точнее, во всей перспективе, связанной с этим обрядом, стороны света выражают четыре существенные Божественные Манифестации.

Представляется возможным говорить также о четырех «космических Положениях» следующим образом, опять же начиная с «Запада» и двигаясь в сторону «Севера»: «Влажность», «Холод», «Сухость», «Теплота»; негативным аспектом «Запада», связанным с влагой, является мрак, а позитивным аспектом «Востока», связанным с сухостью, является Свет. «Гром-птица» (*Wakinyan-Tanka*), чья обитель расположена на Западе, охраняет землю и ее растительность от засухи, и, по преданию, мечет молнии своими глазами и производит гром своими крыльями; аналогия с Откровением на Синайской горе, которое сопровождали «громы, молнии и густое облако» (Исход, XIX, 16), еще более поражает нас тем, что Откровение это произошло на скале, тогда как в индейской мифологии именно «Скала» связана с «Гром-птицей», как мы увидим далее. Что касается символической связи Откровения с Западом, это может показаться необычным и даже парадоксальным, однако всегда надо помнить, что в символизме индейцев стороны света всегда несут в себе позитивный смысл: таким образом, как уже говорилось, Запад не противопоставляется Востоку, и отнюдь не олицетворяет «мрак» или «невежество», но является позитивным дополнением Востока, несущим «дождь» и «Благодать». Также может показаться странным, что индейская традиция устанавливает символическую связь между «Западным Ветром», носителем грома и дождя, и «Скалой», которая является «ангельской» или «полубожественной» персонификацией космического Аспекта Вакан-Танки; но эта связь допустима, поскольку скала объединяет в себе те же самые дополнительные аспекты, что и гроза: устрашающий аспект, по причине своей разрушительной суровости (скала для индейцев является символом разрушения, а следовательно и каменное оружие, связь которого с ударами молнии очевидна), и аспект Благодати, порождающий источники, которые, подобно ливню, утоляют жажду земли. Теперь подойдем к другой стороне обряда Калумета и увидим здесь аналогию между дымом священного табака (*kinni kinnik*) и благовонием: в большинстве религий благовония являются «человеческим ответом» на Божественное Присутствие, и дым ознаменовывает «духовное присутствие» человека перед Лицом сверхъестественного Присутствия Бога, как об этом свидетельствует заклинание ирокезов: «Слава тебе! О сотворивший Все Вещи, услышь наш голос. Мы повинуемся Твоим Повелениям. Сотворенное Тобою возвращается к Тебе обратно. Дым священной травы возносится к Тебе, из чего видно, что мы говорим правду».

В обряде Калумета человек представляет собой состояние «индиви-

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

дуализации»; пространство (с его шестью направлениями) представляет Универсальное, в которое после преображения реабсорбируется все, что индивидуально; дым, исчезающий в пространстве, с которым он себя в конечном итоге отождествляет, прекрасно знаменует эту трансмутацию «твердого», «непрозрачного» или «формального» в «растворенное», «прозрачное» или «бесформенное»; в одно и то же время этот дым указывает на нереальность «эго» и, следовательно, мира, который духовно идентичен человеческому микрокосмосу. Поглощение дыма пространством (представляющим в данном случае Бога) одновременно намекает на Тайну «Идентичности», благодаря которой, если воспользоваться суфийским выражением, «мудрец находится вне творения»; это всего лишь иллюзия, что человек является отдельной и обособленной от пространства «величиной»: в действительности он «есть» указанное пространство, и он обязан, согласно Священным Писаниям индуизма, «стать тем, чем он является». Поглощая вместе со священным дымом «Благоухание Благодати» и вместе с ним выдыхая самого себя в сторону беспредельного, человек сверхъестественным образом занимает все «Божественное Пространство». Кроме того, огонь, пожирающий табак, изображает Бога, а сам табак олицетворяет человека или, с макрокосмической точки зрения, — Вселенную; пространство здесь «воплощается» в огне Калумета, подобно тому, как стороны света, согласно символизму другого рода, объединяются в Центральном Огне...

Как мы видели, Природа (ландшафт, небо, звезды, стихии, дикие животные) является необходимой опорой индейской традиции, и ее роль подобна той роли, которую в других традициях играют святилища; все ограничения, наложенные на Природу путем искусственных, тяжелых, равнодушных деяний (ограничения, которые также возложены на человека из-за того, что тот стал рабом упомянутых деяний), являются святотатством, даже «идолопоклонством», и они несут в себе семена смерти. Результатом такого рода мировоззрения стала трагическая судьба индейцев в истинном смысле этого слова: трагедией представляется безвыходная ситуация, создавшаяся не случайным стечением обстоятельств, а фатальным столкновением двух принципов. Гибель индейской расы является событием трагическим, потому что для индейца представляется возможным одно из двух: победить или умереть; благодаря духовному основанию данной альтернативы, участь индейцев приобретает аспект благородства и мученичества.

Индейцы потерпели поражение не просто потому, что они оказались более слабой стороной; это случилось потому, что они олицетворяли дух, несовместимый с меркантильностью белого человека. Эта великая драма может быть изображена как борьба не только между материалистической и рыцарской или духовной цивилизациями, но также как борьба между

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

городской цивилизацией (в строго человеческом и порочном смысле этого слова, со всеми вытекающими из нее «искусными проделками» и «раболепием») и царством Природы, рассматриваемой как величавое, беспредельное и чистое одеяние Божественного Духа. Именно из этой идеи окончательного торжества Природы (окончательного, потому что изначального) индейцы, сохранившие верность предкам, черпают свое неистощимое терпение перед лицом выпавших на их долю бед; Природа, воплощением которой они себя чувствуют и которая одновременно является их храмом, в конечном итоге победит этот искуственный и кощунственный мир, ибо она суть Покров, Дыхание и настоящая Десница Великого Духа.

ИНДУИЗМ

Веданта*

Среди других возможных учений Веданта выделяется как несущая одну из наиболее недвусмысленных формулировок того, что составляет подлинную сущность нашей духовной реальности. Этот ее прямой характер возмещается ее требованием самоотречения, или, точнее, полнейшей беспристрастности (*vairagya*).

Перспектива Веданты находит свои эквиваленты в великих религиях, регулирующих человеческую жизнь, ибо Истина только одна. Тем не менее, формулировки могут зависеть от догматических перспектив, ограничивающих их непосредственную интеллигибельность, или делающих труднодоступными их прямые выражения. Если индуизм как бы составлен из самостоятельных частей, то монотеистические религии являются организмами, в которых различные части формально и прочно связаны с целым.

Хотя индуизм органически связан с Упанишадами, он, тем не менее, не сводится к шиваитскому ведантизму Шанкары, несмотря на то, что последний может рассматриваться как сущность Веданты и, следовательно, всей индуистской традиции.

Веданта Шанкары, о которой идет речь, божественна и своими корнями уходит во времена оны, однако отнюдь не является творением

* Из *Spiritual Perspectives and Human Facts*, часть 4, и *Language of the Self*, глава 2.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

Шанкары, который был только великим и провиденциальным ее проповедником. Эта Веданта прежде всего имеет в виду умственные добродетели, которые сходятся в точке совершенной и постоянной концентрации, тогда как мораль, будь то индуистская или монотеистическая, распространяет эти же самые принципы на область действия, которая в случае странствующего монаха (или *sannyasi*) почти полностью отвергнута. Таким образом, спокойствие духа (*shamd*) для мусульманина становится довольством (*ridha*), или доверием (*tawakkul*), которые в действительности способствуют умиротворению духа. Веданта сохраняет алхимическую сущность добродетелей.

Согласно Веданте, созерцатель должен стать абсолютно «Самим Собой»; согласно другим перспективам, например, религиям семитского происхождения, человек должен стать абсолютно «Иным», чем он сам — или чем «Я», — ибо, с точки зрения чистой истины, это совершенно одно и то же...

В Веданте демиургическая склонность понимается как объективизация, а в суфизме — как индивидуация, или фактически как субъективация, где Бог есть не чистый «Субъект», как в перспективе индуизма, а чистый «Объект», «Он» (*Hua*), То, чего не в силах ограничить субъективное видение. Разногласие кроется лишь в форме, поскольку само собой разумеется, что «Субъект» Веданты есть что угодно, но только не индивидуальная детерминация, а суфийский «Объект» есть что угодно, но только не итог «незнания». «Самость» (*Atma*) — это «Он», ибо она «чисто объективна» в той мере, в какой исключает всякую индивидуацию, а «Он» (*Hua*) — это «Самость», то есть «чистая субъективность», в том смысле, что исключает любую объективизацию.

Суфийская формула *Lâ ana wa lâ Anta: Hua* (Ни Я, ни Ты, а Он) является таким образом эквивалентом формулы Упанишад *Tat tvam asi* (Это есть ты).

Когда ведантист говорит о «единственности Субъекта» (или точнее — «не-дуальности», *advaita*), суфий говорит о «единственности Существования» (то есть «Реальности», *wahdat el-Wujûd*). Выражаясь индийскими понятиями, разница в том, что ведантист подчеркивает аспект *Чит* («Сознание»), а суфий — *Сат* («Бытие»).

То, что в человеке выступает за пределы его индивидуальности и всяких различий, есть не только чистое «Сознание», но также и чистое «Существование». Аскеза очищает экзистенциальную сторону человека, а значит, косвенным образом очищает и его интеллектуальную сторону.

Если человек ограничивался бы только «бытием», он был бы святым; квиетизм считал себя понявшим именно это.

Атман (*Atma*) есть чистый Свет и Блаженство, чистое «Сознание», чистый «Субъект». Нет ничего, что было бы лишено связи с этой Реаль-

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

ностью; объект, соответствующий Ей даже в наименьшей степени, есть Она Сама, хотя и претерпевшая «объективизацию» посредством Майи, творящей иллюзию, которая есть следствие бесконечности Самости.

Это и есть подлинное определение универсальной объективизации. Тем не менее внутри ее следует различать два фундаментальных модуса, один «Субъективный», а другой «Объективный». Первая модальность такова: между объектом как таковым и чистым, бесконечным Субъектом стоит в некоторой степени объективированный Субъект, то есть познавательный акт, благодаря которому, путем анализа и синтеза, чистый объект возвращается обратно к Субъекту. Эта функция объективизации (по отношению к Субъекту, который впоследствии как будто проецирует Себя на уровень объективного) или субъективизации (по отношению к объекту, который интегрирован в субъективное и, таким образом, возвращен назад к божественному Субъекту) есть дух, который познает и различает, манифестирует интеллект, сознание, которое является относительным и поэтому может быть объектом знания.

Другой фундаментальный модус объективизации может быть описан следующим образом: для того чтобы реализовать Субъект, который есть Сат (Бытие), Чит (Знание, Сознание) и Ананда (Блаженство), надо знать, что объекты накладываются на Субъект, и сконцентрировать свой дух на одном лишь Субъекте. Между объективным миром, который в этом случае становится тождественным «невежеством» (*avidya*), и Субъектом, Самостью (*Atma*), помещается объективизация Субъекта. Эта объективизация является прямой и центральной; она есть откровение, истина, благодать и, по этой причине, она есть также аватара (*avatara*), гуру (*guru*), доктрина, метод, мантра.

Таким образом, священная формула, мантра, символизирует и воплощает собой Субъект, объективируя Его и «охватывая» объективный мир, эту тусклую пещеру неведения, или, вернее, замещая Его собой, мантра ведет дух, заблудший в лабиринте объективизации, обратно к чистому Субъекту.

Вот почему в самых различных традициях мантра и ее практика, джапа (*japa*), понимается как «воспоминание» (зикр, или *dhikr* в суфизме): при помощи символа, божественного имени заблудший и обособленный дух «вспоминает», что он является чистым «Сознанием», чистым «Субъектом», чистой «Самостью».

«Неразличение» реального и нереального никоим образом не предполагает нереальности Самости или реальности мира. Можно сказать, что Реальное не есть «не-иное» в функции нереального, а нереальное есть «не-иное» в функции Реального, и не потому, что оно нереальное, а потому, что оно «меньшая Реальность», которая, тем не менее, «внешне нереальна» по отношению к Абсолютной Реальности.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

Концепции Рамануджи содержатся в концепциях Шанкары и трансцендируются последними. Когда в локализации и продолжительности чувственных объектов Шанкара видит непосредственную и осязательную манифестацию их нереальности, он не говорит, подобно Рамануджа, который, кажется, верил, что они не существуют как объекты, а говорит, что как существующие объекты они нереальны. Рамануджа выдвигает против Шанкарачарьи такие истины, которых последний никогда не отрицал на их собственном уровне. Рамануджа проявляет тенденцию все «конкретизировать» во имя сотворенного мира, и это прямо-таки согласуется как с вишнуитской точкой зрения, так и с духом Запада, тесно связанным с подобной перспективой.

Антагонизм Шанкары и Нагарджуны того же порядка, с той лишь разницей, что если Шанкара отрицает доктрину Нагарджуны, это происходит потому, что форма последней, независимо от своего реального содержания и той духовной виртуальности, которую она представляет, относится к более ограниченной перспективе, чем Веданта; с другой стороны, когда Рамануджа опровергает доктрину Шанкары, это происходит по прямо противоположной причине. Перспектива Шанкары трансцендирует учение Рамануджи не только касательно формы, но и в отношении его подлинного основания.

Для того чтобы понять Нагарджуну и махаяну в целом, прежде всего надо учитывать два обстоятельств: во-первых, что буддизм, по существу, являет себя как духовный метод и, следовательно, все ставит в зависимость от точки зрения своего метода, а во-вторых, что метод этот, по сути своей, является негативным. Из этого следует, что, с одной стороны, метафизическая реальность рассматривается в зависимости от функции метода, то есть как «состояние», а не как «принцип», и, с другой стороны, она определяется негативными понятиями — Нирвана (*Nirvana*), «Угасание» и Шунья (*Shunya*), «Пустота». Глазами буддистской мудрости утверждение несет в себе тот же самый смысл и обладает той же самой функцией, что и «субъективизм», то есть функцией «незнания», в глазах индуистской мудрости. Описать позитивными терминами то, что есть Нирвана или Шунья, было бы равнозначно, как сказал бы ведантист, желанию познать чистый Субъект, «божественное Сознание», Атман, на уровне самой объективизации, на уровне незнания...

Бесполезно стараться понимать, что «Я есть Брахма», не поняв прежде всего, что «Я не есть Брахма»; бесполезно стараться понимать, что «Брахма есть моя истинная Самость», не поняв прежде, что «Брахма находится вне меня»; бесполезно стараться понимать, что «Брахма есть чистое Сознание», не поняв до этого, что «Брахма есть Всемогущий Творец».[1]

Нельзя понять, что заявление «Я — не Брахма» является ложным, не осознав до этого, что оно является истинным. Подобным же обра-

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

зом невозможно понять, что заявление «Брахма находится вне меня» не является точным, не осознав прежде, что так оно и есть; и опять же нельзя понять, что заявление «Брахма есть Всемогущий Творец» содержит в себе заблуждение, не поняв до этого, что оно выражает истину.

Для того, чтобы быть способным говорить о Самости, надо постичь Самость, ибо как не постигший ее может знать, что он должен постичь ее, для того чтобы быть способным говорить о ней? Если один-единственный мудрец знает, что такое Самость, потому что он сам постиг ее, как могут его ученики знать, что он постиг ее и что он единственный, кто знает, что такое Самость?

При таких обстоятельствах осталось бы лишь абсолютное незнание лицом к лицу с абсолютным знанием, и была бы невозможна ни связь с Самостью, ни духовная реализация, и не было бы разницы между мудрецом и дураком, или между истиной и заблуждением. Отнести знание к чисто субъективным и эмпирическим предпосылкам, считая последние своего рода абсолютом, равнозначно полному отрицанию интеллекта и, следовательно, интеллектуального познания. Одним махом перечеркивается, во-первых, интеллектуальное познание, во-вторых, то, что Самость может его озарить, и, наконец, пророческое и законодательное проявление Самости в нашем мире. Таким образом, это означает гибель традиции, ибо при таких условиях уникальность и перманентность Вед были бы неполными. Каждое «существо, достигшее духовной реализации», писало бы новые Веды и создавало бы новую религию. *Sanatana Dharma* утратила бы смысл.

Интеллектуальное познание, вдохновение, откровение — эти три реальности существенны как для отдельного человека, так и для целого общества. Они различаются между собой и, тем не менее, ни одна из них не сводится просто к вопросу «реализации». «Постигший» человек может иметь вдохновение, которое в смысле приносимого плода отлично от уровня его наличного знания, однако, с другой стороны, он не может прибавить к Ведам ни единого слова. Более того, вдохновение может зависеть от духовной функции, например, первосвященника, а также может быть свидетельством определенного мистического уровня. Что касается Откровения, то совершенно ясно, что даже самое высокое духовное постижение не вызовет его, хотя подобное постижение есть его необходимое условие.

Что же касается интеллектуального познания, то оно является существенным условием обсуждаемой реализации, поскольку лишь оно способно предоставить человеческим начинаниям вескую основу и обеспечить их эффективность. Эта фундаментальная роль чистого интеллектуального познания есть аспект «превращения в то, чем человек является».

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

Откровение, в некотором смысле, есть интеллектуальное познание коллектива, или, вернее, оно заменяет последнее. Для коллектива как такового оно является единственным способом знания, и по этой причине *avatara*, через которого дается Откровение, обязан в своем упорядочивающем совершенстве воплотить в себе то человеческое, которое он одновременно репрезентирует и озаряет.

Вот почему молитва святого всегда есть молитва всех и за всех.

Верить вместе с некоторыми «нео-йогинами», что «эволюция» породит сверхчеловека, «который будет отличаться от человека настолько, насколько человек отличается от животных или животные от растений», значит не понимать, что такое человек. Это еще один пример псевдомудрости, которая мнит себя в огромной степени превосходящей «все эти разделяющие религии», но которая фактически содержит меньше знания, чем самый элементарный катехизис. Поскольку элементарнейший катехизис знает, что такое человек; он знает, что благодаря своим качествам, и как автономный мир, человек может быть противопоставлен всем другим царствам природы вместе взятым: он знает, что в одной особой сфере, касающейся духовных возможностей, а не животной природы, разница между обезьяной и человеком огромна, то есть гораздо большая, нежели между мухой и обезьяной. Ибо один только человек[2] способен освободиться от этого мира, только человек способен вернуться к Богу; и по этой причине ни одна земная тварь не может его превзойти. Среди земных существ человек имеет центральное положение, и это есть абсолютная позиция, так что не может быть другого, более центрального центра, нежели этот центр, если дефиниции вообще обладают каким-то смыслом.

Этот нео-йогизм, как и другие подобного рода движения, претендует на то, чтобы к мудрости наших предков прибавить нечто чрезвычайно ценное; он верит, что религии представляют собой неполную истину, и что после столетий и тысячелетий ожидания он призван склеить их воедино и увенчать все это своей собственной наивной крошечной системой.

Гораздо лучше верить, что земля — это диск на спине черепахи, поддерживаемой четырьмя слонами, чем во имя «эволюции» верить в появление некоего «сверхчеловеческого» монстра. Буквальная интерпретация космологических символов, если и не является безусловно полезной, то по крайней мере она не причиняет зла, тогда как научная ошибка, такая как эволюционизм, не представляет собой ни буквальной, ни символической истины; а последствия ее уже не поддаются исчислению.

Интеллектуальная нищета нео-йогических движений подтверждает неопровержимую истину, что нет духовности вне ортодоксии. Конечно, не случайно, что все эти движения как бы составляют союз, направлен-

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

ный против интеллекта; интеллект заменяется размышлением, которое оказывается слабым и смутным, вместо того чтобы быть логическим, и оказывается «динамическим», вместо того, чтобы быть созерцательным. Всем этим движениям свойственна независимость, которую они якобы испытывают по отношению к теоретической доктрине. Они ненавидят незыблемость последней, ибо в их глазах непорочность ее есть «догматизм»; они не способны понять, что Истина не отвергает форм извне, а трансцендирует их изнутри.

Ортодоксия включает в себя и гарантирует бесчисленные ценности, которых человек, вероятно, не смог бы открыть самостоятельно...

Принцип различия в социальном порядке*

При попытке оценить любое учреждение, особенно священное, которое, по причине случайных обстоятельств, стало предметом обсуждений, первоначально надо очистить обсуждаемый вопрос от всяких предубеждений, которые могут быть следствием чисто человеческих пристрастий, как индивидуальных, так и коллективных; иначе было бы бесполезно судить, а еще бесполезнее говорить о возможных улучшениях.

Проблема касты, к которой мы собираемся обратиться, сегодня способна вызвать настолько острые переживания, что иногда бывает трудно восстановить спокойствие духа среди людей, обсуждающих данную тему, а именно этого мы все вместе должны добиваться, поскольку ни «консерватизм», являющийся всего лишь оборонительным, ни склонность к стремительному новшеству не способны адекватно разрешить такой запутанный вопрос, как этот; надо иметь ясное представление, осведомленность и понимание вставшего перед нами вопроса, который звучит так: что это такое «каста» по существу, то есть не только в связи с индуистской социальной системой, но также и в обобщенном смысле, то есть как вечно присутствующий фактор человеческого общества? Однако прежде чем перейти к обсуждению оперативного принципа, стоящего за спиною феномена социального различия, было бы вполне благоразумно каким-то образом прояснить предмет, рассмотрев некоторые дополнительные обстоятельства, сыгравшие значительную роль в затемнении обсуждаемой темы для многих людей, как в Индии, так и за ее пределами.

Прежде всего, надо заметить, что современная критика системы каст

* Из *Language of the Self,* глава 7.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

(или, вернее, некоторых ее проявлений) подразделяется на два самостоятельных вида, обусловленных различными мотивациями. С одной стороны, есть люди религиозного склада, желание которых состоит в устранении из социальной системы (справедливо или несправедливо — это уже другой вопрос) того, что, по их мнению, является развившимся со временем злоупотреблением. С другой стороны, есть крайние модернисты, мировоззрение которых является полностью следствием профанического западнического образования и которые подвергают понятие касты злобным нападкам ввиду его несовместимости с новейшими, существующими на Западе теориями, которые они любой ценой желают распространить среди своих сограждан.

Первая из упомянутых позиций, даже если она неверна в своей актуальной оценке относящихся к делу фактов и заблуждается относительно предполагаемых лечебных средств, все-таки предполагает возможность диалога на основании более тщательной оценки тех же самых фактов, рассматриваемых, однако, в свете традиционной мудрости, ибо желание устранить такие дефекты, которые возникли вследствие заблуждений падшего человека (неминуемых в этом мире) и которые обнаруживаются даже в священных учреждениях, отнюдь не чуждо традиционному духу при условии, что такое желание сопровождается чувством пропорции и общего благоговения; тогда как со второй из упомянутых позиций немыслимо никакое взаимодействие в той мере, в какой она представляет собой неповиновение священному, и это неповиновение можно назвать не иначе, как «асурическим».

Чтобы подойти к другой стороне вопроса, надо упомянуть некоторые неправильные истолкования, вошедшие в оборот благодаря западным этнологам и прискорбно быстро и легко подхваченные определенными кругами в самой Индии. Мы имеем в виду попытки дать объяснения кастовой системе просто как своего рода практической целесообразности со стороны белых завоевателей древней Индии по отношению к «цветному» населению, чтобы держать последнее в вечном порабощении. Это явный пример недооценки того факта, что иерархическое строение общества, аналогичное кастовой системе, является общим достоянием многих цивилизаций, помимо индийской, хотя и в менее развитом виде, а также стремления найти в ведическом окружении нечто подобное «расистской» теории, способной снабдить современных колонизаторов подходящей «доктриной» для оправдания их притязаний.

Подобная ошибка заключается в превращении каст в синоним социальных «классов» в том смысле, который это слово приобрело после индустриальной революции в Европе и который впоследствии получил дальнейшее развитие в марксистском учении о «классовой борьбе». Фактически это понятие класса, основанное не на качественных, а на ис-

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

ключительно экономических различиях, возникло вместе с буржуазной ментальностью XIX столетия и не свойственно традиционным представлениям, ни индийским, ни европейским. Например, крестьяне в Европе, там, где они еще существуют, не принадлежат к какому-нибудь классу, а скорее всего представляют собой касту в индийском смысле этого слова, о чем свидетельствует их врожденное чувство собственного достоинства по сравнению с беспочвенной массой обитателей больших городов, и это обстоятельство, тем самым, объясняет причину чрезвычайного давления на них со стороны коммунистической диктатуры с целью провести «коллективизацию», ибо до тех пор, пока некий кастовый дух среди людей останется в сохранности, они никогда не смогут превратиться в физических и умственных «пролетариев», каких придумали себе господа из марксистских партий. Между прочим, обвинители, так охотно спешащие выразить свое негодование по поводу иногда подлинных, а очень часто преувеличенных недостатков иерархически построенной социальной системы, могли бы лучше обратить внимание на те притеснения и жестокости, которые в неслыханном до сих пор масштабе совершаются в наши дни во имя предполагаемого равенства, ибо это помогло бы им прийти к более трезвому взгляду на вещи, что только и могло бы предотвратить превращение реформатора в будущего тирана.

Периодические волны порчи и извращений являются свойством человеческой слабости, однако их можно предотвратить только неусыпной бдительностью, которая является исключительным свойством святых. Если, при отсутствии такой защиты, злоупотребления начинают выходить за рамки определенных пропорций, тогда может возникнуть потребность в своего рода реадаптации, то есть реформы в строгом смысле этого слова; история всех великих религий полна таких примеров. Мы не собираемся просто отрицать ни факта самих извращений, ни даже возникающей время от времени потребности в реформах, но мы выражаем сомнение в том, что касается компетенции тех реформаторов, которые, пренебрегая традицией и любыми священными ценностями, готовы отбросить как принципы, так и их приложения, одновременно и хорошие, и плохие, ничему не научившись на примере многочисленных бедствий, уже возникших вследствие подобных попыток.

Перед обсуждением главной темы напомним еще об одной вещи, которую, в общем-то, обходят стороной при обсуждении причин нынешнего кризиса; мы имеем в виду психологические последствия, сопровождающие широко распространенное усвоение большинством представителей высших каст сугубо профанических западных вкусов и способов мышления, таких, которые, из-за своего явно антидуховного характера, совершенно справедливо могут быть отнесены к категории «неприкасаемых».

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

Когда человек с устоявшимися вкусами наполняет свой дом массовыми изделиями европейского производства, а к произведениям традиционного искусства питает открытое презрение (способствуя тем самым вымиранию сословия ремесленников — наиболее драгоценного элемента общества), или когда мы слышим, как этот человек при каждом удобном случае цитирует модные словечки новейших социологии, психологии и тому подобного, как будто бы они являются шрути*, или когда он, будучи ученым, считает священные доктрины индуизма (и даже Веданту!) «философией», классифицируя их, следовательно, по образцам чисто рационалистических конструкций западного толка, то людям, его окружающим, порою становится трудно признать его собственный кастовый статус, если к тому же он отказывается от общения с некоторыми людьми по тем же кастовым соображениям; к тому же мучающие его бессознательно угрызения совести производят впечатление неискренности, если не лицемерия. Подобную аргументацию, конечно, едва ли можно считать веской, поскольку она скрывает в себе определенную путаницу вещей разного порядка. Однако она содержит своего рода грубую и скороспелую логику, которой нельзя пренебрегать во времена больших сдвигов, таких, как сейчас, когда лишь твердая позиция интеллекта может спасти человека от захлестывающих волн профанации.

К тому же надо добавить относительно приведенного выше примера, что, по меньшей мере, есть одна сфера, где каждый человек в пределах домашней и семейной жизни может ощущать нечто похожее на восстановление традиции путем сознательного поворота процесса отчуждения в обратную сторону. Подобная инициатива, предпринятая без ожидания, пока за ней последуют другие, имеет реальное духовное значение для данной личности и производит огромное воздействие на окружающих, поскольку не только дурной пример является заразительным. На этот аспект кризиса не должны смотреть сквозь пальцы те, кто охотно укрепил бы традиционные связи, которые, между прочим, касты и порождают...

* * *

Наряду со всеми другими священными учреждениями система каст основывается на самой природе вещей, или, точнее, на одном из аспектов этой природы, и, таким образом, на реальности, которая в определенных условиях не может не проявиться; это утверждение имеет одинаковую ценность и относительно противоположного аспекта, то есть равенства людей перед Богом. Короче говоря, для оправдания системы каст достаточно задать следующий вопрос: существуют ли вообще различия в квалификации и наследственности? Если да, тогда система каст не толь-

* Священное писание в индуизме.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

ко возможна, но и закономерна. В случае отсутствия каст, когда это узаконивается традицией, единственный вопрос таков: являются ли люди равными не только и не просто с точки зрения своей животной природы, которая здесь не рассматривается, а с точки зрения своего окончательного предназначения? Поскольку каждый человек имеет бессмертную душу, это представляется несомненным, и поэтому в такого рода традиционном обществе данное соображение берет верх над различием в области квалификации. Бессмертие души — это постулат религиозного «эгалитаризма», точно так же, как полубожественный характер интеллекта — а, следовательно, и интеллектуальной элиты — является постулатом кастовой системы.

Трудно было бы представить более значительное расхождение, чем то, которое наблюдается между иерархической системой индуизма и уравнительной перспективой ислама, однако вся разница здесь в акцентах, ибо истина одна: на самом деле, если индуизм учитывает прежде всего человеческую природу, фундаментальные тенденции которой подразделяют людей на великое множество иерархических категорий, то, тем не менее, он осуществляет равенство благодаря существованию сверхкасты странствующих монахов саньясинов (*sannyâeis*), социальное происхождение которых уже не имеет никакого значения. Похоже обстоит дело с христианским духовенством в том смысле, что знатность здесь не играет существенной роли: крестьянин не может стать принцем, но он может стать папой и венчать императора. С другой стороны, определенные формы иерархии появляются даже в самых «эгалитарных» религиях: в исламе, где каждый мужчина сам себе священник, шарифы — потомки Пророка — составляют религиозную знать и, таким образом, возвышаются над остальным обществом, хотя и не выполняют никакой исключительной функции. В христианском мире отличившийся гражданин может быть возведен в высшее сословие, тогда как в индуистской системе подобная вещь полностью исключается, поскольку существенной задачей высших каст здесь является «сохранение» первоначального совершенства; именно идея «передачи по наследству», стоящая у истока кастовой системы, поясняет, почему касту можно потерять, но нельзя приобрести.[1] Действительно, эта перспектива «сохранения наследства» является подлинным ключом кастовой системы: она, между прочим, дает объяснение ограниченности доступа к индуистским храмам — храмы не являются кафедрами для проповеди, — а также объясняет важнейшую роль, отведенную правилам чистоты. «Навязчивая идея» индуизма — не обращение «неверующих», а, напротив, сохранение первоначальной чистоты, которая является как чистотой интеллектуальной, так и нравственной и ритуальной.

Каковы основные склонности человеческой природы, с которыми

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

касты прямо или косвенно связаны? Они могут быть определены как множество путей рассмотрения эмпирической «реальности»: иными словами, фундаментальная тенденция в человеке связана с «чувством» или «сознанием» того, что же есть «реальное». Для брахмана чисто интеллектуального, созерцательного и «жреческого» типа реальным является неизменное, трансцендентальное; в глубине своего сердца он не «верит» ни в саму «жизнь», ни вообще в «земное»; в нем сохраняется некое отчуждение по отношению к неустойчивости и материи; короче говоря, таково его внутреннее состояние, то есть то, что можно было бы назвать его «имагинативной жизнью», несмотря на возможную личную слабость, которая может ее затенять.

Кшатрий, «рыцарский» тип, обладает острым интеллектом, однако обращен больше к действию и анализу, чем к созерцанию и синтезу, ибо сила его, главным образом, состоит в его характере; агрессивность своей энергии он возмещает щедростью, а страстность натуры — благородством, самообладанием и великодушием. Для этого типа людей «реальным» кажется действие, поскольку вещи обусловливаются, видоизменяются и упорядочиваются путем действия, так что при отсутствии последнего нет места ни добродетели, ни чести, ни славе. Иначе говоря, кшатрий по преимуществу верит в эффективность действия, а не в фатальность данной ситуации: он презирает рабство фактов и думает только об определении их порядка, о внесении ясности в хаос, о рассечении гордиевых узлов. Таким образом, если для брахмана все является неустойчивым и нереальным, за исключением Вечного и того, что Ему сопричастно — истины, знания, созерцания, обряда, Пути, то для кшатрия все является сомнительным и второстепенным, за исключением того, что соответствует его дхарме — действия, чести, добродетели, славы, благородства, ибо от них зависят все остальные ценности. Эта перспектива может воплотиться в религиозной сфере без какой-либо существенной перемены ее психологического качества.

Для вайшья — купца, крестьянина, художника, то есть человека, чья деятельность прямо связана с материальными ценностями не только *de facto* и неким случайным образом, но созвучна его сокровенной природе, — для такого человека «реальными» кажутся богатство, безопасность, собственность и материальное благополучие; другие ценности в его инстинктивной жизни являются второстепенными, и в глубине своего сердца он им не «верит»; воображение его распространяется на область экономической стабильности, материального усовершенствования и получаемой прибыли, а когда все это переносится в религиозную сферу, то приобретает вид исключительного накапливания заслуг, чтобы обеспечить себе постоянную безопасность. По причине своего неподвижного и мирного характера ментальность этого типа внешне напоминает брах-

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

маническую; тем не менее из-за определенной узости интеллекта и воли, она стоит далеко от ментальности как брахманов, так и кшатриев[2]; вайшья ловок, он обладает здравым смыслом, но ему недостает как специфически интеллектуальных качеств, так и рыцарских достоинств, «идеализма» в высшем смысле этого слова. Здесь мы должны напомнить, что речь идет не о «классах», но о «кастах», или, точнее, о «естественных кастах», ибо учреждения как таковые, хотя и могут воспроизвести природу, никогда не являются полностью свободными от изъянов и превратностей во всех своих манифестациях. Человек не принадлежит к определенной касте потому, что имеет ту или иную профессию или является отпрыском тех или иных родителей, но, во всяком случае, при нормальных условиях человек выбирает себе определенную профессию потому, что принадлежит той или иной касте, а последняя в значительной степени, хотя и не абсолютно, обеспечивается путем наследства; этой гарантии достаточно, чтобы индуистская система была вполне возможной. Эта система никогда не могла обойтись без исключений, которые лишь подтверждают правило; тот факт, что в наш век перенаселенности и «реализации невозможного» число исключений достигло невероятных размеров, отнюдь не нарушает принципа наследственной иерархии...

Кастовый принцип отражается не только в смене возраста людей, но также и в области пола: женщина противопоставляется мужчине так, как рыцарский тип противопоставляется жреческому, или, в другом отношении, как «практический» тип противопоставляется «идеалистическому». Однако поскольку принадлежность к касте не является абсолютной, то и в области пола нет ничего абсолютного: метафизическая, космологическая, психологическая и физиологическая подчиненность женщины достаточно очевидна, но, тем не менее, женщина отнюдь не уступает мужчине с точки зрения человеческой природы вообще и бессмертия; она равна ему относительно святости, но не относительно духовной функции: ни один мужчина своей святостью не выше Пресвятой Девы, однако, тогда как каждый священник может служить обедню и публично читать проповедь, Она этого сделать не могла бы.[3] С другой стороны, женщина, наряду с мужчиной, представляет собой определенный аспект Божества: ее благородство, сопровождаемое красотой и добродетелью, является для мужчины как бы откровением его собственной бесконечной сущности, а следовательно, того, чем он «хотел бы стать», потому что это именно то, что он уже «есть».

В заключение хотелось бы рассмотреть известную связь между становлением каст и оседлым образом жизни: налицо неоспоримый факт, что представители низких каст реже встречаются среди воинственных кочевников, чем среди оседлых народов; безрассудно-смелый и героический кочевой образ жизни создает различия качественного порядка,

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

окрашенные общим благородством; люди материалистического и рабского склада находятся в подчинении, а люди жреческого типа мало отличаются от представителей рыцарства. Согласно представлениям этих людей, «благородство» как высшее человеческое качество сохраняется благодаря воинственной жизни: нет никакой добродетели, говорят они, помимо мужества, а это значит — помимо опасной деятельности; человек становится порочным, когда он перестает смотреть страданию и смерти в глаза; только бесстрастие перед лицом опасности делает человека человеком; только события и, если хотите, приключения составляют жизнь. Данная перспектива объясняет как привязанность этих людей — бедуинов, туарегов, американских индейцев, древних монголов — к кочевому и полукочевому образу жизни, так и презрение, испытываемое ими к оседлому населению, особенно к жителям городов; величайшее зло, от которого страдает человечество, на самом деле появляется в больших урбанистических конгломератах, а не на лоне первозданной природы...[4]

Система каст в своем духовном смысле является законом, или дхармой, управляющей разными категориями людей согласно их квалификациям. В этом, и только в этом смысле Бхагавад-Гита гласит: «Гораздо лучше человеку выполнять свои обязанности, пусть даже несовершенным образом, чем чужие — в совершенстве. Лучше изведать неудачи, исполняя свой собственный долг, чем выполнять чужой, ибо следовать по чужому пути опасно» (III, 35).[5]

Подобным же образом, в Манава-Дхарма Шастре говорится: «Лучше выполнять свои надлежащие обязанности несовершенным образом, нежели обязанности другого — совершенно; кто живет по правилам другой касты, тот в итоге потеряет свою собственную» (X, 97).

КИТАЙСКИЕ РЕЛИГИИ *

...Конфуцианство подразделяет людей на управляющих и управляемых; от первых требуется чувство долга, а от вторых — сыновняя почтительность. Здесь мы видим, что социальный Закон никоим образом не оторван от духовного смысла всей традиции; он неминуемо

* Из *Spiritual Perspectives and Human Facts*, часть третья, глава 1.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

наделен сопутствующими духовными элементами, касающимися человека как такового, то есть человека, рассматриваемого вне зависимости от общества. И действительно, каждый человек управляет или определяет нечто, каким-то образом от него зависящее, даже если это касается только его собственной души, состоящей из образов и желаний; и опять же, каждый человек управляется или определяется чем-то в значительной степени превышающим его, даже если это относится только к его собственному интеллекту. Таким образом, каждый человек несет в себе двойную обязанность — обязанность долга перед нижестоящими и почтения перед вышестоящими, а уж всевозможных приложений к этому принципу прямо не сосчитать: они простираются даже на неодушевленную природу, в том смысле, что каждый предмет по отношению к нам может, согласно обстоятельствам, играть роль либо небесного принципа, либо земной субстанции.

Китайская мудрость намечает прежде всего социальное, а лишь потом персональное приложение к универсальной паре «Небо — Земля» (*Tien-Ti*), а, следовательно, и соответствие «Невыразимому» (*Wu-Ming*), или *Дао*, в котором пара берет свое начало. Конфуцианство и даосизм сходятся в области добродетели. Первое рассматривает ее социальные и человеческие ценности, а второй углубляется во внутренние и духовные качества. Человек — место встречи Земли и Неба.

Место преодоления эгоизма — между благочестием и долгом.

•

БУДДИЗМ

Оригинальность буддизма*

Приступая к описанию духовных феноменов, относящихся к почти небесной эре великих Откровений, надо остерегаться оценивать их согласно оскудевшим категориям последующих веков или, что еще хуже, категориям, связанным с профанизмом «свободомыслящего» мира. Многие старались свести буддизм к уровню банального философского эмпиризма, хотя он отнюдь не является чисто человеческой идео-

* Из *In the Tracks of Buddhism*, глава 1.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

логией, ибо, в таком случае, его трудно было бы понимать в качестве пути озарения и спасения. Отрицание небесных свойств Шакьямуни и его Послания в конечном итоге равносильно утверждению, что бывают последствия, не имеющие причин, и это замечание относится ко всем вдохновенным Посланникам и ко всем священным институтам. Хотя отчасти так может казаться, Будда не был «реформатором» в современном смысле этого слова, предполагающем гетеродоксию, и не мог им быть; каждый реформатор старается вернуть «изначальную чистоту» той религии, которую он исповедует или думает, что исповедует; эту задачу реформатор пытается осуществить путем отрицания существенных элементов, как человек, который, желая соединить дерево с его корнем, отпилил бы все ветви и даже ствол. Такой возможный реформатор, чья идея «чистоты» всего лишь внешняя, а не трансцендентальная, не в состоянии понять, что ветви нормальным и закономерным образом содержат в себе корень и даже семя, и что тот же самый сок заполняет в дереве все вплоть до мельчайших ростков, и каждый организм имеет законы своего роста, обусловленные не только его собственной специфической природой, но также и окружающей средой; такой реформатор забывает, что время как таковое необратимо и что качественные различия временных циклов требуют реадаптаций, а это касается любой традиции, ибо аналогичное явление, только в более явном и более дифференцированном виде, происходит и с деревом, чьи ветви намного сложнее ствола. Будда, как прямое проявление Духа, не только благодаря силе, но и по праву находится вне традиции, в которой он родился; он не беспокоится о чистоте индуизма и не думает о реформировании последнего, ибо существовавшие в то время рамки, к тому же пришедшие в упадок, представлялись ему не более чем формализмом — не чем иным, как фарисейством, «буква» которых губительна.

Надо отметить, однако, что здесь имеется в виду формализм и фарисейство, а не форма и ортодоксия, то есть вопрос касается злоупотребления, а не самих предметов, в отношении которых оно было допущено; это следует помнить, даже говоря, что буддистская перспектива как таковая не нуждается в подчеркивании своего особого отличия от индуизма. В любом случае, встречаются ортодоксальные реформаторы, такие, как Цзонхава* в тибетском буддизме, или св. Иоанн Креста и Тереза Авильская на Западе, не говоря уже о Савонароле; в подобных случаях не возникает вопрос об упразднении какого-либо традиционного принципа, а как раз наоборот.

Первый вопрос, который следует задать относительно любой до-

* Великий Мастер тибетского буддизма 14 века, развивавший учение буддийской школы Кадампа.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

ктрины или традиции, это вопрос о подлинности их ортодоксии, ибо мы должны знать не то, согласуется ли эта традиция с другой такой же традиционной ортодоксальной перспективой, а соответствует ли она Истине или нет. Поэтому, что касается буддизма, нам не следует спрашивать о том, находится ли он в согласии с буквой Вед или нет, совместим ли его «не-теизм» (не «атеизм») в своем выражении с теизмом семитского или любого другого происхождения или не совместим, а спрашивать только о том, является ли буддизм истинным учением сам по себе или не является, а это значит, что если ответ положительный, то он соответствует ведическому духу и его не-теизм выражает истину или вполне достаточный аспект истины, тогда как теизм предоставляет другое возможное выражение, уместное в том мире, где он царит. Не подлежит сомнению, что отдельная духовная перспектива обычно обнаруживается в рамках той традиции, которая, кажется, ее исключает; так теизм, в некотором смысле, опять появляется в рамках буддизма, несмотря на характерный для него не-теизм, одновременно в виде бесчисленных будд и бодхисаттв, проявляющих или открывающих себя миру и заслуживающих поклонения, а также, что является особо примечательным примером, в культе Амитабхи Будды, неизмеримого Света, тесно связанного с китайскими и японскими школами Чистой Земли. И наоборот, буддистский «атеизм», в свою очередь, появляется вновь в концепции «имперсональной Сущности» Божества, характерной для любого эзотерического взгляда в лоне строгого монотеизма: вышеприведенные примеры показывают, что религиозные рамки не несут в себе ничего исключительного, так как, до некоторой степени, это всегда вопрос акцента или духовной экономии.

Нередкое употребление самим Буддой понятий, свойственных брахманическому теизму, ясно показывает, что буддистская перспектива не имеет ничего общего с атеизмом как таковым; такое искажение буддизма — дело рук некоторых западных пропагандистов, а также их восточных собратьев, стремящихся увидеть себя шагающими вместе с новейшим «гуманизмом». «Угасание», или Пустота, есть не что иное, как Бог, субъективированный в виде состояния реализации, а «Бог», в свою очередь, есть Пустота, объективно рассматриваемая как Принцип. Если буддисты, за исключением случая, который касается Благодати, воздерживаются от объективизации Пустоты, или Самости, то это объясняется тем, что, учитывая их анти-индивидуалистическую точку зрения, им нечего извлечь из нее; если все-таки существуют некие «измерения», где все представляется иначе, то это происходит потому, что «объективный аспект» Реальности слишком уж неотделим от самой природы вещей, чтобы остаться вовсе неучтенным и неупомянутым.

Все, что было только что сказано, косвенно означает, что существование буддизма, если его рассматривать в его характерной перспек-

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

тиве и независимо от различных модальностей, необходимо: он не мог не возникнуть, учитывая то, что не антропоморфное, имперсональное и «статическое» рассмотрение Бесконечности возможно само по себе; поэтому такая перспектива должна была появиться в определенный момент развертывания цикла, когда человеческая среда стала для нее подходящей, ибо там, где есть вместилище, появляется и соответствующее содержание. Люди нередко замечают, что буддистская перспектива в своей сущности не отличается от той или иной доктрины индуизма; это совершенно верно, потому что индуизм славится необычным обилием доктрин и методов, однако исходя из этого было бы неверно полагать, что буддизм не представляет собой спонтанной и самостоятельной Реальности, подобно другим великим Откровениям; поистине, можно было бы сказать, что буддизм является как бы универсализированным индуизмом подобно тому, как христианство и ислам, каждый по-своему, суть иудаизм, поднятый до степени универсального и поэтому отделенный от своей особой этнической среды и ставший доступным людям инородного происхождения. Буддизм, в свою очередь, получил от индуизма йогическую сущность последнего, разумеется, не путем заимствования, а путем божественно инспирированной манифестации, и это обстоятельство стало причиной того, что выражение ее содержания приняло в некоторых аспектах несколько упрощенный характер, оставаясь, тем не менее, свежим и ярко своеобразным.

Это подтверждается, между прочим, искусством буддизма, так как его прототипы, без всякого сомнения, можно усмотреть в йогических позах, которые обычно встречаются в индийской священной иконографии или воплощены в искусстве танца, который служит как бы промежуточным звеном между йогой и храмовой скульптурой; буддистское искусство (здесь в основном имеется в виду изображение Будды) почерпнуло из индуистского искусства, по всей видимости, не тот или иной определенный вид символизма, а созерцательную сущность последнего. Пластическое искусство Индии, в конечном итоге, сосредоточено на изображении человеческого тела, находящегося в состоянии воспоминания своей духовной сущности; образ этого тела — его лицо — становится в буддизме символом плодовитости и носителем благодати, несокрушимой силы и благородства, а гений желтой расы, на основе индийских прототипов, придал всему этому новую свежесть, касающуюся не символизма как такового, а его выразительности. Именно путем кристаллизации своего искусства буддизм широко открылся взору внешнего обозревателя, демонстрируя то, что в нем абсолютно и потому универсально. Священный образ несет в себе послание мира; буддистская Дхарма не является страстной борьбой со страстью, ибо она растворяет эту страсть путем созерцания ее изнутри. Лотос, на котором сидит Будда, — это природа ве-

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

щей, чистая и спокойная фатальность существования, ее иллюзорность и, наконец, ее исчезновение; к тому же он — лучезарный центр Майи, откуда нисходит Нирвана, становящаяся человеком.

С доктринальной точки зрения большой оригинальностью буддизма является трактовка Божества не в связи с его космическими манифестациями в виде онтологической причины и антропоморфной персонификации, но, скорее, в связи с его акосмическим и анонимным характером, то есть — суперэкзистенциальным «состоянием», которое кажется Пустотой (*shunyata*) с точки зрения ложной полноты существования (*samsara*); последняя является областью «томления» (*trishna*). Согласно такому взгляду на вещи, подчеркивается безусловный характер божественного Добра, или, вернее, «нирванической Благодати», проецируемой посредством несметного числа будд и бодхисаттв в круг трансмиграции и даже в отдаленные ады; вера в бесконечное милосердие Будды, который сам является иллюзорной формой блаженной Пустоты, уже заключает в себе благодать или дар. Спасение состоит в выходе из адского круга «соответствующих действий и реакций»; с этой точки зрения мораль выглядит предметом временным и фрагментарным, и даже неоперативным перед лицом Абсолюта, если только она не вовлечена в бесконечную последовательность действий и экзистенциальных плодов этих действий. Такие формы буддизма, как дзен, или учение школы Чистой Земли об «исконном обете» Амитабхи, представляются особо эффективными в осознании тончайших взаимоотношений между неуловимостями и парадоксами, одновременно разделяющими и соединяющими мир Трансмиграции с Угасанием, а Сансару с Нирваной.

Тайна Бодхисаттвы*

В буддизме есть определенная сторона, роднящая его с религиями семитского происхождения, причем довольно парадоксальным образом, если учесть его нетеистический характер в том смысле, что его исходная позиция не столько соответствует метафизической природе вещей, сколько связана с человеческой точкой зрения. Когда, например, говорится, что существование есть не что иное, как страдание, а Абсолют есть прекращение страдания, и далее, что человеческое совершенство состоит в «сострадании ко всем живым существам», это на самом деле открывает перспективу, отвечающую нашей человеческой ситуации и нашим конечным интересам, но не дает нам наиболее прямого (среди возможных) определения «того, что есть», если так можно представить

* Из *In the Tracks of Buddhism*, глава 15.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

себе мышление, которое стремится охватить одновременно манифестированную Вселенную и то, что ее превышает.

Подобное наблюдение, однако, едва ли могло бы сбить логически с толку последователей Будды по двум причинам: во-первых, потому, что они осознают тот факт, что доктрины Будды являются всего лишь «небесным миражом», настроенным на то, чтобы подобно золотой сети уловить наибольшее число погрязших в невежестве, страдании и обреченных на трансмиграцию существ, так что извлекаемая ими польза, а не подлинная картина Вселенной, определяет ту зависящую от обстоятельств форму, которую буддистское Послание было вынуждено принять; и, во-вторых, потому, что буддизм, в рамках своей собственной мудрости, превышает «букву» формальной «мифологии» и, в конечном итоге, трансцендирует все возможные человеческие средства выражения, осуществляя такой уровень созерцательной безучастности, которого не превзошли даже веданта, даосизм или другая какая-то чисто метафизическая доктрина.

Отсюда и вопрос, который Шакьямуни мог бы задать, если бы только было кому, а именно: «Как наиболее эффективно передать спасительную Истину людям этих последних времен?», но отнюдь не такой вопрос, как, например: «Какая формулировка метафизической природы вещей является самой адекватной (или в наименьшей степени неадекватной)?»

Ни веданта, ни неоплатонизм не могут быть эффективно адресованы большинству людей и, таким образом, служить носителем традиции в целом, что вовсе и не является их целью. Но буддизм по необходимости был обязан решать этот вопрос и преподнести себя, прежде всего, как упайя (*упауа*), «временное средство», преследуя, прежде всего, благотворительную цель в самом широком и полном смысле этого слова. Буддисты, и это следует подчеркнуть, наиболее подготовлены к осознанию такой потребности, поскольку они далеки от утверждений, будто истину Нирваны можно в определенном смысле запечатлеть в форме какой бы то ни было диалектики вообще. Однако подобная ситуация в целом, не говоря уже о неустойчивости терминологии, создает некоторые трудности, состоящие в попытке говорить о Знании так, чтобы одновременно удовлетворить потребность в метафизической истине и удовлетворить человеческие чувства и ожидания, о которых печется другая сторона буддизма.

* * *

Первоначальный буддизм делает различие между понятиями *Samyaksam-Buddha* и *Pratyeka-Buddha*; первое относится к тому, что индусы называют большим аватарой, в функции которого входит «учреждение рели-

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

гии», тогда как второе связано с *Jîvan-Mukta* — человеком, «достигшим освобождения еще при жизни», который не обладает ни качеством большого, или полного, аватары, ни функциями последнего; не имевший Будду в качестве учителя, он, тем самым, не имеет и учеников. Далее следует *Srâvaka*, или «послушник», являющийся учеником или учеником ученика Будды; как и пратьекабудда, он считается архатом, или обладающим совершенной святостью, однако лишь благодаря непосредственному воздействию учителя, если можно так выразиться. Наконец, появляется *Bodhisattva* — в принципе, не что иное, как святой, которому суждено стать буддой.

Стало быть, когда в текстах махаяны говорится о том, что состояние пратьекабудды ниже состояния бодхисаттвы, потому что реализация первого как бы «эгоцентрична» и лишена сострадания к прочим живым существам, то, похоже, забывается (или, по крайней мере, этот логический недостаток выставляет себя *a priori*), что нирвана, по определению, подразумевает устранение любого эгоизма и осуществление абсолютного милосердия. Это — недостаток, который создает махаяна интеллектуального типа, однако он не влечет за собой никакого противоречия, если только помнить две признанные истины, то есть одну относительную, временную истину, другую — абсолютную и окончательную Истину, а также то, что доктринальная форма махаяны по своей сути апофатична и антиномична. Иными словами, когда утверждается, что махаяна является «большой колесницей» по той лишь причине, что в ее цель входит спасение «всех живых существ» благодаря самоотверженному идеалу бодхисаттв, а не спасение только одной личности, как в случае хинаяны, или «малой колесницы», тогда следует возразить, в согласии с высшими учениями самой махаяны, что приводимый довод не имеет силы по отношению к Нирване, или по отношению к Знанию, что в действительности одно и то же, не говоря уже о том, что этот мир невежества и страдания (сансара, круговорот существования) является метафизически необходимым и не должен рассматриваться с волевой или эмоциональной точек зрения. Хотя махаяна в своем интеллектуальном аспекте проявляет солидарность с героическим идеалом бодхисаттвы, тем не менее она возвращает его в русло строго метафизической перспективы. Во-первых, она провозглашает, что сострадание есть аспект знания, а затем добавляет, что наш «ближний» является нереальным и что милосердие должно осуществляться «спокойно и когда это подобает», не поддаваясь дуалистическим и объективистским иллюзиям, ибо, согласно махаяне, наше милосердие никого не волнует, а равным образом нет и самого такого милосердия, которое было бы «нашим». Итак, выходит, что гнозис махаяны, хотя и основывается на понятии сострадательной функции бодхисаттвы, тем не менее окольным путем вновь примыкает

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

к самым неукоснительным и поэтому в высшей степени объективным и бесстрастным метафизическим позициям.

Представляется допустимым сказать, что буддизм выступает в виде трех фундаментальных аспектов: во-первых — первоначального буддизма, потом — буддизма тхеравады, являющимся продолжением первого, если не по содержанию, то по форме, и, наконец, — махаяны («большой колесницы»), которая все предшествующие ей формы буддизма называет хинаяной («малой колесницей») и в своей общей форме превозносит самоотверженный идеал бодхисаттвы; далее, в рамках самой махаяны, наблюдается интеллектуальная перспектива, исправляющая и уравновешивающая элементы «любви», нашедшие особое воплощение в идеале махаяны; параллельно с этой существует другая перспектива, благочестивая и, главным образом, сосредоточенная на культе Будды Амитабхи, как это видно в Китае и Японии. В таком случае, если и приходится признать «величие» «большой колесницы», то отнюдь не по причине альтруистического идеала, выступающего ее мифологическим покровом и являющегося ее элементарным тезисом, но благодаря двум только что упомянутым квинтэссенциям, суть которых мудрость озарения и благочестивое почитание и конечными кристаллизациями которых в Японии являются, соответственно, дзен и дзёдо-сю.

Поддерживая солидарность с самоотверженным идеалом своих основных тезисов, но не следуя их буквальной и слишком человеческой интерпретации, интеллектуальная махаяна принимает на вооружение данную терминологию и использует ее в своих собственных целях. Следовательно, она будет утверждать, что нирвана для своего полного осуществления нуждается в милосердии и что состояние пратьекабудды вовсе не есть нирвана, в полном смысле этого слова, или что эта нирвана преходяща; употребление в подобном случае слова «будда», кажется, указывает на смену терминологии, поскольку *a priori* это вообще ненормально — называть человека буддой, когда он стоит ниже уровня Бодхисаттвы. Однако все-таки можно оправдать употребление этого слова, согласившись с тем, что оно указывает на состояние, которое уже является нирваническим, в том смысле, что здесь имеет место «угасание», по меньшей мере, в отношении формального мира, что уже само по себе вполне достаточно, чтобы освободиться от дальнейшего обязательства вернуться в круговорот рождения и смерти.

Поэтому полемика махаяны, направленная против пратьекабудд, не должна нас чрезмерно удивлять, так как своим истоком она имеет перспективу самоотверженного идеализма. При этом можно упомянуть аналогичную ситуацию в индуизме, где вишнуистское *bhakti*, которое также является путем любви, часто изображает шиваистского *jnani* (гностика) как существо рационалистическое, бесплодное, низкое и лишенное все-

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

го самого важного до тех пор, пока в один прекрасный день благодать не коснется его, и он не откроет в себе благоговейной любви, которой гнозис якобы полностью лишен.

При рассмотрении идеала бодхисаттвы должно учитываться следующее фундаментальное обстоятельство: буддизм раскрывается между эмпирическими понятиями страдания и прекращения страдания; понятие сострадания возникает ввиду факта страдания и является неизбежным или обязательным звеном всей духовной мифологии буддистской традиции. Сам факт страдания и возможность его прекращения в обязательном порядке предполагает сострадание, если человек на земле не один. Именно здесь появляется бодхисаттва: он воплощает элемент сострадания, представляя своего рода онтологическое звено между страданием и блаженством, подобно тому, как Будда воплощает блаженство, а обычные существа воплощают страдание; он обязан оставаться в космосе до тех пор, пока есть сансара и нирвана, а его присутствие выражается утверждением, что бодхисаттва хочет освободить «все существа».

С более условной точки зрения следует также признать, что забота о личном спасении на практике создает определенную опасность эгоцентризма, которая дает о себе знать среди множества людей, где экзотерические тенденции должны себя проявить; с этой точки зрения распространение идеала махаяны кажется провиденциальным. Когда идеал махаяны впервые появился в своей специфической форме, буддистская традиция была переполнена всякого рода узкими и фарисейскими течениями; то же самое происходило и с брахманизмом во времена Будды, и с иудаизмом во времена Христа; это, однако, не значит, что какая-нибудь из упомянутых традиций выродилась целиком, или что погасла их сокровенная жизнь. По этой причине сегодня не возникает вопроса о возобновлении древней полемики махаяны против тхеравады Цейлона, Бирмы и Индокитая.

Далее, если саму традицию рассматривать более основательно, то необходимость развития эмоционального элемента при отсутствии настоящего теизма как такового и особенно с учетом условий «последних времен» объясняет, какие благоприятные возможности представляются культом бодхисаттв в связи с путями кармы и любви; в этом отношении разница буддизма северного и южного направлений есть не более, чем разница в стиле и «мифологии», и она никоим образом не влияет на их общую сверхформальную сущность. Чтобы нагляднее представить себе все это, допустим, что если, например, в окружении махаяны буддист Амитабха стал объектом квази-персонального культа, это произошло потому, что, как бодхисаттва, он был в состоянии накопить заслуги, способные создать «Пространство Будды» и «Чистую Землю»; но очевидно, что этот ретроспективный мотив не должен негативно воздействовать на

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

созерцание ни в сфере религиозного почитания, ни в сфере гностического знания еще и потому, что та же самая каузальная цепь может работать и в обратном направлении: ибо можно сказать, что здесь «первичный толчок» не является случайным, наподобие заслуг накопленных личностью (или, если угодно, «кармическим узлом»), но является принципом благодати, которая в то же самое время создает как сами заслуги, так и святого, собирающего заслуги. Принцип благодати проистекает из подлинной природы Ади-Будды, Абсолюта, который есть Знание и Любовь одновременно...

* * *

Следует сделать различие между персональным, трансмигрирующим бодхисаттвой и небесным, или универсальным, бодхисаттвой, который вездесущ; первый из них, если он только не является просто манифестацией второго, накапливает заслуги благодаря своей добродетели и своим действиям; второй же является космической эманацией Будды или, если воспользоваться западной терминологией, это Архангел, проявляющий определенное божественное качество — его реинтеграция в нирвану совпадает с Махапралайей (*Mahapralaya*), Апокатастасисом, осуществляющим возвращение всей манифестации в Принцип, или всего относительного в Абсолют. Человек, являющийся бодхисаттвой, может быть (говоря индуистскими понятиями) бхактом (*bhakta*) или джняном (*jnani*): в первом случае путь проходит между набожностью и состраданием — набожностью по отношению к Буддам и небесным Бодхисаттвам и состраданием по отношению к существам, блуждающим в сансаре, тогда как во втором случае, гнозис имеет преимущество перед всем остальным. Сострадание здесь не является неким сентиментальным придатком к несовершенному, как предполагается, модусу знания, а совсем наоборот — сострадание считается второстепенным аспектом, или внутренним дополнением виртуально или действенно совершенного знания, потому что оно помещается на вертикальной оси Буддовости, то есть идентифицируется с Буддовостью.[1]

Несомненно, кто-то возразит, что гнозис бодхисаттвы — не то же самое, что гнозис Будды: если сострадание последнего является внутренним, в том смысле, что все вещи покоятся в нем, то универсальное сочувствие бодхисаттвы является внешним и поэтому несет в себе знак дуальности. Это суждение, однако, не применимо полностью по отношению к природе великих бодхисаттв, самоотверженное, временное пребывание которых в мире является, в некотором смысле, случаем реализации нирваны внутри сансарического круговорота бытия. Так и должно быть по той простой причине, что существо, следуя от одной жизни к другой, не может лишить себя того подлинного Озарения, кото-

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

рое составляет смысл и завершение всех его устремлений, всех достижений и всех заслуг. Равным образом невозможно, с одной стороны, настаивать на исключительно негативной стороне, а с другой, рассматривать окончательную мудрость только как средство для помощи другим, что означало бы на деле, что средство превращается в цель, или условное становится Абсолютом. Знание как таковое не может быть инструментом, предназначенным для милосердия, ибо Реальность невозможно подчинить иллюзорному: как выразился тибетский архат Миларепа, «не следует проявлять безрассудство и поспешность, намереваясь служить другим до тех пор, пока сам не постиг Истины; иначе сам рискуешь стать слепцом — проводником слепых». Положение гностического бодхисаттвы не было бы ни понятным, ни сообразным, если бы оно не означало созерцания Абсолюта как внутри своего сердца, так и во внешнем мире. Особенно следует подчеркнуть, что Знание, по определению, не имеет связи ни с тем или иным количеством заслуг, ни с определенным числом воплощений. Дзен как раз и учит этому самым бескомпромиссным образом: такие тексты, как *Алмазная Сутра* или китайская *Сутра Хуанг-по* (*Huang-Po*)*, конечную истину формулируют крайне недвусмысленно, и поэтому — доктринально выражают сокровенную сущность буддизма. Только учение *bhakti* с его экзотерическим уклоном может вообразить совершенное знание, возникающее путем накопления того или иного рода элементов; нельзя поддаваться обману на этот счет, даже если с человеческой точки зрения эти элементы покажутся весьма тонкими, ибо, говоря короче, Дух не имеет ничего общего с количеством или моралью. Согласно *Ланкаватара-Сутре*, бодхисаттвы, отказавшиеся пребывать в нирване, на самом деле пребывают в ней, «поскольку их любовь и сострадание не знают повода для возникновения иллюзорного различия и, следовательно, не возникает и само различие». *Алмазная Сутра* упоминает высказывания Будды: «Бодхисаттва, говорящий: «Я освобожу все существа», не должен называться Бодхисаттвой».

Следует нечто сказать о различии между нирваной и паранирваной: только смерть делает возможной тотальную реинтеграцию (для тех, кто во время своей жизни достиг «угасания») в «высшее угасание», суть которого не что иное, как Самость веданты. Живые существа, несмотря на уровень своей духовности, неизбежно связаны с Бытием, принадлежащим области нирваны, так как оно есть совершенная трансценденция по отношению ко всей манифестации и всей космической неразберихе, но, несмотря на это, все-таки остается в области Майи, хотя и будучи ее вершиной или квинтэссенцией, но еще не Самостью. Если в определен-

* Хуанг-по Хси-юнг — один из великих китайских мастеров Дзен, ученик и преемник Пай-чанга.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

ном отношении смерть не несет перемен тому, кто уже достиг нирваны, то в другом отношении она все-таки приносит значительную перемену, так что вполне можно сказать, что для человека, «освободившегося при жизни», смерть не является ни модификацией, ни не-модификацией, или является тем и другим сразу. Однако если мы скажем, что Будда, умирая, вошел в паранирвану, это опять-таки будет всего лишь фигурой человеческой речи: в действительности он всегда был там, благодаря своей причастности «Телу Дхармы», или Дхармакайе. Подобным же образом, он не покинул Неба благодаря своей причастности «Телу Блаженства», или Самбхогакайе, даже когда он находился среди смертных, благодаря «Телу Сверхъестественных Метаморфоз», или Нирманакайе. Обратившись к монотеистическим понятиям, можно было бы сказать, что каждый пророк соответствует Архангелу, а за пределами творения он относится к божественному Имени, и что каждое Имя своеобразно отражает одно-единственное и неделимое Божество.

Стараясь понять тайну бодхисаттвы, как «возможного Будды», важно осознать нирваническую сущность сансары: как уже было сказано выше, конечное является своего рода внутренним измерением бесконечного, крайне необходимым измерением ввиду внутреннего характера бесконечности, а с другой стороны, сансара может быть названа своего рода нирваной, или «невежественным» способом (в смысле индийского понятия *avidya*, незнание) представления себе последней, учитывая при этом, что фактор «невежества» порождается самой бесконечностью божественной «пустоты». Актуальная субстанция этой «реальности наизнанку» состоит из тех бесчисленных «песчинок», которые являются дхармами, элементарными качествами, как бы сегментными, неисчислимыми и перевернутыми кристаллизациями пустоты, или чистой нирванической Субстанции. «Непостоянство» вещей есть не что иное, как их собственная относительность...

Взгляд на дзэн-буддизм

В последние годы в западных странах интерес к дзэн-буддизму возрос в результате вполне понятной реакции на грубость и уродство, господствующие в сегодняшнем мире, а также усталости от понятий, справедливо или несправедливо объявленных недейственными; с другой стороны, людям окончательно надоели ставшие обыденностью пустые философские баталии. К сожалению, эти справедливые побуждения слишком легко переплелись с анти-интеллектуальными и ложными стремлениями к конкретности, чего и следовало ожидать, и поэтому реакция

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

лишилась своей позитивной ценности. Ибо одно дело — возвышаться над сферой мышления, а совсем другое — не дотягивать до ее высших возможностей, при этом воображая себя якобы превосходящим то, о чем не имеешь ни малейшего представления. Тот, кто действительно возвысился над словесными формулировками, всегда готов уважать тех, кто дал правильное направление ходу его мыслей — он будет чтить «каждое слово, исходящее из уст Бога». Есть деревенская пословица, что только свинья опрокидывает свое корыто после того, как его опустошает, и ту же самую мораль находим в известной басне о лисице и винограде. Если дзэн меньше, чем другие школы занимают доктринальные формулировки, это потому, что его структура позволяет делать это; он строго следует неукоснительным правилам, суть которых трудно уловить со стороны; его окутанная тайной тишина совершенно отличается от рассеянной и вялой немоты. Именно по причине своего прямого и безоговорочного характера, который превосходно отвечает некоторым особенностям дальневосточного ума, дзэн-буддизм предполагает так много условий внутренней и внешней среды, что даже малейший их недостаток ставит под сомнение успех любого усилия, сколь искренним бы оно не было; при этом мы не должны забывать, что типичный представитель японской элиты во многих отношениях является продуктом дзэн-буддизма.

Однако существует противоположная опасность, на этот раз наносящая ущерб уже самим жителям Дальнего Востока, а именно: последователи дзэн (также, как и тхеравадины, только несколько иначе) при тесных научных и академических контактах с Западом находят весьма трудным не поддаться искушению вообразить свое преимущество в адогматическом характере собственной традиции, как будто отсутствие догм имеет то же самое значение и ту же окраску для созерцательного азиата, что и для западного агностика. Подобного рода недоразумения наблюдаются также и в области искусства, когда, например, в Японии продукция современного «абстрактного» искусства путается (по меньшей мере, что касается интенции) с произведениями, вдохновленными даосизмом и дзэн-буддизмом. Это сравнимо с упорно отстаиваемой привычкой европейских психологов сравнивать рисунки сумасшедших с мандалами тантрического буддизма; в последнем случае, как и в случае с «адогматизмом» дзэна, отражаются видимости, которые в действительности являются антиподами, и, более того, именно в этом и кроется причина того, почему их стараются перепутать.

Вообще, подозрение вызывает и особо настораживает сведение духовного к психическому, которое в последнее время стало настолько общим явлением, что превратилось на Западе в характерную особенность интерпретации традиционных доктрин как таковых. Эта так называемая «психологическая духовность», или «психоанализ священного», пред-

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

ставляет собой брешь, через которую смертельный яд релятивизма новейших времен просачивается вовнутрь все еще существующих восточных традиций. Согласно Юнгу, образное содержание «коллективного бессознательного» эмпирически сопровождается ноуменальным чувством вечности и бесконечности, как своеобразным психическим дополнением. Это — прямой путь коварного разрушения всякого трансцендентного и интеллектуального познания, так как, согласно этой теории, коллективное бессознательное, или подсознательное, стоит у истоков «индивидуализированного» сознания, то есть человеческий интеллект состоит из двух компонентов, а именно — из отражений подсознательного, с одной стороны, и опыта внешнего мира, с другой; но поскольку опыт сам по себе не является интеллектуальным познанием, то в этом случае интеллект своей субстанцией будет иметь подсознательное, так что следует проверять и определять подсознательное на основе ее же собственных разветвлений. Здесь перед нами классическое противоречие всей субъективистской и релятивистской философии.

Несомненно, здесь не отрицается то, что является истинно духовным, и хотя и обусловливается по существу сверхиндивидуальными факторами, тем не менее оно содержит в себе второстепенные модальности психического или даже телесного порядка уже по причине того факта, что оно неизбежно объемлет «все, чем мы являемся». Стало быть, «психология духовного» есть противоречивое понятие, приводящее в конечном итоге только к фальсификации и отрицанию духа; подобным же образом можно говорить и о «биологии Истины», и мы вполне уверены, что, если поискать, то найдутся и такие перлы. Аналогичным образом многие люди склонны путать сверхлогическое с нелогическим, и наоборот: как только они обнаруживают, что нежелательное доказательство является логически безупречным, они спешат отмести его, называя «аристотелевским» или «картезианским», то есть стараясь подчеркнуть якобы крайне искусственный и старомодный характер, который они с радостью приписали бы ему.

Ссылаясь на пресловутый «не-догматизм» буддистских учений, следует быть крайне осторожным при выражении этой мысли, ибо бесполезно из-за презрения, испытываемого по отношению к догматическим фактам, отвергать те условия, которые фактически никогда не могут быть соблюдены, или позволять себе делать выводы, которые, может быть, и являются вполне логическими по своей форме, но, тем не менее, построены на далеких от реальности ложных основах. Удивительно то легкомыслие, с которым некоторые люди, презирающие любые догмы, якобы на духовных основаниях забывают посоветоваться с традицией по тому или иному ряду возможностей, одновременно беспечно заявляя, что их крошечный персональный рецепт после столь долгих ожиданий

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

предназначен, наконец, открыть новую эру, где все будут счастливы, даже пребывая в заблуждениях; и все это несмотря на то, что даже Будде не удалось этого осуществить, правда, если предположить, что он вообще мог иметь подобное желание. Помимо полной глупости подобных претензий, здесь обнаруживается также крайняя неосведомленность относительно качественных различий определенных исторических фаз; эти люди хотели бы отменить закон, которому подвластны все вещи во Вселенной, не имея при этом ни малейшего понятия о тех законах, по которым она управляется, и совершенно презирая традиции, эти законы открывающие. В действительности не-догматизм дзэн-буддизма и ему родственных духовных учений главным образом нацелен на ментальные кристаллизации частичных истин; он никоим образом не направлен против Истины как таковой, и если он не допускает фиксации полуистины, то это не значит, что распахиваются ворота для любого заблуждения. С другой стороны, для модернистски настроенных представителей нео-дзэна тот же самый не-догматизм становится лицензией на то, чтобы делать все, что захочется, и притом еще именем традиции, о которой они сами, даже будучи японцами, имеют лишь атавистическое и сентиментальное представление; полнейшее отсутствие воображения, нередко наблюдаемое у людей, которые во всех других отношениях кажутся интеллигентными, является одним из самых ошеломляющих и общераспространенных симптомов квази-европеизированного Востока.

Согласно *Ланкаватара-Сутре*, существо, достигшее состояния Будды, творит таинственные действия, которые «невозможно понять» (*achintya*) и которые «выполняются без видимой цели и без всякой ощущаемой пользы» (*anâbhoga-charyâ*); это высказывание находится в прямом противоречии с утилитарным, если не сказать материалистическим и демагогическим нео-буддизмом. Несомненно, буддист, как и другие люди, может усердно заниматься той или иной полезной деятельностью в благоприятных или неблагоприятных обстоятельствах, но лишь при условии, что он не забывает, что сама по себе эта внешняя деятельность не имеет отношения ни к состоянию Будды, ни к Реальности; все эти виды активности не выходят за пределы сансары и не устраняют иллюзии. В особенности следует помнить, что любая полезная деятельность, совершаемая человеком, предполагает, что он никогда не станет требовать добавлений к уже существующей традиции или священному институту, вообразив, что этим последним недостает некоего существенного качества, которое, в конце концов, после стольких безнадежных веков, будет открыто Руссо или Кантом. Нельзя приписывать Абсолюту относительных вещей...

Прочитав все эти рассуждения о дзэне, вполне можно задаться следующим вопросом: не несет ли в себе дзэн-буддизм или какая-нибудь

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

другая школа первоначальное учение Шакьямуни? На уровне подлинной ортодоксии, однако, это пустой вопрос; с таким же успехом можно спрашивать относительно дерева: которая из ветвей больше соответствует корню? Что касается разнообразных форм исторического буддизма, то единственный вопрос, который имеет смысл — это вопрос о их ортодоксии или гетеродоксии; все, что является ортодоксальным сегодня, несмотря на то, какие формы развиваются вокруг него, было присуще буддизму с самого начала. Весь ортодоксальный буддизм есть «настоящий буддизм»; развертывание более или менее тонких аспектов Дхармы вовсе не является «эволюцией», как ее понимают сторонники процесса; вдохновение не есть изобретение, как и метафизическая перспектива отнюдь не является рационалистической системой. Мы видим, что у многих азиатских авторов те западные понятия, которые они вводят в свои сочинения, часто используются небрежно, хотя и без дурного намерения, но об этом западный читатель должен быть предупрежден заранее, поскольку иначе он неизбежно будет введен в заблуждение теми ассоциациями идей, которые нормально вытекают из этих понятий, так безответственно заимствованных из его же словаря.

Что же касается самого западного мира, то можно вспомнить, например, одного христианского богослова-»авангардиста», который, желая доказать, что «традиция» равна «прогрессу», а не застою, дошел до того, что стал утверждать, будто апостол Павел, намереваясь сформулировать те или иные истины в своих Посланиях, «был вынужден изобретать». Несомненно, главная цель этого богослова состоит в том, чтобы представить «современный прогресс» результатом христианства и выстроить апостолов в одну славную шеренгу с изобретателями машин, сыворотки и взрывчатки. Подобным же образом, когда человеку недостает ума понять, что именно св. Фома и схоласты старались передать, он предпочитает, как говорится, «быть на короткой ноге со временем»; при этом заблуждение относительно собственной интеллектуальной тупости, превращенной в повсеместную норму, несомненно будет называться «смирением».

Утверждать, что первоначальная Дхарма была лишь «практической», а не «спекулятивной», хотя сутры свидетельствуют об обратном, равнозначно сведению Дхармы к индивидуальному опыту, лишенному всякой возможности дальнейшего влияния. Доктринальное знание может быть адекватно представлено лишь на основе ортодоксии и традиции.

Говорят, что если в определенный момент истории буддизм нуждался в «новой форме» (речь идет о махаяне), то и сегодня, подобным же образом, он может быть «омоложен» согласно «духу времени». Надо ли говорить, что такое заявление является ложным вдвойне: во-первых, потому, что махаяна не придумана людьми и не старается угодить ника-

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

кому «веку» вообще, а во-вторых, потому, что для той части человечества, которой было адресовано ее послание, она является окончательным выражением буддизма, имеющим силу до конца мира и до пришествия Майтреи.

Если наш век (не по причине своего гипотетического преимущества, а, наоборот, из-за своей нищеты) нуждается в некоторой реадаптации Вечного послания, то это уже было сделано давным-давно: Дзёдо есть последнее слово этого послания, несущее, согласно провидению, бесконечное милосердие, и так как оно адресовано самым ничтожным из людей, то ничто не может превзойти его по своевременности. Сегодняшний человек не может притязать на духовную оригинальность, если только она не тождественна тому избытку страдания, ответом на которое, в виде компенсации, следует тайное проявление Благодати, но при условии, однако, что человек не отвернется от протянутой руки небесной помощи, готовой спасти его. Величайшим несчастьем человека является его закрытость для Милосердия.

СИНТОИЗМ

...Синтоизм, по всей видимости, представляет наиболее нетронутую и, следовательно, наиболее целостную форму того традиционного течения, которое можно было бы назвать «гиперборейским шаманизмом», когда-то охватывавшим всю Сибирь и Монголию вплоть до Северной Америки; множество мифических культурных соответствий, и даже сходство традиционных костюмов, готовы подтвердить наше предположение, и подобного рода параллелизм не должен никого удивлять, поскольку монголы, японцы и американские индейцы воплощают собой героический аспект желтой расы, а в более широком смысле — и всего человечества. Для этих людей уже сама природа является храмом — истина, которая в Японии находит себе конкретное воплощение в устроении площадки *torii* перед священными парками, и эта святость первозданной природы и «трансценденция имманенции» в представлениях этих народов теснейшим образом связаны с их жаждой свободы, их презрением к роскоши, их молчаливостью и другими подобными свойствами.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

Сходство древнесинтоистских и индейских песнопений прямо-таки поражает: «Хо, уже пора! — Хо, уже пора! — Хо! Ха! Пша! Идите сюда, мои дети! — Идите сюда, мои дети!» (это древнейшая японская *ута*, которую пели воины Джиму Теннō). «Они появятся! — И ты увидишь их! — Люди-кони идут. — Люди грома идут. — Они появятся, смотри» (*сиу*). «Восходящее солнце — в землю лучи посылает — издалека идущих — издалека идущих — издалека идущих — большое число (воинов) издалека идущих, хей-е!» (*пауни*). — «Позволь увидеть мне, реально ли это? — Позволь увидеть мне, реальна ли эта жизнь, которую я влачу? — Вы, божественные существа, вездесущие, — Позвольте увидеть мне, реальна ли — эта жизнь, которую я влачу?» (*пауни*).*

Судя по форме выражения, невозможно догадаться, какой из этих двух традиций, столь отдаленных друг от друга географически и исторически, принадлежит та или иная фраза.

Однако помимо китайского или буддистского влияния в культуре синтоизма есть еще один элемент, частично отличающий ее от шаманского мира Севера, а именно, малайское или малайско-полинезийское влияние; дополнительную причину ее оригинальности можно усмотреть в островном положении со всеми вытекающими из этого психологическими последствиями, а также в удивительной пластичности народа Ямато, что впоследствии и сделало Японию сокровищницей всех основных духовных и художественных течений Азии. Все вышеупомянутые факторы и другие, не упомянутые нами, соединились вместе, создав своего рода чарующую полифонию, которую можно справедливо назвать «японским чудом».

Возвращаясь к упомянутым аналогиям, надо сказать, что синто, как и традиция североамериканских индейцев, чтит великие феномены Природы: солнце, луну, бурю, приносящую ливень, ветер, гром и молнию, огонь, диких животных, скалы, деревья, и конечно же, Небо и Землю, которые являются вместилищем всего; над всем этим возвышается и завершает все в качестве «Великого Духа» *Амэно-Минаканусu-но-ками*, «Господь истинного Центра Неба».

---

* Пауни — племя североамериканских индейцев, относящееся к языковой группе кэддо. Пауни жили в Небраске на р. Платт триста лет — с 16 до конца 19 в.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

ИУДАИЗМ

Тора и Мишна*

...Согласно еврейской традиции, законодательной силой обладает не буква священных Писаний, а лишь ортодоксальные комментарии. Тора является книгой «закрытой» и не открывает себя при прямолинейном подходе; лишь мудрецы «открывают» ее, поскольку ее природа с самого начала нуждается в комментарии Мишны. Говорят, что Мишна находилась в Ковчеге Завета, когда Иисус (Навин) передал его Синедриону; так Синедрион был одновременно освящен и таким образом создан Богом подобно Торе. И это крайне важно, ибо устный комментарий, полученный Моисеем на Синае и переданный Иисусом был частично потерян и воссоздан мудрецами на основании Торы. Это ясно показывает, что гнозис содержит в себе как «горизонтальную», так и «вертикальную» непрерывность, или, вернее, он сопровождает писаный Закон одновременно как «горизонтальным», непрерывным, так и «вертикальным», дискретным образом; тайны передаются из рук в руки, но в случае особого человеческого восприятия и при содействии Духа Святого искра может в любое время воспламениться просто при изучении ниспосланного Текста. Также говорят, что Бог открыл Тору днем, а Мишну ночью, и что Тора сама по себе является бесконечной, а Мишна — неисчерпаемой во времени. К этому мы добавим, что Тора подобна океану, а Мишна реке. *Mutatis mutandis* это применимо к любому Откровению, особенно к исламу...

Высшая Заповедь**

«Слушай, Израиль: Господь, Бог наш, Господь один есть. И люби Господа, Бога твоего, всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всеми силами твоими» (Втор. 6. 4–5). Это фундаментальное выражение монотеизма, полученного на Синае, содержит в себе две опоры человеческой духовности, а именно метафизическое распознание, с одной стороны, и созерцательное сосредоточение, с другой, или, иными словами: доктрину и метод, или Истину и Путь. Второй элемент представлен

---

* Из *Understanding Islam,* стр. 47.

** Из *Esoterism as Principle and as Way,* стр. 151–157.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

тремя аспектами: согласно некоторым раввинским интерпретациям, человек должен сперва «соединиться с Богом» в сердце своем, потом «созерцать Бога» в душе своей и, наконец, — «трудиться в Боге», при помощи рук своих и всего тела своего.

Новый Завет дает слегка модифицированный вариант слов, услышанных Моисеем на Синае, в том смысле, что на поверхность выдвигается элемент, который в Торе прямо не выражается, а именно «ум». Это слово встречается в каждом из синоптических Евангелий, тогда как элемент силы встречается только в передаче Марка и Луки, что указывает на определенную смену акцента или перспективы по отношению к «Ветхому Завету»: элемент «ума» отделяется от элемента «души» и наделяется преимуществом относительно элемента «силы», указывающего на труды; в этом можно усмотреть тенденцию интериоризации человеческой деятельности. Иначе говоря, если для Торы «душа» одновременно является активной, или деятельной, и пассивной, или созерцательной, то в Евангелиях понятием «душа» обозначается пассивный, созерцательный элемент, а понятием «ум» — активный, действенный элемент; можно предположить, что это является знаком преимущества внутренней активности перед внешними занятиями.

Таким образом, элементы «силы» и «труда» в иудаизме и христианстве имеют, по всей вероятности, разное значение: «ум» в иудаизме, в некотором смысле, лишь внутренне сопутствует внешнему соблюдению закона, тогда как в христианстве труд является скорее экстериоризацией или внешним подтверждением деятельности души. Иудаисты оспаривают законность и эффективность такой условной интериоризации, а христиане, наоборот, охотно верят, что сложность внешних предписаний (*mitsvoth*) наносит вред внутренним добродетелям[1]; в действительности, если верно то, что «буква» может убить «дух», то не менее верно и то, что сентиментализм может убить «букву», помимо того обстоятельства, что ошибки духовного порядка не являются исключительной прерогативой какой-нибудь одной религии. Во всяком случае, достаточным основанием для религии является указать на определенную духовную возможность; последняя служит основанием для возможностей, которые очевидно исключаются в той мере, в какой им суждено осуществиться, и, таким образом, в каждой религии мы неизбежно находим такие религиозные элементы, которые кажутся заимствованными у других религий. Можно сказать, что иудаизм в своей основной форме есть *karma-marga*, а не *bhakti*, тогда как в христианстве все обстоит наоборот; однако *karma*, «действие», по необходимости содержит в себе *bhakti*, «любовь», и *vice versa*.

Все, что уже сказано, и все, что последует ниже, может послужить иллюстрацией того факта, что глубочайшие истины обязательно содержатся уже в фундаментальных и изначальных формулировках религии.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

Эзотеризм фактически не является непредсказуемой доктриной, которая обнаруживается только посредством скрупулезных исследований, ибо то, что является таинственным в эзотеризме — это измерение его глубины, особенности его развития и практические следствия, а не его начальные точки, которые совпадают с основными символами обсуждаемой религии[2]; более того, его непрерывность не является исключительно «горизонтальной», как в случае экзотеризма, она также и «вертикальна», иначе говоря, эзотерическое искусство связано с пророчеством — без отрыва от оснований материнской религии.

* * *

В Евангелиях за предписанием любить Бога сразу следует предписание любить своего ближнего, провозглашенное в Торе следующим образом: «Не враждуй на брата твоего в сердце твоем; обличи ближнего твоего, и не понесешь за него греха. Не мсти и не имей злобы на сынов народа твоего; но люби ближнего твоего, как самого себя. Я Господь» (Лев. 19.17–18) [3].

Из вышеприведенной библейской ссылки следует троичный закон: во-первых, признание умом единичности Бога; во-вторых, как волевое, так и созерцательное единение с Единым Богом; и, в-третьих, преодоление обманчивых и ложных различий между «Я» и «другим».[4]

Любовь к ближнему приобретает свое значение благодаря любви к Богу: невозможно преодолеть разъединение между человеком и Богом (насколько оно может и должно быть преодолено), одновременно не преодолев, учитывая все аспекты сотворенной природы, пропасти между *ego* и *alter,* ибо невозможно осознать Абсолют, не осознав своей собственной относительности. Для того чтобы понять это полностью, достаточно рассмотреть природу эго, одновременно иллюзорную и создающую иллюзию: на самом деле совершенно абсурдно верить, что «только я» есть «Я», ибо только Бог может сказать это без противоречия. Верно, что мы обречены на подобный абсурд, однако лишь экзистенциально, а не морально; то, что мы являемся людьми, а не животными, определяет конкретное понимание того, что мы разделяем «Я» с другими людьми, а также признание относительной ложности нашего собственного «эго», так что мы можем сделать из этого выводы и духовным путем исправить то, что является несбалансированным и ложным в нашей экзистенциальной эгоцентричности. Об этом сказано: «Не судите, да не судимы будете»; «И что ты смотришь на сучок в глазу брата твоего, а в своем глазу бревна не чувствуешь?»; «Итак во всем, как хотите чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними» (Мф. 7. 1,3,12).

После провозглашения высшей Заповеди Христос добавил, что вторая Заповедь «подобна первой», а это предполагает, что любовь к своему

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgradereleasе

ближнему по сути заключается лишь в любви к Богу настолько, насколько она проистекает из последней, ибо «кто не собирает со Мною, рассеивает»; любовь к Богу, таким образом, может иногда противоречить нашей любви к людям (как в случае тех, кто должен «оставить отца и мать, для того, чтобы идти за Мною»), хотя люди могут и не чувствовать себя огорченными по поводу такого выбора. Недостаточно любить ближнего своего, надо любить его в Боге, а не вопреки Богу, как атеистические моралисты, а чтобы любить в Боге, мы должны любить Бога.

Божественные повеления всегда предполагают те применения, которых требует сама природа вещей, что позволяет им быть одновременно простыми и абсолютными; таким образом, милосердие не упраздняет естественной иерархии, а согласно правилам иерархии вышестоящий обходится с нижестоящим так, как он того желал бы по отношению к себе, если бы он стоял ниже, а не так, как если бы нижестоящий был вышестоящим; или, опять же, милосердие не предполагает, что мы обязаны разделять заблуждения других, или что другие должны избегнуть наказания, которое и мы справедливо заслужили, разделяя их заблуждения и пороки, и тому подобное.

В этой связи можно сказать следующее: нам слишком хорошо известен предрассудок, которым созерцательная любовь оправдывает и извиняет себя перед миром, ее презирающим, что заставляет самого созерцателя излишне много заниматься делами, отрывающими его от главной цели; рассуждающие подобным образом явно не понимают, что созерцание представляет собой своего рода спасительную жертву для человеческого общества, в которой оно наиболее всего нуждается. Данное предубеждение аналогично тому, которое осуждает священное искусство, храмы, жреческие облачения и литургию: здесь опять же наблюдается нежелание понять, что, во-первых, не все богатства соотносимы с человеком,[5] некоторые из них, во имя общей пользы, предназначаются Богу; во-вторых, что священные сокровища являются пожертвованиями, жертвоприношениями, данью Его величию, Его красоте и Его славе; и, в-третьих, что священное должно, по необходимости, быть видимым, создавая атмосферу, без которой оно постепенно исчезает из человеческого сознания. Тот факт, что духовная личность может обойтись без форм, вовсе не подлежит обсуждению, так как общество не является такой личностью, а сама личность нуждается в обществе, чтобы расцвести, подобно тому, как растение нуждается в земле для того, чтобы жить. Нет ничего более гнусного, чем зависть по отношению к Богу, и бедность становится бесчестием, когда она домогается храмовых украшений;[6] конечно, всегда найдутся исключения из общего правила, но они не связаны с холодными и беспощадными домогательствами иконоборческих утилитаристов.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

* * *

В Торе есть место, которым часто злоупотребляют для поддержки довода в пользу так называемой «миссии земли» и для оправдания разрушительного материализма наших дней: «плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими, всякими животными, пресмыкающимися по земле» (Быт.1.27).[7] В действительности, эта заповедь всего лишь определяет человеческую природу по отношению к земной среде, или, другими словами, она определяет права, вытекающие из нашей природы; Бог сказал человеку: «ты будешь делать то-то и то-то», подобно тому, как если бы огню он приказал гореть, а воде струиться; любая естественная функция неизбежно зависит от Божественной Заповеди. Благодаря императивной форме Божественных Слов человек знает, что если он господствует на земле, то это не злоупотребление, но Воля Всевышнего, и поэтому соответствует логике вещей; так что эти Слова вовсе не означают, что человек может злоупотреблять своими способностями и эксплуатировать земные ресурсы, что ведет к порабощению и разрушению, ибо здесь, как и в других случаях, слова надо понимать в контексте других слов, придающих им окончательное значение. Так, например, вышеприведенный отрывок становится понятным только в свете Высших Заповедей: «И люби Господа, Бога Твоего, всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всеми силами твоими». Без этого ключа отрывок о плодовитости может быть истолкован как запрещающий целибат и устраняющий все созерцательные занятия, однако Высшая Заповедь ясно определяет границы высказывания, его обязательную основу и его значение в целом: это показывает, что право или обязанность управлять миром зависит от того, каким является человек.

* * *

Равновесие мира и всех тварей зависит от равновесия между человеком и Богом, а также от нашего знания и от нашей воли по отношению к Абсолюту. Прежде чем спрашивать о том, что человек должен делать, необходимо знать, что такое он есть.

Мы видели, что Высшая Заповедь заключает в себе как бы три измерения: во-первых, это утверждение Божественной Единичности, или интеллектуальное измерение; во-вторых, обязанность любить Бога есть волевое, эмоциональное измерение; а в-третьих, обязанность любить ближнего своего, и это активное социальное измерение. Этот третий модус — косвенный, и он проявляется внешне, хотя корни его непременно находятся в душе, в добродетели, в созерцании. Что касается первого измерения, которое является фундаментальной декларацией иудаизма[8]

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

и прообразом которого в онтологическом плане является Неопалимая Купина[9], то оно содержит два аспекта: один касающийся интеллекта, а другой — веры; второе измерение состоит из трех аспектов, а именно — «единства», «созерцания» и «действия», где первый аспект соответствует сердцу, второй — душе, или ментальному элементу (или: первый — добродетели, второй — мышлению, а третий — телу). Наконец, третье измерение — любовь к ближнему, — проистекает из щедрости, которая в обязательном порядке сопровождается знанием и любовью к Богу; это одновременно является условием и следствием.

Провозгласив две Заповеди: безусловную «вертикальную» — любовь к Богу — и условную «горизонтальную» — любовь к ближнему[10], — Христос добавляет: «На сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки» (Мф. 12.40). Иначе говоря, с одной стороны, две Заповеди представляют собой *Religio perennis* — изначальную, вечную и *de facto* основополагательную[11] Религию[12] — а с другой стороны, они, в виде следствия, обнаруживаются во всех манифестациях этой Религии, или этого Закона (*Lex*), то есть, во всех религиях, управляющих человечеством; таким образом, здесь содержится учение, провозглашающее как единство Истины, так и разнообразие ее форм, и, в то же самое время, определяющее природу этой Истины при помощи двух Заповедей Любви.

ХРИСТИАНСТВО

Христианская традиция. Размышления о ее природе*

В перспективе гнозиса Христос, «Свет мира», есть универсальный Интеллект, подобно тому, как Слово является «Мудростью Отца». Христос есть как микрокосмический, так и макрокосмический Интеллект. Он суть Интеллект внутри нас,[1] а также Интеллект во Вселенной и *a fortiori* в Боге; в этом смысле можно сказать, что нет истины или мудрости, которая не исходила бы от Христа, и что она, разумеется, не зависит от времени и места. Как «и свет во тьме светит, и тьма не объяла его», так и Интеллект озаряет мрак страстей и иллюзий. Отношение «Сына» к

* Из *Gnosis — Divine Wisdom*, глава 10.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

«Отцу» аналогично отношению чистой Любви к Бытию, или Интеллекта к «Самости», и по этой причине в Интеллекте, или в освящающей Благодати, мы являемся «братьями» Христа.

Подобным же образом Христос представлен во всем творении; это также имеет аспект воплощения и аспект распятия. На другом уровне, человечество и отдельный человек являются образом Христа и заключают в себе оба аспекта: человек суть «воплощение», благодаря своему Интеллекту и своей свободе, и распятие, из-за своих страданий...

* * *

Церковь Петра видима и непрерывна, как вода; церковь Иоанна основана на Голгофе и получила подтверждение у Тивериадского моря, она невидима и прерывиста, как огонь. Иоанн стал «братом» Христа и «Сыном» Девы, а еще он является пророком Апокалипсиса; Петру поручено «пасти Моих овец», однако эта церковь, по всей видимости, унаследовала также и отречения Петра, откуда пошел Ренессанс с его прямыми и косвенными последствиями; однако «врата ада не одолеют ее». Иоанн пребудет «пока приду», но эта тайна закрыта для Петра.[2] («Я хочу, чтобы он пребыл, пока приду, что тебе до того? Ты иди за Мною» (Ин. 21. 22).

* * *

Дух Святой дается через Конфирмацию, при посредничестве огня, поскольку масло есть не что иное, как форма жидкого огня, и то же самое относится к вину; разницу между Крещением и Конфирмацией можно определить, сказав, что первое имеет негативную, или «негативно-позитивную», функцию, ибо оно «устраняет» состояние грехопадения, тогда как второе таинство имеет чисто позитивную функцию, в том смысле, что оно «дает» божественный свет и силу.[3]

Эта передача получает новое «измерение» и достигает своей полной эффективности через обеты, связанные с «Евангельскими совещаниями»; эти обеты — подлинная закваска посвящения — обозначают в то же самое время смерть и второе рождение, и они на самом деле сопровождаются символическим похоронным обрядом; пострижение в монахи есть своего рода погребение.[4] Благодаря своей бедности человек порывает с миром; благодаря своей непорочности он порывает с обществом; благодаря покорности он порывает с самим собой.[5]

* * *

Все христианство зиждется на следующих словах: Христос есть Бог. Подобным же образом, на уровне таинств, хлеб «есть» Его тело, а вино «есть» Его кровь.[6] Далее, существует связь между евхаристическими и

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

ономасиологическими* тайнами: названное «реально присутствует» в Его Имени, то есть Он «есть» Его Имя.

Евхаристия является «центральным» средством благодати в христианстве; она должна выразить то, что характеризует данную традицию, и она это делает, представляя в обобщенном виде не только таинство Христа как таковое, но и двойное его приложение, а именно к «великим мистериям» и к «малым мистериям». Вино относится к первым, а хлеб — ко вторым, что ясно показывает не только соответствующая природа сакральных элементов, но и следующие символические факты: хлеб является «количественным», в том смысле, что Христос умножил то, что уже существовало, тогда как чудо с вином является «качественным», ибо Христос наделил воду таким качеством, которого она не имела прежде, то есть она стала вином. Или опять же, тело распятого Спасителя должно быть пронзенным для того, чтобы кровь смогла вытечь наружу, ибо кровь олицетворяет внутренний аспект жертвы, что еще более подчеркивается тем фактом, что кровь есть жидкость, следовательно, она «не-формальна», в то время как тело является твердым и, следовательно, «формальным»: тело Христа должно быть пронзенным, ибо, согласно Мейстеру Экхарту, «для того, чтобы найти ядро, разбей скорлупу». Вода, потекшая из лона Христова и подтвердившая Его смерть, является как бы негативным аспектом преобразованной души; это «угасание», которое, согласно различным мнениям, сопровождает или предшествует блаженной полноте божественной крови; это «смерть», которая предшествует «Жизни» и которая является ее внешним доказательством.

* * *

Христианство зиждется также и на двух высших заповедях, заключающих в себе «весь закон и пророки». В сфере гнозиса первая заповедь — тотальной любви к Богу — подразумевает пробужденное сознание Самости, вторая — любви к ближнему своему — указывает на видение Самости в том, что есть «не-Я». Подобным образом дело обстоит и с предписаниями — *oratio et jejunium*: все христианство основывается на этих двух предметах — «молитве» и «посте».

Oratio et jejunium: «Пост» есть, во-первых, воздержание от зла, а во-вторых, «пустота во имя Бога» (*vacare Deo*), где «молитва» — «воспоминание Бога» — укореняется, завершив, таким образом, победу, уже одержанную Спасителем.

«Молитва» достигает своей кульминации в постоянном повторении божественных Имен, в той мере, в какой речь идет об артикулирован-

---

* Ономасиология — раздел семантики, изучающий способы обозначения, называния предметов и явлений.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgradereleasе

ном «воспоминании». «Золотое предание» («*Legenda Aurea*»), которое так богато драгоценными учениями, содержит повествования, ярко подтверждающие это: некий рыцарь, пожелавший отречься от мира, вступил в орден цистерианцев; он был неграмотен и, более того, из всех преподанных ему поучений не способен удержать в уме ровно ничего, за исключением слов *Ave Maria*; эти слова «он вспоминал про себя с такой великой собранностью, что повторял их непрерывно, куда бы он ни шел и за что бы ни брался». После его смерти прекрасная лилия выросла на его могиле, на каждом лепестке которой золотыми буквами было написано *Ave Maria*, монахи раскрыли могилу и увидели, что корень лилии вырастает из уст рыцаря. К этому повествованию мы добавим только замечание относительно «божественного качества» Имени Девы: произносящий «Иисус» говорит «Бог»; а произносящий «Мария» говорит «Иисус», так что *Ave Maria* является одним из самых близких человеку божественных Имен.

«Золотое предание» также упоминает, что убийцы св. Игнатия Антиохийского были поражены тем фактом, что святой непрерывно повторял Имя Иисуса: «Я не могу не делать этого, — сказал он убийцам, — ибо оно вписано в моем сердце». Когда святой скончался, язычники открыли его сердце и увидели там золотыми буквами вписанное Имя Иисуса.[7]

* * *

Бог есть Любовь, и Он есть Свет; но, как Христос, Он также есть жертва и страдание, а это опять же является аспектом или продолжением Любви. Христос имеет две природы: божественную и человеческую и, соответственно, Он открывает два пути — гнозиса и милосердия; путь милосердия (насколько он отличается от гнозиса) предполагает печаль, ибо совершенная любовь расположена к страданию — именно в страдании человек лучше всего доказывает свою любовь, однако за, так сказать, «интеллектуальную простоту» такой перспективы приходится расплачиваться. На пути гнозиса, где ударение целиком падает на чистое созерцание и главное внимание уделяется скорее блистательному аспекту Христа, нежели плачевному состоянию человечества (ибо здесь в определенной степени предполагается участие в божественной природе, вечно блаженной и неизменной), страдание не налагается таким же образом, то есть оно в принципе не превышает требований общей аскезы, обозначенной в Евангелии термином *jejunium*; несовершенная надличностная беспристрастность здесь предпочитается индивидуальному устремлению жертвователя. Вся христианская духовность колеблется между этими двумя полюсами, хотя на практике, по очевидным причинам, аспект милосердия-страдания преобладает над аспектом гнозиса-созерцания.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

Вопросы «что такое Бог?» или «что такое я?» в душе гностика перевешивают такие вопросы, как «чего Бог хочет от меня?» и «что я должен делать?», хотя и эти последние отнюдь не являются неуместными, поскольку человек всегда остается человеком. Гностик, созерцающий Бога «везде и нигде», прежде всего не останавливается на альтернативах, находящихся вне его самого, хотя он и не в состоянии их избежать; ему представляется более важным осознание того, что мир, оказывается, везде соткан из тех же самых экзистенциальных качеств и, при всех обстоятельствах, несет в себе те же самые проблемы отдаленности и близости.

* * *

«И свет во тьме светит, и тьма не объяла его». Послание Христа по своей форме *a priori* адресовано страстному элементу в человеке, указывая при этом на падшую его природу, хотя в Самом Христе и, следовательно, в тринитарной метафизике, не говоря уже о просветленном символизме Христовых поучений и притч, оно остается гностическим и мудрым. Однако что касается его общей формы, то есть волевой перспективы, Послание Христа гласит: «не здоровые имеют нужду во враче, но больные; Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию» (Мк. 2. 17). Опять же когда Христос говорит «не судите, да не судимы будете», Он указывает на нашу страстную природу, а не на чистый интеллект, который нейтрален и отождествляется с теми, кто «целостны». Если Христос придет «судить живых и мертвых», это опять же дело Интеллекта, который единственный имеет право судить, ибо Христос приравнивается к Интеллекту.

Волевая перспектива, о которой мы только что упомянули, самым очевидным образом утверждается в Библейской истории: мы видим там людей, одновременно страстных и мистически настроенных, борющихся в тисках Закона, который сокрушает и очаровывает их, что провиденциально служит прообразом борьбы страстной души — каждой души в той степени, в какой она подвластна страстям, — с истиной, которая является завершающим итогом человеческого состояния. Библия всегда говорит «о том, что случается» и почти никогда не говорит «о том, что есть», хотя она делает это, как считают последователи каббалы, косвенным образом; мы обязаны это признать, что, однако, ничего не меняет ни в явном облике этих Писаний, ни в человеческих причинах, за этим обликом стоящих. С другой стороны, иудаизм скрывает то, что христианство призвано проявить,[8] а иудеи, в свою очередь, с моральной точки зрения открыто проявили то, что христиане позднее научились скрывать; несомненно, грубость прошедших времен заменена эзотеризмом любви, но при этом также и новым лицемерием.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

В одинаковой степени надо учитывать, что волевая перспектива, основываясь на идее моральной ответственности, имеет тенденцию сохранить эго, тогда как гнозис, наоборот, стремится свести волю к проявлению космических сил, комбинацией и результатом которых она и является. Или опять же: с точки зрения воли и страсти люди равны, однако это отнюдь не так с точки зрения чистого интеллектуального познания, ибо последнее вносит элемент абсолютного, которое как таковое бесконечно превышает самого человека. На морализирующий вопрос: «Кто ты такой, чтобы судить другого?» — вопрос, при помощи которого некто хотел бы стереть с лица земли всю «мудрость земную» и все «распознание духов», заменив их смутным и якобы милосердным психологизмом, — на этот вопрос мы имеем право ответить «Бог», при каждом случае безошибочного суждения, ибо интеллект, поскольку он является «относительно абсолютным», не подлежит юрисдикции добродетели, и, следовательно, его права превышают те, которые относятся к страстному и подверженному ошибкам эго; Бог — в истине каждой истины. Высказывание: «Никто не может быть судьей и участником в собственном деле» применимо по отношению к эго лишь настолько, насколько последнее ограничивает или заменяет разум, ибо, в принципе, приписывать интеллекту как таковому подобные ограничения по отношению к предметам случайного порядка — произвольно; утверждать, как это делают некоторые моралисты, что человек не имеет права судить, — равнозначно утверждению, что он лишен интеллекта, то есть является лишь волей или страстью, и что он таким образом не подобен Богу.

Священные права Интеллекта дают о себе знать еще и в том, что христиане не сумели обойтись без мудрости Платона и что позднее латинский мир счел нужным обратиться к Аристотелю, признавая при этом, что *religio* не может существовать без элемента мудрости, дискредитировать который позволила преувеличенно исключительная перспектива любви. Однако если человеческий дух глубоко нуждается в знании, то уже благодаря самому этому факту оно является путем.

Возвращаясь к нашей прежней мысли, мы можем выразиться так: в противоположность гнозису, любовь вряд ли имеет право судить другого, ибо она все принимает и все прощает, во всяком случае, на том уровне, на котором она активна и пределы которого варьируются согласно индивидуальной природе; «ложь ради спасения»[9], то есть из-за милосердия, — это плата за волюнтаристский индивидуализм. Если гнозис, в свою очередь, различает по существу и на всех уровнях как духов, так и различные ценности, то это происходит потому, что его точка зрения никогда не является персональной, ибо в области гнозиса все различия между «мною» и «другим», а также тонкая и парадоксальная настойчивость, привязывающая к этому выбору, вряд ли имеют значение, однако

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

применение принципа здесь тоже зависит от ограничений, которые налагаются на нас природой вещей и нами самими.

Милосердие по отношению к нашему соседу в том случае, когда оно является актом прямого сознания, а не всего лишь морального сантимента, предполагает способность видеть себя в других и других в себе; разрыв между *ego* и *alter* следует преодолеть для того, чтобы не стало пропасти между Небом и Землей.

* * *

Согласно Фоме Аквинскому, свободной воле не свойственно выбирать зло, хотя возможность эта возникает благодаря свободе выбора, связанной с тварями, подверженными ошибкам. Таким образом, воля и свобода взаимосвязаны. Доктрина дополняет волю интеллектуальным элементом и совершенно справедливо позволяет воле участвовать в интеллектуальном познании. Воля, выбирающая зло, не перестает быть волей, но она фундаментально лишается свободы и, следовательно, перестает быть разумной (*intellective*); в первом случае это динамическая способность, сила страстей, ибо животные тоже имеют волю, а во втором случае — энергия распознания. Следует добавить, что интеллект не перестает быть собой, даже находясь в заблуждении, но в этом случае связь является менее прямой, нежели в случае воли; Дух Святой (Воля, Любовь) «делегируется» через Сына (Интеллект, Знание), а не наоборот.

Христианская доктрина не утверждает, что моральные усилия порождают метафизическое знание, но она учит тому, что восстановление падшей воли — искоренение страстей — высвобождает созерцательную силу, дремлющую в глубине нашей теоморфной природы; эта созерцательная сила является как бы окном, через которое не может не падать божественный Свет в виде справедливости или, что еще более вероятно, в виде Милосердия; в гнозисе этот процесс мистической алхимии сопровождается соответствующими понятиями и состояниями сознания. С этой точки зрения, первичность любви не противопоставляется перспективе мудрости, но озаряет ее оперативный аспект.

* * *

Та мораль, согласно которой подставляется другая щека, если только здесь можно говорить о морали, вовсе не означает необыкновенной заботливости по отношению к своему врагу, а — полное безразличие к оковам мира сего, или, точнее, — отказ быть вовлеченным в заколдованный круг земной причинности. Человек, любой ценой желающий остаться правым на персональном уровне, теряет спокойствие и удаляется от «единственно необходимой вещи»; дела этого мира приносят с

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

собой лишь волнения, а волнения уводят нас все дальше от Бога. Однако покой, как и любое другое духовное настроение, не зависит от внешней активности; святая ярость внутренне совершенно невозмутима и, в том случае, когда вынесение приговора является неизбежным делом — неизбежным, так как побуждается высшими и внеличностными интересами, — она вполне совместима с разумом, свободным от привязанности и ненависти. Христос борется против страстей и корыстных целей, но не против выполнения обязанностей или всеобщих интересов; иными словами, Он противопоставляется личностным интересам в том случае, когда последние следуют страстям или наносят вред интересам других, и Он осуждает ненависть, даже если она служит высшей цели.

«Ненасилие», отстаиваемое Евангелиями, символизирует и делает эффективной ту добродетель ума, которая интересуется тем, «что есть», а не тем, «что случается». Как правило, человек теряет много времени и энергии, размышляя о несправедливости со стороны своих собратьев, а также о предполагаемых тяготах судьбы; является ли это следствием человеческой несправедливости или божественной кары, «поток форм», или «космическое колесо», есть то, что оно есть, и просто идет своим ходом, то есть соответствует собственной природе. Люди не могут не быть несправедливыми, видя, что они составляют часть этого потока; отделиться от течения и действовать обратно логике фактов и порождаемого ею рабства кажется безумием в глазах мира, но в действительности это значит уже здесь, в этой земной юдоли, принять точку зрения вечности. А принять эту точку зрения значит видеть себя как бы с высоты орла, то есть осознать, что мы сами составляем часть этого мира несправедливости, и это еще одна причина для того, чтобы оставаться бесстрастным среди гула человеческой брани. Святой — это человек, действующий подобно тому, как если бы он умер и опять вернулся к жизни; переставши быть «собой» в земном смысле, он совершенно не желает опять видеть тот же сон, но остается в такого рода состоянии бодрствования, что этого состояния мир, обреченный остаться в своей узости и грязи, не способен понять.

Чистая любовь не относится к этому миру противоположностей, ибо она является небесной по своему истоку и ее завершение — в Боге; она живет как бы в себе, благодаря собственному свету, и в лучах Бога-Любви. Вот почему любовь «не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, Не радуется неправде, а сорадуется истине; Все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит» (1 Кор. 8. 5–7).

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

Таинства Христа и Девы*

Бог становится человеком для того, чтобы человек мог стать Богом. Первое таинство есть Воплощение, второе — Искупление.

Однако точно так же, как Слово, принимая тело, уже было, в некотором смысле, распято, так и человек, возвращаясь к Богу, должен участвовать в обеих мистериях: *ego* терпит распятие по отношению к миру, но благодать спасения воплощается в сердце; святость суть рождение и жизнь Христа внутри нас.

Мистерия Воплощения имеет два аспекта: аспект Слова, с одной стороны, и аспект Его человеческого восприятия — с другой; то есть Христа и Богоматери. Чтобы постичь эту мистерию как она есть, душа должна уподобиться Деве, ибо как солнце может отражаться только в спокойной воде, так и душа может воспринять Христа только в девственной чистоте, в первоначальной простоте, а не грехе, суть которого смятение и неуравновешенность.

Под словом «мистерия» мы не имеем в виду нечто непостижимое в принципе — разве что оно не находится на чисто рациональном уровне, — а то, что струится внутри Бесконечности, или рассматривается в этом отношении так, что интеллигибельность становится беспредельной и неисчерпаемой для человека. Таинство всегда есть «нечто от Бога».

* * *

Ave Maria gratia plena, dominus tecum: benedicta tu in mulieribus, et benedictus fructus ventris tui, Jesus.

Maria есть чистота, красота, доброта и скромность космической Субстанции; микрокосмическим отражением этой субстанции является душа в состоянии благодати. Душа в состоянии благодати крещения соотносится с Девой Марией; благословение Девы получает тот, кто очищает душу для Бога. Эта чистота — состояние Марии — является существенным условием не только для получения таинств, но и для духовной актуализации реального Присутствия Слова. Словом *ave* душа выражает идею, что, сообразуясь с совершенством Субстанции, она в то же самое время вступает во взаимоотношения с ней, призывая на помощь Деву Марию, которая персонифицирует данное совершенство.

Gratia plena: первоначальная Субстанция, благодаря своей чистоте, своей доброте и своей красоте, наполнена божественным Присутствием. Она чиста потому, что не содержит в себе ничего, кроме Бога; она возмещает и поглощает все формы космического неравновесия, ибо она есть тотальность и, следовательно, равновесие; она красива потому, что пол-

* Из *Gnosis — Divine Wisdom*, глава 11.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

ностью покоряется Богу. По этой причине душа — микрокосмическое отражение Субстанции, испорченное падением, — обязана снова стать чистой, доброй и красивой.

Dominus tecum: эта Субстанция не только наполнена божественным Присутствием онтологически или экзистенциально, в том смысле, что она пронизана им по определению, то есть благодаря своей подлинной природе, но и непрерывно сообщается со Словом как таковым. Таким образом, если *gratia plena* означает, что божественное Таинство имманентно Субстанции как таковой, то *Dominus tecum* показывает, что Бог в Своей метакосмической трансценденции открывается Субстанции, подобно тому, как глаз, наполненный светом, видит при этом само солнце: так и душа, преисполненная благодати, зрит Бога.

Benedicta tu in mulieribus: по сравнению с вторичными субстанциями, только всеобщая Субстанция является совершенной и полностью находится под сенью божественной Благодати. Все субстанции возникают из нее путем нарушения равновесия; равным образом все падшие души возникают из первоначальной души путем грехопадения. Душа, находящаяся в состоянии благодати, душа чистая, добрая и красивая, восстанавливает первоначальное совершенство, и поэтому она «благословенна среди всех» микрокосмических субстанций.

Et benedictus fructus ventris tui, Jesus: то, что в принципе есть *Dominus tecum,* в манифестации становится *fructus ventris tui, Jesus*, то есть Словом, передающим вечно девственную субстанцию всеобщего Творения в виде плода, результата, а не причины, корня. Иными словами: кажется, что душа, покорная Богу, благодаря своей чистоте и своей доброте, рождает Бога, однако этот в ней родившийся Бог преобразовывает и поглощает ее, подобно тому, как Христос преобразовывает и абсорбирует Свое мистическое тело — Церковь, которая из воинствующей и страдающей становится победоносной. Но в действительности Слово не рождается в Субстанции, ибо Слово неизменно, — это Субстанция умирает в Слове. Говоря иначе: когда кажется, что Бог прорастает в душе, на самом деле это душа умирает в Боге. *Benedictus*: само воплощенное Слово есть Благодеяние; тем не менее, поскольку оно, по видимости, проявляется как Субстанция, то душа называется благословенной, ибо в этом случае оно рассматривается не относительно своей собственной трансценденции, что сделало бы Субстанцию нереальной, но по отношению к ее видимости, ее Воплощению: *fructus*.

Jesus: Слово, которое определяет Субстанцию и открывает себя последней. Макрокосмически это есть Слово, которое манифестирует себя во Вселенной как божественный Дух; микрокосмически это есть Реальное Присутствие, утверждающее себя в центре души, излучающее себя наружу и, в конце концов, трансмутирующее и абсорбирующее душу.[1]

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

* * *

Совершенства девственности — это чистота, доброта и скромность; именно эти качества душа обязана осуществить в своем поиске Бога.

Чистота: душа свободна от всех желаний. Любое естественное побуждение, возникающее в душе, рассматривается как возможный источник страсти, вожделения, соблазна. Совершенство это представляется холодным, твердым и прозрачным, как алмаз. Это бессмертие, исключающее любую порчу.

Красота: красота Девы выражает божественный Покой. В совершенном равновесии собственных возможностей универсальная Субстанция реализует свою красоту. Достигшая совершенства, душа больше не разбрасывает себя впустую, а отдыхает в своей собственной субстанциональной, первоначальной, онтологической безупречности. Мы говорили выше, что душа должна быть подобна спокойному водному простору; тогда любое естественное побуждение души покажется всего лишь беспокойством, пустой тратой, увяданием и, следовательно, безобразием.

Доброта: милосердие космической Субстанции состоит в том, что, будучи девственной по отношению к своим привязанностям, она заключает в себе неисчерпаемую силу равновесия, исправления, лечения, поглощения зла, а также — манифестации добра; будучи матерью по отношению к тем существам, которые обращаются к ней, она никогда не отказывает им в помощи. Подобным же образом душа должна отвести свою любовь от затвердевшего *ego* и направить ее к соседу и ко всему творению; здесь как бы снимается разница между «я» и «другим», и «я» становится «другим», а «другой» становится «я». Страстное разграничение между «я» и «ты» есть состояние смерти, сравнимое с разобщением между душой и Богом.

Скромность: Дева, несмотря на свою высочайшую святость, остается женщиной и не домогается для себя иного положения; скромная душа осознает свой собственный ранг и склоняется перед тем, что превышает ее. По той причине *Materia Prima* Вселенной остается на своем уровне и никогда не стремится присвоить себе трансцендентность Принципа.

Радостные, скорбные и блистательные мистерии Марии являются различными аспектами космической реальности, с одной стороны, и мистической жизни, с другой.

Подобно Марии и подобно универсальной Субстанции, освященная душа является «девой», «невестой» и «матерью».

* * *

Молитва Господа — самая превосходная из всех молитв, поскольку ее оставил Христос; как молитва она более превосходна, нежели *Ave,* и поэтому ею открывается Розарий. Однако *Ave* более превосходна, нежели

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

Молитва Господа, тем, что она содержит Имя Христа, таинственным образом тождественное Самому Христу, так как «Бог и Имя Его есть одно». Христос — больше, чем Молитва, которой Он научил, и поэтому *Ave*, содержащая Христа, благодаря Его Имени, тоже больше той Молитвы; вот почему *Ave* повторяется большее число раз, чем *Pater*, и вот почему *Ave*, наряду с Именем Господа, которое оно заключает в себе, составляет подлинную субстанцию Розария. Все это значит, что молитва «слуги», адресованная «Господу», относится к «Малым Мистериям» (мы напоминаем, что они связаны с реализацией первоначального, или райского, состояния и, следовательно, полноты человеческого состояния, тогда как Имя Бога связано с «Большими Мистериями», завершение которых находится по ту сторону индивидуальных состояний).

С микрокосмической точки зрения, как мы видели, «Мария» — это душа в состоянии «освящающей благодати», способная воспринять «Реальное Присутствие». «Иисус» — это божественное Семя, «Реальное Присутствие», которое преобразует душу, то есть универсализирует или интегрирует ее в Вечном. «Мария», подобно «Лотосу», есть «поверхность», или «горизонталь»; «Иисус», подобно «Драгоценности», есть «центр» и, в динамическом отношении, «вертикаль». Иисус — это Бог внутри нас, Бог, который пронизывает и преобразует нас.

Среди медитаций Розария «радостные Таинства» (с точки зрения, нами здесь принятой, и в связи с молитвами) относятся к «Реальному Присутствию» Божественного в человеке; что касается «скорбных Мистерий», то они изображают искупительное «заточение» Божественного в человеке, неизбежную профанацию «Реального Присутствия» из-за человеческой ограниченности; в конце концов, «блистательные Мистерии» указывают на победу Божественного над человеческим — высвобождение души с помощью Духа.

Проблемы евангелизма*

Христианство подразделяется на три больших ответвления: католицизм, православие и протестантизм, не считая коптов и других древних общин, примыкающих к православию. Эта классификация может вызвать удивление у некоторых наших постоянных читателей, поскольку создается впечатление, что протестантизму уделяется место на том же уровне, на котором находятся древние Церкви; однако здесь мы имеем в виду не либеральный протестантизм или какую-нибудь секту, а лютеранство, которое бесспорно манифестирует христианскую возможность, без всякого сомнения, весьма ограниченную и неумеренную,

* Из *Christianity/Islam*, глава 3.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

судя по некоторым ее чертам, но все-таки внутренне закономерную и, следовательно, представляющую определенные богословские, моральные и даже мистические ценности. Если евангелизм, употребляя термин, одобренный Лютером, возник бы в таком мире, как мир индуизма, он выглядел бы как один из возможных путей и, несомненно, нашел бы себе место среди других второстепенных даршан (*darshana*); в буддизме он был бы не более гетеродоксальным, нежели амидаизм, или школа Нитирэн, которые, однако, являются независимыми от окружающей их общей традиции.

Чтобы понять нашу точку зрения, надо знать, что религии определяются архетипами, которые суть не что иное, как различные духовные возможности: с одной стороны, каждая религия *a priori* манифестирует архетип, но, с другой стороны, каждый архетип может проявить себя *a posteriori* внутри каждой религии. Так шиизм, например, возник отнюдь не по причине христианского влияния, но как манифестация внутри ислама той религиозной возможности или того духовного архетипа, который прямым и полным образом утвердил себя в христианстве; та же самая возможность способствовала возникновению амидаистского мистицизма внутри буддизма, подчеркивая лишь другое измерение архетипа, то есть космическое чудо Милосердия, которое одновременно и требует, и предоставляет некую харизму спасительной Веры, тогда как в случае шиизма ударение падает на божественного человека, открывающего Небо земле.

Можно сказать аналогичным образом, что германская душа, которая рассматривалась Римом в утрированной латинской манере, — но это уже другой вопрос, — которая не была ни греческой, ни римской, нуждалась в более простом и более углубленном религиозном архетипе, который был бы менее формалистическим и более «популярным», в лучшем смысле этого слова; таков в некоторых отношениях религиозный архетип ислама, религии, основанной на Книге и делающей каждого верующего священником. В то же самое время и с другой точки зрения, германская душа испытывает ностальгию по такой перспективе, которая естественное интегрирует в сверхъестественное, то есть стремится к Богу, не презирая природы, в которой благочестие не монастырского типа, а доступна каждому человеку доброй воли в гуще мирских забот, то есть эта душа нуждается в пути, основанном на Благодати и доверии, а не на Справедливости и трудах, и такой путь бесспорно имеет предпосылки в самом Евангелии.

* * *

Здесь еще раз следует установить разницу между ересью, которая является внешней и потому относительной к любой ортодоксии, и другой —

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

внутренней и поэтому ложной как в самой себе, так и по отношению к любой ортодоксии или же к истине как таковой. Упрощая свое изложение, мы ограничимся замечанием, что первая из них манифестирует духовный архетип, хотя, несомненно, ограниченным, но все-таки эффективным способом, тогда как вторая является лишь делом человеческих рук и основывается, в итоге, только на людских соображениях, чем, собственно, и исчерпывается весь вопрос[1]. Неразумно утверждать, что «благочестивому» духу обеспечено спасение, ибо в тотальных ересях отсутствует тот элемент, который мог бы гарантировать посмертное блаженство, хотя человек — независимо от верований — всегда может быть спасен по причинам, недоступным нашему пониманию, однако спасается он, тем не менее, не при помощи собственной ереси...

По поводу арианства, которое было особо распространенной ересью, можно привести следующие замечания: оно бесспорно является гетеродоксией уже по тому факту, что видит Иисуса не более чем творением; подобная идея может иметь смысл в перспективе ислама, но она несовместима с христианством. Однако стремительное распространение арианства показывает, что оно отвечало духовным потребностям, сообразным тому архетипу, самым характерным проявлением которого станет ислам, и именно на эту потребность, или на это ожидание, в конечном итоге отозвался евангелизм[2] — конечно, не путем гуманизации Христа, но упрощая религию и германизируя ее в определенной степени. Другой широко известной ересью было несторианство, которое строго разграничило две природы Христа — божественную и человеческую, и которое вследствие этого признавало Марию матерью Христа, но не Бога; эта перспектива связана с возможной богословской точкой зрения, следовательно, вопрос здесь стоит о внешней, а не о тотальной ереси...

* * *

Нетрудно привести доводы против Реформации, сказав, что невозможно, чтобы традиционные авторитеты и церковные соборы, которые, по определению, вдохновлены Духом Святым, ошибались; это верно, но вовсе не исключает парадоксов, ослабляющих эту квази-очевидность. Прежде всего, а это как раз и воодушевило реформаторов, начиная с Дж.Уиклифа*

* Джон Уиклиф (Англия) 1330–1384. Будучи профессором в Оксфорде, Уиклиф начал критиковать Папство за политические интриги и за жадность. Поначалу его работа поддерживалась английским правительством, но Уиклиф не остановился на критицизме и в конце концов он объявил Папу антихристом. Уиклиф также отвергал католическую доктрину о Вечере Господней и ее становление настоящими телом и кровью Христа во время таинства. Уиклиф был частью группы бедных проповедников, которые распространяли свои идеи в английских деревнях. Он также возглавлял комитет по переводу Библии на английский язык.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

и Гуса,* сам Христос бросил вызов многим «традиционным» элементам, поддерживаемым «авторитетами», называя их «людскими предписаниями»; далее, эксцессы «папства», как во времена Лютера, так и до него, послужили доказательством если не прямо-таки незаконности самого папства, то, по крайней мере, того, что оно вышло далеко за пределы дозволенного, и, между прочим, Византийская церковь первая это заметила и осудила. Мы хотим сказать, что папа, вместо того чтобы быть *primus inter pares*, подобно апостолу Петру, наделен чрезмерной привилегией одновременно считаться пророком и императором: как пророк, он поставил себя над соборами, а как император, он обладал светской властью, которая превышала власть всех правителей, включая самого императора; уже в наши дни именно эти неслыханные полномочия позволили модернизму, подобно Троянскому коню, войти в Церковь, несмотря на все предостережения предыдущих пап; то, что папы сами могут быть святыми, вовсе не ослабляет веских доводов Восточной церкви. Одним словом, если бы Западная церковь не сбросила Восточную церковь во «тьму внешнюю» и удержалась бы от проявлений варварства, то и ответного удара со стороны Реформации не было бы.

Более того, сказать, что Римская церковь является внутренне ортодоксальной и интегрально традиционной, отнюдь не значит утверждать, что она прямым, непревзойденным и исчерпывающим образом выражает все аспекты мира Евангелий, даже если она неизбежно содержит их в себе и проявляет случайно или спорадически, ибо Евангельский мир был миром Восточным и семитским, погруженным в атмосферу священной бедности, тогда как мир католицизма является европейским, римским, имперским миром; это значит, что религия претерпела романизацию в том смысле, что характерные черты римской ментальности определили ее формальное развитие.

В этом отношении достаточно упомянуть ее юридический, административный и даже воинствующий дух — особенности, которые проявляются, между прочим, в несоразмерной запутанности правил богослужения, в многословии служебника, в рассеивающей сложности системы таинств, в педантичной манипуляции индульгенциями; далее, в определенной административной централизации, а на деле — милитаризации монашеской духовности, не забывая при этом (в области формы, которую нельзя обойти стороной) языческого титанизма Ренессанса и кош-

* Ян Гус (Богемия, сейчас Чехия) 1371–1415. Идеи Уиклифа распространились в Богемии, потому что король Англии Ричард II был женат на богемской принцессе Анне. Обмен студентов привел к распространению этих идей. Ян Гус продолжал радикальное учение Уиклифа против Папства. В конце концов его арестовали и сожгли в 1415 г, за 100 лет до того, как Мартин Лютер начал свою реформаторскую деятельность.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

мара искусства барокко. С точки зрения все тех же внешних форм можно сделать следующее замечание: в католическом мире уже в конце Средневековья разница между религиозными и светскими одеяниями стала настолько резкой, что они оказались несовместимыми; когда сугубо светские, претенциозные или прямо-таки эротические наряды правителей сравниваются с величественными одеяниями священнослужителей, то трудно поверить, что первые — те же христиане, что и последние, тогда как в восточных цивилизациях стиль одежды, в общем-то, является однородным. В исламе между религиозными деятелями и остальным обществом нет разделяющей полосы — нет светского общества, противопоставленного по внешним признакам священническому. После всего, что было сказано, завершим наше рассуждение, целью которого было просто показать, что католический мир, как на поверхности, так и в глубине, обнаруживает черты, вообще чуждые настроению Евангелий.[3]

С некоторой чрезмерностью доказывалось, что только священные институты имеют значение, а не человеческие случайности, их искажающие; это само собой разумеется, но масштаб этого искажения указывает на то, что в самих этих институтах ответственность за часть недостатков ложится на человеческую горячность. Данте и Савонарола, в свою очередь, ясно понимали это, а с другой стороны, уже само появление Ренессанса доказывает то же самое. Если нам скажут, что папство, такое, каким оно было в течение веков, представляет собой единственно возможное решение для Запада, мы, пожалуй, согласимся, однако следовало бы предвидеть, какими опасностями чревата эта фатальная форма, и сделать все для того, чтобы уменьшить эти опасности, а не наоборот; если строгая иерархия была неизбежна, то надо было настаивать на священнической роли каждого христианина.

Как бы там ни было, но Лютеру позволило отделиться от Рима[4] осознание им «упадка ортодоксии», то есть разложения в рамках неизменной традиционной ортодоксии, примером чему служили книжники и фарисеи в Новом Завете с их «людскими предписаниями»; объективно это означает уточнения, развитие, разработки, классификации, объяснения и стилизации, требуемые темпераментом именно этой, а не другой личности.[5] Еще одна связь идей, оказавшаяся полезной для Лютера и протестантизма в целом, это противопоставление св. Августином *civitas dei u civitas terrena*, или *diaboli*: очевидные беспорядки внутри римско-католической церкви легко позволили ему отождествить Рим с «земным градом» св. Августина. Новый Завет содержит глубокую тенденцию, с особой силой отвечающую потребности германской души, а именно: тенденцию к простоте и к сущностности, которая противоположна богословским и литургическим сложностям, формализму, рассредоточению богослужения и всей слишком часто бесцеремонной тирании духо-

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

венства. С другой точки зрения, германцы были открыты благородному и здоровому популярному характеру Библии, не имеющему отношения к демократии, поскольку Лютер был сторонником теократического режима, осуществляемого императором и князьями.

Перспектива евангелизма, без сомнения, типично павлианская; она основана на своеобразном гностическом дуализме следующих элементов: тела и духа, смерти и жизни, служения и Свободы, Закона и Благодати, справедливости по заслугам и справедливости по вере, Адама и Христа. С другой точки зрения, евангелизм и вообще христианство как таковое основаны на павлианской идее универсального спасения, отвечающей универсальности греха или состоянию грешника; только искупительная жертва Христа способна освободить человека от этого проклятия, и благодаря Искуплению Христос становится светочем и главой всего человечества. Но типически павлианским акцентом христианского Послания является учение об оправдании через веру, которое Лютер сделал осью христианской религии или, точнее, основным пунктом своего мистицизма.

* * *

После поражения Дж. Уиклифа и Гуса (а нам следовало бы помнить их учение, если не полностью, то по крайней мере некоторые его тенденции) папы своей косностью добавили энергию лютеранскому взрыву;[6] после поражения Данте и других предостерегателей в рамках истинной католической ортодоксии Лютер своим неистовством способствовал католическому обновлению, так что Провидением оказались желанны как Евангельская церковь, так и Католическая церковь после Трентского собора. Теперь католицизму надо было бы ассимилировать (не отрицая самого себя) сущность послания евангелизма, а последнему вновь открыть для себя сущность католической реальности; вместо этого обе стороны лишь ожесточились в соответствующих позициях, и на деле они не могли поступить иначе по той же самой причине, по которой несовместимы две религии, ибо для каждой духовной перспективы необходимо быть полностью самой собой, прежде чем пускаться в тонкости рассуждений, особенно если свойственные им преувеличения отвечают расовым или этническим потребностям.[7]

Каждая конфессия толкует Евангелие по-своему. По нашему убеждению, самой непосредственной, самой обильной и наиболее реалистической является манифестация православной церкви, что проявлено во внешних формах последней, тогда как католическая церковь манифестирует в большей степени римский, чем восточный образ, а в некотором смысле даже более светский, начиная с Ренессанса и эпохи барокко, как уже отмечалось выше. Латинская цивилизация чужда миру и духу

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

Евангелий; и хотя романский Запад — христианский, это христианство является римским. Что касается евангелической церкви, то вопрос о ее культурных формах не возникает, ибо в этом отношении она причастна католической культуре, с той лишь разницей, что вводит в последнюю принцип иконоборческой трезвости и имеет преимущество в том, что не приняла ни Ренессанса, ни его последствий, а это значит, что в области искусства евангелизм, следуя за Лютером, остановился на средневековых формах, упростив их и избегнув тех неправомерных искажений, какие внесло искусство барокко. С духовной точки зрения протестантизм сохраняет евангельский дух простоты и глубины, подчеркивая таинство веры, и он представляет эти аспекты с такой мощью, моральная и мистическая ценность которой не подлежит сомнению; подобный акцент был необходим на Западе, и поскольку Рим не хотел этого делать, на это решился Виттенберг.*

В связи с половинчатым иконоборчеством протестантизма, надо заметить, что св. Бернард тоже желал видеть молельни строгими, неприкрашенными и отрезвляющими, чтобы «чувственные утешения» были сведены к минимуму, но при этом он имел в виду монастыри, а не кафедральные соборы; в данном случае чувство священного в обрядах сосредотачивается на существенном. Мы встречаем эту точку зрения как в дзэне, так и в исламе, и, прежде всего, вновь и вновь наблюдаем это на примере Христа, так что было бы несправедливо утверждать, что лютеранская позиция не имеет прецедента в Писании; Христос хотел, чтобы Богу поклонялись «в духе и в истине» и чтобы, молясь, не говорили «лишнего, как язычники»; этим подчеркивается вера, характеризуемая искренностью и интенсивностью.

* * *

Целибат священников, закрепленный папой Григорием VII после тысячелетия противоположной практики, которая до сих пор сохранилась в Восточной церкви, имеет несколько серьезных недостатков: он без надобности повторяет целибат монахов и еще радикальнее отрывает священнослужителей от светского общества, которое, таким образом, становит-

* В канун Дня Всех Святых (31 октября 1517 года) 34-летний монах-августинец, доктор теологии и профессор Виттенбергского университета Мартин Лютер приколотил на ворота церкви в немецком городке Виттенберге свои знаменитые 95 тезисов против торговли индульгенциями. Согласно этому документу христианин может получить прощение грехов только при искреннем раскаянии, и заменить его не могут никакие бумажки, широкая продажа которых есть, в сущности, не что иное, как мошенничество. С этого, имевшего огромный общественный резонанс, выступления началась великая эпоха Реформации.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

ся еще более светским; это нововведение усилило среди мирян ощущение несамостоятельности и собственной моральной неполноценности, а значение брака было принижено еще одним эдиктом. Далее, целибат налагался на огромное число священников, ибо возрастающее общество все больше нуждалось в священнослужителях, а христианство — это все-таки весь западный мир, то есть целибат налагался на слишком большое число людей, неминуемо рождая моральные расстройства и способствуя падению морали, тогда как гораздо лучше было бы иметь хороших женатых священников, нежели плохих неженатых; в противном случае надо уменьшить число священников, а это невозможно, ибо общество велико и нуждается в них. В конце концов, целибат духовенства препятствовал воспроизведению потомства у людей, наделенных религиозным призванием, и, таким образом, обеднил общество; если только не имеющие религиозного призвания люди могут рожать детей, то общество будет становиться все более светским и «горизонтальным», все менее — духовным и «вертикальным».

Как бы то ни было, но Лютер, в свою очередь, тоже был лишен реализма: он был удивлен, что во время его отсутствия (а он весь год находился в Вартбурге) сподвижники Реформации в Виттенберге предались всевозможным излишествам; под конец своей жизни он дошел до того, что даже сожалел, что вся эта бездарная масса не осталась под хлыстом папы. Едва ли интересуясь коллективной психологией, он верил, что простой принцип благочестия может заменить материальные опоры, которые способны так успешно регулировать поведение толпы и не только уравновесить поведение ее в пространстве, но и стабилизировать во времени. В своем мистическом субъективизме он не осознавал, что религия нуждается в символизме для того, чтобы сохранить способность к существованию, что внутренняя сущность, лишенная внешних знаков, не может удержаться в коллективном сознании,[8] однако, будучи пророком внутренней сущности, он едва ли имел выбор.

Латинскому Западу слишком часто не хватало реализма и меры, тогда как греческая и вообще Восточная церковь лучше знала, каким образом примирить запросы духовного идеализма с теми, которые относятся к повседневному человеческому миру. В частности, нам хотелось бы сделать следующее замечание: непохоже, чтобы Христос, который умывал ноги своим ученикам и который учил их, что «первый будет последним», одобрил бы имперскую помпу Ватиканского двора, например, целование папской туфли, тройную корону, *flabelli, sedia gestatoria**; совсем наоборот, хотя нет основания думать, что он осудил бы священные церемонии, отнюдь не являющиеся имперскими, а такие, какими окру-

* Веер из перьев и переносной папский трон.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

жен православный патриарх, но он вряд ли одобрил бы коллегию кардиналов, которая, с одной стороны, как бы подпирает императорский трон папы, а с другой стороны, представляет собой не-священническое звание, которое является более светским, чем религиозным.[9]

Выше мы говорили о целибате священников, введенном Григорием VII, и надо еще добавить пару слов касательно евангелических соборов и монашеских обетов. Когда мы читаем в Евангелии, что «всякий, кто оставит дóмы, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради имени Моего», мы тут же думаем о монахах и монахинях. Лютер, в свою очередь, думал, что здесь имеются в виду исключительно гонения, в духе изречения Нагорной Проповеди: «Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное»;[10] и он был убежден в правоте своей интерпретации еще и потому, что до IV столетия не было ни отшельников, ни монахов.

* * *

Рассмотренный в целом протестантизм имеет в себе нечто двусмысленное по причине того обстоятельства, что, с одной стороны, он искренне и конкретно вдохновляется Библией, а с другой стороны, он связан с гуманизмом и Ренессансом. Лютер воплощает первую из них: его перспектива средневековая и, можно сказать, ретроспективная, и она порождает консервативный, иногда эзотерически настроенный пиетизм. Кальвин, напротив, воплощает тенденции гуманизма и, следовательно, Ренессанса, который если и не определил этого движения полностью, то, по меньшей мере, довольно тесно связан с ним; нет сомнений, что Кальвин, учение которого вдохновлялось Лютером и швейцарскими реформаторами, сам был республиканцем, хотя и теократическим, а не монархистом, подобно германскому реформатору, а к этому можно добавить, что он в большей степени противопоставил себя католицизму, чем Лютер.[11]

Идеи Реформации некоторое время «витали в воздухе», но именно Лютер жил ими, и он превратил их в свою личную драму. Его евангелизм, как и другие частные направления в рамках общей перспективы, есть преувеличенный «разрыв», однако вполне достаточный и эффективный, следовательно, «не-незаконный».[12]

Нельзя рассматривать проблему евангелизма, не учитывая яркой личности его реального или, во всяком случае, самого примечательного основателя. Прежде всего, и это вытекает из только что сказанного, ничто не позволяет утверждать, будто Лютер был модернистом, опередившим свое время, ибо он и вовсе-то не был человеком светским и вообще никому не старался угодить; несомненно, его нововведения носили, мягко говоря, очень дерзкий характер, но они были христианскими и не

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

более, так как они ничем не обязаны никакому философу и никакому сциентизму.[13] Он отверг Рим не потому, что тот был слишком духовным, а, наоборот, потому, что тот ему казался (с его особой точки зрения) слишком «угождающим плоти» и не «следующим духу».

Виттенбергский мистик[14] был немцем, семитизированным через христианство, что показательно в обоих отношениях: будучи в основе германцем, он любил искреннее и внутреннее, а не поверхностное и формалистическое; будучи семитом в духе, он признавал лишь Откровение и веру и не хотел даже слышать об Аристотеле и схоластиках.[15] С одной стороны, в его природе были некая грубость и мощь, сочетающиеся с поэтичностью и сердечностью; с другой стороны, он был волюнтаристом и индивидуалистом, который ничего не ждал ни от интеллектуальности, ни от метафизики. Без всякого сомнения, его бурный гений бывал, мягко говоря, неуклюжим, но он не был лишен ни терпения, ни щедрости; Лютер мог быть неистовым, но не больше, чем св. Иероним или другие святые, которые поносили своих противников, «истребляли» их, как им казалось, «усердием для дома Господня», и никто не может отрицать, что прецеденты такого отношения можно найти в обоих Заветах.[16]

Послание Лютера по сути выражается в двояком наследии, свидетельствующем о личности автора и которому невозможно отказать в великолепии и действенной силе: речь идет о немецкой Библии и о гимнах. Осуществленный им перевод Писания, хотя и обусловленный в некоторых местах его доктринальной перспективой, является сокровищем как в смысле языка, так и благочестия; что касается его гимнов, большинство из которых не принадлежит его перу, хотя он создал их прообразы и дал толчок их расцвету, — эти гимны, как известно, стали главным элементом богослужения и явились мощным фактором распространения евангелизма.[17] Сама Католическая церковь не устояла перед их магией, ибо кончилось тем, что она адаптировала несколько лютеранских гимнов, которые стали настолько популярными, что прямо витали в воздухе. В итоге вся личность Лютера раскрывается в его переводе Псалтири и в его знаменитом гимне «Надежное прибежище — наш Бог» (*Ein feste Burg ist unser Gott*), ставшем «вечной песней» (*Trutzlied*) евангелизма, качества силы и великолепия которой не подвергаются сомнению. Более кроткой его личность видится из комментария на *Magnificat*, который свидетельствует о глубоком почитании Святой Девы, чего Лютер никогда не отрицал; папа Лев X, прочитав комментарий и не зная, кто является его автором, заметил: «Да будет благословенна рука, написавшая подобное!»; несомненно, немецкий реформатор не мог сохранить публичное поклонение Богородице, но это произошло из-за общей реакции против рассредоточения религиозного чувства, а значит — в пользу поклонения, сосредоточенного вокруг одного Христа, ставшего абсолютным и, следователь-

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

но, исключительным, как поклонение Аллаху для мусульман. К тому же Писания представляют Деву с поразительной скупостью, что нашло свое отражение и в обсуждаемом случае, несмотря на то, что существуют решающие и доктринально не исчерпываемые изречения, что Мария есть «Благодатная» и что «все поколения назовут меня благословенной».[18]

Немецкий реформатор был мистиком в том смысле, что путь его был чисто экспериментальным, а не концептуальным; уместная аргументация Штаупица* была ему бесполезна. Чтобы открыть для себя действительность Милосердия, ему сперва понадобилось «происшествие с башней»**; тщетно размышляя над «Справедливостью Божьей», он был наделен милостью внезапного понимания, что Справедливость эта милосердна и что она освобождает нас в вере и через веру.

* * *

Главными темами Лютера являются Писание, Христос, Сокровенное, Вера; первые два элемента находятся на божественном уровне, последние два — на человеческом. Подчеркивая роль Писания за счет Традиции, евангелизм стоит ближе к исламу, где Коран есть все; подчеркивая роль Христа в ущерб папе, иерархии, духовенству, евангелизм напоминает буддизм, который все вручает в руки Амитабхи; богослужебным и ритуальным выражением первостепенности места Христа является Причастие, которое для Лютера столь же реально и важно, как и для католиков. Лютеранская склонность к «внутреннему», к «сердцу», если хотите, неоспоримо основана на перспективе Христа, так же, как и акцентирование веры, которое, повторяем, созвучно как мистицизму амидаизма, так и мусульманскому благочестию. Мы не приводили бы таких, на первый взгляд, совсем ненужных сравнений, если бы они не могли послужить иллюстрацией принципа тех архетипов, о которых мы говорили выше и которые являются крайне важными.

Что касается пресуществления Христа в таинстве Причастия, неправда, что Лютер свел обряд Евхаристии к простой церемонии воспоминания, как это сделал его противник Цвингли,[19] а совсем наоборот — он признавал Реальное Присутствие, но не принимал ни пресуществления, что греки тоже не признавали, хотя и стали употреблять это слово, ни бескровного возобновления исторической жертвы; однако священные, воспринимаемые католиками, косвенно содержатся в лютеранском оп-

---

* Иоганн фон Штаупиц — генеральный викарий ордена св. Августина, был наставником Лютера.

** Ссылка на рассказ Лютера о пережитом им мистическом опыте во время размышлений над Посланием к Римлянам 1:17 в монастыре августинцев «Черная Башня».

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

ределении Евхаристии объективным, а не субъективным образом, и до такой степени, что даже с католической точки зрения это определение вполне приемлемо с условием, что в нем осознается скрытый смысл. Для католиков это условие составляет подлинное определение таинства, что, кажется, является диспропорциональным, если учитывать то, как небрежно и «свободно» католицизм обходится со своей Мессой;[20] некоторые психологические обстоятельства — ибо человеческая природа есть то, что она есть, — несомненно требуют, чтобы таинство было представлено в более прикровенном виде и чтобы обращались с ним более аккуратно. Ясно, что лютеранское Причастие это не католическое Причастие, но мы имеем основание верить, рассматривая контекст в целом, что оно все-таки передает в достаточной степени ту благодать, которой Лютер от него ожидал,[21] что позволяет предполагать, что интенция ритуальной перемены была в своей основе христианской, свободной от всякой рационалистической подоплеки, за исключением, может быть, политической непредусмотрительности, как, впрочем, это и было.

Если лютеранское Причастие не эквивалентно католическому Причастию, то это происходит потому, что оно не несет в себе духовную виртуальность так широко, как последнее; однако именно эта виртуальность посвящения оказывается слишком возвышенной для большинства смертных, так что предложить ее последним — значит выставить ее для богохульства. С другой точки зрения, если Месса была бы равнозначна исторической Жертве Христа, она стала бы святотатством благодаря профанации при более или менее банальном ее применении, о чем свидетельствуют поспешные дешевые Мессы, приуроченные к тому и сему, включая самые незначительные и профанические случаи. Месса потенциально совпадает с событием, происшедшим на Голгофе, эта потенциальность или эта виртуальность может всегда содействовать эффективному совпадению,[22] но если Месса имела бы характер своего кровавого прообраза, то во время каждой Мессы земля сотрясалась бы и окутывалась бы мраком.

* * *

Подводим итоги: согласно Лютеру, благодать, получаемая через веру и в вере, обновляет душу и позволяет ей присоединиться к Божественной Жизни; она позволяет человеку воспротивиться злу, одолеть его и проявить сострадание к ближнему. Вера, а не труды, спасает, поэтому нет нужды в том, чтобы наши незначительные заслуги мы добавили бы к бесконечным заслугам Христа. Труды полезны, если мы не ожидаем от них соответствующей награды — в этом случае они становятся частью веры.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

* * *

В основе лютеранского послания лежит акцент на вере и осознание нашего ничтожества — благодаря этому осознанию, но также и помимо него. Все ограничения этой исходной точки косвенно служат ключом, или символом, и они компенсируются превышающим всякое слово Милосердием; изначальное страдание, в конечном итоге, получает свое разрешение в квази-мистическом опыте веры, который успокаивает, оживляет и освобождает.

* * *

Вовсе нетрудно догадаться, что тенденции Лютера совершенно аналогичны тем, которые были у «друзей божьих» (*die Gottesfreunde*) — мистического общества, процветавшего в XIV столетии в Рейнланде, Швабии и Швейцарии, самыми выдающимися представителями которого были Таулер и блаженный Сузо. Первый из них, который был знаком Лютеру, проповедовал доктрину Экхарта о «покое», будучи настроен против «справедливости по заслугам» и против внешней религиозности.

Согласно Терстигену,* [23] одному из святых людей евангелической церкви, все «истинные теософы, о которых мы знаем так мало после эпохи Апостолов, были мистиками, но отнюдь не все мистики являются теософами — и одного не сыщешь среди тысячи. Теософами являются те, чей дух (а не разум) исследовал глубины Божества под Божественным руководством и чей дух узнал о подобных чудесах благодаря безошибочному видению».[24]

Католический, православный, или евангелический экзотеризм не говорит и не может говорить, что павлианское, или библейское, таинство веры есть, в своей основе, не что иное, как гнозис, то есть последнее является прообразом и сущностью первого. Если вера может спасти, то это происходит потому, что интеллектуальное знание освобождает, то есть знание, которое, будучи трансцендентным, является имманентным, и наоборот. Лютеранские теософы были гностиками в рамках веры, а наиболее метафизически настроенные суфии, в свою очередь, подчеркивают веру на основе знания; несомненно, есть вера, лишенная

* Герхард Терстиген (1697–1769) — создатель труда «Поведение при необычных духовных дарах, видениях и откровениях». Этот труд начинается следующими словами: «Необходимо признать, что путь чистой веры... чтобы в духе и истине держаться Бога, служить Ему и иметь с Ним общение, — это самый безошибочный, надежный и необходимый путь. Напротив, путь, где души сверх этого или наряду с этим испытывают необычные дары, видения, экстазы, откровения и другие сверхъестественные явления, в этой своей части чреват обманом и опасностями...»

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

гнозиса, но нет гнозиса без веры. Душа может идти к Богу и без прямого согласования с чистым интеллектом, но интеллект не может манифестировать себя, не сообщая при этом душе мира и жизни, ибо он требует от нас всей веры, на которую она способна.

ИСЛАМ*

Ислам

Ислам — это встреча Бога как такового с человеком как таковым.

«Бога как такового» — значит Бога, рассматриваемого не в аспекте Его собственной манифестации определенным образом и в определенное время, но независимо от истории и настолько, насколько Он есть то, что Он есть, а также что Он благодаря Своей природе творит и открывает.

«С человеком как таковым» — значит с человеком, рассматриваемым не как человек падший, для спасения которого требуется чудо, а как теоморфное существо, обладающее интеллектом, способным постичь Абсолют, и волей, способной выбрать то, что ведет к Абсолюту.

Сказать «Бог» значит также сказать «Сущий», «Творящий», «Открывающий»; иными словами, это значит сказать «Реальность», «Манифестация», «Реинтеграция». Сказать «человек» значит сказать «теоморфизм», «трансцендентальный интеллект», «свободная воля». Это, по убеждению автора, есть предпосылки исламской перспективы, которые, соответственно дают объяснение каждому их применению в частном порядке и не должны упускаться из виду теми, кто хочет понять любой специфический аспект ислама.

Человек, таким образом, понимается *a priori* как двойственный реципиент, созданный для Абсолюта, а ислам предназначен для того, чтобы дать этому реципиенту, во-первых, истину Абсолюта, а во-вторых, закон Абсолюта. Следовательно, ислам, по сути, есть истина и закон, или Истина и Закон, где истина отвечает интеллекту, а закон — воле. Поэтому

* Из *Unterstanding Islam*, глава 1.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

ислам намеревается устранить одновременно неуверенность и сомнение, а *a fortiori* — заблуждение и грех, ибо заблуждение считать, что Абсолюта нет, или что относительное является абсолютным; под воздействием греха эти заблуждения помещаются на уровне воли или действия. Эти две доктрины, относительно Абсолюта и человека соответственно, выражаются двумя «формулами утверждения» исламской веры, первой (*La ilaha illa 'Llah*) относительно Бога, и второй (*Muhammadun rasulu' Llah*) относительно Пророка.

Идея предопределения, столь мощно выраженная в исламе, сочетается с идеей свободы. Человек подвластен судьбе, ибо он не является Богом, однако он свободен, потому, что «сотворен по образу Божию». Только Бог есть абсолютная свобода, однако человеческая свобода, несмотря на ее относительность (в том смысле, что она «относительно абсолютна»), все же есть не что иное, как свобода, подобно тому, как и тусклый свет все-таки является светом. Но и отрицать предопределение — значит притворяться, будто Бог не знает событий «заранее» и, следовательно, не является всеведущим: *quod absit.*

В итоге: то, что неизменно в Боге, ислам противопоставляет тому, что является перманентным в человеке. «Экзотерическое» христианство отождествляет *a priori* человека с волей, точнее, с извращенной волей, однако ясно, что интеллект не отрицается, но он рассматривается как аспект воли и только; человек есть воля, и воля разумная, а когда извращается воля, извращается и интеллект, в том смысле, что он не в состоянии исправить волю. Поэтому требуется божественное вмешательство: таинство. В исламе, где человек рассматривается как интеллект, и интеллект появляется «раньше» воли, содержание или направление интеллекта обладает священной действенностью: тот, кто признает, что только Трансцендентальный Абсолют является абсолютным и трансцендентным, и кто делает из этого выводы относительно воли, тот спасен. Свидетельство о Вере — Шахада (*Shahadah*) — определяет интеллект, а исламский Закон — Шариат (*Shari "ah*) определяет волю; в исламском эзотеризме — Тарика (*Tariqah*) — благодать передается путем инициации, и эта благодать считается ключевой, ибо подчеркивает нашу «сверхъестественную природу». Стало быть, наш теоморфизм является прообразом нашего спасения, его структуры и пути: так как мы тождественны трансцендентальному интеллекту и свободной воле, то именно этот интеллект и эта воля, или трансценденция и свобода, спасают нас; Бог всего лишь наполняет человеческий сосуд, когда тот опустошен, а не разбит, ибо разбить его человеку не под силу.

Продолжим наше рассуждение: только человек обладает даром речи, ибо лишь он среди земных тварей непосредственно и интегрально «создан по образу Божию»; поистине, если упомянутый теоморфизм

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

спасает и освобождает благодаря божественному побуждению, то речь причастна к этому наряду с интеллектом и волей. Эти последние действительно актуализируются в молитве, являющейся одновременно речью божественной и человеческой, где действие связано с волей, а его содержание — с интеллектом; речь выступает как бы нематериальным, хотя и осязаемым, телом нашей воли и понимания, однако речь не обязательно экстериоризируется, ибо ясно выраженная мысль тоже предполагает язык. Ничто в исламе не считается более важным, чем канонические молитвы (*salat*), лицом в сторону Каабы, и «поминание Бога» (*dhikru 'Llah*), направленное к сердцу; молитва суфия созвучна универсальной молитве всего человечества и даже молчаливой молитве вообще всех существ.

То, что составляет оригинальность ислама, это вовсе не открытие спасающей функции интеллекта, воли и речи, ибо это достаточно ясно и известно каждой религии, а то, что в рамках семитского монотеизма он сделал их исходной точкой перспективы спасения и освобождения. Интеллект отождествляется со своим содержанием, которое несет спасение, и это есть не что иное, как знание Единства, или Абсолюта, и знание о том, что все от Него зависят; подобным же образом воля есть *el-islam*, или подчинение величию Бога, или Абсолюта — с одной стороны, в вопросах нашего земного существования и нашей духовной возможности, а с другой стороны, одновременно в отношении человека как такового и человека в коллективном смысле; речь является общением с Богом и, по сути своей, молитвой и повторением святых имен. С этой точки зрения ислам напоминает человеку не столько о том, что он должен знать, делать и говорить, а чем интеллект, воля и речь являются по своему определению. Откровение не добавило новых элементов к уже существующим, а раскрыло фундаментальную природу восприятия...

Доктрина ислама опирается на два утверждения: «Нет божества (или реальности, или абсолюта) помимо единственного Божества (или Реальности, или Абсолюта)» (*La ilaha illa 'Llah*) и «Мухаммад («Прославленный», «Совершенный») Посланник (глашатай, посредник, проявление, символ) Божества» (*Muhammadun rasulu 'Llah*); это суть два Утверждения (*Shahadat*) Веры.

Здесь перед нами два заявления, два рода уверенности и два уровня реальности: Абсолют и относительность, Причина и следствие, Бог и мир. Ислам является религией уверенности и равновесия, подобно тому как христианство является религией любви и жертвы. Этим мы вовсе не хотим сказать, что религии имеют некую монополию, а то, что каждая из них подчеркивает тот или иной аспект Истины. Ислам стремится внедрить уверенность — его унитарная вера выступает как нечто очевидное, но никоим образом не отвергает тайны и основывается на двух аксио-

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

матических достоверностях, первая из них касается Принципа, который одновременно есть Бытие и Над-Бытие, а вторая — манифестации, как формальной, так и сверхформальной, то есть речь идет, с одной стороны, о «Боге», или «Божественности», в том смысле, в котором эти понятия употребляются Экхартом, а с другой — о «Земле» и «Небе». Первая из этих достоверностей гласит, что «один только Бог есть», а вторая, что «все вещи зависят от Бога». Иначе говоря, «ничто не является абсолютно очевидным, за исключением Абсолюта»; следовательно, в соответствии с этой истиной: «вся манифестация, и все, что является относительным, зависит от Абсолюта». Мир связан с Богом, или относительное связано с Абсолютом, как в отношении своей причины, так и — завершения, и поэтому слово «Посланник» во второй Шахаде сперва провозглашает причинность, а потом окончательность, ибо первая, в особенности, касается мира, а вторая — человека.

Все метафизические истины содержатся в первом из этих Утверждений, а все эсхатологические истины — во втором. Также можно сказать, что первая Шахада есть формула распознания и «абстракции» (*tanzih*), тогда как вторая есть формула интеграции и «аналогии» (*tash-bih*): в первой Шахаде слово «божество» (*ilah*), употребляемое здесь в общепринятом смысле, означает мир настолько, насколько он нереален, ибо один только Бог реален, тогда как имя Пророка (*Muhammad*) во второй Шахаде означает мир настолько, насколько он реален, ибо ничто не может находиться вне Бога — в некотором отношении, все есть Он. Реализация первой Шахады значит прежде всего («прежде всего» потому, что первая Шахада в значительной степени содержит в себе вторую) полное осознание того, что один только Принцип реален, и что мир, хотя и «существует» на своем собственном уровне, но в конечном итоге его «нет»; поэтому, в некотором смысле, это есть постижение универсальной пустоты. Реализация второй Шахады означает прежде всего полное осознание того, что мир, или манифестация, не является чем-то «иным», чем Бог, или Принцип, ибо в той степени, в какой он имеет реальность, он может быть только единственно «сущим», или, другими словами, он может быть только божественным, и, таким образом, реализация этой Шахады означает созерцание Бога везде и всего в Боге. «Видевший меня, — сказал Пророк, — видел Бога», ибо все есть «Пророк», с одной стороны, в смысле совершенства существования, а с другой — совершенства модуса, или выражения.

Если бы ислам пытался научить всего лишь тому, что есть один Бог, а не два или больше, то он не имел бы убедительной силы. На самом деле для него характерно поразительное рвение, и это происходит благодаря тому, что в основе своей он учит о реальности Абсолюта и о зависимости всего и вся от Абсолюта. Ислам является религией Абсолюта, подобно

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

тому как христианство является религией любви и чуда; однако любовь и чудо тоже относятся к Абсолюту и выражают не что иное, как положение, которое Он занимает по отношению к нам...

Настало время подойти к вопросу о мусульманской морали. Если мы желаем понять некоторые кажущиеся противоречия этой морали, мы обязаны учитывать тот факт, что ислам делает различие между человеком как таковым и коллективным человеком и что последний появляется как новое творение, подчиненное, в некоторой степени, закону естественного отбора, но не более. Это значит, что ислам всему уделяет должное место и все рассматривает согласно его природе, а коллективного человека он рассматривает не через искривленную призму мистического идеализма, который фактически никуда не годится, а учитывая естественные законы, регулирующие любой порядок, ибо, в рамках соответствующего порядка, они одобряются Богом. Ислам опирается скорее на уверенность и природу вещей, а не на чудеса и идеалистические импровизации. Все это говорится не с затаенным намерением косвенно критиковать христианство, которое является тем, чем оно и должно быть, но для того, чтобы лучше раскрыть намерение и правомерность исламской перспективы...

Хотя в исламе существует ясное разделение между человеком как таковым и коллективным человеком, эти две реалии все же глубоко взаимосвязаны, имея в виду, что коллектив является аспектом человека, ибо ни один человек не рождается вне семьи, и, наоборот, общество состоит из множества индивидуальностей. Из этой взаимозависимости, или обоюдности, следует, что все предпринимаемое во имя коллектива, как, например, подаяние бедным или священная война, имеет духовную ценность для отдельной личности, и наоборот; эта обратная связь тем более верна потому, что отдельная личность появляется раньше коллектива, ибо все люди являются потомками Адама, а не Адам их отпрыском.

Только что сказанное объясняет, почему мусульмане, следующие определенному духовному методу (который мог бы послужить для них компенсацией) или достигшие высокого духовного уровня, не оставляют, подобно буддистам или индуистам, внешних обрядов. Отдельный святой может больше не нуждаться в канонических молитвах, если он находится в таком состоянии бытия, когда всецело погружается в перманентную молитву, то есть если он находится в состоянии «духовного транса»[1], но тем не менее он продолжает творить молитвы для того, чтобы молиться со всеми и для всех, чтобы все могли в нем молиться. Он является воплощением того «мистического Тела», которое составляет каждая община верующих: с другой точки зрения, он воплощает Закон, традицию и молитву как таковые. Настолько, насколько он является существом социальным, он молится, подавая пример, и настолько,

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

насколько он является индивидуальным человеком, человеческое имеет место в нем и в некотором смысле обновляется благодаря ему.

Метафизическая прозрачность вещей и присущее ей созерцание свидетельствуют, что сексуальность (в рамках ее традиционной законности, обеспечивающей определенное психологическое и социальное равновесие) может иметь похвальный характер, как показывает уже само существование подобных рамок. Иными словами, здесь имеет значение не только наслаждение (оставив в стороне заботу о сохранении рода человеческого), так как сексуальность имеет еще и свое качественное содержание, и собственный символизм, который не только является объективным, но и глубоко переживается. Основой мусульманской морали всегда выступала биологическая реальность, а не противопоставленный коллективным возможностям и неоспоримому праву естественных законов идеализм, однако эта реальность, хотя и составляет основу нашей животной и коллективной жизни, но, тем не менее, не имеет абсолютной ценности, ибо мы являемся полунебесными существами; она всегда может быть нейтрализована на уровне нашей личной свободы, но никогда не может быть упразднена в нашей социальной жизни. Все только что сказанное по поводу сексуальности в одинаковой мере можно применить и по отношению к еде: во всех религиях, как правило, объедение считается грехом, однако в исламе умеренно поесть, с благодарностью Богу, не только не считается грехом, но является позитивным действием, достойным похвалы. Аналогия, тем не менее, не полная, ибо в хорошо известном хадисе Пророк сказал, что «любит женщин», а не сказал, что любит «еду». Любовь к женщинам здесь связана с благородством и щедростью, не считая уже чисто созерцательного символизма любви, выходящего далеко за их пределы.

Ислам часто обвиняется в том, что он мечом насаждает веру; во-первых, здесь недооценивается то, что в распространении ислама в целом убеждение сыграло гораздо большую роль, чем принуждение, во-вторых, что только политеистов и идолопоклонников заставляли принять новую религию[2]; в-третьих, что Бог Ветхого Завета не менее воинствен, чем Бог Корана, даже наоборот, а в-четвертых, что христианство тоже не сторонилось меча со времен появления на сцене Константина. Вопрос, который следует задать по этому поводу, довольно прост: можно ли применять силу для утверждения и распространения вечной истины? Несомненно, ответ должен быть положительным, так как опыт показывает, что временами мы обязаны применить силу по отношению к безответственным людям для их же собственного блага. Итак, поскольку данная возможность существует, она не может не проявиться при соответствующих обстоятельствах[3], точно так же, как и альтернативная возможность победы — благодаря силе, присущей самой Истине; именно внутренняя

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

или внешняя природа вещей определяет выбор между этими возможностями. С одной стороны, цель оправдывает средства, а с другой стороны, средства могут осквернить цель, что свидетельствует о необходимости таких средств, прообразом которых служит божественная природа; поистине, право сильнейшего своим прообразом имеет «джунгли», к которым мы, как в частном, так и коллективном смысле, бесспорно в какой-то степени принадлежим, но эти «джунгли» не дают никакого права на предательство и низость, ибо даже если подобные свойства и обнаружились бы там, то наше человеческое достоинство не разрешило бы нам иметь с ними дело. Суровость некоторых биологических законов не должна путаться с бесчестием, на которое человек способен благодаря своему извращенному теоморфизму...

О Коране *

...Священный текст, со своими кажущимися противоречиями и неясностями, в некотором смысле напоминает мозаику, или даже анаграмму, однако необходимо лишь обратиться к ортодоксальным комментариям, созданным под Божественным руководством, чтобы обнаружить, с каким намерением делается определенное утверждение и в каком отношении оно проявляет свою ценность, или какие преимущественно скрытые значения позволяют нам найти взаимосвязь несообразных, с первого взгляда, элементов. Эти комментарии своим истоком имеют устную традицию, которая с самого начала сопровождала Откровение, или же они возникли из того же Сверхъестественного источника под воздействием вдохновения; таким образом, их задачей является не только восполнение недостающих, хотя и подразумеваемых частей текста и точное определение, в каком отношении или в каком смысле надо понимать данный предмет, но также объяснение разных видов символизма, часто представленных одновременно и наложенных друг на друга: стало быть, комментарии провиденциально составляют часть традиции, и они являются как бы живительной силой ее непрерывности, даже если потребность придания им письменной формы или, в некоторых случаях, их реманифестации после некоторого перерыва появляется относительно поздно, для того, чтобы ответить требованиям особого исторического периода. «Чернила сведущих (в Законе или в Духе) подобны крови мучеников», — сказал Пророк, что указывает на огромную роль, отводимую ортодоксальным комментариям в любом традиционном космосе[1].

* Из *Understanding Islam*, глава 2.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

Для того чтобы полностью понять Коран, следует учитывать три вещи: 1) его доктринальное содержание, которое мы находим явно выраженным в великих канонических книгах ислама, принадлежащих, например, перу Абу Ханифы и Эт-Тахави, 2) его повествовательное содержание, указывающее на всевозможные пороки души, и 3) его божественную магию, или его таинственную и, в некотором смысле, чудесную силу[2]. Эти источники метафизической и эсхатологической мудрости, мистической психологии и теургической силы скрываются под покровом перехватывающих дыхание выражений, полных прозрачных и пламенных образов, которые часто вызывают шок, а также фраз, звучащих в величественном ритме, сотканных из материи человеческой жизни.

Но сверхъестественный характер Книги состоит не только в ее доктринальном содержании, ее психологической и мистической истине и ее преобразующей магии, а проявляется в равной степени в ее внешней действенности, в чуде распространения ислама, ибо последствия, вызванные Кораном в пространстве и времени, не относятся лишь к буквальному впечатлению, которое профанический читатель мог бы получить от прочитанной книги. Подобно каждому священному Писанию, Коран также является *a priori* «закрытой» книгой, несмотря на то, что он «открыт» в отношении элементарных истин спасения.

В Коране необходимо делать различие между общим совершенством Божественного Слова и частным совершенством содержания, что имеет место, когда, например, речь идет о Боге или о Его качествах; это аналогично различию между золотом и неким шедевром из золота. Шедевр непосредственно манифестирует благородство золота; подобным же образом благородство содержания того или другого аята Священной книги выражает благородство Коранической субстанции, которая недифференцирована в самой себе, однако ничего не может добавить к бесконечной ценности Слова. Это также связано с «божественной магией», с преобразующим и иногда теургическим качеством божественной речи, о котором мы уже кратко упомянули.

Эта магия тесно связана с фактическим языком Откровения, то есть арабским языком, поэтому переводы считаются не каноничными и ритуально неэффективными. Если Бог говорил на этом языке, то язык является священным[3], а для того, чтобы Бог мог говорить на нем, он должен быть наделен некоторыми свойствами, которых лишен любой современный язык; в конце концов надо осознать, что после определенного периода времени, в течение цикла, сопровождаемого общим окаменением, Бог перестает вещать, во всяком случае как Бог Откровений, или, иными словами, после наступления определенного периода все притязания на создание новой религии неизбежно являются ложью; Средневековье в этом отношении отмечает, *grosso modo*, конечный предел[4].

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

Коран, подобно нашему миру, одновременно является единичным и множественным. Мир — это множественность рассеивающая и разделяющая. Коран есть множественность собирающая и ведущая к Единству. Множественность священной Книги — разнообразие ее слов, предложений, образов и повествований наполняет душу и поглощает ее, неощутимо перенося ее в область покоя и невозмутимости, благодаря своего рода божественной «хитрости». Душа, привыкшая к течению феноменов, подчиняется этому потоку без сопротивления; она живет среди феноменов, которые разделяют ее и рассеивают, и даже совсем изменяют ее, ибо душа в действительности становится тем, о чем она размышляет и что делает. Слово Откровения примечательно тем, что оно принимает эту тенденцию, изменив тем самым ее направление, благодаря небесной природе содержания и языка Откровения, так что души-рыбы могут без колебания и согласно привычному ритму плыть прямо в божественную сеть[5]. Настолько, насколько позволяют умственные способности, в сознание должна быть внедрена идея метафизического контраста между «субстанцией» и «акциденциями», ибо таким образом обновленный ум есть ум, который прежде всего размышляет о Боге, или мыслит все лишь по отношению к Богу. Иначе говоря, через мозаику текстов, фраз и слов Бог преграждает путь появлению ментального беспокойства. Коран является как бы картиной всего того, о чем человек может думать и чувствовать, так как этим путем Бог устраняет человеческие тревоги, внушая верующему тишину, покой и мир.

В исламе, так же, как и в иудаизме, откровение, по сути, связано с символизмом книги: вся вселенная в целом является книгой, буквы которой суть не что иное, как космические элементы (*дхармы*, как сказал бы буддист), благодаря своим неисчислимым комбинациям и при воздействии божественных Идей создающие миры, существа и вещи. Слова и фразы книги — это манифестации творческих возможностей: слова — по отношению к содержанию, фразы — по отношению к вместилищу; таким образом, фраза подобна пространству, или продолжительности, которое выражает предопределенные серии, способные на существование и составляющие то, что можно назвать «Божественным планом». Символизм книги отличается от символизма речи своим статическим характером; речь включена в продолжительность и предполагает повторы, тогда как книга содержит утверждения в модусе одновременности, то есть в книге возможно некое сведение к одному уровню, ибо все буквы похожи, что особенно характерно для исламской перспективы. Она, как и перспектива Торы, также содержит символизм речи; речь, однако, отождествляется здесь с истоком — Бог вещает, и Его Речь принимает форму Книги. Ясно, что эта кристаллизация имеет свой прообраз в Боге, и поистине можно сказать, что «Речь» и «Книга» являются двумя сторо-

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

нами чистого Бытия, которое есть Принцип, одновременно творящий и открывающий; однако говорится, что Коран является Словом Божьим, а не то, что Слово исходит из Корана, или из Книги.

Прежде всего «Слово» есть Бытие, как вечный Акт Над-Бытия, Божественной Сущности, однако как итог возможностей манифестации Бытие есть «Книга». Далее, на уровне самого Бытия, Слово, или, в соответствии с другим образом, Перо, является созидательным Актом, тогда как Книга является созидательной Субстанцией; здесь прослеживается связь с понятиями *Natura naturans* и *Natura naturata* в их наивысшем смысле. В конце концов, на уровне Существования (или, можно сказать, Манифестации) Слово является «Божественным Духом», центральным и универсальным Интеллектом, который осуществляет и сохраняет чудо творения как бы через «получение»; в этом случае Книга есть сумма «кристаллизированных» возможностей, мир неисчислимых существ. «Слово», таким образом, является аспектом «динамической» простоты, или простым «действием», тогда как «Книга» является аспектом «статической» сложности, или дифференцированного «бытия».

Можно сказать, что Бог сотворил мир подобно Книге и что Его Откровение снизошло в этот мир в виде Книги, а человек слышит Божественное Слово в Творении и при помощи этого Слова поднимается к Богу; Бог стал Книгой для человека, и человек должен стать Словом для Бога, ибо человек является «книгой» благодаря своей микрокосмической множественности и состоянию экзистенциальной коагуляции, тогда как Бог, представленный в этом контексте, есть чистое Слово благодаря Своему метакосмическому Единству и Своей чистой принципиальной «деятельности».

В христианстве место «Книги» занимает «Тело», которое представляется «плотью» и «кровью», или «хлебом» и «вином»; *in divinis* Тело является первичной автодетерминацией Божества и, следовательно, первой «кристаллизацией» Бесконечности; далее оно представляет Универсальную Субстанцию, истинное «мистическое Тело Христа», и, наконец, оно олицетворяет мир созданий — «кристаллизированную» манифестацию этого Тела.

Мы видели, что Бог-как-Бытие есть Книга *par exellence*, и на уровне Бытия этот полюс Субстанции является первым отражением Книги; Слово, которое выступает ее динамическим дополнением, становится Пером, вертикальной осью творения. Аналогичным образом, человек тоже наделен аспектом Слова, которое представлено в его имени, так как Бог сотворил человека, нарекая его; душа является Словом Творца, когда рассматривается в аспекте своей простоты, или своего единства.

Самое явное содержание Корана представляет собой не доктринальные экспозиции, а исторические и символические повествования, эс-

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

хатологические образы, так что чистая доктрина может быть выявлена из этих двух видов картин, в которые она облечена. Оставляя в стороне великолепие арабского текста и его почти магические резонансы, читатель скоро будет утомлен содержанием, если не знает, что оно вполне конкретно и непосредственно касается его самого, ибо «еретики» (*kafirun*), те, которые ассоциируют ложные божества с Богом (*mushrikun*), лицемеры (*munafiqun*) кроются внутри нас самих; подобным же образом Пророки олицетворяют наш интеллект и нашу совесть, и все предания Корана почти ежедневно разыгрывается в наших душах, ибо Мекка является нашим сердцем, а милостыня, пост, паломничество и священная война представляют различные добродетели, как тайные, так и явные, или различные созерцательные положения.

Наряду с этой микрокосмической и алхимической интерпретацией существует внешняя интерпретация, имеющая дело с феноменами окружающего нас мира. Коран — это мир, одновременно вне нас и внутри нас, всегда связанный с Богом; что касается начала и конца, этот мир, или эти два мира, открывают трещины, возвещающие смерть или разрушение, а точнее — трансформацию, чему и учат нас апокалиптические или эсхатологические суры, ибо все, что касается мира, касается нас, и наоборот. Эти суры рисуют нам многочисленные и поразительные картины хрупкости как нашей земной жизни, так и вообще материи, а также картины неизбежного поглощения пространства и элементов невидимой субстанцией каузального «протокосмоса»; это провал мира видимого в мир нематериальный; перефразируя св. Августина, это падение «вовнутрь» или «вверх», это также противоборство созданий, оторвавшихся от земли с лучезарной реальностью Бесконечности.

«Поверхности» Корана представляют собой космологию, которая относится к феноменам и их конечному завершению, а его «вершины» — метафизику реального и нереального... Если Коран содержит элементы полемики против христианства и, по более веским причинам, против иудаизма, это потому, что ислам возник позже этих религий, а это значит, что он был обязан (и существует точка зрения, которая это вполне оправдывает) представить себя улучшающим то, что уже было до него. Иными словами, Коран провозглашает перспективу, позволяющую «перешагнуть» некоторые формальные аспекты двух предыдущих монотеизмов. Здесь можно увидеть своего рода аналогию не только с позицией христианства по отношению к иудаизму, ибо здесь вопрос является самоочевидным благодаря мессианской идее и тому факту, что первое предстоит как бы «бхактическим» эзотеризмом второго, но также — с позицией буддизма по отношению к брахманизму; здесь также перспектива, появившаяся позже во времени, символически, но не по своей сути выше предыдущей. Традиция, которая, как видится, заменя-

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

ется другой, не становится из-за этого ниже, ибо каждая перспектива суть вселенная для себя, а следовательно, центр и стандарт, поскольку она своеобразно содержит в себе все действенные точки зрения. Сама логика вещей говорит о том, что более поздней традиции «суждено» положение символического превосходства, ибо иначе ее существование вообще было бы под вопросом; тем не менее есть и позитивный символизм первенства, и в этом отношении новая традиция, которая считает себя завершающей, должна воплотить «то, что было прежде», или «то, что было всегда «, и тогда ее новизна, или слава, есть ее абсолютное «первенство».

Чистый интеллект есть «имманентный Коран», а несотворенный Коран, Логос, есть Божественный Интеллект; он кристаллизируется в форме земного Корана и «объективно» отвечает другому имманентному и «субъективному» откровению, которым является человеческий интеллект. Говоря по-христиански, можно было бы сказать, что Христос представляется как бы «объективизацией» интеллекта, а интеллект подобен «субъективному» и перманентному откровению Христа. Таким образом, различимы два полюса манифестации Божественной Мудрости: первый — Откровение, которое «выше нас», и второй — интеллект «внутри нас»; Откровение предоставляет символы, а интеллект их расшифровывает и «вспоминает» их содержание, таким образом вновь осознавая собственную субстанцию. Откровение — это развертывание, а интеллект — концентрация; спуск согласуется с восхождением.

Но существует и другая истина(*haqiqah*), которую мы в связи с этим хотели бы затронуть, а именно: в чувственной области Божественное Присутствие имеет два символа, то есть две колесницы, или «естественные манифестации» исключительной важности — сердце внутри нас, которое является нашим центром, и воздух вокруг нас, которым мы дышим. Воздух — это манифестация эфира, это ткач форм и в то же самое время носитель света, тоже манифестирующий элемент эфира. Когда мы дышим, воздух пропитывает нас и символически как бы приносит нам творящий эфир и свет, так как мы вдыхаем Универсальное Присутствие Бога. Равным образом существует связь между светом и прохладой, ибо ощущение обоих действует освобождающе; то, что внешне является светом, внутренне является прохладой. Мы вдыхаем ясный, свежий воздух, и наше дыхание есть молитва, подобно биению сердца; сияющая ясность относится к Интеллекту, а свежесть — к чистому Бытию. Согласно учению ислама, в конце времени свет будет отделен от тела, тело станет адом, а свет станет раем, так как небесный свет прохладный, а тело преисподней мрачное.

Мир представляет собой полотно, сотканное из нитей эфира, в которое мы и другие существа вплетены. Чувственные вещи появляются из

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

эфира, который содержит все, так как любая вещь есть кристаллизованный эфир. Мир является бесконечным ковром, и в каждом нашем вдохе заключен весь мир, поскольку мы дышим эфиром, из которого сотканы все вещи, и мы сами «суть» этот эфир. Как мир является безмерным ковром, где все повторяется в ритме нескончаемых перемен, или все остается похожим в рамках закона дифференциации, так же и Коран, а с ним и весь ислам, является ковром, или расшитой тканью, центр которого с бесконечным разнообразием повторяется везде и в котором различие есть не более, чем развитие единства. Универсальный «эфир», отдаленным и грубым отражением которого являются физические элементы, есть не что иное, как божественное Слово, которое везде есть «бытие» и «сознание», которое везде «создающее» и «освобождающее», или «открывающее» и «озаряющее».

Окружающая нас природа — солнце, луна, звезды, день и ночь, времена года, вода, горы, леса и цветы — представляет собой своего рода предвечное Откровение, так как природа, свет и дыхание тесно связаны друг с другом. Дыхание следует отнести к воспоминанию о Боге — мы должны дышать с благодарностью, так сказать, от всего сердца. Говорится, что Дух Божий, Божественное Дыхание витало «над водами», и что душу Бог сотворил дуновением, а также, что человек, «рожденный Духом», подобен ветру; «и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит» (Ин. 3, 8).

Весьма важным является то, что ислам в Коране определяется как «расширяющий (*inshirah*) грудь»: например, Бог «расширяет нашу грудь для ислама»; связь исламской перспективы с дыханием, а также с сердцем, в области инициации имеет особую важность для понимания тайны суфизма. Поистине, благодаря самой природе вещей тот же путь открывает доступ к универсальности гнозиса.

«Вспоминание Бога» — это как бы глубокое дыхание в уединенном месте среди высоких гор: утренний воздух, насыщенный чистотою вечных снегов, расширяет грудь, он становится пространством, и небо посещает наше сердце.

Этот образ заключает в себе символизм «универсального дыхания»: выдох относится к космической манифестации, или созидательной фазе, а вдох — к реинтеграции, к фазе спасения, или возвращения к Богу.

Одна из причин, почему западные люди испытывают трудность в понимании Корана и даже постоянно задаются вопросом, содержит ли вообще эта книга предпосылки духовной жизни, состоит в том, что они ищут в тексте полностью выраженного и прямо доступного для понимания смысла, тогда как семиты, и вообще восточные люди привержены вербальному символизму и «скрытому» значению. Фраза Откровения является для них совокупностью символов, откуда все более и более по

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

мере углубления в духовную геометрию слов просачиваются лучи света; слова представляют собой ссылки на неисчерпаемую доктрину, так что предполагаемое значение есть все, а неясность буквального смысла выступает покровом величия содержания.[6]

О Пророке*

...Пророк олицетворяет человеческую норму в отношении как своих индивидуальных, так и коллективных функций, или же в отношении как своих духовных, так и земных функций.

По сути, он есть равновесие и угасание: равновесие с человеческой точки зрения и угасание по отношению к Богу.

Пророк есть ислам; если ислам преподносит себя как манифестацию истины, красоты и силы — и на самом деле эти три элемента вдохновляют его, и он, согласно своей подлинной природе, стремится актуализировать их на различных уровнях, — то Пророк, в свою очередь, воплощает спокойствие, щедрость и мощь. Эти добродетели могут быть перечислены также в обратном порядке, согласно восходящей иерархии их ценности и с указанием на уровни духовной реализации. Мощь является утверждением Божественной Истины, которая при необходимости может быть воинственной как в душе, так и в мире, и здесь кроется различие, проводимое исламом между двумя видами войны, то есть великой (*akbar*) и малой (*asghar*), внутренней и внешней. Щедрость возмещает агрессивный аспект силы — она суть милосердие и прощение. Эти две дополняющие одна другую добродетели — мощи и щедрости, достигают своей вершины или, в некотором смысле, растворяются в третьей добродетели — спокойствии, которое есть отрешенность от мира и от эго, угасание перед лицом Божьим, знание божественного и единение с ним.

Существует определенная и, несомненно, парадоксальная связь между мужской силой и девичьей чистотой в том смысле, что оба радеют о неприкосновенности священного: сила — динамическим и воинственным образом, а чистота — статическим и оборонительным образом; можно также добавить, что сила, «воинское» качество, содержит в себе модальность, или дополнение, статического, или пассивного, характера, и это есть трезвость, любовь бедности, поста и невозмутимости, то есть «мирных» и «неагрессивных» качеств. Таким образом, щедрость, которая «дает», имеет свое статическое дополнение в благородстве, которое «есть», или, скорее всего, благородство представляет собой подлинную

* Из *Understanding Islam*, глава 3.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

реальность щедрости. Благородство есть своего рода созерцательная щедрость — это любовь прекрасного в самом широком смысле слова: здесь как для Пророка, так и для ислама в целом становится важным своеобразный эстетизм и привязанность к чистоте, которая удаляет с предметов, и особенно с тела, клеймо, свидетельствующее об их земном и падшем состоянии и, таким образом, возвращает их, как символически, так и в некоторой степени виртуально, обратно в их неизменные и неразрушимые прообразы, или сущности. А что касается спокойствия, то его по необходимости дополняет правдивость, являющаяся как бы активным, или распознающим его аспектом; это любовь истины и интеллекта, так характерные для ислама, а также любовь беспристрастия и справедливости. Благородство возмещает аспект узости, присущий трезвости, и эти дополняющие одна другую добродетели достигают своей вершины в правдивости, в том смысле, что они подчиняют себя ей и, если надо, исчезают перед ее лицом.

Добродетели Пророка образуют своего рода треугольник: спокойствие со справедливостью есть вершина треугольника, а две остальные пары — щедрость с благородством и мощь с трезвостью — формируют основание; два угла основания находятся в равновесии, а в вершине они сводятся к единству. Как было сказано выше, душа Пророка, по своей сути, есть равновесие и угасание.

Подражание Пророку предполагает, во-первых, силу, что касается самого себя, а во-вторых, щедрость по отношению к другим, и в-третьих, спокойствие в Боге и через Бога. Можно сказать и так: спокойствие через благочестие в наиболее полном смысле этого слова.

Подобное подражание среди прочих предполагает: во-первых, трезвость по отношению к миру; во-вторых, благородство нас самих и всего нашего бытия; в-третьих, правдивость через Бога и в Боге. Но мы не должны упускать из виду того факта, что мир находится также и внутри нас, и, с другой стороны, мы не являемся чем-то иным, нежели окружающие нас существа, и, в конце концов, что Бог творит «благодаря Истине» (*bil-Haqq*), так что мир как в своем совершенстве, так и в своем равновесии, является выражением Божественной Истины.

Аспект «силы» является одновременно и прежде всего активным и утвердительным характером духовных средств, или метода, а аспект «щедрости» — это также и любовь нашей бессмертной души, в то время как «спокойствие», которое олицетворяет, во-первых, созерцание всех вещей в Боге, есть также и созерцание Бога во всех вещах. Можно быть спокойным, зная, что «один только Бог есть», что мир со всеми своими бедами является нереальным, но в той же мере можно чувствовать себя спокойным и потому, что, принимая относительную реальность мира, осознаешь, что «все вещи желаемы Богом» и что Божественная Воля действует во всех предметах, что все вещи символизируют Бога в одном

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

или в другом отношении и что символизм для Бога является как бы «способом бытия». Никто не находится вне Бога, Бог есть во всем.

Подражание Пророку означает сохранение равновесия наших нормальных склонностей, или, точнее, присущих нам добродетелей, и, исходя из этого и прежде всего, оно означает угасание в Божественном Единстве на основе этой гармонии. Именно поэтому основание треугольника в некотором смысле поглощается вершиной, которая представляется его синтезом и его началом, или его концом и причиной его существования.

Если теперь вернемся к выше развернутому описанию, но сформулируем его несколько иначе, то, пожалуй, скажем, что Мухаммад есть человеческая форма, направленная к Божественной Сущности; эта «форма» имеет два основных аспекта, относящихся соответственно к основанию и к вершине треугольника, олицетворяющих благородство и благочестие. Благородство сопровождается силой и щедростью, а высокое благочестие сопровождается мудростью и святостью; можно добавить, что под «благочестием» мы должны понимать состояние «духовного служения» (*'ubudiyah*) в высшем смысле этого слова, которое содержит в себе совершенную «бедность» (*faqr*, откуда слово *faqir*) и «угасание» (*fana'*) перед Богом, что это как раз связано с эпитетом «неграмотный» (*ummi*), который часто прилагается к Пророку. Благочестие есть то, что связывает нас с Богом; в исламе это прежде всего понимание очевидности Божественного Единства, настолько глубокое, насколько это возможно, ибо тот, кто чувствует «ответственность», должен осознать эту очевидность, которая не предполагает большого различия между «верой» и «знанием», — а далее, это есть постижение Единства, превышающее наше предварительное и «одностороннее» понимание, которое само по себе является невежеством, когда рассматривается в свете неограниченного знания: любой святой (*wali*, «представитель», а также «соучастник») является «знающим посредством Бога» (*'arifbil-Llah*). Это дает объяснение, почему в исламе благочестие, и *a fortiori* святость (то есть то, во что благочестие расцветает) окружены ореолом спокойствия[1]; это благочестие, ведущее, по своей сути, к созерцанию и гнозису.

Или опять же, феномен Мухаммада можно описать, сказав, что душу Пророка составляют благородство и спокойствие, сопровождаемые, соответственно, во втором случае — трезвостью и правдивостью, а в первом случае — силой и щедростью. Отношение Пророка к еде и сну обусловлено трезвостью, его отношение к женщине — щедростью; здесь реальным объектом щедрости является тот полюс, который называется «субстанцией» человечества, и этот полюс, то есть женщина, рассматривается как зеркало блаженной бесконечности Бога.

Любовь к Пророку является фундаментальным элементом исламс-

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

кой духовности, хотя эта любовь не должна пониматься в смысле личностной *bhakti*, которая предполагает исключительное обожествление Пророка. Она возникает потому, что мусульмане в образе Пророка видят прототип, или модель, добродетелей, составляющих теоморфизм человека, а также красоту и равновесие вселенной, и являющихся как бы ключами, или многообразными путями, ведущими к Единству, которое освобождает, и поэтому они любят Пророка и следуют ему даже в мельчайших деталях повседневной жизни. Пророк, как и ислам в целом, является как бы божественным лекалом, готовым принять струи интеллекта и воли верующего, и в котором даже усилие становится своего рода сверхъестественным отдыхом...

Семена расхождения*

Ислам вылился в форме эпоса, а героическая история пишется мечом, и в этом религиозном контексте меч принимает на себя священные функции. Убийство здесь имеет иное значение, чем в истории профанической; битва есть Суд Божий, как это видно по рассказам Библии. Возникновение религии равнозначно созданию такого морального и духовного типа, который кажется новым, и даже новым *de facto* — насколько это возможно.

В случае ислама этот тип представляет собой равновесие, которое кажется парадоксальным со стороны христианства: между созерцательными и боевыми качествами, а также между святой бедностью и освященной сексуальностью. Для араба или человека, арабизированного через ислам, существуют, так сказать, четыре полюса: пустыня, меч, женщина и религия. Для созерцательной личности все это становится внутренним качеством: пустыня, меч и женщина олицетворяют различные состояния и функции души. Бог есть не только Всемогущий Господь, ибо чем глубже осознается Его Мощь, тем более Он открывает Себя в виде имманентной Любви.

На самом общем и *a priori* внешнем уровне меч представляет смерть — смерть, которой избегают и которая привлекает, так что благоухание смерти всегда тут как тут. Женщина представляет адекватную взаимность; она есть любовь получаемая и любовь, которая дается, и, таким образом, она воплощает все обильные добродетели, и жизнью она возмещает благоухание смерти. Глубочайшее значение меча состоит в том, что не существует благородства помимо отречения от жизни, и поэтому обет суфийской инициации, насколько она исторически относится

* Из *Islam and Perennial Philosophy*, глава 5.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

к «Договору Божественного Соизволения» (*Bay'at ar-Ridwan*), содержит обещание бороться до смерти — телесно, в случае воина и мученика (*shahid*), духовно — в случае дервиша или «бедняка». Симбиоз любви и смерти в рамках бедности и поэтому перед лицом Абсолюта, составляет всю сущность арабского благородства, и составляет настолько, что мы без колебаний можем сказать: здесь кроется подлинная субстанция первобытной арабской души.

С точки зрения объективных аспектов арабо-исламского феномена, важно иметь в виду, что ислам, по существу, имеет политическое измерение, которое было чуждым первоначальному христианству и которое христианство, как государственная религия, знает только в виде профанического придатка. А политическая активность уже по своей природе вызывает разногласие по причине многообразия возможных решений любой проблемы и по причине разновидностей индивидуального опыта.

Сподвижники Пророка поэтому были политически разделены по стечению обстоятельств, и на карту было поставлено не больше и не меньше как окончательная и устойчивая победа ислама. Они жили рядом подобно закрытым системам, как различные религиозные перспективы существуют, не понимая друг друга. В своем подлинном бытии каждый отождествлял себя со своими же интуициями того, что является хорошим и действенным. Удивительная стабильность исламских институций в ходе всех превратностей истории подтверждает, что Сподвижники не исходили из мирских амбиций, что в самой гуще своего раздора они заботились о неизменности и непогрешимости. Одним словом, каждый держался своей собственной точки зрения со святой настойчивостью, если можно так выразиться, а жесткость позиции явилась следствием искренности.

В переплетения тех судеб, которые нас здесь занимают, странно вписывается судьба Фатимы. Воплощая, согласно единодушной традиции, чистейшую святость, она была отодвинута в сторону, побеждена и забыта. В некоторых случаях даже Пророк, ее отец, обращался с ней сурово. В этом заключается вся драма небесной души, предназначенной стать мученицей в земной жизни. Ее унижение представляется как бы тенью ее духовного возвышения, а окружающие ее человеческие личности выступали в виде космических инструментов мучительной алхимии. Нечто похожее мы видим и в истории Пречистой Девы, которая рассматривается в Евангелиях не без определенного равнодушия и обходится молчанием почти во всем Новом Завете, для того чтобы в будущем вновь появиться в еще более ослепительном блеске. Похожий пример из совершенно другого мира дает нам Сита, жена Рамы, которая никогда не была счастлива на земле, но стала божественной на Небе; или опять же — Майя, мать Будды, полузабытая и в то же время чрезвычайно про-

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

славленная как Тара, «Матерь всех будд». Мы упомянули об этом с намерением показать, что судьбы святых величайшего ранга манифестируют такие символические элементы, которые было бы тщетно анализировать с одной лишь точки зрения индивидуальной ответственности. А что касается Фатимы, то привязанность этой святой к своему отцу столкнулась с непреклонностью первого халифа, строго придерживавшегося исламских принципов, которые в действительности могли быть истолкованы в более широком смысле в ее случае, так как он отказал ей в элементарной помощи; но такой уж оказалась судьба Фатимы — быть лишенной утешений мира сего. Приведенный случай — типичный пример разногласий среди Сподвижников; здесь столкнулись не страсти, а благие интенции, вдохновленные тоталитарным мышлением, всегда охотно прибегающим к неразрешимым альтернативам.

В итоге драма Сподвижников является драмой человеческой субъективности; исчезла бы проблема, если бы были только хорошие и плохие, но великим парадоксом является наличие хороших, до такой степени различных, что даже не способных понять друг друга, и различных не столько по своей природе, сколько по положению и призванию. Великие эпические поэмы, такие как «Илиада» или «Песня о Нибелунгах», во всем своем трагическом великолепии показывают эти переплетения темпераментов, положений, ответственностей и судеб; внешне — битва в потоке форм, а внутренне — единство в непрестанном поиске освобождающего Света.

* * *

В каждой религии существуют три сферы, или уровня — апостольский, богословский и политический. Первый из них обладает неким качеством абсолютности, два остальных более или менее относительны, однако в очень различной степени. В христианстве богословский элемент непосредственно связан с апостольским, а политическая эра начинается лишь с Константина. Напротив, в исламе политический элемент появляется вместе с апостольским, а богословская разработка как таковая начинается позднее. Более того, апостольская сфера или интимное окружение Пророка неизбежно содержит противоположные точки зрения, когда речь заходит о политических вопросах, и предлагает различные решения насущных проблем; по сути, это вовсе не свидетельствует о лицемерии или других формах низости — несомненно, дело в различии перспектив, а не в столкновении мелких и подлых личных интересов. Апостольская сфера является чистой, или, в противном случае, она ничто, так что именно в этом смысле суннизм и оценивает апостольскую эпоху ислама. Но для того чтобы быть адекватной, традиционная суннитская версия событий обязана косвенно выразить аватарскую природу потомков Фа-

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

тимы, что она и делает при помощи учения о шарифах. Они не могут быть осуждены, любой содеянный грех им прощается заранее, с ними обходятся с уважением и любовью, они легко становятся святыми, и, короче говоря, они суть «пневматики», используя гностическое понятие, даже если в большинстве случаев они такими предстают лишь виртуально. Это вовсе не значит, что «психик» никогда не может стать святым, что не существует «пневматиков» вне линии Фатимидов, ибо Абу Бакр для суннитов является первым и даже провиденциальным примером «пневматического» типа, о котором идет речь.

С определенной точки зрения важность сражений между Омейядами и Алидами на практике означает конфликт между политической эффективностью и святостью, невозможность их сочетания. Абу Бакру и Омару удавалось это, не считая некоторых грубых ошибок, которых мы здесь не коснемся. Что касается халифата Османа, а в еще большей степени Али, то нельзя недооценивать той ужасной трудности, которая возникает в связи с необходимостью сохранить равновесие среди массы людей, да еще таких страстных, амбициозных и буйных как древние арабы, которые всегда ссорились между собой и не привыкли ни к единству, ни к дисциплине. Именно так обстояли дела, что еще раз показывает масштаб несравнимого гения основателя ислама.

Ранние халифы вполне осознавали опасность того, что суровые бедуины, ставшие завоевателями, могут перенять испорченные нравы Сасанидов и византийцев, что поздние халифы как раз слишком охотно делали, изменяя даже достоинству и лучшим качествам своего племени, и что шииты именно и старались предотвратить, утверждая, что право на халифат стоит только за Алидами. Моисей, увидев Золотого Тельца, разбил Скрижали Закона и потом, как сказано, получил другие, менее строгого содержания. Это служит выражением принципа неустойчивости, или адаптации, что наблюдается в различных традиционных обществах и отнюдь не в последнюю очередь в первоначальном исламе, где политический режим, ставший в конце концов жизнеспособным, не имел связи с изначальным идеалом. Сунниты подчинились фатальной судьбе, а шииты погрузились в горькую память потерянной чистоты, которая сочеталась с воспоминанием драмы Кербелы, а на уровне мистической жизни — с благородной печалью, возникающей вследствие осознания нашего земного пленения: пленения, которое, прежде всего, рассматривалось в аспекте несправедливости, гнета и ностальгии по предвечной добродетели и божественному праву.

* * *

Никакие второстепенные объяснения не раскрывают достаточно глубоко природы шиизма, так как его *raison d'etre* не ограничивается одним

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

только политическим измерением. Надо сказать, что в исламе и, прежде всего, в личности Пророка присутствуют две тенденции, или таинства (последнее слово употребляется нами, чтобы указать их небесные корни), а именно — «Страх» и «Любовь», или «Холод» и «Теплота», «Сухость» и «Влажность», «Вода» и «Вино». Есть основание утверждать, что Али, Фатима, Хасан и Хусейн представляют второе из упомянутых измерений, тогда как Айша, Абу Бакр, Омар и Осман олицетворяют первое, по крайней мере с внешней точки зрения. Али и его семья — политические неудачники, выступили против мира «Страха» и действительности, и замечательно то, что Фатима по этой причине выступила не только против первого халифа, но даже и против своего отца, Пророка, который сочетал, как мы уже говорили, обе эти тенденции. Само собой разумеется, что круг Абу Бакра не был лишен элемента «Любви»: интенсивная любовь к Пророку среди всех Сподвижников — свидетельство тому и, наоборот, немыслимо, чтобы Али и его люди были лишены элемента «Страха», ибо в их случае тоже весь вопрос в акценте, а не в какой-то лишенности. Короче говоря, то, что в большей или меньшей степени подразумевалось у суннитов, становится более выраженным у шиитов. Нет конца тому, что может быть сказано об этих переплетениях религиозных позиций, и мы предпочли бы вообще не говорить об этом, хотя бы потому, что трудная и неблагодарная задача — рассмотреть коротко если не всю тему вообще, то все точки зрения в частности. Существует, однако, соображение, которое, в любом случае, напрашивается по этому поводу, а именно, что при взаимодействии с суннитским миром, в котором общая атмосфера свидетельствует о покорности Богу и спокойствии, освященном верой, никоим образом не создается впечатления, что бытие здесь связано с перспективой Любви, в то время как в областях распространения шиизма это впечатление имеется, какие бы ни были на то причины. Верно, что покорность и спокойствие характеризуют ислам в целом; одинаково верно, что шиизм добавляет к этому, или прямо налагает, эмоциональный элемент, своего рода эквивалент которому среди суннитов можно найти только в суфийских братствах.

Тем не менее надо еще сказать самое важное: когда мы говорим о «Любви» в случае Пророка, надо ясно понять, что имеется в виду не что иное, как только любовь к Богу; когда мы относим этот элемент к Сподвижникам, он как бы приобретает некую неустойчивость касательно своего объекта, которым может быть как Бог, так и Пророк, или оба одновременно, а также еще Али со своей семьей, тогда как объектом «Страха» всегда является Бог. Прежде всего надо понять, что любовь к Богу в исламе не является исходной точкой; Бог может даровать благодать тому, кто боится Его. Исходной точкой является покорность Закону и логический страх наказания. «Важно не то, чтобы вы любили Бога, но чтобы Бог

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

любил вас», — утверждается в произведении о Пророке, основанном на канонических источниках, и продолжается в том же духе: если ты желаешь, чтобы Бог любил тебя, ты должен любить Посланника Его, следуя Сунне. Любовь к Богу, таким образом, сочетается с любовью к Посланнику, а среди шиитов любовь к Посланнику сопровождается *de facto* любовью к Али и его семье, что, по вполне понятным причинам, вводит в их мистицизм элемент ненависти и скорби на уровне, на котором эти побуждения могут быть согласованы с движением в сторону Бога...

* * *

Для шиитов и согласно их перспективе, склонной одновременно к символизму и схематизму, а поэтому — к упрощению и абстракции, поборники «сухого» измерения, или земного измерения, становятся персонификацией «мира», и только семья Али представляет собой «дух». Это позволяет нам признать полностью ортодоксию шиитского мистицизма, но на экзотерическом уровне вовсе не убеждает относительно полемики, направленной против столпов суннизма, тем более что суннитская доктрина позитивно включает в себя не только Али и Фатиму, но также и великих «имамов», на которых опираются сами шииты. Короче говоря, весьма парадоксально и трагично выглядит то, что ветвь традиции, которая в целом призвана представлять собой измерение эзотеризма, или «вина», в то же самое время в экзотерической области ассоциируется с особо назойливым и сомнительным остракизмом. Однако с метафизически-мистической точки зрения — и мы вновь вынуждены это подчеркнуть — имена и события являются символами реалий, запечатленных в Эмпирее до сотворения человеческого мира; а адекватность духовного смысла возмещает любую неадекватность земных символов. Шиизм является мистицизмом, основанным на неизбежном поражении земной манифестации Логоса, хотя это и завершается в конечном итоге победой, что связано с таинством, провозглашенным в Евангелии от Иоанна: «И свет во тьме светит, и тьма не объяла его». Мы далеки от идеи, которая кажется единственно вероятной с первого взгляда, о полной и неминуемой победе просто благодаря Божественному происхождению Послания. Критерии оказались перевернутыми в том смысле, что остаться в меньшинстве является, с шиитской точки зрения, знаком превосходства; для суннизма, который есть неизбежно победоносная перспектива Божественного Послания и который пользуется признанием большинства, пребывание в меньшинстве является знаком ереси, тогда как для шиитов оно является знаком ортодоксии, ибо *lux in tenebris lucet et tenebrae eam non comprehenderunt*. Этот критерий явно относится к эзотеризму, и в этом отношении две конфессиональные точки зрения ислама совпадают, так как суннитский суфизм в контексте общей религии по определению яв-

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

ляется меньшинством; он как раз и представляет перспективу «света», или чистого «гнозиса». Подводя итоги, можно сказать, что если суннизм является посланием победоносным по определению, так как исходит от Бога и содержит эзотерическое послание «света», которое по определению является опасным и сокрытым, то шиизм, в свою очередь, суть эзо-экзотеризм, возникший прямо из элемента «света» и поэтому обреченный на трагическую судьбу и пребывание в меньшинстве. Шииты как бы утверждают: «Ислам есть эзотеризм»; а сунниты как бы отвечают на это: «Прежде всего пусть ислам существует на земле». Стоит упомянуть, что большинство потомков Али и Фатимы являются суннитами и что даже были династии Алидов, которые не считали себя шиитами.

Это ведет нас к следующему выводу: если политическая неудача Али и его последователей на общем уровне ислама подтверждает, что зять Пророка не может быть персонификацией одного-единственного и в любом отношении весомого, то есть одновременно духовного и светского авторитета ислама как такового, то в той же степени само существование шиизма является неопровержимым доказательством наличия элемента победы и, следовательно, особого рода духовной реальности — реальности высшего порядка, как у самого Али, так и у его семьи. Сунниты не сомневаются в его высоком положении, так как они в своих молитвах просят благословения Пророку, «его Семье (*Al*) и его Сподвижникам (*Sahb*)», а также почитают «шарифов», но они не отводят им то место, какое им отводят шииты...

Отсутствие в шиизме элемента «сухости» может в основном объяснить, но отнюдь не оправдать неправильное истолкование шиитами первых трех халифов и любимой жены Пророка, что является ценою за экзотерическую коагуляцию шиизма; поистине, это путь любого экзотеризма быть загипнотизированным одним-единственным аспектом реальности и все интерпретировать в понятиях этого сегмента. Вспомним в этом отношении о полном осуждении всех форм «язычества» со стороны трех монотеистических религий, или, в частности, о недооценивании христианами Торы и внутреннего измерения иудаизма, или о сведении Христа к роли предтечи в исламе. В шиитской духовности вопрос о том, кем в действительности были Абу Бакр или Айша, не возникает; важны только принципы, позитивные или негативные, в каких бы образах ни нашли они выражение. Более того, те положения, которые наиболее враждебны суннизму и, надо признать, наиболее страстные и неубедительные, кажутся весьма неопределенными; они встречаются, прежде всего, начиная с периода Сафавидов*, в богословских работах, которые

* Держава Сафавидов (1502–1736) — предком династии Сафавидов был Шейх Сафи од-Дин (1253–1334), глава ордена суффитов в Ардебиле, который в 1399 г. сменил свою религию с суннизма на шиизм.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

отнюдь не представляют собой абсолютного авторитета, учитывая, что применение канонического принципа «личного суждения» (*ijtihad*) является более свободным среди шиитов, чем среди суннитов, что открывает путь гораздо более резко выраженным расхождениям, а отсюда, в виде компенсации, и менее принудительный характер выражаемых мнений.

* * *

Все аспекты шиизма можно понять, вполне осознав определенные типологические различия между Мухаммадом и Али, так как Али имел некое очарование, определившее его культ, который почти независим от культа Пророка. Али прежде всего выступает как «Солярный герой», он «Лев» (*Asad,* или *Haydar*) Бога; он персонифицирует сочетание физического героизма на поле сражения со святостью, которая полностью отстраняется от вещей мира сего; он является персонификацией той одновременно безмятежной и воинственной мудрости, которую проповедует Бхагавадгита. Он не государственный деятель, ибо использует меч, а не стратегию или дипломатию; он неосмотрителен, по причине своей духовной чистоты, и нерешителен из-за своего равнодушия к земным вещам; это объясняет, почему, имея возможность, он не сплотил своих сторонников. В личности Мухаммада, наоборот, на первый план выступает не физический герой, а руководитель людей, предусмотрительный и непоколебимый государственный деятель, который не только одерживает однодневные победы благодаря силе своего меча, но который создает силой своего гения, образно говоря, тысячелетнюю мировую державу. Абу Бакр, Омар и другие соратники проявили гораздо большую ответственность относительно этого вида власти, нежели героически блеснувший Али, поэтому у таких людей, как первые три халифа, не может возникнуть культа или враждебности в отношении зятя Пророка.

Если бы мы решили выразиться недвусмысленно, даже рискуя показаться идущими на упрощение или слишком гуманизирующими вопрос, мы сказали бы, что Пророк и его зять наделены разного рода величием, вследствие чего появилась возможность любви к тому или другому — в зависимости от сходства; можно быть ослепленным личностью Али совсем иначе и намного сильнее, с субъективной точки зрения, нежели личностью Мухаммада, но обратное еще более верно. Этот императивный и почти исключительный элемент, свойственный любви к Али, объясняет, почему его имя добавляется после имени Пророка в шиитском утверждении веры; это происходит потому, что с некоторой точки зрения яркая оригинальность «Льва Аллаха» незаменима; она такая, что обеспечивает соответствующее основание для культа, который сохраняется благодаря Имамам, то есть обязательным посредникам между человеком и Богом, в понятиях этой особой перспективы. Данные соображения, которых мы

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

достигли при поиске причин, соразмерных громадности последствий, подтверждаются историческим фактором первостепенной важности, хотя и более внешнего характера, который, может быть, удивит своей простотой; этот факт выявляется, с одной стороны, из хадисов в целом, а с другой стороны, из некоторых заслуживающих внимания преданий о том, что Пророк был склонен настаивать на практической стороне вещей и что его духовные учения имеют тенденцию к сжатости, тогда как его зять Али охотно давал богословские указания и сложные духовные наставления даже на поле боя. Нетрудно увидеть, как эти совершенно внешние различия манифестации могут вести к предпочтениям и неправильному пониманию — не в ущерб Пророку, несомненно, но во вред тем его Сподвижникам, которые, по своей природе или призванию, были интегрированы в его сдержанный и законно сообразный стиль манифестации.

Настаивая на этих первостепенных факторах, нельзя, однако, упускать из виду ту роль, которую в становлении шиизма сыграли политические случайности после смерти Османа и особенно после смерти Али. После смерти второго город Куфа надеялся остаться столицей Державы и не собирался уступить Дамаску, столице Муавии. Если верно то, что идеи порождают обоснованные интересы, то не менее неоспоримо, что обоснованные интересы могут, в свою очередь, порождать идеи, или идеологии, в том смысле, что они непременно настаивают на особых акцентах и соответствующих доктринальных разработках, со всеми из этого вытекающими предрассудками и остракизмом. Эти два фактора, то есть идеи и интерес, порою трудно распутать в атмосфере страстей, одновременно мистических и политических. С совершенно другой точки зрения, вполне возможно, что шиизм, который сначала был чисто арабским движением, позднее испытал влияние представлений вавилонского и маздеитского происхождения; здесь мы имеем в виду, в частности, метафизику Света и связанную с ней идею эзотерического и квазисверхчеловеческого Жречества.

Бедность в исламе*

Одной из основных характеристик ислама является культ бедности, который простирается от Сунны до искусства. Великолепие мечетей представляет собой богатство со знаком бедности, их блеск нейтрализуется неизменным спокойствием, даже в персидском и турецком искусстве, где изобилие является более выраженным, нежели у арабов.

* Из *Islam and Perennial Philosophy*, глава 2.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

Коран представляется моделью для этого равновесия, ибо воспевать Коран — значит вдыхать святую бедность; здесь присутствует элемент опьянения, но это трезвое опьянение, сравнимое с поэзией пустыни. Сухость коранического стиля, за исключением некоторых сур и некоторых мест, часто отмечается, не принимая во внимание мужского могущества этого стиля, хотя говорить о Боге на арабском значит говорить убедительно. По сути уравновешенный и сухой стиль Корана предотвращает развитие любого опасного титанического, или прометеевского, индивидуализма; он создает такой тип человека, который опирается на благочестивую бедность и святостью уподобляется детям.

Арабская душа — средоточие аскетизма, так что из этой глубины проистекают качества рвения, храбрости, упорства, щедрости. Все это появляется из бедности, развертывается в ее рамках и поглощается ею; оригинальность арабского красноречия, как рыцарского, так и морализирующего, кроется в бедности; ее многословие от пустыни.

Исламский культ бедности несет в себе универсальное послание, которое в одинаковой степени можно найти в Евангелиях, но с менее навязчивым постоянством; он стремится напомнить человеку, что норма материального благополучия есть не максимум комфорта, а минимум комфорта, и что главные добродетели в этом контексте — довольство и благодарность. Однако это послание мало чего бы стоило, если бы оно не выражало истины, целиком охватывающей наше бытие, выраженной в Евангелиях следующим образом: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное». Кораническое основание для духовной бедности в исламе звучит так: «О люди, вы бедны по отношению к Богу, а Бог Изобилующий и достоин восхваления». «Бедными» являются те, кто знают, что они не имеют ничего от себя и нуждаются в получении всего от другого; «Изобилующим» является Он, ибо Он самодостаточный и живет благодаря Своей собственной субстанции. Ислам является бедностью настолько, насколько он есть «покорность» Воле Божьей. Но бедность не заканчивается сама на себе; причина ее существования состоит в позитивном дополнении, благодаря которому совершенная бедность открывает те богатства, которые внутри нас, ибо Трансцендентное есть также и Имманентное. Умереть для этой Трансцендентности значит родиться в этой Имманентности.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

Квинтэссенция эзотеризма в исламе*

Первое Утверждение Веры содержит две части, каждая из которых состоит из двух слов: *la ilaha* и *ilia 'Llah*, «нет божества, кроме (единственного) Божества». Первая часть, «отрицание» (*nafy*), связана с Универсальной Манифестацией, которая по отношению к Принципу иллюзорна, в то время как вторая часть, «подтверждение» (*ithbat*), связана с Принципом, который есть Реальность и который по отношению к Манифестации единственно реален.

Тем не менее Манифестация имеет относительную реальность, так как иначе Принцип не был бы причиной Манифестации и вообще того, что относительно по определению: все это изображается графически в даосском символе Инь-Ян, который является образом дополняющей возможности. Это значит, что ниже уровня Сущности Принцип содержит прообраз Манифестации, который и делает последнюю возможной, а Манифестация, в свою очередь, содержит в своем центре отражение Принципа, так как иначе она была бы независима от последнего, что немыслимо, ибо относительное не имеет своего собственного постоянства.

Прообраз Манифестации в Принципе — в принципиальном Логосе — представляется в Шахаде словом *ilia* («кроме», или «если не»), в то время как имя *Allah* выражает Принцип сам по себе; а отражение Принципа — проявленного Логоса — представляется словом *ilaha* («божество»), тогда как слово *la* («нет», или «не») указывает на Манифестацию как таковую, которая иллюзорна по отношению к Принципу и, следовательно, не может рассматриваться вне или отдельно от него.

Такова метафизическая и космологическая доктрина первого Утверждения, касательно Бога (*la ilaha illa 'Llah*). Доктрина второго Утверждения, касательно Пророка (*Muhammadun Rasulu 'Llah*), указывает на Единство, на этот раз не исключающее, а включающее, так как оно провозглашает не различие, а тождество, не распознание, а единение, не трансценденцию, а имманенцию, не объективную и макрокосмическую прерывистость уровней Реальности, а субъективную и микрокосмическую непрерывность Сознания. Второе Утверждение не является статическим и не стремится к отделению, подобно первому, а является динамическим и стремится к единению.

Строго говоря, второе Утверждение, согласно сокровенному толкованию, рассматривает Принцип только в связи с тремя гипостатическими аспектами, а именно — манифестированным Принципом (*Muhammad*), манифестирующим Принципом (*Rasul*) и Принципом в себе (*Allah*). Акцент целиком падает на промежуточный элемент, *Rasul*, «Пос-

* Из *Sufism, Veil and Quintessence*, глава 6.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

ланник»; именно этот элемент, то есть Логос, соединяет манифестированный Принцип с Принципом в себе. Логос есть «Дух» (*Ruh*), о котором можно сказать, что он не является ни сотворенным, ни несотворенным, или же, что он суть манифестированный по отношению к Принципу и неманифестированный, или принципиальный, по отношению к Манифестации.

Слово *Rasul*, «Посланник», указывает на «нисхождение» Бога в мир; в равной мере оно предполагает «восхождение» человека к Богу. В случае Мухаммада нисхождение есть Кораническое Откровение (*laylat al qadr*), а восхождение есть «Ночное Путешествие» (*laylat al mi'raj*) Пророка; в человеческом микрокосме нисхождение есть вдохновение, а восхождение — стремление; нисхождение является Божественной благодатью, тогда как восхождение — человеческим усилием, содержание которого есть «воспоминание Бога» (*dhikru 'Llah*); отсюда имя *Dhikru 'Llah*, данное Пророку[1].

Три слова *dhakir*, *dhikr*, *madhkur* — классическая триада суфизма, точно соответствующая триаде *Muhammad, Rasul, Allah*: *Muhammad* есть призывающий, *Rasul* — призывание, *Allah* — призываемый. В призывании встречаются призывающий и призываемый, подобно тому как *Muhammad* и *Allah* встречаются в том, что называется *Rasul*, или *Risalah*, Послание.[2]

Микрокосмический аспект Посланника (*Rasul*) — раскрывает эзотерический смысл «Благословения Пророка» (*salat 'ala 'n-Nabi*), которое, с одной стороны, содержит «Благословение» как таковое (*salat*), а с другой стороны, «Мир» (*Salam*); последний указывает на стабилизирующие, умиротворяющие и «горизонтальные» благодати, а первое — на преобразующие, оживляющие и «вертикальные» благодати. «Пророк» — это имманентный универсальный Интеллект, и целью формулы является разбудить внутри нас Сердце-Интеллект как в отношении восприимчивости, так и озарения, или как в отношении Мира, который угасает, так и Жизни, которая возрождает при помощи Бога и в Боге.

* * *

Первое Утверждение Веры, которое указывает *a priori* на трансценденцию, содержит добавочно и неизбежно значение согласно имманенции: в этом случае слово *ilia*, «кроме», или «если не», означает, что каждое позитивное качество, любое совершенство, любая красота относится к Богу или даже, в некотором смысле, «есть» Бог, ибо отсюда и появляется Божественное Имя «Внешний» (*az-Zahir*), которое в виде дополнения противопоставляется Имени «Внутренний» (*al-Batin*) [3].

В аналогичном, но обратном порядке, второе Утверждение, которое указывает *a priori* на имманенцию, содержит добавочно и неизбежно

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

значение согласно трансценденции: в этом случае слово *Rasul*, «Посланник», означает, что манифестация, *Muhammad*, есть не что иное, как отпечаток Принципа, *Allah*; таким образом, Манифестация не является Принципом.

Эти дополнительные значения должны сопровождать главные значения, благодаря принципу возмещающей взаимности, на которую мы ссылались, говоря о первом Утверждении, и в связи с чем упомянули о хорошо известном символе Инь-Ян. Ибо Манифестация не есть Принцип, однако она есть Принцип через участие, благодаря своему «несуществованию»; Манифестация, на что указывает само это слово, есть манифестированный Принцип, но не способный быть Принципом в себе. Единственная истина второго Утверждения не может отсутствовать в первом Утверждении, а уж тем более в разделительной истине первого не может отсутствовать истин второго.

И как первое Утверждение, которое, прежде всего, имеет макрокосмическое и объективное значение, по необходимости содержит также микрокосмическое и субъективное значение[4], так и второе Утверждение, которое, прежде всего, имеет микрокосмическое и субъективное значение, также по необходимости содержит макрокосмическое и объективное значение.

Эти два Утверждения достигают своей вершины в слове *Allah*, которое, будучи их сущностью, заключает их в себе и, таким образом, трансцендирует. В слове *Allah* первый слог короткий, сжатый, абсолютный, в то время как второй слог длинный, растянутый, бесконечный; поэтому Высочайшее Имя содержит эти две тайны — Абсолютность и Бесконечность, и, следовательно, также внешнее следствие их комплементарности, то есть Манифестацию, как на это указывает хадис кудси: «Я был скрытой драгоценностью и захотел, чтобы меня познали, и Я сотворил мир». Поскольку абсолютная Реальность внутренне содержит Доброту, Красоту, Блаженство, и поскольку она есть Высшее Благо, ей присуща *ipso facto* тенденция коммуницировать себя, то есть излучать, ибо здесь кроется аспект Бесконечности Абсолюта; именно этот аспект проецирует Возможность, Бытие, и из него проистекает мир, вещи, существа.

Имя *Muhammad* означает Логос, который помещен между Принципом и Манифестацией, или между Богом и миром. С одной стороны, этот Логос имеет свой прообраз в Принципе, который выражается словом *ilia* в первой Шахаде, а с другой стороны, он проецирует себя в Манифестацию, что выражается словом *ilaha* в той же самой формуле. В Имени *Muhammad* весь акцент и вся сила ударения располагаются в центре, между двумя краткими слогами — первым и последним, так как иначе подобное выделение стало бы невозможным; это величественный образ победоносной Манифестации Единого.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

* * *

Согласно школе Вуджудия (*Wujudiyah*)[5], сказать, что «нет божества (*ilaha*), кроме (единственного) Божества (*Allah*)» означает, что только Бог есть и, следовательно, все есть Бог, ибо лишь мы видим множественный мир, а в действительности есть только одна Реальность; остается понять, почему твари видят Единое в модусе множественности и почему Сам Бог, поскольку Он творит, утверждает законы и вершит суд, видит множественность, а не Единое. Правильный ответ состоит в том, что множественность как объективна, так и субъективна, ибо причина возможности, порождающей многообразие, находится в обоих полюсах восприятия, и что множественность, или многообразие, в действительности является подразделением вовсе не Божественного Принципа, разумеется, а его манифестирующей проекции, то есть экзистенциальной и универсальной Субстанции; поэтому многообразие, или множественность, не противопоставляется Единству, ибо оно содержится в нем, а не находится где-то рядом. Разнообразие как таковое является внешним аспектом мира; тем не менее необходимо рассматривать феномены согласно их внутренней реальности, то есть в виде многообразной и многообразие рождающей проекции Единого. Метакосмическая причина феномена многочисленности — это Все-Возможность, которая, по определению, совпадает с Бесконечностью, а последняя суть подлинное свойство Абсолюта. Божественный Принцип, будучи Высшим Благом, благодаря этому факту имеет склонность к излучению, или коммуникации, себя, то есть стремится проецировать и делать открытыми все «возможности возможного».

Сказать «излучение» значит сказать «увеличивающееся расстояние» и, таким образом, прогрессивное ослабление, или потемнение, что дает объяснение ущербному и, в конечном итоге, искаженному феномену, который мы называем злом; мы называем его так правильно и согласно его природе, а не следуя какой-нибудь особой, или даже произвольной, точке зрения. Однако зло, для того чтобы быть возможным, должно иметь позитивную функцию в экономии вселенной, и эта функция двояка: во-первых, это контрастирующая манифестация, или, другими словами, выявление добра при помощи его противоположности, так как, отличая добро от зла, лучше воспринимается природа добра;[6] далее, это временное сотрудничество, которое заключается в том, что назначение зла — способствовать достижению добра[7]. Абсурдно, однако, утверждать, что зло есть добро, потому что случается оно «согласно воле Божьей», а Бог желает только добра; зло всегда остается злом уже по причине своего отрицательного, или искаженного, характера, лежащего в его определении, но косвенно оно является добром благодаря следующим факторам: экзистенции, которая, так сказать, отделяет его от небытия и позволяет

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

ему участвовать, наряду со всем, что существует, в Божественной Реальности — единственной Реальности, которая есть; благодаря данным ему качествам и способностям, которые как таковые всегда сохраняют свой позитивный характер; и наконец, как мы уже говорили, также благодаря его контрастирующей функции относительно добра и его косвенному содействию при достижении добра.

Усматривать зло в космической Причинности значит тем самым и *a priori* видеть его в Универсальной Возможности: если манифестирующее излучение обязательно имеет прообраз в Божественном Бытии, то отрицательные последствия этого Излучения тоже должны определенным образом иметь его, то есть, разумеется, не сами по себе как таковые, но как «карательные» функции, относящиеся, по сути, если говорить в категориях нравственности, к Могуществу и Строгости и, следовательно, манифестирующие «отрицание» Шахады, то есть исключительность Абсолюта. Именно эти функции выражают Божественные Имена Гнева, такие как «Тот, который стягивает, сжимает, разрывает» (*Al-Qabid*); «Тот, который мстит» (*Al-Muntaqim*), «Тот, который воздает злом» (*Ad-Darr*), и ряд других;[8] это совершенно внешние функции, ибо «Поистине, мое Милосердие превосходит мой Гнев (*Ghadab*)», как провозглашает надпись на троне Аллаха, — «превосходит» и, таким образом, «имеет первенство», а в конечном итоге и «аннулирует». Более того, грозные божественные функции, как и великодушные, отражаются в творениях — либо позитивно, путем аналогии, либо негативно, путем оппозиции, так как святая ярость есть нечто отличное от ненависти, а благородная любовь отличается от слепой страсти.

Мы добавили бы, что в функцию зла входит обязанность допустить, или представить проявление Божественного Гнева, что означает, что последний некоторым образом порождает зло, учитывая онтологическую неизбежность его манифестации: если есть Универсальное излучение, то по причине той же необходимости имеются как феномен зла, так и манифестация Суровости, а также победа Добра и, следовательно, возмещающее проявление Снисходительности. Мы сказали бы также, кратко говоря, что зло есть «существование несуществующего», или «возможность невозможного»; в этой парадоксальной возможности как бы нуждается безграничность Все-Возможности, которая не может исключить даже ничто, несмотря на то, насколько оно невозможно само по себе, хотя и «постижимо» как экзистенциально, так и интеллектуально.

Кто распознает и созерцает Бога, во-первых, концептуально, а потом — в своем Сердце, тот, в конечном итоге, видит Его также и во всех тварях, таким образом, как это позволяет их природа, а не иначе. Из этого следуют, с одной стороны, сострадание по отношению к своему ближнему, а с другой стороны, уважение даже по отношению к неоду-

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

шевленным объектам, всегда настолько, насколько требуют или позволяют их качества или их дефекты, ибо вопрос состоит не в обмане себя, а в понимании реальной природы одушевленных и неодушевленных творений[9]; это значит, что надо быть справедливым и, в зависимости от случая, быть более милосердным, нежели справедливым, а также, что вещи надлежит рассматривать согласно их природе, а не с профаническ ой небрежностью. Это есть самый элементарный способ видеть Бога везде, и к тому же это значит ощущать, что и мы везде видимы Богом; и поскольку в милосердии нет строгой демаркации, мы сказали бы, что лучше оказаться чуть более милосердным, нежели требуется, чем быть недостаточно милосердным[10].

* * *

Каждая строка Корана, если она не является метафизической или мистической сама по себе, кроме своего буквального смысла содержит смысл, относящийся к одной или другой из упомянутых сфер; это, разумеется, не позволяет вместо основного значения выдвигать произвольные и натянутые толкования, ибо реальные интенции Текста не могут быть заменены ни особым рвением, ни чистосердечностью. «Веди нас по прямому пути»: эта строчка прежде всего указывает на догматическую, ритуальную и моральную правильность, однако в частности она указывает также на путь гнозиса; и наоборот, когда Коран устанавливает то или другое правило или когда он рассказывает о неком происшествии, не обязательно накладывается какой-то иной высший смысл, хотя это не значит, что такой смысл исключается *a priori*, при условии, что символизм остается в рамках вероятного. Само собой разумеется, что наука экзегезы богословов (*'ilm al-usul*), со своей классификацией пояснительных категорий, не признает — и на это она имеет право — вольностей эзотерического прочтения.

То, что мы обязаны упомянуть здесь, хотя бы мимоходом, это прерывистый, изобилующий намеками и ощущениями эллиптический характер Корана: он прерывистый, подобно манере его откровения, или «нисхождения» (*tanzil*), намекающий и поэтому затемненный, благодаря своему параболизму, который погружается во второстепенные детали, которые тем более парадоксальны, ибо их интенция остается независимой от контекста. Более того, известно, что арабы, а вместе с ними и арабизированные народы, предпочитают изолирующую и акцентирующую прерывистость, намек, опущения, тавтологию и гиперболизм; все это, вероятно, уходит своими корнями в некоторые особенности кочевой жизни с ее тайнами и тоской.

Давайте рассмотрим коранические «знаки» как они есть. Ниже приводимые аяты, как и многие другие, имеют эзотерическое значение, которое если и не всегда выражается прямо, то, во всяком случае, яв-

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

ляется убедительным и, следовательно, законным; или, точнее, каждый аят имеет несколько подобного рода значений уже благодаря наличию самой разницы между перспективами любви и гнозиса или между доктриной и методом.

«Аллах — свет небес и земли [Интеллект, как «небесный», так и «земной», принципиальный и манифестированный, макрокосмический и микрокосмический, трансцендентная и имманентная Самость]» (24:35).

«Аллаху принадлежит и Восток и Запад; и куда бы вы не обратились, там лик Аллаха» (2:115).

«Он — Первый и Последний, Внешний [Явный] и Внутренний [Тайный], и Он всякой вещи знающ» (57:3).

«Он — Тот, который низвел Сакину [*Sakinah* = Спокойствие, Мир, спускаемые через Божественное Присутствие] в сердца верующих [сердце означает либо совершенную душу, либо интеллект], чтобы они увеличили веру с их верой (намек на озарение, которое сочетается с обычной верой)» (48:4).

«Поистине, мы принадлежим Аллаху, и к нему мы возвращаемся» (2:156).

«Аллах призывает к Обители Мира и ведет, кого Он пожелает [то есть подготовленных], по прямому [восходящему] Пути» (10:26).

«Те, которые веруют, и сердца которых находят спокойствие, благодаря воспоминанию (повторению Имени) Бога; не через воспоминание Бога ли сердце обретает спокойствие?» (6:91).

«О люди, вы бедны (*fuqara'*, от *faqir*) по отношению к Аллаху, а Аллах Богат [*al-Ghari* = Независим], Преславен (любое космическое качество указывает на Него и свидетельствует о Нем)» (35:15).

«А по ту сторону [главной ночи] тебе лучше, чем здесь (в мире феноменов)» (89:4)*.

«И служи Господу твоему, пока не придет к тебе определенность [метафизическая уверенность, гнозис]» (15:99).

Мы привели эти строки как пример, не намереваясь объяснять подлинный эзотерический смысл, лежащий в их основе, которой передается путем соответствующего символизма. Однако в исламе важны не только строки Корана, ибо существуют также высказывания Пророка, подчиненные тем же законам, и в которых Бог иногда говорит от первого лица;

---

* В переводе И. Ю. Крачковского сура 89 «Заря» читается иначе:
1 (1). Клянусь зарею (2), и десятью ночами,
2 (3). И четом и нечетом,
3 (4). И ночью, когда она движется!
4 (5). Разве в этом — не клятва рассудительного? (— А.Р.)

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

высказывание, относящееся к этой категории, о котором мы упомянули выше, по причине доктринальной важности, звучит так: «Я был сокрытой драгоценностью и захотел, чтобы меня познали, и Я сотворил мир». А высказывание, в котором Пророк говорит от себя и которое мы тоже цитировали, суть следующее: «Духовная добродетель [*ihsan*=правильное деяние] состоит в том, чтобы вы почитали Бога так, как если бы видели Его, ибо если вы Его и не видите, то Он вас видит».

Ключевой формулой суфизма является знаменитый хадис, в котором Бог гласит через Своего Посланника: «Раб Мой не перестает приближаться ко Мне путем свободной преданности до тех пор, пока Я его люблю; а когда Я люблю его, Я — слух, благодаря которому он слышит, и зрение, благодаря которому он видит, и рука, которой он бьет, и нога, которой он ходит». Таким образом, Абсолютный Субъект, Самость, проникает в условный субъект, эго, и последнее восстает в первом; это и есть принципиальная тема эзотеризма. «Свободная преданность» достигает своей кульминации в «воспоминании Бога» или косвенно отождествляется с ним, тем более что главной причиной существования любого религиозного действия является это воспоминание, которое собственно и есть причина существования самого человека.

Но давайте возвратимся к Корану: «квазиевхаристическим» элементом ислама, или, иными словами, элементом его «небесной пищи», является псалмодия Книги; Каноническая Молитва есть обязательный минимум, ибо она содержит, как бы путем компенсации, текст, который считается равным целому Корану, то есть Фатиху (*Fatihah*), «Открывающую Суру.» Особенно важным в ритуале чтения или декламации Книги Откровения считается не только буквальное понимание текста, но и почти не зависящая от этого понимания ассимиляция «магической» Книги либо путем устного чтения, либо путем слушания, с интенцией, рассчитанной на то, чтобы проникнуться Божественным Словом (*Kalamu 'Llah*) как таковым и, следовательно, забыть как мир, так и эго...

* * *

Двойное Утверждение является первым и наиболее важным из пяти «Столпов Религии» (*arkan ad-Din*). Другие имеют значение только при указании на него, и они суть следующие: Каноническая Молитва (*Salat*), Пост Рамадана (*Siyam*), Подаяние (*Zakat*), Паломничество (*Hajj*). Эзотеризм этих практик кроется не только в явном символизме посвящения, он также состоит и в том, что наши практики становятся эзотерическими настолько, насколько мы сами принадлежим эзотеризму, во-первых, благодаря нашему пониманию Доктрины, а во-вторых, — ассимиляции Метода; эти два элемента содержатся определенным образом в двойном Утверждении. Молитва означает подчиненность Манифестации При-

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

нципу; Пост есть отрешенность от желаний и, следовательно, — от эго; подаяние — отрешенность от вещей и, таким образом, от мира; Паломничество, наконец, означает возвращение в Центр, в Сердце, то есть в Самость. Иногда добавляется шестой столп — Священная Война: это борьба против профанической души при помощи духовного оружия; следовательно, это не та Священная Война, которая называется внешней и «малой» (*asghar*), а Священная Война, называемая внутренней и «великой» (*akbar*), согласно хадису. Инициация в исламе представляет собой соглашение с Богом по поводу «великой» Священной Войны; битва проводится при помощи Зикра (*Dhikr*) и на основе Факра (*Faqr*), внутренней Бедности, откуда и само название факир (*faqir*), которое дается посвященному.

Среди «Столпов Религии» Молитва отличается тем, что она имеет точную форму и заключает в себе позиции тела, которые, будучи символами, наделены эзотерическим смыслом, но этот смысл является просто пояснительным, он не появляется сознательно и оперативно во время исполнения обряда, который требует лишь искреннего осознания формул и благочестивой интенции касательно движений. Причина существования Канонической Молитвы кроется в том факте, что человек всегда остается индивидуальным собеседником Бога, ибо иначе и быть не может. Когда Бог желает, чтобы мы говорили с Ним, Он не принимает нашей метафизической медитации. А что касается движения Молитвы, все, что требуется здесь сказать, заключается в том, что вертикальное положение выражает наше благородство — благородство свободных и теоморфных наместников (*khalifah*), а распростертое положение, наоборот, выражает нашу ничтожность — ничтожность «слуг» (*'abd*) и зависимых, ограниченных созданий; человек обязан сознавать обе стороны своего бытия, ибо он сотворен из глины и духа.

* * *

По ясным причинам Имя Аллах — квинтэссенция Молитвы и квинтэссенция Корана, ибо, заключая в некотором смысле весь Коран, оно, таким образом, содержит и Каноническую Молитву, то есть первую суру Корана, «Открывающую» (*Al-fatihah*). В принципе Высшее Имя (*al-Ism al-A'zam*) содержит в себе всю религию со всеми практиками, которых она требует, и, следовательно, Имя может их заменить, однако фактически эти практики поддерживают равновесие души и общества, или, точнее, обуславливают их.

В ряде мест Коран повелевает правоверному вспоминать Бога, призывать Его и часто повторять Его Имя. Подобным же образом Пророк говорит: «Надлежит тебе вспоминать Господа твоего (и призывать Его)».

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

Он также произнес следующие слова: «Существуют средства для полировки каждой вещи и для очистки ржавчины, а то, что полирует сердце, это призывание Аллаха, и никакое действие не удаляет Божьей кары так, как это делает призывание. Сподвижники (Пророка) спросили: «Равносильна ли этому борьба против неверных?» Он ответил: «Нет, даже если сражаться до тех пор, пока ваш меч не сломается». И еще он сказал в другой раз: «Не научить ли вас деянию, которое лучше борьбы против неверных?» Сподвижники ему в ответ: «Да, научи нас». Пророк: «Это деяние есть призывание Аллаха».

Зикр, который подразумевает духовное сражение, ибо душа естественно тянется к миру и склонна к страстям, совпадает с Джихадом (*Jihad*), Священной Войной; инициация в исламе, как мы уже говорили, является соглашением относительно этой Войны — соглашением с Пророком и с Богом. Пророк по возвращении с боя произнес: «Мы вернулись с малой Священной Войны [которая ведется мечом] к великой Священной Войне [которая ведется призыванием Аллаха]».

Зикр содержит весь Закон (*Shari'ah*) и является причиной существования всего Закона[11]; об этом говорит кораническая строка: «Поистине, молитва [экзотерическая практика] удерживает от постыдных и мерзких деяний: поистине, воспоминание (призывание) Аллаха [эзотерическая практика] более велико»(29:45)*[12]. Формула «воспоминание Аллаха более велико», или «вещь высочайшая» (*wa la-dhikru 'Llahi akbar*) напоминает и перефразирует следующие слова из Канонической Молитвы: «Аллах велик», или «Аллах величайший» (*Allahu akbar*), что указывает на мистическую связь между Богом и Его Именем; это также указывает на некоторую относительность внешних обрядов, с точки зрения гнозиса, которые, однако, незаменимы как в принципе, так и в большинстве случаев на практике. В этой связи мы приведем следующий хадис. Один из Сподвижников сказал Пророку: «О Посланник Божий, предписания ислама слишком многочисленны для меня, скажи что-нибудь, что я мог бы выполнить». Пророк ответил: «Пусть язык твой всегда будет гибким [в движении], упоминая (воспоминая) Бога». Приведенные хадисы, как и аяты Корана, намекают (*isharah*) на принцип, согласно которому весь Закон содержится в Зикре.

«Был для вас в Посланнике Аллаха хороший пример тем, кто надеется на Аллаха и последний день и поминает Аллаха много» (33:21). «Кто надеется на Аллаха» — это тот, кто воспринимает Утверждение не только своим умом, но также и сердцем, ибо это выражается словом «надеется». Итак, вера в Бога подразумевает, следовательно, и веру в нашу оконча-

* В переводе И. Ю. Крачковского: «...ведь молитва удерживает от мерзости и неодобряемого. А напоминание Аллаха более велико...» (– А.Р.)

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

тельную цель; действовать соответственно данной установке и есть, по сути дела, «поминать Аллаха», то есть утвердиться духом в Реальном, вместо того чтобы рассеивать себя в иллюзорном, или, говоря иначе, достичь спокойствия в таком утверждении: «Разве не в воспоминании Бога сердце обретает мир?». «Аллах утверждает тех, которые уверовали, Словом твердым в жизни ближней и в жизни дальней» (14:27). Твердое Слово (*al-qawl ath-thabit*) — это либо Шахада, Утверждение, либо Имя (*Ism*), ибо природа Шахады *a priori* интеллектуальная, или доктринальная, а природа Имени экзистенциальная, или алхимическая, однако не в исключительном порядке, так как каждое из двух Божественных Слов участвует друг в друге, и Утверждение, в свою очередь, является Божественным Именем, а Имя предполагается в доктринальном Утверждении. При помощи этих двух Слов человек укореняется в Неизменном, в мире ближнем и в мире дальнем. «Твердость» Божественного Слова существенно указывает на Абсолют, который на языке ислама называется Единым, а утвердительная часть Шахады, то есть слова *ilia 'Llah*, называется «укрепляющей» (*ithbat*), что служит признаком реинтеграции в неизменном Единстве.

Вся доктрина Зикра восходит к следующим словам: «Вспомните же Меня (*Allah*), Я вспомню вас (*Fadhkuruni adhkurkum*)» (2:152). Это учение мистической взаимности, как явствует из учения ранней Церкви: «Бог стал человеком для того, чтобы человек стал Богом», — то есть Сущность стала формой для того, чтобы форма стала Сущностью. Это предполагает формальную потенциальность внутри Сущности и таинственную имманенцию сущностной Реальности внутри формы; Сущность объединяет, так как она одна.

* * *

Весь суфизм, как нам кажется, можно резюмировать в четырех словах: Хакк (*Haqq*), Калб (*Qalb*), Зикр (*Dhikr*), Факр (*Faqr*), то есть «Истина», «Сердце», «Воспоминание», «Бедность». Хакк соответствует Шахаде, двойному Утверждению: метафизической, космологической, мистической и эсхатологической Истине. Калб означает, что Истина эта должна восприниматься не только разумом, но и Сердцем, то есть всем нашим существом. Зикр, как мы знаем, это перманентная актуализация Веры, или Гнозиса, посредством священного слова. Факр, в свою очередь, есть простота и чистота души, представляющая возможность актуализации благодаря искренности, при отсутствии которой любое действие теряет силу.

Четыре важнейшие формулы ислама, в определенном смысле связанные с четырьмя реками Рая, стремящимися из-под Трона Аллаха — а земным отражением этого Трона является Кааба, — это первая и вторая

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

Шахада, а также Освящение и Восхваление: Басмала (*Basmalah*) и Хамдала (*Hamdalah*). Первая Шахада: «Нет божества, кроме (единственного) Божества»; вторая Шахада: «Мухаммад Посланник Бога (единственного Божества)»; Басмала: «Во Имя Бога, Милостивого, Милосердного»[13]; Хамдала: «Слава Богу, Господу миров».

О жизненном цикле суфизма*

Здесь могут быть вполне уместными определенные пояснения касательно суфизма. Иногда с поистине поразительной уверенностью утверждается, что первоначальному суфизму была известна только богобоязненность, тогда как любовь появилась потом, а гнозис еще позднее; такая последовательность без колебания представляется в виде эволюции, различные фазы которой сводятся к посторонним влияниям. В действительности же упомянутое трехфазовое развертывание является нормальной циклической проекцией духовных потенций ислама. То, что в принципе относится к высшему порядку, должно быть манифестировано, с точки зрения общего акцента, в последнюю очередь, и очевидно, что это может создавать иллюзию своего рода прогресса до тех пор, пока остаются неосознанны подлинные причины феномена, а также пока не становится ясным, что три элемента — страх, любовь и знание — непременно существовали с самого начала и, прежде всего, что их можно найти в самой личности Пророка, о чем свидетельствуют Коран и Сунна, ибо иначе с течением времени они не достигли бы расцвета в специфических формах доктрины и метода.

Существуют два параллельных движения, уравновешивающих друг друга: с одной стороны, коллектив вырождается, удаляясь все больше от своего истока, но, с другой стороны, существуют, разумеется, без заметного увеличения общей духовности, последовательные фазы расцвета в виде упомянутой прогрессии, в том смысле, что ценности, которые подразумевались с самого начала, приобретают форму доктрины и выражаются настолько явно, что способствуют возрастающему озарению в виде компенсации в рамках общего упадка. Подобный феномен можно наблюдать во всех религиозных циклах (буддизм, кстати, представляет тому убедительный пример), и по этой причине в каждой религии появляются «обновители» (*mujaddidun*), то есть «пророки», в производном и второстепенном смысле. В исламе к их числу принадлежат Рабиа ал-Адавийа, Зу-л-Нун ал-Мисри, ан-Наффари, ал-Газали, Абд ал-Кадир ал-Джилани, Ибн Араби, Абу-л-Хасан аш-Шазили и Руми.

---

* Из *Islam and Perennial Philosophy*, глава 2.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

Парадоксальная причина этого феномена кроется в том, что полный расцвет перспективы любви предполагает человеческую среду, которой уже знакома богобоязненность, а расцвет перспективы гнозиса предполагает среду, уже сведущую в любви. Иначе говоря, религии нужно время, чтобы наложить свой отпечаток на общество, прежде чем она сможет проецировать на него, когда почва уже подготовлена, особый духовный акцент; то же самое верно по отношению к сакральному искусству и литургии в целом.

Суфийская триада «страх» (*makhafah*), «любовь» (*mahabbah*) и «знание» (*ma'rifah*) манифестирует себя, соответственно, в виде трех семитских религий в рамках интегрального Монотеизма, каждая из которых, в свою очередь, в большей или меньшей степени своеобразно содержит все три аспекта. Христианство начинается с примитивных пустынников и вновь расцветает более нежно под знаком Богородицы в Средневековье, чтобы открыть путь, хотя и не вполне надежный, ибо акцент полностью падает на милосердие, для проявлений гнозиса, что особо заметно на разных уровнях среди Рейнландских мистиков и Схоластов, в том числе и немецких теософов, находящихся в своего рода традиционном изгнании, а также других, более или менее изолированных групп.

В иудаизме тоже период Псалтири, или Песни Песней Соломона, отличается от периода Пятикнижия, а каббалисты не появились, или не раскрыли своего учения, до начала Средневековья. Вспомним в связи с этим, что иудаизм, подчеркивающий Договор, заключенный между Богом и Израилем, является во всей своей полноте перспективой веры и страха; страх Божий обрамляет перспективы любви и знания, которые, однако, присутствуют и в перспективе богобоязненности, ибо любовь в данном случае тесно связана с надеждой.

Христианство, в свою очередь, *a priori* ставит акцент не на Божественную Природу, а на искупительную Божественную Манифестацию; здесь перспектива любви по-своему обрамляет страх и знание, ибо в этом случае как страх, так и знание проистекают из веры. Эти замечания мы привели не для нового определения этих трех перспектив, а желая подчеркнуть, что каждая из них косвенно содержит в себе две остальные.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

Часть III.
ПРИРОДА РЕАЛЬНОСТИ

МЕТАФИЗИКА

Измерения, модальности и степени Божественного Порядка*

Идея, что Высший Принцип есть Абсолютная Реальность и, по этой же причине, — Бесконечная Возможность, вполне самодостаточна, ибо она содержит в себе все, и, следовательно, — необходимость универсальной Манифестации. С менее синтетической и ближе стоящей к Майе (*Maya*) точки зрения мы можем представить себе третий гипостатический элемент — Совершенное Качество; будучи Абсолютом, Принцип, стало быть, является Бесконечным и Совершенным. Абсолютность Реального, бесконечность Возможного, совершенство Благого — это суть «предвечные измерения» Божественного Порядка.

Этот порядок также содержит «модальности»: Мудрость, Могущество, Благо, то есть содержание, или субстанция Высшего Принципа состоит из этих трех модальностей, и каждая из них одновременно абсолютна, бесконечна и совершенна, ибо любая божественная модальность уже по определению сопричастна природе божественной Субстанции и, таким образом, содержит абсолютную Реальность, бесконечную Возможность и совершенное Качество. Мудрость, подобно Могуществу или Благу, не несет в себе, фактически, ни случайности, ни ограничения, ни какого-нибудь несовершенства; будучи Абсолютными, эти модальности не могут не быть, будучи бесконечными, они неисчерпаемы, а будучи совершенными, они не терпят лишений.

Принцип имеет не только «измерения» и «модальности», он также имеет степени, и это происходит благодаря его Бесконечности, которая проецирует Принцип в Относительное и, таким образом, порождает метакосмическое «пространство», которое мы именуем Божественным Порядком. Эти степени есть божественная Сущность, божественная Потенциальность и божественные Манифестации, или же: 1) Над-Бы-

---

* Из *Sur les traces de la Religion perenne*, глава 2.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

тие, 2) Бытие, то есть Творец, и 3) Дух, оживляющий Логос, представляющий собой божественный центр в тотальном космосе.

* * *

Необходимость и Свобода; Уникальность и Тотальность[1]. С одной стороны, Абсолют есть «необходимое» Бытие, которое должно быть, которое не может не быть и которое, по той же причине, уникально; с другой стороны, Бесконечное суть «свободное» Бытие, которое неограниченно и которое содержит все, и по этой причине — тотально.

Эта абсолютная и бесконечная, необходимая и свободная, уникальная и тотальная Реальность *ipso facto* совершенна: она не испытывает нужды ни в чем и, следовательно, имеет все позитивное; она самодостаточна. Стало быть, Абсолют, подобно Бесконечности, которая выступает его внутренним дополнением, его шакти, совпадает с Совершенством; Высшее Благо является подлинной субстанцией Абсолюта.

Существование вещей, а значит их относительная реальность, в мире есть производная Абсолюта; их вместилища, их разнообразие и множество, то есть пространство, время, форма, число проистекают из Бесконечности; и, наконец, их качества, как субстанциональные, так и акцидентальные, имеют своим началом Совершенство. Ибо Совершенство, Высшее Благо, содержит три Модальности, или гипостатические Функции, которые мы только что упомянули, а именно: 1) Интеллект, или Сознание, или Мудрость, или Личность; 2) Могущество, или Силу; 3) Доброту, которая совпадает с Красотой и Блаженством. Это Бесконечность, которая проецирует Высшее Благо в относительность, или, иными словами, создает относительность, Майю; именно в области относительности высшие Качества становятся дифференцированными и порождают Качество творящего, вдохновляющего и действующего Божества, то есть личного Бога — в Нем свое начало берут все космические качества со своими бесконечными градациями и различиями.

Сказать Абсолют значит сказать Реальность и Высшее Благо; сказать Бесконечность значит сказать вдобавок — коммуникация, излучение и, следовательно, релятивность; дальше идут дифференциация, контраст, отрицательность; Бесконечность есть все-Возможность. Атман желает одеться даже в ничто, и делает это при помощи Майи и внутри Майи[2].

* * *

Необходимо различать Благо в себе и манифестации Блага: Благо в себе не имеет оппозиции, однако с момента своего отражения в сфере манифестации, называемой космическим порядком, оно появляется в форме определенного добра, и эта обособленность неизбежно предполагает

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

возможность определенного зла; относительное добро может осуществляться только в мире контрастов.

Сказать, с мыслью о трансценденции, что Абсолют «по ту сторону добра и зла, красоты и уродства», означает лишь одно, а именно, что Он является Благом в себе, Красотою в себе; это не может означать, что Он лишен добра и красоты. Более того, если, с одной стороны, возможность манифестации добра неизбежно делает возможным зло, то, с другой стороны, любое проявленное добро, будучи ограниченным по определению, предполагает возможность другого проявления добра; один только Бог уникален, поэтому Он один остается вне манифестации.

Квазифрагментарность манифестированного добра ярко проявляется в сексуальной любви, или, точнее, естественном отборе, который она предполагает; данное ограниченное добро, то есть данная индивидуальность, рассматривается относительно своих качеств, желает завершить себя при помощи другого, тоже ограниченного, но дополняющего добра и, таким образом, создает новое существо, в котором фрагменты объединяются. Это новое существо, разумеется, в свою очередь ограничено, ибо оно все еще находится внутри манифестации, но оно менее ограничено по отношению к данной интенции естественного отбора и менее ограничено с точки зрения любви, которая стремится трансцендировать индивидуальности: внутренне — путем духовной магии и внешне — путем объединяющего создания нового существа. Таким образом, человек ищет себя, свою тотальность и свое богоподобие, а ища себя, он ищет Бога, сознательно или бессознательно, связывая или освобождая себя.

* * *

Абсолют не имеет дифференциации, так как последнее по определению относится к релятивности, Майе; если нам возразят, что Бесконечность и Благо, или Бесконечность и Совершенство, относятся к Абсолюту, на это мы ответим, что разделение этих аспектов, или измерений, является субъективным, что оно происходит в нашем духе, в то время как в Абсолюте те же самые аспекты не дифференцированы, хотя и реальны относительно своей истинной природы.

В сущности, в «чистом Абсолюте» Интеллект, Могущество и Добро тоже помещаются[3] не рядом, а одно внутри другого, так что вполне можно утверждать, что Абсолют, или Абсолют-Бесконечность-Благо, является Интеллектом, или что он является Могуществом, или же — Добром, всегда в их подлинной и чисто принципиальной реальности. В связи с первым понятием следует сказать, что Абсолют есть Самость — то, что выражается термином Атман; с этой точки зрения, Абсолют есть Субъект как таковой, реальный и уникальный Субъект; внешне и соединившись с Майей этот субъект является корнем всевозможных субъектив-

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

ностей, имманентным «божественным Я». В связи со вторым понятием, понятием Могущества, следует сказать, что Абсолют является «абсолютно Иным», как Трансцендентным, так и принципиально Всемогущим; внешне и соединившись с Майей он будет Агентом, лежащим в основе всех действий как таковых, несмотря на их интенции и формы.[4] В связи с третьим понятием — Добром, или Красотой, следует сказать, что Абсолют тождествен Высшему Блаженству, ибо внешне и соединившись с Майей, он будет щедрым «Отцом», а также милосердной «Матерью»: бесконечно блаженный в себе, он наделяет существованием и предоставляет дары существованию; он преподносит все, что содержится в его Сущности.

Бесконечность благодаря своему излучению, или, образно говоря, давлению из-за переполнения, ставшая причиной бесчисленных возможностей, переносит субстанцию Абсолюта, то есть Высшее Благо, в сферу относительного; эта транспозиция выявляет *a priori* отраженный образ Блага, то есть творящее Бытие. Благо, которое совпадает с Абсолютом, продлевается, таким образом, в сторону относительности и порождает, прежде всего, Бытие, содержащее все архетипы, а потом — Экзистенцию, которая манифестирует их в бесконечном разнообразии и согласно ритмам различных космических циклов.

Абсолют есть то, что «не может не быть», и необходимость Бытия исключает все, «что не является Им». Аналогично, но как бы в обратном порядке, Бесконечность есть то, что «может быть всем», а свобода Бытия заключает в себе все, что «Оно есть», следовательно, все, что возможно, при том, что это «все» совершенно не ограничено. Иными словами, один только Бог суть необходимое Бытие, в Нем нет ничего случайного и тем более ничего произвольного, в то время как вне Его находятся всего лишь случайные экзистенции, так что один только Бог есть свободное Бытие, ибо в нем отсутствует детерминация *ab extra*, или любая скованность, в то время как вне Его находятся экзистенции, которые Он определяет. С одной стороны, экзистенция может быть, а может и не быть, и это называется ее случайностью, а с другой стороны, экзистенция вещи содержит в себе единственную возможность — именно данной вещи и никакой другой, и в этом состоит ее ограниченность, в то время как бытие Бога содержит в себе все возможное.

Или опять же: Бог по Своей природе, следовательно — по необходимости, «должен» творить, однако Он «волен» творить то, что Он пожелает, благодаря Своей свободе; Он «необходим» в своей Внутренней Самости, но свободен относительно модальностей. Иначе говоря, Бог «волен» творить то, что Он пожелает, но пожелать Он может лишь того, что согласно с Его Собственной природой, то есть Он «обязан» следовать «логике вещей»; Его деятельность необходимо подчиняется законам и структурам, хотя и свободна в своем содержании.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

* * *

Экзистенция зависит от Бытия, а Бытие, в свою очередь, подчиняется или зависит от Над-Бытия; иными словами, мир подчиняется Богу, Бог, в свою очередь, подчиняется Своей собственной сущности: «чистому Абсолюту», Атману без отпечатка Майи. Бог может делать в мире все что угодно, но Он ничего не может предпринять вопреки тому, что «диктует» Его Сущность и Его Природа, и Он не может пожелать ничего сверх этого. Бог не может быть «чем угодно» помимо того, чего Он желает в силу того, что Он этим является; итак, Он есть Высшее Благо. Несомненно, Бог-Творец является абсолютным Владыкой сотворенного мира, однако Атман является абсолютным Владыкой Майи, а Творец относится к Майе постольку, поскольку Он, находясь внутри Майи, представляет собой прямое и центральное отражение Атмана.

То, что Над-Бытие «на своем уровне», образно выражаясь, может иметь другую волю, нежели Бытие на своем собственном уровне, вовсе не является более противоречивым фактом, чем тот факт, что определенный аспект Бытия, или определенное «Божественное Имя», может иметь волю, отличную от другого определенного аспекта Бытия. Например, «Щедрый» может, или должен, желать нечто иное, нежели то, что хочется «Мстителю»; итак, «вертикальное» различие в Божественном Порядке не более противоречит Единству, чем «горизонтальное» различие. Так что, Бог как Законодатель не желает греха, а Бог как Все-Возможность — наоборот, хотя, разумеется, согласно иной точке зрения, это происходит в той мере, в какой Божественная Справедливость имеет другие цели, нежели Божественное Милосердие.[5]

«Бог делает то, что пожелает»: именно это кораническое выражение и ему подобные совершенно парадоксальным образом указывают на абсолютную трансценденцию и, пользуясь языком творящего и открывающего Бытия, отсылают к непостижимому Над-Бытию, то есть к трансперсональной Сущности Божества. Парадоксальность выражения, которое не поддается никакому объяснению, никакой логической или моральной сатисфакции, намекает на реальность, трансцендирующую область персонального Божественного Субъекта; здесь кажущаяся произвольность открывает ворота для метафизического прояснения. Словесные уловки в действительности представляют собой ключ к сокровенному — слова имеют здесь противоположную функцию, нежели в толкованиях ханбалитов, ашаритов и других богословов. «Бог делает то, что пожелает» в конечном итоге означает, что «Бог не есть то, что ты думаешь», или, точнее, «то, что ты можешь понять», а именно — антропоморфное существо, имеющее единственную субъективность и поэтому уникальную волю.

Бог может желать того, что Он есть, и Он не может быть тем, чем по-

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

желает, если предположить относительно второго утверждения, что Он мог бы пожелать что угодно, что исключается Его Бытием. Итак, напрашивается следующее замечание: в некотором отношении Бог есть абсолютное Благо, однако в другом отношении Он стоит «по ту сторону добра и зла», согласно приведенному выше толкованию. С одной стороны, Он есть Благо, в том смысле, что все благо проистекает из Его природы, в то время как Он не является причиной зла как такового; с другой стороны, Он «по ту сторону добра и зла», в том смысле, что Он по необходимости является причиной всего существующего, поскольку нет другой причины во вселенной, так что экзистенция сама по себе не является ни хорошей, ни плохой, несмотря на то, что ее можно рассматривать с обеих сторон. По сравнению с «Высшим Благом» весь мир может показаться своего рода «злом», так как он — не Бог, а поэтому и Христос говорит: «почему ты называешь меня благим?», в то время как в другом отношении «Бог увидел, что все хорошо весьма» (буквально: «И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма») (Быт. 1, 31), то есть мир хорош как Божественная Манифестация, а это ясно показывает, что если одна рука Бога есть «Благо», то другая Его рука — «по ту сторону добра и зла»;[7] в последнем отношении только и можно сказать, что обсуждаемые различия для Бога ничего не значат и что, следовательно, человеческая мораль Его не интересует.

Божественный Порядок, если можно так выразиться, состоит из Мудрости, Могущества и Блага, и каждая из этих Ипостасей Абсолютна, Бесконечна и Совершенна. Этот Порядок содержит три уровня Реальности, то есть Над-Бытие, Бытие и Экзистенцию: последняя, в этом случае, не есть космическая Экзистенция в целом, а Божественная Манифестация, или прямое и центральное отражение Бытия в космическом порядке[8]; таким образом, Божественный Порядок входит в космос, не переставая быть тем, что он есть, ибо и космос не перестает быть собой. И это в то же самое время есть тайна Логоса, Аватары (*Avatara*) — человеческой теофании, которая есть «поистине человек и поистине Бог».

Поляризация различных Качеств производится начиная с уровня «Бытия» и становится заметной начиная с уровня «Экзистенции». Среди Божественных Качеств те, которые манифестируют Строгость, Справедливость, Гнев, в конечном счете и особым образом относятся к полюсу «Абсолют», который сам по себе не может быть полюсом, но представляется таковым, как только его шакти, то есть Бесконечность, рассматривается отдельно; аналогичным образом, а также соотносительно и комплементарно, те Качества, которые манифестируют Нежность, Сострадание, Любовь, относятся к полюсу «Бесконечность»; в исламе это есть не что иное, как различие между «Величием» (*Jalal*) и «Красотой» (*Jamal*). Но как «Справедливый» является «Святым», так и «Милосердный» явля-

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

ется «Святым», ибо Бог Один, и свят Он благодаря Своей Сущности, а не благодаря определенному Качеству. Справедливость и Строгость, исходящие со стороны «Абсолюта», не могут не быть, ибо они должны иметь поддержку в космосе, которая делала бы возможной их манифестацию. Подобным же образом дело обстоит в случае Милости или Нежности, берущих свое начало в полюсе «Бесконечности»: они могут проявиться лишь посредством сотворенных элементов, служащих реципиентами их действий. Это созвучно учению св. Павла о сосудах Гнева и Милосердия и, следовательно, — идее предопределения; последнее является не чем иным, как субстанцией определенной экзистенциальной возможности.

* * *

Все-Возможность на любом ипостатическом уровне[9], благодаря своей как статической, так и динамической безграничности, является прообразом комплементарности «пространства-времени»; в нашем материальном мире эфир является основной субстанцией, выступающей, в свою очередь, прообразом комплементарности «массы-энергии». И вспомним при этом, что пустота пространства на самом деле является эфиром и, следовательно, — относительной и символической пустотой; подобным же образом пустота временная, то есть отсутствие перемен или движения, на самом деле является латентной энергией эфирного элемента, так как не существует абсолютной инерции. И это конкретное пространство является субстанцией, или субстанцией как таковой, то есть первой из всех субстанций; конкретное пространство есть вибрация, или вибрация как таковая — носитель всех остальных. Если эмпирическая пустота была бы абсолютна, подобно Принципу, который один является таковым, то она была бы полностью ничто, и ни временное, ни пространственное протяжение были бы невозможны, поскольку к ничто не добавишь другого ничто, и точка не порождала бы линии, а момент — времени. Только субстанция, наделенная энергией, или вибрирующая, по определению, может нести в себе наполнения, как статические, так и динамические.

Разумеется, пространство, как чистое вместилище и только, является пустым и безжизненным, и тем не менее оно реализует данный аспект лишь относительным и фрагментарным образом, так как в виде поля манифестации формальных возможностей, то есть в своей интегральной природе, оно есть полнота и движение; следовательно, вовсе не лишено основания предположение, что фактически нет тотального пространства вне небесных тел и нет небесных тел вне изменяемости и перемены места. Если пространство было бы всего лишь пустотой, лишенной субстанциальности и энергии и содержащей формы благодаря некоему чуду, то оно было бы всего лишь музеем кристаллов; мы говорим «благо-

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

даря чуду», ибо абсолютная пустота, которая есть ничто, ничего в себе и содержать-то не может.

Неизбежно дело обстоит так, ибо Божественная Возможность, будучи пустой по отношению к манифестации, есть Полнота и Жизнь в себе[10].

Взаимодействие Ипостасей *

Сказать Абсолют значит сказать Бесконечность, ибо Бесконечность — это внутренний аспект Абсолюта. Именно из этого «измерения» Бесконечности неизбежно проистекает мир; мир существует потому, что Абсолют, будучи таковым, предполагает Бесконечность.

Этот Абсолют-Бесконечность есть Высочайшее Благо, Агафон (*Agathon*) Платона. Итак, Благо, согласно определению св. Августина, по существу имеет склонность транслировать себя; будучи Высочайшим Благом, Абсолют-Бесконечность не может не проецировать мир, а это значит, что Абсолют, как Высочайшее Благо, заключает в себе Бесконечность и Излучение.

Если бы нас спросили, чем является Абсолют, мы ответили бы прежде всего, что он является необходимой, а не только всего лишь возможной Реальностью, то есть абсолютной и, следовательно, бесконечной и совершенной Реальностью; и мы добавили бы к этому, согласно уровню данного вопроса, что Абсолют есть то, что отражается в виде экзистенции вещей в мире. Вне Абсолюта нет экзистенции, ибо аспект абсолютности вещи отличает последнюю от несуществования, если можно так выразиться. В сравнении с пустым пространством каждая песчинка является чудом.

Если бы нас спросили далее, чем является Бесконечность, мы ответили бы, пользуясь квазиэмпирической логикой, которой требует сам вопрос, что бесконечность есть то, что появляется в мире в виде модусов расширения, или распространения, таких, как пространство, время, форма, или различие, число, или множественность, материя, или субстанция. Иными словами и более точно: есть хранящий модус, то есть пространство; преобразующий модус, и это есть время; качественный модус, и это есть форма — не в той мере, в какой она ограничивает, а в той мере, в какой предполагает безграничное различие; количественный модус, и это есть число — в той мере, в какой оно фиксирует определенное качество, а не в той мере, в какой оно само является беспредельным; субстанциальный модус, и это есть материя, которая, как показывает

* Из *From the Divine to the Human*, глава 3.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

звездное небо, тоже не имеет границ. Каждый из этих модусов имеет свое продолжение, или, точнее, — основание, как на уровне анимическом, так и за его пределами, ибо эти модусы являются подлинными опорами универсальной экзистенции.

Наконец, если бы нас спросили, чем является Совершенство, или Высшее Благо (ибо сказать Бог — то же самое, что сказать Благость, о чем свидетельствует само выражение «благой Бог»), мы ответили бы, что это то, что проявляется в мире в образе качеств, или, говоря более конкретно, в виде качественных феноменов, совершенств и совершенных предметов. Мы сказали бы «то, что проявляется», а не «то, что есть», ибо Абсолют, Бесконечность и Благо не являются соответственно экзистенцией, экзистенциальными категориями и качествами вещей, но все эти факторы манифестируют то, чем Божественные Ипостаси, если можно так выразиться, являются сами по себе и по ту сторону мира.

* * *

Бесконечность и Совершенство — это внутреннее измерение Абсолюта; они, однако, утверждают себя также и в «нисходящем смысле», в смысле космогонической манифестации, и в этом случае можно было бы сказать, что Совершенство, или Благо, является «образом» Абсолюта, возникшим путем Излучения, то есть благодаря Бесконечности. Именно здесь появляется Божественная Майя, Относительность *in divinis*: в то время как, с одной стороны, Абсолюту, по определению, присущи Бесконечность и Совершенство, с другой стороны, благодаря Относительности, которая необходимо предполагается Бесконечностью, Абсолют порождает оперативную Бесконечность и проявленное Благо, а следовательно, — ипостатическую иерархию в «сторону нисхождения», которая, в конечном итоге, является «созидающей».

Абсолют бесконечен, и поэтому он излучает, а излучая, он проецирует себя; содержанием этой проекции выступает Благо. Абсолют не мог бы ни излучать, ни порождать образа Блага, если он сам, в своей Неизменности, не был бы как Благом, так и Излучением, или, другими словами, если он не имел бы этих внутренних измерений — при отсутствии различий, так как Относительность трансцендируется. Это подлинная основа того, что христианское учение именует Ипостасями.

Сказать проекция значит сказать поляризация: Бесконечность на уровне Майи, или, точнее, на вершине Относительности, проецирует Абсолют, порождая образ и, прямо с того момента, когда появляется образ, иначе говоря — Логос, существует поляризация, то есть преломление Света, который сам по себе является неразделенным. Преломленное Благо, или Логос, содержит всевозможные Совершенства, оно транслирует потенциальность Сущности в неисчерпаемое развертыва-

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

ние возможностей и, таким образом, является божественным «местом пребывания» архетипов.

На языке геометрии мы сказали бы, что точка по своей природе содержит круг и лучи одновременно, и, поскольку дело обстоит так, она проецирует их. Точка здесь изображает Абсолют, цветок лучей — оперативную Бесконечность, круг — Спроецированное Благо, то есть тотальность совершенств. Это значит, что божественный Порядок заключает в себе с одной стороны — «уровни», а с другой стороны — «модальности»: уровни — проецируя себя, а модальности — поляризуя себя.

* * *

Бог также есть Совершенство, как мы уже говорили; тем не менее зло все-таки существует, но его существование всегда ограничено протяженностью пространства и длительностью времени, в то время как Высшее Благо беспредельно. К тому же человек как таковой не в состоянии полностью понять существование зла, ибо всегда остается точка, в которой человек, вместо того чтобы понять его конкретно, должен смириться и принять то, что его чувствительность и его воображение, или даже логика, кажется, не в состоянии постичь. И это отнюдь не лишено связи с тем обстоятельством, что человеку как таковому не под силу исчерпывающе уразуметь божественную природу несмотря даже на то, что в принципе Интеллект постигает все, ибо это Бог, кто постигает Себя в нем; однако это окончательное постижение, к которому человек причастен в принципе, совпадает с Невыразимым; поскольку язык есть человек, а бесконечное знание не может принадлежать тому, что в человеческой природе связано с языком, мышлением или желаниями. Иными словами, зло всегда несет в себе элемент неинтеллигибельности, или абсурда, который может быть снижен интеллектуально, но не поддается воображению или чувству, то есть адаптируется «чисто по-человечески»; это не упрек, а признание естественного факта. Нетрудно удовлетворить логику метафизика, однако человеческое чувство не имеет другого выхода, как только покориться, а это значит, что человеческая природа имеет свои пределы. Чисто по-человечески никто не в состоянии избежать обязанности «верить для того, чтобы суметь понять» (*credo ut intelligam*).

Но если конкретное зло частично непостижимо для человека, то же самое можно сказать и о благе, которое является абстрактным на практике, то есть о духовном благе; хотя человек прекрасно знает, что молитва ставит его перед лицом Бога и открывает доступ к Милосердию, но если он смог бы осознать это полностью и конкретным образом, он избавил бы себя от многих волнений и тревог, и он лучше постиг бы, в эсхатологическом плане, что зло, хотя и задевает, но тем не менее не

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

одолевает человека свободного, ответственного и бессмертного, вручающего всего себя Богу.

Но давайте вернемся к вопросу отрицательной возможности самой по себе: все рассмотрев, не надо искать слишком далеких причин человеческого замешательства перед лицом конкретного зла; если определенный феномен зла кажется нам непонятным, это происходит не столько из-за нашего ограниченного понимания, а по той простой причине, что понимать здесь нечего, разве что абстрактным образом. Это значит, что мы прекрасно понимаем, что зло является либо недостатком, либо излишком, и что оно необходимо по тем или иным метафизическим причинам; мы понимаем зло как таковое, но мы не понимаем определенного зла. Конкретное понимание абсурда выглядит словесным противоречием, ибо абсурд есть то, что совершенно не требует от нас никакого понимания, кроме понимания его возможностей и его очевидной фальшивости. Если Бог является нашим окончательным прибежищем, как интеллектуальным, так и моральным, это происходит потому, что Он один абсолютно понятен — осознаем мы это *a priori* или нет, — будучи тем, что Он есть. Он один представляет совершенную интеллигибельность, совпадающую с чистым Бытием.

* * *

В богословии Троицы Абсолют сам по себе соответствует Бытию и Могуществу[1]; Бесконечность — Воле, или Любви, и, таким образом, соответствует функции проекции, или излучения; а Благо — Интеллекту, или Знанию, и поэтому — поляризации потенциальностей Сущности.

Абсолют, Благо, Бесконечность, или иначе Сат, Чит, Ананда. Рассматривая эту только что упомянутую аналогию между Троицей и ведантической Триадой «Бытие, Сознание, Блаженство», можно задаться вопросом, какая же связь существует между Благом и Сознанием (*Chit*); отвечаем: Благо, с того самого момента, когда Оно как таковое появляется из Абсолюта, который содержит его недифференцированным и необусловленным образом, совпадает с различающим сознанием, которое Абсолют имеет о Себе; Божественное Слово, то есть «Знание», которое Бог имеет о Себе, не может не быть Благом, ибо Бог способен знать Себя только как Благо.

Принцип излучения, или проекции, присущий Абсолюту, «Отцу», соответствует «Святому Духу», а принцип поляризации, или преломления, — «Сыну»[2]. «Сын» по отношению к «Отцу» есть то же самое, что и окружность по отношению к центру, а «Дух Святой» по отношению к «Отцу» есть то же самое, что и радиус по отношению к центру. И так как радиус, «эманирующий» из центра, не останавливается на круге, но пересекает его, можно было бы сказать, что, начиная от круга, радиус

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

«делегируется» кругом, подобно тому, как «Дух» эманирует из «Отца» и делегируется «Сыном»; одновременно логичный и проблематичный характер *filioque* проясняется при помощи данного образа.

Сказать, что без «Сына» «Отец» есть ничто (мы где-то встречали это весьма неловкое выражение), может означать только следующее, если мы желаем в данном выражении найти внушающее доверие содержание: Абсолют не был бы Абсолютом без своей потенциальности, как ипостатической, так и космологической «экстериоризации», а потому также и повторения. Между Абсолютом и его внутренней и внешней проекцией[3] существует, в зависимости от онтологического уровня, одновременно и неравенство, и равенство, что католическое богословие выражает опущенным понятием «существующих отношений»; «отношения» логически указывают на неравенство, а «существующие» — на равенство, и последнее для богословов практически упраздняет свою противоположность[4].

* * *

«Отец» всегда «более велик», чем «Сын» и «Дух Святой»: более велик, чем Сын, потому, что именно Он есть Отец, ибо иначе слова потеряли бы свой смысл, и более велик, чем Дух Святой, потому, что последний эманирует из первого, а не наоборот.

Поэтому Сын всегда «менее велик», чем Отец, несмотря на равенство, которое относится к Сущности и в этом случае не выявляется, в то время как относительно Духа Святого Он более или менее велик: Он более велик настолько, насколько Он «делегирует», или посылает, Дух, и менее велик настолько, насколько Он манифестируется им во время Воплощения, а также появляется как «Дитя» Девы; последняя олицетворяет Дух Святой, на что ясно указывают такие выражения, как *gratia plena* и *Mater Dei*.

Дух Святой всегда менее велик, чем Отец, в том смысле, что Дух является Его Излучением, в то время как по отношению к Сыну Дух может быть как более, так и менее великим: Он более велик постольку, поскольку Он служит носителем или проецирует Сына, но менее велик настолько, насколько Он делегируется, или посылается, Сыном. В этом смысле радиус, эманирующий из точки, «более велик», чем круг, который Он проецирует, образно выражаясь, однако этот круг «более велик», нежели радиус, в том случае, когда он помещается во внутренней части излучения и, таким образом, практически играет роль центральной точки.

Ипостаси не являются «относительными», то есть «неабсолютными», или «менее абсолютными», так как они «содержатся» в Сущности, а последняя, согласно определенной древней точке зрения, тождественна «Отцу», и, тем не менее, они относительны настолько, насколько «эма-

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

нируют» из Него, ибо если бы они не «содержались» там, то не смогли бы «эманировать». Ипостаси релятивны по отношению к Сущности и абсолютны по отношению к миру, что равнозначно парадоксальному, но необходимому выражению, что они «относительно абсолютны», что они являются таковыми на онтологических уровнях «эманации», а не по сути, где они совпадают с Абсолютом как таковым.

Мы находимся здесь на грани выразимого, и никто не виноват, что при каждом подобного рода разъяснении остаются вопросы без ответа, по меньшей мере относительно определенных требований по части причинности, а также с точки зрения диалектики, ибо наука сердца не обязана быть рассудительной. В любом случае слишком уж очевидно, что мудрость не начинается с намерения выразить невыразимое, однако она стремится предоставить намеки, которые позволили бы нам открыть себя невыразимому, насколько это представляется возможным и согласно тому, что заранее предопределено по Воле Божьей.

Тайна Покрова *

Покров является понятием, порождающим идею тайны, так как покров скрывает от взгляда нечто сугубо священное или интимное; однако он сам оказывается таинственным, когда становится символом универсальной завесы. Космический и метакосмический покров является тайной, ибо корни его уходят в глубину Божественной Природы. Согласно представителям веданты, объяснить Майю невозможно, ибо Майя, как и Атман, не имеет ни начала, ни конца.

Индуистское понятие «Иллюзии», Майи, фактически совпадает с символизмом понятия «Покров», Хиджаб (*Hijab*), в исламе: универсальная Иллюзия — это сила, которая, с одной стороны, скрывает, а с другой — открывает; это — Покров над Лицом Аллаха[1], или, согласно расширенному символическому толкованию — сплошные ряды шестидесяти шести тысяч покрывал света и мрака, которые посредством милосердия и суровости прикрывают сверкающее излучение Божества[2].

Покров есть тайна, потому что он есть Относительность. Абсолют, или Необусловленность, таинственны благодаря своей полнейшей очевидности, а Относительное, или Обусловленное, является таковым благодаря своей неинтеллигибельности. Если невозможно понять Абсолют, то по причине его ослепительной яркости, а если невозможно понять Относительное, то потому, что темнота его не позволяет делать разли-

* Из *Esoterism as Principle and as Way*, стр. 47–64.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

чий. Во всяком случае, дело обстоит так, когда мы рассматриваем Относительность в ее кажущейся произвольности, так как она становится интеллигибельной настолько, насколько она является носителем Абсолюта, или настолько, насколько она появляется в виде эманации Абсолюта. Быть носителем Абсолюта, а тем самым и его покровом — это цель Относительного.

Поэтому надо стараться проникнуть в тайну Относительности начиная с Абсолюта, или пользуясь его понятиями, что заставляет нас или позволяет нам отыскать корень Относительности в самом Абсолюте: а этот корень есть не что иное, как Бесконечность, неотделимая от Реального, которое, будучи абсолютным, неизбежно является бесконечным. Эта Бесконечность предполагает Излучение, так как благо имеет склонность передавать себя, по замечанию св. Августина; Бесконечность Реального есть не что иное, как сила Любви. И тайна Излучения объясняет все: путем излучения Реальное как бы проецирует Себя «вне Себя», и, отделяя Себя от Себя, Оно становится Относительным в зависимости от степени этого отделения. Верно, что упомянутое «вне» неизбежно помещается внутри Самого Реального, но, тем не менее, оно существует как бы внешне и символическим образом, то есть оно, так сказать, «мыслится» Бесконечностью, благодаря Ее склонности к Излучению и, следовательно, к экспансии в пустоте, которая на самом деле не существует. Пустота эта не имеет реальности, разве что благодаря Лучам, которые в нее проецируются; Относительность реальна только через свое содержание, которое, в свою очередь, по сути принадлежит Абсолюту. Таким образом, пространство существует лишь благодаря своему содержанию, ибо пустое пространство уже не было бы пространством, оно было бы ничто.

Поэтому принципиальным прообразом Покрова служит божественное измерение Бесконечности, которое как бы излучается Необусловленным, тем не менее оставаясь строго внутренним качеством; в Абсолюте Шива и Шакти идентичны. Разделяющая и игривая Майя, которая порождает иллюзию, не появляется необъяснимым образом из ничего, ибо она проистекает из самой природы Атмана, так как если благо, по определению, имеет склонность передавать себя, то «Высшее Благо» сверкает само для себя и в своей Сущности, а потом уже, в виде последствия, — от себя и вне себя; будучи Истиной, «Бог есть Любовь».

Это значит, что в самом Боге мы находим первый Покров, а именно, — чисто принципиальную сущностную склонность к коммуникации и, таким образом, к непредвиденному событию; склонность, которая остается строго внутри Божественной Сущности. Второй Покров представляется как бы внешним результатом первого: это онтологический Принцип, творящее Бытие, которое постигает Идеи, или Возможности,

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

вещей. Бытие порождает третий Покров — творящий Логос, Он создает вселенную, которая тоже в некоторой степени *a fortiori* есть Покров, одновременно скрывающий и передающий сокровища высшего Блага.

* * *

Над-Бытие есть Абсолют, или Необусловленное, являющееся, по определению, бесконечным и, таким образом, неограниченным; можно, однако, сказать, что над-Бытие есть также и Бесконечность, которая, по определению, абсолютна, ибо в первом случае подчеркивается мужской символизм, во втором случае — женский, а Высшее Божество выступает либо Отцом, либо Матерью[3]. Понятия Абсолюта и Бесконечности сами по себе не означают полярности, за исключением того случая, когда они сопоставляются, что уже связано с относительной точкой зрения. С одной стороны, как мы говорили, Абсолют есть Бесконечность, и наоборот, а с другой стороны, первый указывает на тайну единичности, исключительности и сжатия, в то время как вторая указывает на тайну тотальности, включения и расширения.

Как уже упоминалось, Относительность возникает из того аспекта Необусловленного, который именуется Неограниченностью и путем последовательного покрывания простирается вплоть до предельной точки — точки, которая никогда не достигается, ибо она является чисто иллюзорной, или которая достигается лишь символически, ибо хотя для нашего мира предельной точкой является материя, можно вообразить себе бесконечно более плотные и *a fortiori* более тонкие предельные точки. Не существует космогенеза вне теогенеза; такое выражение метафизически целесообразно, но режет слух по той причине, что оно как бы приписывает Ипостасям становление, в то время как это может быть лишь случаем принципиальной последовательности в сторону относительного. Конечной точкой теогенеза является наиболее относительная и наиболее внешняя Ипостась — «Дух Божий», который, хотя и будучи уже сотворенным, так как он выступает лучезарным центром творения, является еще и Божественным, ибо это и есть тот самый Логос, который, с одной стороны, является прообразом рода человеческого как естественного представителя Бога на земле, а с другой стороны — Аватары, как сверхъестественного Представителя Бога среди людей.

Полярность «Необусловленный — Неограниченный» — насколько она есть полярность, возникающая не в силу значения этих слов, но лишь вследствие их сравнительного сопоставления, которое определенно сужает их смысл, — повторяется в самой структуре Покрова, или Майи, или Относительности, что отсылает нас к символизму ткачества. Первое понятие полярности становится основой ткани, или вертикальным, мужским измерением, в то время как второе понятие становится

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

утком*, или горизонтальным, женским измерением; и каждое из этих измерений на всех уровнях содержит элементы Существования, Сознания и Блаженства, согласно ведантической триаде, и включает их либо активным, либо пассивным образом, в зависимости от того, относятся ли эти элементы к тканевой основе или к утку. Комплементарность «Необусловленный — Неограниченный», заключающая в себе эти три элемента, в своем безграничном и радужном проявлении дает, таким образом, начало безмерной реке феноменов; поэтому вселенная является покровом, который, с одной стороны, экстериоризирует Сущность, а с другой стороны — помещается внутри этой самой Сущности, так как она — Бесконечность.

На языке ислама божественная полярность, которую мы только что сравнили с основой ткани и утком, выражается буквой *алиф*, которая вертикальна, и буквой *ба*, которая горизонтальна; это первые две буквы арабского алфавита, одна символизирует определенность и активность, а другая — восприимчивость и пассивность[4]. Те же самые функции выражают Вышнее Перо (*Qalam*) и Скрижаль (*Lawh*): в каждом феномене и на каждом уровне есть «Идея», которая воплощается в экзистенциональном реципиенте; Калам представляет собой творящий Логос, в то время как те Идеи, которые он содержит и проецирует, относятся к чернилам (*Midad*). Ту же самую полярность мы находим в человеческом микрокосме, где человек одновременно «наместник» (*khalifah*) и «слуга» (*'abd*)[5], или интеллект и душа.

Согласно знаменитому хадису, Бог был потаенным сокровищем, которое пожелало, чтобы его узнали, и по этой причине Бог сотворил мир. Он был сокрыт от людей, еще несуществующих, и, следовательно, несуществование людей было первым Покровом; поэтому Бог сотворил мир для людей, чтобы они Его познали, и для того, чтобы проецировать Свое Блаженство в неисчислимое количество относительных сознаний. По этой причине говорят, что Бог сотворил мир из любви.

Там, где есть Атман, там есть и Майя, внутренняя Жизнь и внешняя Сила развертывания. На языке ислама, кроме понятия Хиджаб, говорится, что там, где есть Аллах, там есть и Рахман (*Rahman*), бесконечное Сострадание и Милосердие, что выражается фундаментальной формулой, стоящей в начале сур Корана и в человеческой жизни произносимой перед любым предприятием: «Во Имя Бога, Милостивого, Милосердного». Тот факт, что Имя бесконечного Добра добавляется к Имени Аллах, указывает на то, что Добро кроется в самой Сущности Бога и что в отличие от большинства божественных качеств это не есть элемент,

* В ткацком деле — поперечные нити ткани, пересекающиеся с продольными нитями, составляющими основу.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

который появляется лишь путем преломления на относительном уровне атрибутов; это значит, что Рахман относится к Зат (*Dhat*), Сущности, а не к атрибутам, Сифат (*Sifah*)[6]. Рахман есть Майя — но не в виде Относительности и Иллюзии, а Бесконечности, Красоты и Мудрости[7].

* * *

В веданте Атман окутан в три великих покрывала, или «оболочки», которые аналогично соотносятся и служат каузальным прообразом состояний бодрствования, сна и глубокого сна: эти покрывала и состояния называются Вайшварана (*Vaishvarana*), Тайджаса (*Taijasa*) и Праджна (*Prajna*); они скрывают необусловленную и неизменную Реальность — Турийю (*Turiya*), которой в человеческом микрокосме соответствует Божественное Присутствие в глубине сердца. Эта реальность, или это четвертое «состояние» в восходящем порядке, есть Над-Бытие, или Атман, в себе; о нем говорится, что оно «ни манифестировано (*vyakta*), ни неманифестировано (*avyakta*)», и это требует объяснения.

Идея непроявленности имеет два разных значения: есть абсолютно непроявленное, Парабрахма, или Брахма ниргуна (*Brahma nirguna*, «бескачественное»), и относительно непроявленное, Ишвара, или Брахма сагуна (*Brahma saguna*, «качественное»); итак, относительно непроявленное, то есть Бытие — как Принцип, наделяющий экзистенцией, или лоно архетипов — может быть названо «потенциально проявленным» по отношению к «действенно проявленному», то есть миру, ибо в самой сфере божественного Бытие есть «манифестация» Над-Бытия, так как в противном случае манифестация в подлинном смысле слова, или Экзистенция, была бы невозможна и непостижима. Сказать, что абсолютно непроявленное выступает принципом как проявленного, то есть мира, так и относительно непроявленного, то есть Бытия, было бы тавтологией: как принцип Бытия Над-Бытие косвенным образом является принципом Экзистенции. Перед лицом абсолютно непроявленного разница между потенциально проявленным, которое представляется относительно непроявленным и творящим, и действенно проявленным, или сотворенным, то есть разница между Бытием и Экзистенцией, — нереальна; перед лицом Над-Бытия это не есть ни комплементарность, ни альтернатива.

В принципиальной, или божественной, сфере важно различать, во-первых, Абсолют в себе, а во-вторых, Абсолют, развернутый в Майе, или в модусе Майи; во втором отношении «все вещи суть Атман». Аналогичным путем, но уже внутри контекста самой Майи, можно сперва рассматривать вещи сами по себе, то есть с точки зрения отдельной экзистенции, определяющей их как феномены, а потом — в недрах Бытия, то есть в виде архетипов. Любой, даже принципиальный, аспект относи-

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

тельности, или манифестации, есть вьякта, а любой, даже относительный, аспект абсолютности, или неманифестации, есть авьякта.

Для того, чтобы достичь Над-Бытия, которое есть абсолютная Самость, необходимо, согласно Катха Упанишаде, «уйти по ту сторону мрака»; очевидно, что выражение «по ту сторону мрака» указывает на внутреннее сияние Самости, которое открывается после испытания мраком, олицетворяющим непроявленное по отношению к иллюзорному сиянию проявленного. Поскольку «крайности сходятся», то максимум «внутреннего» знания даст максимум «внешнего» знания — не в смысле научного знания, разумеется, а в том смысле, что человек, который совершенным образом созерцает Бога внутри феноменов и вне феноменов, будет созерцать Его совершенным образом и во внешних явлениях[8]; так «восхождение» духа к Богу субъективно влечет за собой и «нисхождение» Бога в мир вещей[9]. Такое «божественное видение» мира вполне может иметь «мандат с Неба», или сопровождаться духовной миссией, независимо от степени ее значимости, которая будет варьироваться в зависимости от глубины или полноты сокровенного знания. И наоборот, можно сказать, что особый, предопределенный мандат провиденциально совпадает с высшим знанием, однако ни в коем случае нельзя утверждать, что уровень знания, или реализации, *ipso facto* влечет за собой законодательную пророческую миссию, ибо в противном случае каждый совершенный мудрец стал бы основателем религии. Как бы то ни было, мы обязаны подчеркнуть, что снятие покрывала во внутреннем и интеллектуальном измерении сопровождается озарением, или же, что становятся прозрачными те покрывала, в которых и посредством которых мы живем и из которых мы сами сотканы уже по той простой причине, что существуем.

* * *

Покрывало может быть плотным или прозрачным, единичным или множественным; оно открывает или скрывает, яростно или нежно, внезапно или постепенно; оно включает или исключает и, таким образом, разделяет две области — внутреннюю и внешнюю. Все эти модальности проявляются как в микрокосме, так и в макрокосме, или — как в духовной жизни, так и в космических циклах.

Непроницаемое покрывало скрывает от взгляда нечто сугубо священное или интимное; покрывало Изиды подсказывает эти две связи, поскольку тело Божества совпадает со Святая Святых. «Священное» указывает на божественный аспект Джалал (*Jalal*), «Величие», а «интимное», в свою очередь, указывает на Джамал (*Jamal*), то есть на ослепительное Величие и опьяняющую Красоту. Прозрачный покров, наоборот, передает как священное, так и интимное, подобно святилищу,

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

которое распахивает свои ворота, или невесте, которая отдает себя, или жениху, который приветствует и овладевает.

Когда Покрывало плотное, оно скрывает Божество, ибо оно сделано из форм, образующих мир, а также душевных страстей, так что плотное Покрывало соткано из сенсорных феноменов вокруг нас и страстей внутри нас; и надо заметить, что заблуждение представляет собой элемент страсти настолько, насколько оно является серьезным и насколько человек привязан к нему. Плотность Покрывала одновременно объективна и субъективна, и обнаруживается как в мире, так и в душе: она субъективна в мире настолько, насколько наш ум неспособен проникнуть к сущности форм, и она объективна в душе в том смысле, что страсти и мысли являются феноменами.

Когда Покрывало прозрачно, оно открывает Божество: оно соткано из форм, насколько последние передают свое духовное содержание, понимаем мы это или нет; аналогичным образом, добродетели позволяют Божественным Качествам сиять сквозь Покрывало, в то время как пороки указывают на их отсутствие или на их противоположности, что практически означает то же самое. Прозрачность Покрывала одновременно объективна и субъективна, что нетрудно понять после всего только что сказанного, так как, с одной стороны, формы прозрачны — не относительно своего существования, но относительно своего послания, а с другой стороны — это наш ум своим проникновением делает их прозрачными. Трансценденция уплотняет Покрывало, а имманенция делает его прозрачным — либо в объективном мире, либо внутри нас самих, благодаря осознанию лежащего в основе Духа. Однако, с совершенно другой точки зрения, понимание трансценденции связано с прозрачностью, в то время как обратное, то есть грубое наслаждение тем, что преподносит имманенция, — с уплотнением[10].

В исламе двусмысленность Покрывала выражается при помощи двух понятий — «отвлечения» (*tanzih*) и «сходства» (*tashbih*). С первой точки зрения ощутимый свет есть ничто по сравнению с Божественным Светом, который один «есть»; «ничто не имеет с Ним сходства» — говорится в Коране, провозглашая, таким образом, трансценденцию. С другой точки зрения ощутимый свет «есть» Божественный Свет, или «не есть иное», чем Божественный Свет, хотя и проявляется на особом плане экзистенции, или через особый покров существования; «Бог есть Свет Неба и земли» — также говорится в Коране, значит, ощутимый свет напоминает Его и, в некотором отношении, то есть в отношении имманенции, он «есть Он». Метафизическое «отвлечение» связано с мистическим «одиночеством» — халва (*khalwah*), — ритуальным выражением которого является духовное уединение; «сходство» в свою очередь низводит благодать «излучения», джалва (*jalwah*)[11], ритуальным выражени-

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

ем которого является общее призывание Бога. Таинство трансценденции, или «сжатия» (*qabd*), с одной стороны, и таинство имманенции, или «расширения» (*bast*), с другой; так халва уводит нас от мира, а джалва преобразует мир в храм.

Согласно теории Ибн Араби, существует связь между Адамом и Мухаммадом в том смысле, что оба они манифестируют синтез, в первом случае — изначальный, во втором случае — завершающий, в то время как Сиф и Иисус связаны между собой в том смысле, что первый экстериоризирует божественные дары, а второй — интериоризирует их под конец мирового цикла; здесь речь идет не о буквальном понимании данного учения, но о сокровенном значении. Можно также сказать, что Сиф манифестирует ташбих, «сходство», или «аналогию», то есть символизм, участие человеческого в божественном, и, наоборот, Иисус манифестирует «отвлечение», то есть тенденцию к чисто «потустороннему», ибо царство Христово не от мира сего. Адам и Мухаммад в этом случае манифестируют равновесие между ташбих и танзих, Адам *a priori,* а Мухаммад *a posteriori.* Сиф, открывший ремесла и искусства, озаряет покров земного существования, а Христос разрывает темное покрывало[12]; ислам, как и предвечная религия, сочетает эти две позиции.

Кроме слова хиджаб, «покрывало», есть и другое слово — ситр (*sitr*), которое означает «занавес», «покрывало», «скромность»; сатир (*satir*) означает «непорочный», а мастур (*mastur*) — «скромный»[13]. С сексуальной точки зрения, прикрывается то, что в различных отношениях является соответственно земным и небесным, падшим и безгрешным, животным и божественным, чтобы защитить от возможного унижения, или возможной профанации, согласно взглядам или обстоятельствам.

Есть такие радужные шелка, в которых противоположные цвета появляются альтернативно на той же самой поверхности, в зависимости от положения материала; подобная игра цветов напоминает космическую двусмысленность, а именно — попеременность «Близости» (*gurb*) и «Отдаленности» (*bu'd*), а также великого и малого, что характерно для той ткани, из которой соткан и мир, и мы сами. Это ставит вопрос о субъективном положении человека перед лицом двусмысленности мира. Человек благородный, а следовательно, духовный, в позитивных феноменах видит субстанциальное величие, а не акцидентальную малость, но он обязан различать малость там, где она субстанциальна, то есть когда определяет природу феномена. Низкий человек, а иногда и простой мирянин, акцидентальное видит прежде сущностного и полностью погружается в рассуждения об аспектах малости, входящих в состав великого, но ни на пядь не умаляющих его величия, разве только в глазах людей, которые сами незначительны.

Два радужных цвета, разумеется, могут иметь исключительно пози-

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

тивное значение: это активность и пассивность, строгость и нежность, сила и красота, а также другие комплементарности. Универсальное Покрывало заключает в себе игру контрастов и столкновений, а еще глубже и более реально — игру гармонии и любви.

* * *

Символизм Покрывала расширяется, когда мы включаем в его сферу новые предметы, а именно — вышивание, орнаментальное плетение, декоративную живопись: так обогащенный символизм Покрывала[14] представляет игру Майи во всем ее разнообразии и во всей ее радужности; той же самой цели, с акцентом на развертывании, служат таинственные перья павлина или раскрашенный веер, который, когда развертывается, демонстрирует свое послание и показывает себя во всей своей славе[15]. Павлин и веер являются эмблемами, или атрибутами, Вишну, и следует особо подчеркнуть, что на Дальнем Востоке, да и не только, веер считается ритуальным инструментом, который, подобно универсальной Майе, может и открыться и закрыться, и манифестировать, и реабсорбировать, и оживить, и уничтожить. Открытие, или развертывание, в каком бы то ни было образе есть проекция Экзистенции, которая проявляет все виртуальности, а закрытие означает реинтеграцию в Сущность и возврат к потенциальной полноте; игра Майи — это танец между Сущностью и Экзистенцией, когда Экзистенция означает Покров, а Сущность — Наготу. И Сущность непостижима для существа как такового, как сказано в надписи на статуе Изиды в Саисе: «Я есмь все, что было, все, что есть, и все, что будет, и ни один из смертных не поднимал моего покрывала».

* * *

Покрывала являются божественными или человеческими, не говоря уже о тех покрывалах, которые представляют собой или образуют другие твари. Божественными покрывалами в нашем космосе выступают экзистенциальные категории: пространство, время, форма, число, материя; далее — твари, наделенные разными способностями, а также — на совершенно другом уровне — откровения со своими истинами и своими пределами. Среди человеческих покрывал мы прежде всего находим самого человека, то есть эго как таковое, а потом — страстное и мрачное эго, и, наконец, — страсти, пороки, грехи, не забывая при этом и не выходящих за пределы нормы понятий и мыслей, насколько они скрывают истину.

Одна из функций Покрывала — отделять; Коран упоминает это в нескольких отношениях, например, когда завеса отделяет человека от истины, которую тот отрицает, или когда завеса отделяет его от Бога, кото-

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

рый вещает ему, или когда она отделяет мужчин от женщин, на которых они не имеют прав, или же, наконец, — когда отделяет обреченных от избранных; однако первым и самым главным, даже фундаментальным разделением является то, которое имеет место между Творцом и творением, или между Принципом и его манифестацией. В тотальной, или строгой, метафизике наблюдается также разделение между Над-Бытием и Бытием; и Бытие относится к Майе, то есть к Относительности; таким образом, демаркационная линия между двумя сферами реальности, или, иными словами, Покров, проводится уже внутри самой божественной сферы.

Если под Майей мы понимаем ее глобальное космическое проявление, то можно сказать, что Атман отражается в Майе и обретает роль центра, выполняя пророческую функцию, то есть становится Буддхи (*Buddhi*), и что Майя, в свою очередь, имеет свой прообраз в Атмане, где она предвидит, или готовит, творящую проекцию. Подобным же образом именно Майя, содержащаяся в Атмане, то есть Творец Ишвара, производит Сансару (*Samsara*), или макрокосм, иерархию миров и цепь мировых циклов; и именно Атман, содержащийся в Майе, в священной Мантре, разрушает Сансару как микрокосм. А если говорить о таинстве прообраза и таинстве реинтеграции, то первое есть Творение, а также Откровение, второе — Апокатастасис и Спасение.

Все это заставляет вспомнить даосский символ Инь-Ян: белое поле и черное поле; первое содержит черное пятно, второе — белое пятно. В настоящем контексте это значит, что отношение между Лицом и Покрывалом повторяется с обеих сторон Покрывала, прежде всего — во внутренней стороне, *in divinis*, а потом — во внешней стороне, в сердце вселенной. На языке санскрита это есть Атман и Майя, но поскольку реальность одна и поскольку природа вещей не допускает фундаментального дуализма, это есть Майя в Атмане и Атман в Майе[16].

* * *

В земном обращении, то есть в виде материального объекта и человеческого символа, Покрывало, с одной стороны, скрывает священное как таковое, а с другой стороны, скрывает двусмысленное, или опасное. С последней точки зрения мы можем сказать, что Майя имеет двусмысленный характер благодаря тому факту, что она закрывает и открывает, а также, с точки зрения ее динамизма, благодаря тому факту, что она отделяет от Бога, ибо она творит и приближает к Богу, потому что она реабсорбирует и освобождает. Красота вообще и музыка в частности представляют яркий образ мощи иллюзии в том смысле, что имеют как экстериоризирующее, так и интериоризирующее качество и действуют как в одном, так и в другом направлении, в зависимости от приро-

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

ды и склонности каждого человека: страстной природы и склонности к удовольствию или созерцательной природы и склонности к «воспоминанию» в платоновском смысле слова. Женщине предписывается покрывало, подобно тому, как в исламе осуждается употребление вина, но покрывало снимается в некоторых обрядах или ритуальных танцах с той целью, чтобы путем аналогии произвести своего рода магическое действие, так как раскрытие красоты, сопровождаемое эротическим раскачиванием и действующее как катализатор, напоминает откровение освобождающей и блаженной Сущности, Хакика (*Haqiqah*), «Истинной Реальности», как сказали бы суфии[17]. Благодаря этой аналогии суфии персонифицируют блаженное и опьяняющее Знание в форме Лейлы, а иногда — Сальмы, а в плане исторической реальности семитского мира эта персонификация получает более конкретный вид в образе Пречистой Девы, которая в своей личности сочетает субстанцию святости и конкретную человечность, или ослепительную и непоколебимую святость и благодатную красоту, сопровождаемую чистотой и святостью. Как и любое небесное существо, Мария путем трансмиссии манифестирует универсальное Покрывало: она есть Покрывало, ибо она есть форма, однако она есть сущность, благодаря своему содержанию и, следовательно, благодаря своему посланию. Она одновременно открыта и закрыта, неприкосновенна и щедра[18]; она «облечена в солнце», ибо она воплощается в Красоте — «сверкании истины», и она «темная, но красивая», поскольку Покрывало одновременно и замкнуто, и прозрачно, или потому, что после закрытия, из-за неприкосновенности, оно открывается благодаря милосердию. Дева «облечена в солнце», ибо, как Покрывало, она прозрачна: Свет, одновременно являющийся Красотой, передается с такой силой, что он, кажется, поглощает Покрывало и устраняет его, так что Сокровенное, являющееся смыслом формы, как бы окутывает форму, пресуществляя ее. «Кто видел меня, видел Бога» — эти слова, или их эквиваленты, встречаются в самых различных традициях, и они в особенности применимы по отношению к «божественной Марии», которая «облечена в солнце», потому что поглощена им и как бы заключена в нем[19]. Видеть Бога, видя Божественное в человеческом образе значит, в некотором смысле, видеть Сущность прежде формы, то есть нести в себе оттиск божественного Содержания, которое существует «прежде» появления человеческого вместилища по причине огромного превосходства Божественного. Покрывало становится Светом, и нет больше никакого Покрывала.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

* * *

Есть только Свет; покрывала необходимо рождаются в самом Свете и имеют в нем свой прообраз. Они возникают не от яркости, а от излучения Света, не от его ясности, а от расширения. Свет светит для самого себя, а потом излучается, чтобы нести себя, а излучаясь, он создает Покров и покрывала, излучая и распространяя себя, он производит отделение, создает покрывала, градации. Внутренняя склонность к излучению является первым Покровом, который позднее определяет себя как созидающее Бытие, а потом манифестирует себя в виде космоса. Эзотеризм, или гнозис, будучи наукой Света, является, таким образом, наукой сокрытия и снятия покрывал, и он неизбежно таков, поскольку, с одной стороны, дискурсивное мышление и его выражающий язык составляют покров, в то время как, с другой стороны, целью этого покрова является Свет.

Бог и мир не смешиваются, так как есть только один-единственный Свет, видимый через бесчисленное количество покрывал, и святой, говорящий от имени Бога, не говорит так по причине своей неотделимости от Бога, ибо Субстанция не присуща акциденции; это Бог говорит, а святой является лишь покрывалом, функция которого состоит в проявлении Бога, подобно тому, как «облако света делает солнце видимым», согласно выражению, бытующему среди мусульман. Каждая акциденция есть покрывало, которое косвенным образом позволяет увидеть Субстанцию-Свет.

Если вполне очевидно, что Аватара есть разделение между человеческим и божественным, или между акциденцией и Субстанцией, то в этом мы видим смешение не человеческой акциденции с божественной Субстанцией, но человеческого — с прямым отражением Субстанции в космической акциденции, ибо это отражение по отношению к человеческому можно условно называть божественным, при том, что Причина никоим образом не сводится к следствию. Для некоторых Аватара является «сошедшим» Богом, а для других он является «отверстием», позволяющим видеть Бога, который остается неизменно «на высоте»[20].

Универсальное излучение есть развертывание акциденции, начиная с предвечной Относительности, а необходимое Бытие, которое излучает благодаря своей бесконечности, порождает Случайность. Сердце, ставшее прозрачным, передает единый Свет и, таким образом, реинтегрирует Случайность в Абсолют, а это значит, что мы являемся поистине собой только посредством осознания Субстанции и посредством нашего поведения согласно этому осознанию, но мы отнюдь не должны отказаться от всего относительного, предположив, что мы способны на это, так как Бог, сотворив нас, желает, чтобы мы жили.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

* * *

В итоге можно сказать, что возможности являются покрывалами, которые, с одной стороны, ограничивают абсолютно Реальное, а с другой стороны, манифестируют его; Возможность как таковая, в единичном и в абсолютном смысле есть высшее Покрывало, которое окутывает тайну Одного-Единственного и в то же самое время раскрывает ее, хотя оно остается неизменным и ничего не теряет, ибо Возможность есть не что иное, как Бесконечность Реального. Сказать Бесконечность значит сказать Потенциальность, а утверждать, что Возможность как таковая, или Потенциальность, одновременно закрывает и открывает Абсолют — это единственный способ выразить двухмерную природу, которая сама по себе не дифференцирована и которую мы можем аналитически распознать в абсолютно Реальном. Подобным же образом мы можем распознать в нем и трехмерную природу, тоже внутренне недифференцированную, но предвещающую возможное развертывание: эти три измерения есть «Бытие», «Сознание», «Блаженство». Именно благодаря третьему элементу, который является неизменным в себе, Божественная Возможность раскрывается «из-за любви» и дает начало таинству экстериоризации, то есть порождает универсальный Покров, тканевая основа которого состоит из миров, а уток — из всевозможных существ.

Символизм и Благодать *

...Остается поговорить о Символе и о Благодати: последняя является внутренним и неформальным, первый — внешним и формальным. Любая форма, естественно, или традиционно, но не искусственно, выражающая Бога, есть символ, который имеет спасительную силу, или, иными слова

ми, который может служить носителем или ключом Благодати; Бог проявляется в благодати не как форма, но как присутствие, или сущность. Благодать, Откровение, Интеллект и универсальный Дух могут быть названы «несотворенными», учитывая сущностную идентичность, которая соединяет их с Божественным источником, и то же самое можно сказать относительно соответствующих им реципиентов: символа, Аватары, человека, Творения, определяя функции которых мы отважились бы на рискованное выражение «несотворенное тварное», если только это не повлекло бы за собой словесного противоречия, ибо в действительности лишь при помощи такого противоречивого выражения можно

* Из *Stations of Wisdom*, стр. 96–98.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

правильно различить всеобщее Творение от индивидуальной твари, или человека от животных, или Аватару от падшего человечества, или символ от произвольных и искусственных форм, но в данном случае предполагаемое опущение совершило бы слишком большое насилие над разумом и языком. Более того, надо различать два вида символов — естественные и полученные путем Откровения. Первые духовно действенны только благодаря их «освящению», или «наделению их силой» через Аватару или Слово Откровения, а также благодаря поистине высокому уровню знания, которое восстанавливает их фундаментальную реальность. До Грехопадения каждая река была Гангом, каждая гора — горой Кайлас, ибо Творение все еще оставалось «внутренним», так как «знание добра и зла» еще не экстериоризировало, или не «материализировало» их; подобным же образом для мудреца каждая река все еще является райской рекою. Естественный символизм, который, например, уподобляет солнце божественному Принципу, возникает из «горизонтальной» связи, а путем Откровения полученный символизм, который делает такое уподобление духовно эффективным, как это было в древних солярных культах до их «омертвения», возникает из «вертикальной связи»; то же самое относится и к гнозису, который сводит феномены к «идеям», или «архетипам». Можно долго говорить о естественном символизме хлеба и вина, или плоти и крови, и об их «сакрализации» через Христа, так же, как и о знаке Креста, который своими двумя измерениями выражает, соответственно, таинства Плоти и Хлеба, Крови и Вина, и который, разумеется, всегда имел свое метафизическое значение, однако свой квазисакральный смысл, во всяком случае в его специфически христианской форме, он получил через воплощение Слова; иначе говоря, для Аватары необходимо «жить» в форме, чтобы сделать ее «эффективной», так что священные формулы, или божественные Имена, для того, чтобы быть «реализуемыми», должны быть получены через Откровение[1].

Есть не только два вида символов, но и два вида благодати: естественная благодать, которая доступна нам благодаря самой нашей экзистенции — например, посредством добродетели, или, как нам иногда кажется, вовсе без какой-либо для этого причины, а иногда в виде «чувственных утешений», и — сверхъестественная благодать, появление которой прямо или косвенно связано с разными средствами Откровения, или же с интеллектом; благодать эта «сверхъестественна» потому, что она исходит не из «космических резервов», а из божественного Источника, то есть «вертикально», а не «горизонтально»[2].

Можно спросить касательно благодати и символов, проистекающих из природы, заслуживают ли они того, чтобы называться манифестациями божественного? Они заслуживают этого в принципе и в самом широком смысле, слишком широком, разумеется, чтобы быть в безопасности

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

от всех обвинений, возникающих вследствие неправильного обращения с языком. Очевидно, что любое добро, как объективное, так и субъективное, может исходить только от Бога, однако надо учитывать то обстоятельство, что человек больше не в состоянии спонтанно созерцать небесную Причину в земных следствиях; Бог должен снова «воплотиться» в тех формах, которые стали «опустошенными» или «мертвыми», по меньшей мере в тех случаях, когда этот процесс «наделения силой» существенен. Эта оговорка означает, что Интеллект, несомненно, имеет ту же самую силу, что и Откровение, но поскольку Откровение существует, то в рамках данной традиции эта сила не может быть актуализирована как противоположность Откровению; в действительности маловероятно, чтобы Интеллект был актуализирован вне рамок определенной традиции или нескольких традиций, если только эти традиции доступны[3].

Наука изучения мифов*

...Вопрос о духовном смысле, сокрытом в мифах, является одним из тех, которые люди охотно относят к области чувств и воображения, и который «точная наука» отказывается рассматривать иначе, как только через призму психологических и исторических предположений[1]. Однако для тех из нас, кто потерял веру в знание, изолированное от истины в целом (разве что когда оно всего лишь знание физически осязаемых предметов), ясно, чем именно больна наука, которая «точностью» пытается заменить интеллект; впоследствии эта точность практически ограничивается сферой количественного порядка и препятствует чистому интеллекту, претендуя на решающий голос только потому, что она тщательно, а часто и произвольно, каталогизирует факты, иногда вовсе незначительные или только по видимости важные в свете принятой точки зрения, и заменяет собой интеллектуальное и качественное восприятие природы вещей. Наука требует, чтобы ее характерной чертой считали отказ от всех чисто спекулятивных предпосылок (*voraussetzungsloses Denken* немецких философов) и, в то же самое время, — совершенную свободу исследования; однако это иллюзия, так как современная наука, как и любая другая наука, не может не иметь своим началом идеи: эта изначальная идея есть догма о исключительно рациональной природе интеллекта и его более или менее универсальном распространении. Иначе говоря, предполагается, что существует уникальный и поливалентный интеллект, что его имеет каждый, а далее, что это позволяет всем исследованиям быть полностью «свободными» (что совершенно ложно). Есть

* Из *In the Tracks of Buddhism*, стр. 82–84.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

такие истины, постичь которые способен лишь интуитивный интеллект, но это не значит, что такой интеллект находится в распоряжении любого человека, имеющего ординарный здравый ум. Более того, Интеллект, в свою очередь, для того, чтобы актуализировать свой собственный свет, даже очень фрагментарно, нуждается в Откровении — одновременно и как в своей косвенной причине, и как в носителе «Вечной Философии».

Во всяком случае, когда люди говорят об «объективном анализе», они почти всегда забывают о принципиально заинтересованной стороне, то есть об интеллекте или его отсутствии у человека, который анализирует; они забывают, что во многих случаях анализ фактов, предназначенный доказать тот или иной постулат, существование или несуществование которого тем не менее очевидно *a priori*, служит только тому, чтобы скрыть существенное или акцидентальное отсутствие интеллектуального познания, а следовательно, и интеллекта, пропорционального масштабу обсуждаемой проблемы.

Когда отказываются от истинных мифов, их место занимают искусственные мифы. Модус мышления, опирающийся только на собственную логику и в то же самое время действующий в области, где ординарная логика не имеет силы, на практике становится беззащитным по отношению к различным научным мифологиям нашего времени. Подобным же образом, когда люди отходят от религии, то в действительности это приводит не к рациональному взгляду на Вселенную, а к контр-религии со своей собственной «верой», своими догмами и своими табу, во имя которой в скором времени съедается и сам рационализм. Считать человека абсолютно свободным — человека, который вовсе не абсолютен, — значит отпустить с ним на свободу все виды зла, не сохранив принципа, при помощи которого можно было бы сдерживать их разгул. Все это показывает, что называть «Наукой» знание, приводящее лишь к практическим результатам и не открывающее ровно ничего в отношении сокровенной природы явлений, значит серьезно злоупотреблять языком; наука, которая демонстративно избегает трансцендентных принципов, не дает никакой гарантии относительно конечных результатов своих исследований.

Логика как таковая познает вещи довольно-таки косвенным образом, так как прежде всего она есть искусство координации данных (как истинных, так и ложных), согласно потребности каузальной сатисфакции и в пределах конкретного воображения, тем более что якобы безошибочные доводы могут оказаться полнейшим заблуждением ввиду ложности своих предпосылок, ибо чем к более высокому порядку принадлежат вещи, которые познаются, тем более уязвимым становится разум. Здесь мы критикуем вовсе не точность науки, но ту исключительность,

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

которой эта точность наделяется, ибо, в данном случае, это качество становится неадекватным и недейственным: человек может измерить расстояние своими шагами, но при этом он может не видеть свои ступни. Только метафизика и символизм дают ключи к знанию сверхчувственных реалий и являются в высшей степени строгими науками, по своей точности далеко опережающими науку физических фактов, однако эти науки находятся вне досягаемости как самого *ratio*, лишенного посторонней помощи, так и тех методов, которые им вдохновляются...

ЭПИСТЕМОЛОГИЯ

Последствия, вытекающие из тайны субъективности *

Размышляя о природе вселенной, человек, прежде всего, приходит к выводу о первенстве чуда, называемого интеллектом, сознанием, или субъективностью, и, следовательно, постигает ту несоизмеримость, которая лежит между сознанием и материальными субъектами, будь то песчинка, солнце или любая тварь, познаваемая при помощи ощущений. Истина картезианского утверждения *cogito ergo sum* не в том, что оно представляет мышление в виде доказательства бытия, а просто в том, что оно провозглашает первенство мысли, а значит — сознания, или интеллекта, по отношению к окружающему нас материальному миру; разумеется, это не наша личная мысль предшествует миру, но абсолютное Сознание, далеким отражением которого является наша мысль, которая напоминает нам и одновременно доказывает, что в начале был Дух. Нет ничего более абсурдного, чем предположение, что интеллект возникает из материи, следовательно, большее происходит от меньшего; эволюционный прыжок от материи к интеллекту, с любой точки зрения, является самым непостижимым предметом, какой только можно себе вообразить.

Нам несомненно скажут, что реальность Бога Творца не может быть продемонстрирована; однако несмотря на тот факт, что совсем нетрудно продемонстрировать эту реальность при помощи доводов, соразмерных

* Из *From the Divine to the Human*, глава 1.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

ее природе (которые по этой же самой причине недоступны для некоторых душ), самое малое, что можно было бы сказать по этому поводу, это то, что теория эволюции никем и никогда не была доказана, и по понятной причине; видоизменяющая эволюция принимается как полезный и предварительный постулат, ибо принимается все что угодно, только бы избежать обязательства признать первенство Нематериального, так как последнее не поддается контролю ощущений. И все-таки, начиная с признания непосредственно осязаемой тайны, то есть субъективности, или интеллекта, легко понять, что истоком Вселенной является не инертная и бессознательная материя, а духовная Субстанция, которая, переходя от коагуляции к коагуляции, от сегментации к сегментации, а также через ряд и других проекций, одновременно манифестирующих ее и ограничивающих, наконец порождает материю, заставляя ее появиться из более тонкой субстанции, однако уже далеко отстоящей от принципиальной Субстанции. На возражение, что не имеется никаких доказательств этому, мы ответим, что, оставив в стороне феномен субъективности, который содержит в себе такое доказательство, оставив другие возможные интеллектуальные доказательства, в которых Интеллект не нуждается, можно с уверенностью сказать, что такой непостижимый абсурд, как эволюционизм, для которого чудо сознания проистекает, метафорически говоря, из кучи земли или булыжников, имеет гораздо менее доказательств.

Исходя из идей того же самого порядка, мы скажем, что идея «Великого Духа» и первенства Незримого естественна для человека и даже не нуждается ни в каком доказательстве, ибо то, что является естественным для человеческого сознания благодаря его объективности и его тотальности, или, иначе говоря, его способности постичь абсолютное и бесконечное, *ipso facto* доказывает его непременную истину, ибо причиной существования интеллекта является адекватность реальному[1]. С другой точки зрения, если Интеллект и Откровение «сверхъестественно естественны» для человека, то отказ от них тоже лежит в пределах человеческих возможностей, иначе он был бы немыслим, ибо поскольку человек является интегрально интеллектуальным и поэтому интегрально свободным, это значит, что в итоге он единственный среди земных существ может выступить против собственной природы. Он пользуется этой свободой лишь вследствие падения, которое отделяет его прежде всего от имманентного Откровения, которое суть Интеллект, и, таким образом, настаивает против пророческого Откровения, которое, в свою очередь, компенсирует отсутствие имманентной Науки и которое, благодаря такому возмещению, пробуждает Его, во всяком случае в принципе.

Внешние доводы — путем отсылок, или ключей — служат доказательством интеллектуального, или экзистенциального, первенства Духа,

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgradereleasе

однако следует повторить, что мы не нуждаемся в подобных доказательствах; если есть такие люди, для которых тень кота не доказывает существования настоящего кота, или для которых шум водопада не доказывает, что поблизости находится вода, это вовсе не значит, что наше знание об упомянутом животном или водопаде неизбежно, или исключительно, зависит от тени или звука. Наша аксиома гласит, что, во-первых, все, что существует, *a priori* вписано в теоморфную субстанцию нашего интеллекта — нет такого интегрального сознания, которое не было бы продолжением абсолютного Сознания, а во-вторых, что интеллектуальная актуализация реального, или возможного, зависит либо от совершенства нашей природы, либо от внешних факторов, выявляющих важность такого совершенства или осуществляющих его частично, то есть таких факторов, как Откровение, или, в более узком смысле, таких, как опыт, вызывающий архетипическое воспоминание, о котором говорит Платон.

* * *

Человеческая свобода тотальна, но она не может быть абсолютной, поскольку качество абсолютности относится только к высшему Принципу, а не к его манифестации, даже если манифестация эта непосредственна и центральна. Сказать, что наша свобода является тотальной, значит сказать, что она «относительно абсолютна», то есть она такова на особом уровне и внутри определенных рамок; тем не менее наша свобода реальна, хотя свобода животных тоже в некотором смысле реальна, ибо в противном случае птица в клетке не чувствовала бы лишения свободы, и это так потому, что свобода как таковая есть именно свобода, а не что иное, какими бы не оказались ее онтологические лимиты. Что касается абсолютной Свободы, Свободы божественного Принципа, человек участвует в ней настолько, насколько он ей соответствует, и эта возможность быть причастным к Свободе самой по себе, или к Абсолюту, возникает благодаря тотальному, хотя и относительному характеру нашей свободы; а это означает, что в Боге и через Бога человек может воссоединиться с чистой Свободой, ибо только в Боге мы абсолютно свободны.

Признать, что человек, по определению, находится между интеллектом, соединяющим его с Богом, и миром, способным увести его от Бога, то есть что человек, будучи свободным в своем интеллекте, имеет, в свою очередь, парадоксальную свободу хотеть самому стать Богом, значит признать, что возможность разрыва между Интеллектом и разумом присутствует с самого начала по причине явной двусмысленности человеческого положения, ибо *pontifex* между Бесконечным и конечным не может не оказаться двусмысленным, тем более что неизбежно «должен произойти проступок»: человек, начиная с предвечного грехопадения и далее, периодически падая, приходит наконец к рационалистическому

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

люциферианству[2], тем самым выступая против Бога и противопоставляя себя природе, или, что почти то же самое, выступает против нашей собственной природы и, таким образом, противопоставляет себя Богу. Рациональная способность, оторванная от своего сверхъестественного контекста, неминуемо противопоставляет себя человеку и наконец порождает такое направление мысли и такую форму жизни, которые чужды человеку; иными словами, Интеллект не находится ни у кого в полной безопасности за исключением тех душ, которые провиденциально защищены от определенного риска, присущего человеческой природе, но он не есть и не может быть в безопасности у человека как такового по той простой причине, что человек, по определению, состоит из подвластной страстям индивидуальности, присутствие которой представляет риск разрыва с чистым Интеллектом, а следовательно — риск падения.

Человеческим является то, что естественно для человека, а наиболее существенным, или наиболее специфически естественным, для человека является то, что указывает на Абсолют и, следовательно, призывает трансцендировать человеческую жизнь[3]. Сама наша субъективность, как мы уже говорили, прежде, чем любые символы, учения или обряды, яснейшим образом указывает на нашу взаимосвязь с Духом и Абсолютом; без абсолютного преимущества Духа относительная субъективность не была бы ни возможна, ни понятна, так как она была бы подобна следствию без причины.

Интеллект, отделенный от своего сверхиндивидуального источника, характеризуется *ipso facto* отсутствием чувства пропорций, называемым гордыней, и наоборот, гордыня, взявшая на вооружение рационализм, препятствует интеллекту обратиться к своему источнику — он может лишь отрицать Дух, подменив его материей; именно из материи он выводит сознание, ибо не сумел полностью отвергнуть сознание путем сведения его к особо утонченному, или «развитому», виду материи, хотя подобные усилия весьма заметны[4]. Вместо того чтобы поклониться очевидности Духа, гордый разум отрицает свою собственную природу, ту самую, которая вообще позволяет ему мыслить; в его конкретных выводах отсутствуют как воображение и чувство соразмерности, так и интеллектуальная проницательность, а причиной этому является гордыня. *Corruptio optimi pessima*: это еще раз показывает чудовищную диспропорцию между ловкостью разума, ставшего люциферианским, и фальшивостью его результатов; огромные интеллектуальные силы тратятся на то, чтобы затуманить суть и блестяще доказать абсурд, а именно, что дух произошел от куска земли или, скажем, возник из инертной субстанции в течение миллиардов лет, число которых прямо-таки смешно по сравнению с предполагаемым результатом и вообще ничего не доказывает. Во всем этом наблюдается потеря здравого смысла и извращение вооб-

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

ражения, которое, строго говоря, уже не имеет в себе ничего человеческого и которое может быть объяснено только на языке хорошо известного научного предубеждения, которое все объясняет «снизу»; чтобы отстоять любой ценой свои гипотезы, оно устраняет реальные причины, которые трансцендентальны, а не материальны, и конкретным и осязаемым доказательством которых выступает не что иное, как наша субъективность.

* * *

Дух есть Субстанция, материя — акциденция: это значит, что материя является случайной и преходящей модальностью излучения Духа, который проецирует миры и мировые циклы, оставаясь при этом трансцендентным и неизменным. Это излучение порождает поляризацию субъекта и объекта: материя является конечной точкой нисхождения объективного полюса, а чувственное сознание связано с субъективным феноменом. Объект ощущений — это точнее, или, скажем, ощущаемая физическая область; для Интеллекта объективной реальностью является Дух во всех своих формах. Благодаря ему мы существуем и познаем; если бы он не был имманентен физическим субстанциям, они не просуществовали бы ни одного мгновения. Именно в этом Духе разрешается противопоставление субъекта и объекта; оно разрешается в Единстве, которое одновременно суть исключающее и включающее, трансцендентное и имманентное. Как альфа и омега, в глубинах нашего сердца оно трансцендирует нас бесконечно[5].

То, что мы можем и должны познать, — тем мы являемся; поэтому мы можем знать безошибочно при условии, что мы отбросили покрывала, скрывающие от нас нашу подлинную природу. Человек набрасывает на себя эти покрывала, потому что в них он узнает себя, а также потому, что удалить их — значит умереть. Во всяком случае, человек чувствует себя так до тех пор, пока не осознает, что «темная я, но красивая».

Более того, существуют дополнительные доказательства в пользу первенства Духа, которыми нельзя пренебрегать; мы часто ссылаемся на них, так как они проистекают из самой природы человека. Если все началось с материи и если нет Духа, нет Бога, как мы объясним, что люди в течение целых тысячелетий верили в прямо противоположное и что они проявили максимум интеллекта, утверждая это, и максимум героизма, живя согласно своим убеждениям. Нельзя ссылаться на прогресс, так как неверующие любого сорта далеко отстают от верующих и мудрецов, и нигде не увидишь, чтобы эволюция шла от последних к вышеупомянутым; материалистические идеи появились и распространились, можно сказать, прямо на наших глазах, начиная с «Века Просвещения»,

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

и в этом не видно никакой эволюции в сторону восхождения, как интеллектуального, так и морального, — прямо наоборот.

Те, кто придерживается эволюционистского аргумента об интеллектуальном прогрессе, любят объяснять религиозные и метафизические идеи при помощи низших психологических факторов, таких как страх перед неизвестным, детская надежда непрерывного счастья, привязанность к образам, которые становятся милыми, бегство в мир сновидений, желание подавлять других любой ценой *et cetera*; неужели не видно, что подобные подозрения бесстыдно представлены в виде доказанных фактов и содержат психологические непоследовательности и невероятности, которые бросаются в глаза любому беспристрастному наблюдателю? Если человечество было тупым в течение тысячелетий, то как объяснить, что однажды оно перестало быть таким, тем более если это случилось в очень краткие сроки? И это еще менее объяснимо, если посмотреть, с какими интеллектом и героизмом оно было тупым такое длительное время и с какой философской близорукостью и моральным упадком оно наконец стало «просвещенным» и «взрослым»[6].

Как сказали бы сайентисты и другие псевдореалисты, сущностью реального является банальное и тривиальное. На это мы могли бы ответить: сущностью реального является чудесное — чудо сознания, интеллекта, знания. В начале была не материя, а Дух, который есть Альфа и Омега.

КОСМОЛОГИЯ И ТРАДИЦИОННЫЕ НАУКИ

Ипостатические и космические числа *

Символизм чисел и геометрических фигур позволяет довольно просто описать модальности и уровни сокрытия и раскрытия; это не значит, что понимание предмета как такового становится легким, однако символы, по меньшей мере, предоставляют нам ключи и проливают свет на обсуждаемый вопрос.

---

* Из *Esoterism as Principle and as Way*, стр. 65–77.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

Абсолютную Реальность, Сущность, или Над-Бытие, можно изобразить при помощи точки; разумеется, лучше было бы представить ее как пустоту, но пустота, собственно говоря, не является фигурой, а если уж мы наделяем Сущность именем, то с той же законностью и с тем же риском можем изобразить ее при помощи знака, а самым простейшим и существенным знаком является точка.

Сказать Реальность значит сказать Мощь, или Потенциальность, или Шакти, если угодно; таким образом, в Реальном есть принцип поляризации, который совершенно не дифференцирован в Абсолюте, но поддается различению и способен стать причиной любого последующего развертывания. Эту Принципиальную полярность мы можем представить себе как Ось — горизонтальную или вертикальную: если Она горизонтальна, это значит, что Потенциальность, или Высшая Майя, остается внутри Высшего Принципа, Параматмы (*Paramatma*), как внутреннее измерение или скрытая потенция; если же ось вертикальна, это значит, что Потенциальность становится Виртуальностью, что она излучает и передает себя, что впоследствии приводит к рождению первой ипостаси, Бытия, созидательного принципа[1]. Именно в этой биполярности, или в этой принципиальной дуальности, все возможные комплементарности и оппозиции находят свой прообраз, или предосуществление: субъект и объект, активность и пассивность, статичность и динамичность, единичность и тотальность, исключенность и «включенность», строгость и нежность. Эти пары являются горизонтальными тогда, когда второе понятие выступает качественным и гармоническим дополнением первого, то есть, иными словами, если оно его Шакти; и эти пары являются вертикальными тогда, когда второе понятие имеет ярко выраженную склонность опуститься на уровень относительности или когда оно уже находится на таком уровне. Мы не собираемся здесь упоминать просто оппозиции как таковые, в которых второе понятие имеет только отрицательный характер и которые не могут иметь никакого божественного архетипа, разве только возникающего чисто логическим и символическим путем.

В человеческом микрокосме дуальность проявляется, например, в двойной функции сердца, которое есть одновременно Интеллект и Любовь: последняя указывает на Бесконечность, а первый — на Абсолют; с другой точки зрения, имеющей в виду нисходящую ипостатическую проекцию, Интеллект относится к Над-Бытию, а ментальный элемент — к Бытию.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

* * *

Божественным архетипом всех позитивных триад является ведантическая триада Сат-Чит-Ананда: Бог, начиная с его сверх-онтологической сущности, есть чистое «Бытие», чистый «Дух», чистое «Блаженство».

Тернарность, как и бинарность, в геометрических понятиях проявляет собой два разных аспекта — в зависимости от положения треугольника. Во вверх направленном треугольнике дуальность основания созерцательна в том смысле, что она через свою вершину указывает на обращение к единству; троичность здесь представляет собой относительность, которая намеренно подчиняется абсолютности и не собирается отступать от нее; здесь кончается движение в сторону множественности. В перевернутом треугольнике дуальность действенна в том смысле, что через направленную вниз вершину она стремится к внешнему излучению, или производству.

Это означает, что элемент Ананды, с одной стороны, является подлинным внутренним излучением Атмана, который не имеет другого желания, если можно так выразиться, как только радоваться своей собственной бесконечной Возможности, а с другой стороны — эта Возможность как бы переливается через край, стремясь манифестировать себя через бесчисленные преломления. Итак, следствие, или цель, сексуальной любви может быть внешней и квазисоциальной, а именно — ребенком, но тем не менее она может быть внутренней и созерцательной, представляя собой достижение Сущности, путем переживания этого символизма, в которой оба партнера растворяются, а это означает высшее рождение и возвращение в Субстанцию[1]. В таком случае результатом является сущность (*essentiallity*), в то время как в предыдущем случае — совершенство; все это значит, что измерения абсолютности и бесконечности относятся к Сущности, которая, с одной стороны, их соединяет, а с другой стороны — рождает совершенство, которое их манифестирует.

Но есть и другой тип троичности, самым ярким примером которого выступает иерархия составных элементов микрокосма: *corpus*, *anima*, *spiritus,* или *soma*, *psyche, pneuma*; триада космических качеств в веданте — *tamas*, *rajas*, *sattwa* — того же порядка. Эта троичность основана не на единении двух дополняющих друг друга полюсов с учетом третьего элемента, высшего или низшего, но на качественных аспектах пространства, ибо начальной точкой отсчета служит внутри его самого находящееся сознание: восходящее измерение, или легкость, нисходящее измерение, или тяжесть, и горизонтальное измерение, открытое обоим влияниям.

Вышеупомянутая триада Сат-Чит-Ананда имеет свое основание также в пространстве, на этот раз чисто объективное, а именно — три измерения пространства: высоту, ширину и глубину; первое связано

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

с мужским принципом, второе — с женским принципом, а третье — с их плодом, который может быть как внутренним, так и внешним; эта последняя особенность выражается именно положением треугольника. Другая упомянутая нами триада — тела, души, духа, или мрака, тепла, света, — тоже представлена в треугольнике двояко и весьма поучительным образом. В первом случае дух изображается на вершине, и этот образ выражает трансцендентальность интеллекта по отношению к чувственной душе и телу, которые помещаются на одинаковом уровне, с той лишь разницей, что душа находится с правой, позитивной, или активной, стороны. Альтернативно тело помещается на перевернутой вершине, и в этом случае образ выражает превосходство души и духа по отношению к телу.

Это указывает на два аспекта соответствующей божественной триады: с одной стороны, мир является «Телом Бога», в то время как Бытие в виде лона архетипов есть Его «Душа», а Сущность есть Его «Дух»; с другой стороны — и здесь мы следуем ведантической строгости — Сущность, или Над-Бытие, является «Духом» Бога, в то время как подчиненность Майи, или Относительности, выражается непосредственным соседством Бытия и Экзистенции, или «Души» и «Тела» в основании треугольника.

Но давайте вернемся к триаде Сат-Чит-Ананда, выраженной треугольником, вершина которого представляет Сат, а два нижних угла соответственно указывают на Чит и Ананду. Вершина, которая в треугольнике, направленном вверх, есть Бытие и излучающая Сила, в перевернутом треугольнике становится отделяющей и сгущающей, а фактически даже извращающей силой; это образ падения Люцифера, где высочайшая точка становится самой низкой — образ, объясняющий таинственную и парадоксальную связь между могучим, но неизменным Бытием и силой манифестации, которая отделяется от Бытия и, наконец, поворачивается против него[4]. Позитивная и невинная космогоническая сила кончается в точке падения, в то время как извращающая центробежная сила кончается злом; не надо путать эти два аспекта.

Ведантическая триада воплощается в конкретном образе — образе солнца: солярная звезда, как и все звезды, состоит из материи, формы и излучения. Материя, или масса-энергия, манифестирует Сат, то есть Бытие-Силу, форма представляет собой Чит, Сознание, или Интеллект[5]; излучение связано с Анандой, то есть Блаженством, или Благом. Излучение содержит в себе как тепло, так и свет, так как Ананда причастна одновременно и к Сат, и к Чит, ибо тепло указывает на Благо, а Свет — на Красоту; свет вдаль и вширь разносит образ солнца, подобно тому, как Красота передает Истину, ибо «Красота есть сверкание Истины». Согласно несколько иному, но не менее правдоподобному виду

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

символизма, солнце представляется человеческому опыту как форма, свет и тепло: Сат, Чит, Ананда; в этом случае субстанция отождествляется с формой, что указывает на фундаментальную Силу, в то время как свет манифестирует Интеллект, а тепло проявляет Благо[6].

* * *

Что касается отражения ипостатической триады в человеческом существе, то мы сказали бы, что Интеллект, который является «оком сердца», или органом непосредственного знания, спроецированный в человеческую душу ограничивает себя и становится полярным, то есть проявляется в виде трех аспектов, или, иными словами, подразделяется на три модальности, а именно — разум, волю и чувство. Это значит, что сам Интеллект одновременно является познавательным, волевым и эмоциональным, в том смысле, что он заключает в себе три измерения, которые соответственно указывают на «Сознание» (*Chit*), «Бытие» (*Sat*) и «Блаженство «(*Ananda*) Принципа (*Atma*).

При помощи разума познается Бог, мир, человек, а познающий субъект полностью обуславливается познаваемым объектом и тем объектом, который еще предстоит познать; Бог появляется *a priori* в связи с трансценденцией. Воля, в свою очередь, в духовной сфере способствует движению в сторону Бога и, прежде всего, вызывает созерцательную концентрацию, разумеется, на основе необходимых условий; здесь доминирует субъект, и к тому же это проистекает из того обстоятельства, что на практике Бог по необходимости рассматривается с точки зрения имманенции. В третьей области, то есть в области души, человек не сводится ни к познанному объекту, ни к познающему субъекту, так как это есть область противостояния между человеком и Богом; следовательно, это есть область благочестия и веры, а также человеко-божественного или бого-человеческого, то есть диалога между личностью и Богом.

Надо подчеркнуть, что, достигнув знания, субъект исчезает перед лицом объекта; если последний является позитивным, то он, так сказать, поглощает субъекта и тот угасает, но если он является негативным, то угасание субъекта просто означает точность восприятия. В созерцательной и постигающей концентрации, которая, с точки зрения непосредственного действия, зависит от воли, человеческий субъект путем единения поглощается Божественным Субъектом, что, несомненно, предполагает исчезновение человеческого субъекта.

Естественным символом Троицы служат три измерения пространства: если все это мы истолкуем по отношению к человеческому микрокосму, то высота будет соответствовать разуму, ширина — чувству, глубина — воле. Разум стремится вверх, к сущности и трансценденции, а если она развращена заблуждением, то падает, противореча своей

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

собственной природе. Чувство, в свою очередь, является нам в нашей экзистенциальной тотальности, *hic et nunc*, и это выражается шириной, заключающей в себе качественные различия между правым и левым; иными словами, чувство, в полном и глубоком смысле слова, о котором мы и говорим, олицетворяет человеческую личность и выбор, который она может сделать в своей судьбе. А что касается воли, то она движется вперед, подобно нашим шагам, когда мы движемся; она врывается в будущее точно так же, как и мы, шагая, вступаем в пространство, которое лежит перед нами, если только воля не поворачивает назад, изменив своему собственному духовному и эсхатологическому призванию; в обоих случаях мы имеем дело с измерением глубины.

* * *

Собираясь описать метакосмическую Реальность при помощи числовых ипостасей, отнюдь не случайно мы останавливаемся на троице, ибо это число образует предел и, что еще более важно, знаменует в некоторой степени возврат к Единству; можно сказать, что оно выражает единство на языке множественности и, по всей видимости, ставит преграду для дальнейшего его развертывания. Но, тем не менее, можно двигаться и дальше по этому направлению, как, впрочем, и поступают разные традиции.

С точки зрения принципа четверичности, Сущность содержит в себе четыре качества, или функции, земными отражениями которых являются Север, Юг, Восток и Запад. С помощью этой аналогической связи нам будет легче различить в Самой Сущности, а следовательно, и в скрытом, недифференцированном состоянии, где «все во всем», то есть в потенциальности Майи, четыре следующих принципа: во-первых, Чистоту, или Пустоту, Исключительность; во-вторых, Доброту, Красоту, Жизнь, или Интенсивность, Привлекательность, как комплементарную оппозицию символической оси Севера-Юга; в-третьих, Силу, или Активность, Манифестацию; в-четвертых, Мир, Равновесие, или Пассивность, Включенность, Восприимчивость, то есть ось Восток-Запад. С этими принципами соотносятся коранические Имена *Dhu'l-Jalal*, *Dhu'l-Ikram*[7], *Al-Hayy*, *Al-Qayyum*: Обладатель Величия, Обладатель Щедрости, Живой, Неизменный[8]. Значение этих Имен также может быть выражено следующими понятиями: вечная Чистота, всеохватывающая Любовь, непобедимая Сила, непоколебимое Спокойствие; или иначе, Истина, которая есть Строгость и Чистота, Жизнь, которая есть Нежность и Любовь, Сила, которая есть активное Совершенство, и Покой, который есть пассивное Совершенство.

Образом четверичности является квадрат, а также крест; первый является статическим, второй — динамическим[9]. Четверичность означает

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

стабильность, или стабилизацию; квадрат изображает твердо основанный мир с закрытым пространством, а крест изображает стабилизирующий Закон, провозглашающий себя во все четыре стороны, и, таким образом, указывает на всеобщность. Статическая четверичность — это излучение посвящающей Благодати, которая одновременно есть Закон и Благословение[10]. Все это недифференцированным образом имеет свой прототип в Боге, в Сущности, а дифференцированным образом — в Бытии.

Когда Четверичность статична, тогда она является внутренней и неким образом обращенной в себя, то есть она есть Майя, излучающаяся как Бесконечность в сердце Атмана; когда Четверичность динамична, она тоже излучает, но на этот раз она есть Майя, передающая Атман и развертывающая свои потенциальности, — в этом случае она устанавливает космос согласно принципам тотальности и стабильности, ибо в этом заключается значение четверичности как таковой; она наделяет космос четырьмя качествами, которые необходимы для его поддержания и его жизни[11], и это суть не что иное, как четыре Архангела, которые эманируют из Божественного Духа (*Ruh*) и функции которого они собой представляют, управляя миром и оказывая ему поддержку.

Четверичность есть не что иное, как развитие Дуальности Атман-Майя, Дэва и Шакти: Божества — и Силы его внутренней Жизни и теофанического Излучения.

Но Четверичность не указывает только на равновесие, которое также определяет развертывание, а значит время, или временные циклы: отсюда четыре времени года, четыре части суток, четыре возраста в жизни творений и четыре века. Данное развертывание не затрагивает Принципа, так как он неизменный; то, что оно влечет за собой, есть последовательная проекция принципиальной и, следовательно, сверхвременной четверичности в космосе. Временная четверичность имеет, прежде всего, космическое значение, и она, словно в кристаллизованном виде, содержится в четырех великих ступенях универсального развертывания: материальный мир связан с зимой, витальный мир — с осенью, анимический мир — с летом, а духовный, иначе ангельский, или райский, мир — с весной; и это относится как к микрокосму, так и к макрокосму[12].

Переход от троичности к четверичности совершается, если можно так выразиться, путем биполяризации вершины треугольника, которая виртуально заключает в себе дуальность по причине своего двоякого происхождения; это есть переход от треугольника к квадрату. Скажем, что троица — это отец, мать и дитя; однако дитя не может быть нейтральным, оно обязательно либо мужского, либо женского пола, так что наличие одного требует и другого. Аналогичным образом, комплементарная оппозиция Севера и Юга нуждается в промежуточной области, которая,

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

в свою очередь, путем поляризации порождает Восток и Запад — первый из них определенным образом причастен Югу, а второй причастен Северу.

В случае четверичности, как и других чисел, *mutatis mutandis*, этот процесс прогрессии повторяется: каждая четверичность есть виртуальная пятеричность и наделена ее характеристиками уже потому, что центр как бы проецируется в четыре угла, так что четверичность является центром, который рассматривается в своем четверичном аспекте. Но для того, чтобы получить пятеричность, достаточно подчеркнуть центр, независимо от его продолжения: таким образом, когда мы рассуждаем о четырех возрастах, личность, которая через них проходит, причастна каждому из них; то же самое относится к земле, которая испытывает четыре времена года, так как иначе и времена года, и возрасты были бы абстракциями.

* * *

Божественная Четверичность отражается в каждой из трех модальностей человеческого микрокосма: в разуме, воле и чувстве, или в интеллектуальном, волевом и эмоциональном сознании, или еще иначе — в понимании, концентрации и сообразности, или добродетели. Вместо чувства мы просто могли бы сказать «душа», ибо здесь имеется в виду человеческая личность как таковая, которая, по определению, является любящей, или, точнее, способной исключить или включить в сферу своей фундаментальной любви предметы, представляющие себя ее опыту.

В божественной природе мы различили следующие четыре «кардинальные точки»: Чистоту, Силу, Жизнь, Покой; или Пустоту, которая исключает, Активность, которая манифестирует, Привлекательность, которая реинтегрирует, и Равновесие, которое включает. Разум, озаренный истиной, будучи в согласии со своим *reason d'être*, содержит эти полюсы настолько, насколько он способен к абстракции, различению, усвоению, или уверенности, и созерцанию, или спокойствию.

Далее, в связи с разумом, мы должны учитывать еще и другую Четверичность, составные элементы которой по отношению к четырем только что упомянутым качествам являются тем самым, что и промежуточные области по отношению к кардинальным точкам. Эти элементы есть разум и интуиция, с одной стороны, и воображение и память, с другой, что имеет отношение, соответственно, к Северо-Южной и Восточно-Западной осям. В функции разума входит не интеллектуальное озарение, а согласование, толкование, упорядочивание, завершение; в функции интуиции, которая является дополняющей противоположностью разума, входит непосредственное восприятие — непосредственное, но все-таки смутное и в большинстве случаев приблизительное, тем более что оно ог-

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

раничено областью внешних и внутренних явлений, ибо речь здесь идет о разуме, а не о чистом Интеллекте. Что касается воображения и памяти, то первое является перспективным, так как в функции воображения в той или иной степени входят изобретение, созидание и производство, а память является ретроспективной, и в ее функции входят сохранение, связь с истоками, эмпирическая непрерывность. Здесь еще можно добавить, что с воображением связано качество бодрствования, которое является перспективным, с интуицией связана щедрость, которая субъективна, а с памятью связана благодарность, которая ретроспективна.

Аналогичное можно сказать и относительно двух других областей микрокосма, то есть воли и чувства, или, если угодно, волевой души и эмоциональной, но мы не намереваемся продолжать этот анализ дальше, представив его лишь в виде приложения и иллюстрации.

Что такое материя и кто есть Мара? *

Материя, как указывалось выше, есть не что иное, как крайний предел, или точка нисхождения в процессе манифестации, во всяком случае, в нашем мире; следовательно, она есть «самое низкое» в рамках интересующей нас реальности. Тем не менее, можно спросить, не является ли это самое низкое, наоборот, своего рода «сознанием», то есть принципом зла, той Марой, которая искушала Будду, или Сатаной, который искушал Христа? Данная трудность, однако, разрешается, если мы различим в Космосе два полюса: один из них экзистенциальный, слепой и пассивный, а другой интеллектуальный, сознательный и активный; материя является пределом нисхождения только по отношению к экзистенциальному полюсу, в то время как интеллектуальный полюс, достигнув крайнего предела в процессе своего удаления от Бога, становится «персонифицированной силой», или извращенным сознанием, которое суть Сатана, или Мара. Иначе говоря, материя есть экзистенция, наиболее удалившаяся от чистого Бытия, а Дьявол есть сознание, наиболее удалившееся от чистой Интеллигибельности, от божественного Интеллекта; и поскольку на интеллектуальном плане это удаление может вызвать только извращение, а не оппозицию, то наиболее удалившаяся от Абсолюта интеллигибельность есть та, которая отрицает Абсолют настолько «интеллигентно», или, точнее, настолько сознательно, насколько это возможно. Экзистенция — *materia secunda*, или *natura naturata* средневековых схоластов, противопоставляемая ими божественному Прототипу, или *natura naturans*, — в ходе отлучения от чистого

* Из *In the Tracks of Buddhism*, глава 8.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

Бытия «твердеет» и разбивается на сегменты: Материя представляет собой наиболее «утяжеленную» и наиболее «неустойчивую» экзистенцию, с человеческой точки зрения, ибо, без всякого сомнения, могут быть и другие миры, непохожие на наш мир, с иными пределами манифестации. Мара, однако, является наиболее извращенной интеллигибельностью, наиболее порочной, по сравнению с которой материя, хотя и затвердевшая и испорченная, все-таки остается невинной. Однако мы не должны допускать ошибку, путая глупость с сатанизмом или вульгарность с материализмом. Сознание, которое ослабевает при контакте с полюсом материи, есть неразумность, человеческая или любая другая, а экзистенция, которая возвышается при контакте с полюсом интеллекта (даже косвенно), есть благородство материальных субстанций, будь то благородные металлы, драгоценные камни, или, за пределами растительного царства, телесная красота живых существ. Интеллектуальность, в процессе удаления от Самости, необязательно становится сатанинской, она может отходить пассивно и ослабевать не извращаясь. Подобным же образом экзистенция, удаляясь от Бытия, не представляет собой исключительно тяжесть и недифференцированную инерцию; она может сопровождаться такими качествами, которые приближают ее к полюсу «Духа», и в этом смысле не будет преувеличением сказать, что алмаз или цветок несут в себе больше интеллектуальности, нежели тот или иной глупец среди людей. Способность учить, которою наделены вещи Природы, и особенно те, которые находятся в состоянии предвечной невинности, связана с этой качественной возможностью, которая присуща самой природе вещей: для североамериканских индейцев дикая Природа является Книгой и Писанием, благодаря которым все написанные тексты и даже письменность как таковая становятся в их традиции излишними, ибо все, что требуется, — это наука, позволяющая читать эти знамения[1], в то время как урбанизированный и потерявший естественность человек по сравнению с индейцем кажется почти ослепшим, так как его возможности поучиться у окружающей среды на практике катастрофически незначительны.

Перед тем, как идти дальше, пусть и с некоторым риском повторений целесообразно все же еще раз вернуться к вопросу ограниченности материи и такой науки, которая подчиняется материи, или — что почти то же самое — к вопросу о реальности, лежащей «по ту сторону» материального мира. Современная наука, как она сама демонстрирует, остается чисто горизонтальной и линеарной; нигде она не достигает того, что находится над или за областью чувственной манифестации. Говоря о «науке», автор имеет в виду общий научный взгляд, который принципиально основан на физических науках; психология относится к этому уровню в той степени, в какой она отказывается признать одно или не-

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

сколько сверхчувственных измерений в виде конкретных и объективных реалий, а не в виде психологических сновидений. Надо добавить, что для тех, кто признает эти измерения, например, для некоторых антропологов или этнологов, недвусмысленное отрицание психологических спекуляций имеет первостепенную важность.

Магия, например, будь она «белая» или «черная», входит в сверхчувственное (но не трансцендентное) измерение, или иначе, измерение «глубины»: магия не сковывает себя, подобно тому, как это делает официальная наука, редукцией материальных феноменов к «энергиям» или «движениям» более или менее физического характера, находящимся в составе постэдемического затвердения земной субстанции, или пространства[2]; магия обходит материальную скорлупу, направляясь «в сторону внутреннего», то есть она входит в тонкую, или анимическую, субстанцию, откуда исходит сила «дематериализации» и трансформации, которой владеют шаманы и другие люди, практикующие магию, будь она благожелательная или зловредная. Эта сила, несмотря на ее очевидность, отрицается официальной наукой, которая не в состоянии осознать наличие тонкого посредника, связывающего противоположные на вид феномены магических перемещений и метаморфоз. Та же самая наука не способна постичь *a fortiori* измерения «высоты», как и измерения «глубины», то есть Духовного Мира, о котором магия тоже может не иметь ни малейшего понятия, хотя именно духовное измерение объясняет теургические действия и чудеса. С точки зрения этого измерения, тонкая, или анимистическая, сфера, с которой имеют дело как магическая наука, так и спиритуальный эмпиризм[3], в свою очередь тоже является «скорлупой», подобно тому, как материя является скорлупой с точки зрения тонкого мира. Тонкую субстанцию мы лучше всего, пожалуй, могли бы уподобить густой жидкости, например крови, а духовную, или сверхформенную, субстанцию — воздуху или газу.

В метафизическом плане необходимо добавить еще одно божественное, или нирваническое; духовное измерение является только его космическим отражением, или «ангельской» эманацией. В самых различных системах традиционного символизма эти вышеупомянутых измерения представляются, соответственно, как «земля», «огонь» и «свет».

Рассуждая о Материи, не следует упускать того факта, что с буддистской точки зрения она главным образом рассматривается лишь в субъективном и эмпирическом смысле; но это обстоятельство ничего по сути не меняет в обсуждаемом нами вопросе, ибо тот факт, что Материя может интересовать некоторых людей только в качестве феномена сознания самого по себе, вовсе не означает отсутствия относительно объективного содержания этого феномена как такового...

Великая реабсорбция чувственного мира, не подразумевающая ни

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

малейшего смешения, будет возвещаться катаклизмами космического масштаба, которые будут подобны расщеплению скорлупы нашей экзистенции; материя, пройдя через огонь, испарится, но не в физическом смысле слова (ибо это не вывело бы нас за пределы материального мира), а в том смысле, что она «растворится в сторону внутреннего», то есть как бы в сторону тонкой и принципиальной сферы, и должным образом воссоединится с протоматерией земного Рая, то есть с протоматерией неэволюционного творения видов. Более того, смерть человеческого микрокосма представляет собой то же самое, что и регрессия макрокосма; здесь следует понять разницу между «частным судом» и «всеобщим судом». В обоих случаях, в интересах человека бодрствовать и быть готовым: как гласит старая немецкая поговорка, «тот, кто умер перед смертью, больше не умрет». Человек, умирая, должен находиться на уровне этого нового состояния, так как иначе он приобретет форму своей собственной недостаточности и своего внутреннего противоречия, или, можно сказать, «греха»: его самоотлучение от собственной нормы, или прототипа, уже само по себе будет жечь его огнем неугасимым.

Следующая цитата из Бхагавадгиты* излагает это положение с особой ясностью: «лицемерие, высокомерие, тщеславие, гнев, дерзость и невежество — эти качества присущи тем, кто обладает демонической природой, о сын Притхи». Согласно комментарию Шанкары, под «лицемерием» (или притворством) мы понимаем притязание на справедливость и непорочность; под «высокомерием» — гордость ученостью, богатством и социальным положением; «дерзость» означает любое утверждение, предполагающее, что слепой ясно видит или что безобразное является прекрасным, или, иначе говоря, это презрение к истине, фальсификация фактов, выворачивание наизнанку нормальных отношений; наконец, «невежество» означает ложное понимание наших собственных обязанностей.

На языке иудео-христианства состояние полу-смерти, то есть постэдемическая материя, возникло потому, что Адам после грехопадения не был уже на райском уровне: мы умираем от того, что сама материя есть субстанция смерти, или проклятая субстанция; положение наше чем-то напоминает положение рыб, которые неожиданно оказались замороженными в ледяной глыбе. Согласно Палийскому Канону Агганна-сутта, прогрессивная материализация человека и его окружения происходит потому, что предвечный, или «предматериальный», человек, который прежде сверкал подобно звездам, плавно двигался по воздуху и поддерживал себя Блаженством, стал поедать почву, когда земная поверхность всплыла из воды. Эта новорожденная земля была разноцвет-

* XVI. 4.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

ная, пахнущая и сладкая, но люди, питаясь ею, лишались своего былого сияния; тогда появились солнце и луна, дни и ночи, а также внешний свет со своими чередованиями и измеримой продолжительностью. Потом и сама почва перестала быть съедобной и только взращивала съедобные растения; позднее только незначительное число растений стало пригодным для пищи, и люди были вынуждены тяжко трудиться, чтобы прокормить себя. Страсти и пороки, а с ними и ненависть, возрастали в мире все больше и больше. Подобные мифы, повествующие о затвердении первородной субстанции, встречаются почти везде и, подобно всем основным традиционным преданиям, свидетельствуют о заре человечества, теряющейся в глубине веков...

Манифестированная Вселенная заключает в себе два ритма, один горизонтальный, а другой вертикальный: несоизмеримые космические циклы чередуются, приходя и уходя; однако эта манифестация, в свою очередь, тоже исчезает, ибо она в конце концов будет возвращена в свою неизменную Причину.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

Часть IV.
ЧЕЛОВЕК

ПРИРОДА ЧЕЛОВЕКА

О сотворении человека *

Согласно мифу североамериканских индейцев, Великий Дух творил человека три раза подряд, каждый раз уничтожая то, что было сделано прежде; первые две попытки были неудачны, сохранилось только третье творение[1]. Различные формы допотопных животных (гигантские ящеры и тому подобное) указывают не на родовую последовательность видов, но на первые попытки воплотить некоторые определенные «идеи» из первородного хаоса. В эпоху великих волн творения «материя» не была еще заметно отделена от тонкого мира, к которому относятся, например, психические элементы, рассматриваемые как в субъективном, так и в объективном модусе[2]; таким образом, творение могло происходить не путем «эволюции», начиная с одной-единственной клетки, что в любом случае — невероятная гипотеза, лишь сдвигающая границы трудностей данного вопроса, — но путем последовательных «манифестаций», или «материализаций», начиная с тонкого состояния, космического лона «идей», которые должны воплотиться[3]. Эта точка зрения не исключает частичных эволюций или приспособлений к определенной среде, но сводит их к пропорциям, совместимым с метафизическими и космологическими принципами[4].

Для тех, кто понимает реальность таких возможностей, древние и средневековые тексты приводят много иллюстраций подобной «прозрачности» материи, или взаимного проникновения материальных и тонких состояний: в те отдаленные дни ангелы и духи легко являлись при определенных условиях, и чудесное, можно сказать, было «в порядке вещей», ибо материя не представляла еще собой непроницаемой скорлупы, в которую она превратилась в течение тысячелетий, и прежде всего за последние столетия, наряду с ментальным затвердением человека. В предвечные века космические аналогии проявлялись гораз-

---

* Из *Stations of Wisdom*, стр. 94–96.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

до более непосредственно, чем позднее: солнце было «божественным» гораздо более прямо, чем во время уже «затвердевших» столетий, и это замечание равным образом применимо ко всем основным феноменам природы — звездам, стихиям, горам, рекам, озерам, лесам, камням, растениям, животным, ибо «священная география» до сих пор не потеряла своей духовной действенности.

Поэтому творение, или «творения», должны изображаться не как процесс трансформизма, происходящий в «материи», в наивно эмпирическом смысле этого слова, но скорее как развитие жизненного принципа, то есть как нечто, подобное более или менее прерывистым волнам воображения: образы возникают в душе из неформальной субстанции без заметной связи между собой и не сами трансформируют себя, а жизненная субстанция является причиной их появления и их создает. Таким образом, человек, разумеется, оказывается логическим результатом не эволюции, но серии «набросков», все более и более сосредоточенных на человеческой форме, — набросков, среди которых обезьяны, кажется, представляют собой диссонирующий остаток; мы говорим, что этот факт, или эта гипотеза, никоим образом не означает, что существует общая мерка и своего рода психологическая непрерывность между человеком и теми антропоморфными и более или менее «эмбрионными» телами, которые ему предшествовали. Появление человека — это внезапное «исхождение» Духа во вместилище, которое является совершенным и окончательным, так как оно соответствует манифестации Абсолюта; абсолютность человека подобна геометрической точке, которая, строго говоря, начинается с окружности — и количественно недосягаема...[5]

Человек как божественная манифестация*

Человек является божественной манифестацией не в своей акцидентности и не в своем падшем состоянии, но благодаря своей теоморфической природе, своему предвечному и принципиальному совершенству. Он — «поле манифестации» интеллекта, отражающего универсальный Дух и, следовательно, божественный Интеллект; человек как таковой отражает космическую тотальность, Творение и, таким образом, Бытие Бога. Божественная Интеллектуальность предоставляет человеку интеллект, разум и свободную волю; благодаря этим качествам и благодаря речи, в которых они проявляются, человеческое существо отличается от животных «относительно абсолютным» образом; верно, что всякая

* Из *Stations of Wisdom*, стр.81–88.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

интеллектуальность, даже у растений, является «интеллектом», но лишь человеческий интеллект является прямым и трансцендентным, только ему доступно Божественное. Полубожественный характер человека, который все еще признается в священных и предвечных обществах, предполагает, что невозможно «достичь Бога», не осуществив человеческой нормы, которая, следовательно, выступает в роли «Пророка» по отношению к падшей индивидуальности...

Так как человек «сделан из глины», он является тленным, и отсюда необходимость его искупления. Внеформальная манифестация находится по ту сторону тления, или, вернее, она подвластна ему лишь в одной-единственной точке, только «однажды» — при падении Люцифера, ибо присущая формальному миру тленность предполагает подверженную порче сущность, которая и делает возможным тление, а именно ту сущность, которая по отношению к человеку «персонифицируется» в виде Сатаны. Люцифер, представляющий сущность, то есть нечто, являющееся «полностью самим собой», необратим[1], но человек, который является формой, а также представляет собой нечто, что «не является полностью самим собой», под «собой» имея в виду божественное, обратим «к себе самому», или к своей божественной природе, подобной Адаму, точно так же, как он может быть отождествлен с сатанинской сущностью, в том случае, если он отделяет свою форму от божественной Сущности[2]. Осуждение — это падение формы, отрицающей свою сущность; что касается дьявола, то все наоборот, ибо он есть сущность, отрицающая «форму Бога» в своем отказе поклониться Адаму[3]. Двусмысленность человеческого состояния заключается в том, что оно как бы сжато между Богом, нашей Сущностью, и человеческой формой, которая «сотворена из глины»; мы представляем собой как бы смесь божественного и пыли. Сказать, что Человек является формой, значит сказать, что он в некоторой степени подвержен падению, так как он контролируется «демиургической» сущностью, которая способствует затвердению и производит отделение и которая есть принцип индивидуализации настолько, насколько она является темной и извращенной; Сатана — это ее страстный аспект, и фактически те люди потеряны, которые направляют свою страсть к эгоцентрической жесткости — отсюда, в виде компенсации, их интеллектуальная вялость, — и которые находят свое удовлетворение в ярости, направленной против универсальной «Инаковости», необходимо «объективной» Истины и, следовательно, против всего того, что противопоставляется собственной субъективности, одновременно ожесточенной и страстной[4]; именно по этой причине в дантовом аду есть как огонь, так и лед. В потустороннем мире, где обнажается реальность человеческого положения, эта ярость подобна радости, которая мучит, так как радость является субъективной страстью, а терзание — объективной

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

реальностью; ад — это как бы мятеж нуля, восстание небытия, которое стремится стать Всем[5]. Когда человек отворачивается от божественной Сущности, его *ego* становится подобным камню, тянущему вниз, и его Сущность отворачивается от него; а то, что заполняет вакуум, есть темная сущность формального уплотнения и падения.

Сейчас мы хотели бы рассмотреть подлинный внешний вид человека, его физическое качество «образа Божия», которое отличает его *a priori* от других земных тварей, так что говорить о человеческом теле есть почти то же самое, что и говорить о человеке как таковом; наша телесная форма была бы фактически непонятной, если бы мы не имели интеллекта и не обладали свободой, ибо она объяснима только при помощи упомянутых качеств. Сразу скажем, что осквернение человеческой красоты страстями никоим образом не позволяет из-за этого испытывать презрение к работе Творца: несмотря на благие намерения тех, кто стремится защитить добродетель ценою истины и интеллигентности, поношение красоты есть богохульство, тем более что тело и, следовательно, красота Аватары необходимо несут в себе целое Творение. Кто-то, разумеется, будет настаивать на том, что земная красота целиком несовершенна и несет в себе недостатки, но это неверно в той мере, в какой из этого заключают, что на земле нет подлинной красоты. С другой стороны, если земная красота может быть по-своему совершенна, она невольно отрицает красоту иного рода и в этом смысле является ограниченной: красота розы не станет красотой лилии, и подобным же образом красота одного человека, будь то индивидуальная или расовая, несопоставима с красотою другого; одному только Богу одновременно присуща вся возможная красота, так как Сущность находится по ту сторону сегментации формы.

Теоморфизм человеческого типа состоит в качестве его тотальности и благородства; его тотальность прежде всего проявляется в богатстве, или универсальности, его способностей, насколько это определяет структуру тела; его благородство выражается вертикальным и тяготеющим к небу положением, а его походка свободна и величественна, так как она отрывается от земной поверхности. Некоторые виды животных тоже являются благородными, даже некоторые виды растений и минералов, но их благородство фрагментарно по сравнению с человеком и, следовательно, лишено тотальности; что касается обезьян, то все наоборот, в том смысле, что они явно имеют физическую целостность или близки к ней, но они лишены благородства, то есть они не обладают человеческой походкой и осанкой, а этого вполне достаточно, чтобы определить их как животных. Обезьяна — это человек, представленный в чистой животности, в то время как в животно-подобном человеке животность поглощает человека, а человечность является как бы случайной.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

Только у человека голова «освобождена» от тела так, чтобы властвовать над ним, как будто бы представляя собой новое и независимое существо, подобно Духу, господствующему над хаосом[6]. В оппозиции между головой и телом, когда каждая составляющая кажется самостоятельным миром, голова олицетворяет мужчину, Сознание, а тело — женщину, Существование; тем не менее все тело полностью представляет собой женский аспект, когда оно противопоставляется сердцу, которое указывает на божественный Интеллект, по отношению к которому как ментальное, так и телесное творение оказывается в зависимом положении и имеет лунарный характер[7].

Теоморфизм поднимает вопрос телесных и ментальных различий между полами, ибо каждый из них является теоморфным, но в то же время отличается от противоположного. Мужское тело представляется как откровение Духа, оно проявляет интеллект, торжествующую силу, невозмутимость, активное совершенство; женское тело подобно откровению Экзистенции, оно открывает Субстанцию, или Тотальность — а не Центральность — как мужское тело, — оно проявляет красоту, трогательную невинность, плодородие, пассивное совершенство.

Внутри тех самых рамок человеческого теоморфизма, отбросив вопрос о превосходстве и подтверждая для того и для другого пола право на центральность и тотальность, мужчина олицетворяет знание, а женщина — любовь; или, опять же, мужское тело является более «геометрическим», ведь оно, в конечном итоге, — «абстрактный» образ божественной Личности, в то время как женское тело является «музыкальным» и кажется как бы «конкретным» выражением нашей экзистенциальной Субстанции и бесконечного Блаженства *in divinis*. Женское тело состоит из благородства и невинности, то есть оно является благородным ввиду своего теоморфизма (и в этом отношении оно не отличается от мужского тела, разве только модальностью) и невинным потому, что оно отражает невинное существование; его благородство подчеркивается вертикальными линиями, а невинная животворящая сила — изгибами, и, таким образом, в женской плоти проявляются фундаментальные аспекты Первичной Материи (*Materia Prima*): возвышенность, чистота и милосердие *Virgo Genitrix*, которая есть «благодатная». Красота женщины предстает перед взглядом мужчины как откровение блаженства Сущности, так как он сам является как бы кристаллизацией последней и, в этом отношении, женственность трансцендирует его, что объясняет алхимическую роль и «растворяющую» Силу женской красоты: волнующий шок эстетического мгновения, в глубочайшем смысле этого слова, является средством «смягчения затвердевшего сердца», а страстная эмоция, в том случае, когда ее «идолопоклонническая» сторона не нейтрализуется путем традиционного посвящения, не может избежать хаотичной и, в принципе,

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

прометеевской и тленной животности. Надо заметить, что с духовной точки зрения тело является как бы «обоюдоострым телом»: оно может быть носителем «сознательного существа», созерцательной «не-мысли», или своего рода онтологического и благодатного спокойствия, но также — физической и чувственной уверенности, когда тело «живет» ориентируясь только на «экзистенцию», а не на чистое Бытие. Возможность созерцательного сочетания телесного и духовного (мы не имеем в виду прежде всего сексуальности) будет зависеть как от индивидуальных, так и от коллективных ментальных структур[8].

Человеческое существо состоит из геометрии и музыки, духа и души, мужского и женского: при помощи геометрии в экзистенциальном хаосе оно восстанавливает порядок, то есть слепой субстанции оно возвращает онтологическую значимость и, таким образом, устанавливает точку связи между Землей и Небом, как бы «указатель» в сторону Бога; при помощи музыки оно возвращает сегментацию формы назад к объединяющей жизни, редуцируя форму, которая есть смерть, к Сущности, во всяком случае, символически и виртуально, так что она вибрирует с радостью, которая одновременно является ностальгией по Бесконечности[9]. Мужское тело символически указывает на победу Духа над хаосом, а женское тело — на освобождение формы благодаря Сущности: первое является как бы магическим знаком, способным обуздать слепые силы Вселенной, а второе — как бы небесной музыкой, возвращающей падшей материи ее райскую прозрачность, или, выражаясь языком даосизма, заставляющей цвести деревья из-под снега.

Материя на самом деле может принять божественную форму, но эта форма «гаснет» из-за невзгод, вызванных ее пленением. Человеческое тело, благодаря своему теоморфизму, имеет в себе нечто божественное, так что существует опасность вообразить себя Богом, или божественным существом, если сама экзистенция не толкала бы к скромности; присущая теоморфизму скромность видна везде в окружающей нас природе, что подтверждается примером солнца, которое, будучи физическим отражением божественного Интеллекта, сотворено «для того, чтобы пасть ниц, — как говорят мусульмане, — перед троном Аллаха». В обоих случаях прямой теоморфизм, с одной стороны, и экзистенциальная покорность, с другой (или, иначе говоря, духовная значимость и физическая необходимость), совпадают; последняя никогда не дает достаточного объяснения данных несовершенств, а именно потому, что она предполагает метафизические условия, без которых она сама была бы лишена экзистенции. Мы можем добавить, что дьяволу всячески выгодно заставить нас верить, что физическая животность есть то, чем мы на самом деле являемся, что творение есть своего рода жалкая случайность, как будто бы естественные недостатки, наоборот, не напоминают нам, что

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

мы отличаемся от них и что родина наша находится в другом месте. Нет смысла спрашивать о том, природа ли со своими нечистотами издевается над человеком или человек со своими предрассудками издевается над природой; человек не «от мира сего», и мир сей заставляет его осознать это во имя Бога, ибо ничто не есть случайность, все является божественным посланием. Ничто так не очищает нас от психических следов физической материальности, как осознание сущей необходимости вещей, а также их небытия.

Падение человека*

...Грех Адама, в некотором смысле, это грех любознательности, если можно так выразиться. Вначале взору Адама все случайности были видны в аспекте их связи с Богом, а не как независимые сущности. Все, что рассматривается в этой связи, находится по ту сторону зла, однако желание видеть случайное уже само по себе есть желание зла, как и желание видеть добро как нечто противоположное злу. В результате этого греха любопытства, так как Адам захотел увидеть «другую сторону» случайности, Адам сам и весь мир впали в случайность как таковую; связь с божественным Источником была прервана и стала не видна; мир внезапно оказался внешним по отношению к Адаму, вещи стали непрозрачными и тяжелыми, словно неинтеллигибельные и друг другу враждебные фрагменты. Эта драма всегда повторяется снова и снова как в коллективной истории, так и индивидуальной жизни.

Бессмысленные знания, то есть знания, на которые мы не имеем права, потому что по природе своей они нам не предназначены, или потому что они не являются плодом наших естественных возможностей или не отвечают нашему призванию, не обогащают, а обедняют нас. Адам стал нищим после того, как он познал случайное как таковое, или случайное настолько, насколько оно ограничивает. Мы должны не доверять очарованию бездны, которая нас манит, ибо сама природа космических тупиков такова, что они обольщают и играют роль вампира, так как поток форм не заинтересован в том, чтобы мы вышли из-под его господства. Формы могут оказаться ловушкой так же, как они могут служить символом или ключом к духовному; красота способна привязать нас к формам, но в то же время она способна стать открытой дверью на пути к бесформенному.

Опять же, слегка изменив точку зрения, можно сказать, что грех Адама состоит в том, что на экзистенцию, которая была блаженством,

* Из *Light on the Ancient Worlds*, стр. 43–49.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

он пожелал наложить нечто другое; таким образом Адам потерял свое блаженство и был погружен в обманчивую суматоху ненужных вещей. Вместо того, чтобы отдыхать в невозмутимой чистоте Экзистенции, падший человек втянут в круговорот существующих вещей, которые, будучи случайными, также обманчивы и недолговечны. В христианском космосе Пресвятая Дева является воплощением этой белоснежной чистоты; Она неприкосновенна и милосердна, как Экзистенция, или Субстанция. Бог, воплощаясь, влечет за Собой и Экзистенцию, которая является как бы Его Троном; Он распорядился так, чтобы она предшествовала Ему и чтобы Он через нее появился в мир. Бог может снизойти в мир только через невинную Экзистенцию.

* * *

Проблема грехопадения ставит вопрос об универсальной теофании, ибо само существование мира уже поднимает этот вопрос. Грехопадение — это всего лишь особая цепь во всем процессе; более того, оно не везде изображается как «проступок», ибо в некоторых мифах оно принимает форму, не связанную с человеческой или ангельской ответственностью. Если существует космос и универсальная манифестация, должно произойти и падение, или падения, ибо, сказав «манифестация», мы говорим «иное, чем Бог», «отделение».

В земной сфере божественное Солнце находится под покрывалом, вследствие чего мерки вещей становятся относительными, и человек может принять себя за того, чем он не является, а вещи тоже могут показаться чем-то иным, нежели то, что они есть на самом деле; но достаточно только поднять покрывало в момент рождения, который мы называем смертью, как появляется божественное Солнце, мерки становятся абсолютными, а существа и предметы становятся тем, что они есть согласно своей подлинной природе.

Это не значит, что божественные мерки не достигают этого мира, но — что они как бы проходят через «фильтр» экзистенциальной скорлупы; прежде они были абсолютны, потом стали относительны, а отсюда — текучий и неопределенный характер вещей на земле. Звезда, которая есть наше солнце, это не что иное, как Бытие, видимое через этот «панцирь»; в нашем микрокосме Солнце представляется сердцем. Как раз потому, что мы во всех отношениях живем под таким «панцирем», мы нуждаемся в космическом расщеплении, которое является нам в виде Откровения, для того, чтобы знать, кто мы и куда мы идем; и надо указать в этой связи, что Абсолют никогда не позволяет себе стать относительным в полном и непрерывном виде.

В падении и его последствиях, появляющихся во времени, мы видим, что элемент «абсолютности» в конце концов поглощается элемен-

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

том «относительности»; природа солнца такова, что ночь поглощает его, но тем не менее, природа света такова, что свет «во тьме светит» и «тьма не объяла его». Большое число мифов выражает эту космическую фатальность, присущую как бы самой природе так называемого «царства демиурга».

Прообразом падения фактически является процесс универсальной манифестации. Идеи манифестации, проекции «отчуждения», выхода предполагают идеи регрессии, реинтеграции, апокатастасиса; заблуждение материалистов, несмотря на все тонкости, которые они могут использовать, стараясь устранить конвенциональную и сейчас уже «устаревшую» идею материи, состоит в том, что материю они считают своей исходной точкой, как будто бы она представляет собой первоначальный и незыблемый факт, в то время как она является только движением, своего рода преходящим сжатием субстанции, которая сама по себе недоступна нашему восприятию. Материя, которую мы знаем, включая все, что она содержит, возникает из сверхчувственной и в высшей степени пластической протоматерии; именно в этой протоматерии отражается или «воплощается» первоначальное земное существо, на что в индуизме указывает миф о жертвоприношении Пуруши. Из-за тенденции к сегментации, присущей протоматерии, божественный образ был разбит и размножен, однако творения не были индивидуальностями, разрывающими друг друга на куски, а все еще представляли собой созерцательные состояния, возникшие согласно своим ангельским моделям и через них восходящие к божественным Именам. Именно в этом смысле можно сказать, что в Раю овцы обитали рядом с львами, однако в данном случае речь идет только о «гермафродитных» прототипах сверхчувственной сферической формы, о божественных возможностях, проистекающих из качеств «милости» и «строгости», «красоты» и «силы», «мудрости» и «радости». В этой протоматериальной *hyle* произошло творение всех видов существ и человека, творение, напоминающее «внезапную кристаллизацию сверхнасыщенного химического раствора». После «создания Евы» — биполяризации первоначального «андрогина» — произошло «падение», то есть экстериоризация человеческой пары, что повлекло за собой (так как в тонкой и лучезарной протоматерии все было связано между собой и составляло как бы одно целое) экстериоризацию, или «материализацию», всех живых существ, а также их «кристаллизацию» в чувственной, тяжелой, непрозрачной и тленной материи.

Платон в «Пире» напоминает предание, что человеческое тело, или даже просто любое живое тело, является полусферой; все наши способности и движения ищут и стремятся к потерянному центру, который мы чувствуем «перед собой», — потерянному, но символически и косвенно восстанавливаемому во время совокупления. Но результатом является

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

лишь прискорбное возобновление драмы: новое вхождение духа в материю. Противоположный пол — это всего лишь символ: настоящий центр сокрыт внутри нас, в сердце-интеллекте. Существо находит нечто от этого потерянного центра в партнере; возникающая вследствие этого любовь является, можно сказать, далекой тенью любви к Богу и стремления к Его внутреннему блаженству; кроме того, это тень знания, которое как бы сжигает формы в пламени, объединяет и освобождает.

Весь космогонический процесс в статическом модусе снова обнаруживается в человеке: мы сотворены из материи, то есть ощутимой плотности и «затвердения», но в центре нашего существа кроется сверхчувственная и трансцендентная реальность, которая одновременно является бесконечно бурлящей и бесконечно мирной. Верить, что материя есть «альфа», которая всему дает начало, равнозначно утверждению, что наше тело является началом души и поэтому начало нашего эго, нашей интеллектуальности и наших мыслей лежит в наших костях, мускулах и вообще телесных органах. В действительности, если Бог есть «омега», то, чтобы избежать абсурда, Он необходимо есть и «альфа». Космос — это «послание Бога Себе через Себя», как сказали бы суфии, и Бог является «Первым и Последним», а не только Последним. Здесь есть своего рода «эманация», но она строго прерывиста благодаря трансценденции Принципа и непременной несоизмеримости уровней; эманационизм, наоборот, основывается на такой идее непрерывности, которая не позволяет Принципу остаться незатронутым манифестацией. Уже говорилось, что видимая вселенная является взрывом и, следовательно, рассеиванием, начиная с таинственного центра; несомненно то, что Вселенная в своей тотальности, большая часть которой остается для нас невидимой в принципе, а не только *de facto*, представляет собой подобное движение в абстрактном, или символическом, смысле и наконец достигает мертвой точки своего расширения; эта точка определяется, во-первых, относительностью как таковой, а во-вторых, изначальными возможностями данного цикла. Само живое существо напоминает кристаллизованный взрыв, если можно так выразиться, подобно тому, как если бы существо превратилось в кристалл из-за страха перед лицом Божьим.

* * *

Человек, закрыв себе доступ к Небу и многократно повторив свое изначальное падение, каждый раз оказывался внутри все более узких рамок, пока наконец не потерял интуицию всего того, что превышает его самого. Он опустился ниже своей подлинной природы, ибо невозможно быть полностью человеком иначе, как только в согласии с Богом, ибо и земля прекрасна лишь благодаря своей связи с Небом. Даже если и сохраняется верование, человек все больше и больше забывает, что представляют

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

собой основные требования религии; он недоумевает перед лицом бедствий мира сего, не подозревая, что они могут быть действием благодати, поскольку подобно смерти снимают покров земной иллюзии и таким образом позволяют человеку «умереть до смерти», а следовательно — победить смерть...

Даже сами верующие по большей части слишком равнодушны, чтобы конкретно почувствовать, что Бог не только «над» нами, на «Небе», но и «впереди» нас, в конце мира сего или даже просто в конце нашей собственной жизни; что безжалостная сила тащит нас через жизнь, что в конце пути Бог ожидает нас; что в один прекрасный день мир исчезнет из виду и будет поглощен невообразимым вторжением чисто чудесного — невообразимым потому, что оно превышает весь человеческий опыт и все здешние мерки. Человек не в состоянии, обратившись к своему прошлому, представить себе нечто подобное, сродни тому как поденка не имеет никакого понятия о смене времен года; существо-однодневка, родившееся в полночь, даже не подозревает о восходе солнца, поэтому внезапное появление солнечного диска, непредставимое из-за отсутствия аналогических феноменов в течение долгих часов ночи, показалось бы ей неслыханным апокалипсическим чудом. Именно так явится Господь. И не будет больше ничего, только это Пришествие, только это Присутствие, ибо мир сей будет развеян...

Человек во Вселенной *

Современная наука, которая является рационалистической относительно своего субъекта и материалистической относительно своего объекта, может описать наше положение физически и приблизительно, но она не способна поведать ничего относительно нашего сверхпространственного положения в целостной реальной Вселенной. Астрономы более или менее знают, где мы находимся в пространстве, в каком относительно «месте», в которой из периферийных ветвей Млечного Пути, и они, может быть, знают, где помещается Млечный Путь среди других сгущений звездной пыли, но они не знают, где мы находимся в экзистенциальном «пространстве», а именно, что мы находимся в состоянии затвердения, как бы в центре, или на вершине, и что одновременно мы находимся на краю необъятного кругового «вращения», которое есть не что иное, как поток форм, «сансарическое» течение феноменов, *panta rhei* Гераклита. Профаническая наука, стремясь проникнуть в тайну вещей, которые служат вместилищем, — в пространство, время, материю,

* Из *Light on the Ancient Worlds*, глава 7.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

энергию, — забывает о тайне вещей, которые суть содержание: она старается объяснить основные свойства наших тел и сокровенные действия души, но она не знает, что такое интеллект и бытие, и потому, опираясь на свои «принципы», она не способна понять, что такое человек.

Когда мы оглядываемся вокруг, что мы видим? Во-первых, существование, во-вторых, различия, в-третьих, движения, модификации, трансформации, в-четвертых, исчезновение. Все эти вещи, вместе взятые, манифестируют состояние универсальной Субстанции: это состояние является кристаллизацией и вращением, твердостью и рассеиванием, затвердением и сегментацией. Подобно тому, как вода содержится во льде, а движение ступицы — в ободе, так и Бог пребывает в феноменах; Он доступен в них и через них — в этом вся тайна символизма и имманенции, Бог есть «Внешний» и «Внутренний», «Первый» и «Последний».

Бог очевиднее всех очевидностей. Все имеют центр, поэтому все вещи, взятые в целом, то есть мир, тоже имеет центр. Мы находимся на периферии «чего-то абсолютного», и это «нечто» не может быть менее мощным, менее осознающим, наделенным меньшим интеллектом, нежели мы сами. Люди думают, что они имеют «надежную почву» под ногами и обладают реальной силой; они чувствуют себя вполне «как дома» на земле и придают себе весьма большое значение, хотя не знают ни откуда пришли, ни куда идут, влекомые невидимой силой на протяжении всей их жизни.

Все вещи ограничены. Идея ограничения неотделима от идеи следствия, а идея следствия, подобным же образом, неотделима от идеи причины; значит все вещи, как своей ограниченностью, так и содержанием служат доказательством существования Бога, Первопричины и, тем самым, безграничности.

Или опять же: что доказывает внешне существование Абсолюта? Во-первых, относительное, поскольку оно имеет смысл только благодаря абсолютному, «которое его ограничивает», а во-вторых, «относительно абсолютное», то есть отражение Абсолюта в относительном. Вопрос о внутренних или прямых доказательствах Абсолюта не возникает, ибо свидетельство тому — сам Интеллект, а следовательно — наше бытие в целом, и поэтому косвенные доказательства могут рассматриваться только как вспомогательные или случайные причины; в Интеллекте субъект и объект неразделимы, они взаимопроникают. Уверенность, однако, существует, иначе мир не существовал бы; поэтому нет смысла отрицать ее на уровне чистого и универсального интеллекта.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

* * *

Ego одновременно есть цикл и система образов — нечто, напоминающее музей и уникальное, необратимое путешествие через этот музей. *Ego* — это движущаяся ткань, сотканная из образов и тенденций; тенденции возникают в нашей собственной субстанции, а образы доставляет нам окружающая среда. Мы помещаем себя в вещи и помещаем вещи внутрь себя, тогда как наше подлинное бытие от них не зависит.

Наряду с системой образов и тенденций, составляющих наше *ego*, существуют мириады других систем образов и тенденций. Некоторые из них хуже или менее красивы, чем наши, другие лучше или красивее наших.

Мы являемся как бы пеной, которая постоянно возникает на поверхности океана существования. Но поскольку Бог пожелал поместить Себя в этой пене, ей суждено стать морем звезд, когда наступит время окончательной кристаллизации духа. Когда земная случайность будет оставлена позади, крошечная система образов станет бессмертной звездой в нимбе Божества. Эта звезда может постигаться на разных уровнях, а божественные Имена — это ее архетипы; по ту сторону звезд пылает Солнце Самости в своей ослепительной трансценденции и в своем бесконечном спокойствии.

Человек не выбирает, он следует своей природе и своему призванию, а выбирает Бог.

* * *

Человек, попавший в трясину и знающий, что он может из нее выкарабкаться тем или иным способом, приложив для этого определенные усилия, не думает восставать против законов природы или проклинать существующее; ему вполне ясно, что болото может существовать, что существует такая вещь, как вес, и поэтому он думает лишь о том, как выбраться из трясины. Итак, мы находимся в трясине земного существования, и мы знаем, что можем из нее выбраться, несмотря на всевозможные испытания; Откровение дает нам в этом заверение, и Интеллект способен осознать это *a posteriori*. Поэтому абсурдно отрицать Бога и поносить мир по той причине, что существование являет трещины, которых оно не может не явить, так как иначе его самого не было бы и оно ничего не смогло бы «осуществить».

Мы помещены как бы над слоем льда, которого ни наши пять чувств, ни наш разум не способны пробить, но Интеллект, являющийся одновременно зеркалом сверхчувственного и сверхъестественным лучом света, проходит через него без труда, если только Откровение позволяет интеллекту осознать свою истинную природу. Религиозное верование

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

тоже прорывается через космическую скорлупу, часто интуитивно, менее прямым и более эмоциональным образом; божественное Милосердие, которое содержится в универсальной Реальности и которое свидетельствует о фундаментально «благосклонном» характере Реальности, настолько сильно хочет, чтобы Откровение пробилось через слой льда или скорлупу, что мы никогда не бываем полностью оторваны от Откровения, разве только сами отказываемся от Милосердия. Принимая лед, который держит нас в плену, за Реальность, мы не осознаем, что он от нас скрывает и не испытываем желания освободиться, и пытаемся заставить лед преобразиться в радость. В сфере физических законов никто и не думает отказаться от Милосердия, которое косвенным образом присуще самой природе вещей: ни один тонущий человек не откажется от протянутого ему шеста, но слишком много людей отказывается от Милосердия тотального масштаба, потому что оно выходит за узкие рамки ежедневного опыта и не менее узкие пределы понимания. Человек, в общем, не желает спасения, разве только при условии, что ему не надо будет превзойти самого себя.

Тот факт, что мы находимся в плену у наших пяти чувств, содержит в себе аспект Милосердия, как ни парадоксально это звучит после всего сказанного. Если число наших чувств умножилось бы, а теоретически и в принципе не существует никакого предела их умножению, то объективная реальность пронеслась бы сквозь нас стремглав, как ураган; она бы разорвала нас на куски и одновременно раздавила бы нас. Наше «жизненное пространство» стало бы прозрачным, и мы были бы как подвешенные над пропастью или неслись через неизмеримый макрокосм, с его, так сказать, разверстыми внутренностями, полные ужаса. Вместо того чтобы жить в материнском, милостиво непрозрачном и огражденном уголке вселенной (ибо мир есть лоно матери, а смерть — мучительное рождение), мы вечно находились бы лицом к лицу с тотальностью пространств, или бездн, а также с мириадами творений и феноменов, таких, которых ни один человек не смог бы перенести. Человек сотворен для Абсолюта, или Бесконечности, а не для безграничной случайности.

Человек как бы похоронен под слоем льда. Его восприятие льда принимает разнообразные формы: временами это космический лед, которым материя стала в ее настоящем и постэдемическом состоянии, а иногда это лед невежества.

Добро лежит в самой субстанции Вселенной, и по этой причине оно пронизывает ту материю, которую мы знаем как «прóклятую». Плоды земли и дождь, который падает с неба и делает жизнь возможной, — все это есть проявление Добра, которое всюду проникает и согревает мир; и мы носим это Добро внутри себя, на дне наших холодных сердец.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

* * *

Символизм фонтана напоминает нам, что все вещи, по определению, являются экстериоризацией, обращенной в пустоту, которая сама по себе не существует, но тем не менее воспринимаема в явлениях; вода, согласно данной системе образов, есть «вещество, из которого сотканы сны» (Шекспир), которое порождает миры и существа. Расстояние между каплями воды и источником, на макрокосмической шкале, связано с принципом свертывания и затвердения, а также, в некотором плане, — с индивидуализацией; вес, заставляющий капли падать вниз, — это сверхъестественное притяжение божественного Центра. Образ фонтана, однако, не учитывает уровней реальности, а также — абсолютной трансценденции Центра, или Принципа, а то, что он учитывает, это единство «субстанции», или «не-нереальности», а не экзистенциальное разделение, отделяющее относительное от Абсолюта; первое отношение ведет от Принципа к манифестации, второе — от манифестации к Принципу; это единичность, с «точки зрения» Принципа, и множественность, или отдаленность, с точки зрения созданий, поскольку они являются сами собой и не более.

В некотором смысле миры есть как бы живые тела, а существа являются кровью, или воздухом, циркулирующим по ним; как содержимое, так и вместилища — «иллюзорные» проекции Принципа, иллюзорные потому, что в действительности ничто не может существовать отдельно от него, тем не менее содержимое это динамично, а вместилища статичны; различия этого не видно в символизме фонтана, но оно появляется в символизме дыхания или циркуляции крови.

Мудрец смотрит на вещи в связи с их неизбежно несовершенной и эфемерной экстериоризацией, но он также смотрит на них в связи с их совершенным и вечным содержанием. В моральном и поэтому чисто человеческом и волевом контексте эта экстериоризация косвенно совпадает с идеей «греха», так что человек, поскольку он есть активное и страстное создание, никогда не должен упускать этого из виду...

* * *

Надо знать то, что несет в себе некое содержимое и не рассеивается в этом содержимом. То, что содержит, — это, во-первых, чудо существования, во-вторых, чудо сознания, или интеллекта, а в-третьих, чудо радости, которое, подобно всеобъемлющей и созидательной мощи, заполняет все экзистенциальные и интеллектуальные «пространства». Все, что неспособно быть бессмертным, должно сгореть; случайности исчезают, остается лишь Реальность.

В каждом человеке есть несокрушимая звезда, субстанция, которая

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

призвана выкристаллизоваться в Бессмертие; своим вечным прообразом она имеет лучезарную близость Самости. Человек высвобождает эту звезду из пут времени посредством истины, молитвы, добродетели, а не иначе.

ЖЕНЩИНА

Женщина и интериоризация*

«Женщины, благовония и молитва» — эти три вещи, согласно знаменитому хадису, «достойны любви» Пророка, и этот символизм представляет нам краткое учение об отражениях любви Внутреннего Принципа во внешнем плане. Женщина, синтезирующая в своей субстанции чистую природу, храм и духовное общество, представляет собой то, что наиболее любимо для мужчины: в своем высшем аспекте она является формальной милосердной и бесконечной проекцией Внутреннего во внешнем и, в этом отношении, она выполняет полусакральную и освободительную функцию. Что касается «благовоний», то они представляют собой качества и красоту, которые бесформенны, точно также, как и музыка; это значит, что, наряду с формальной проекцией Внутреннего, существует также и дополнительная бесформенная проекция, символизируемая не зримыми или осязаемыми, а слышимыми и обонятельными качествами; благовония — суть молчаливая музыка.

Что касается «молитвы», третьего элемента, упомянутого в хадисе, то ее функция именно и состоит в том, чтобы вести от внешнего к Внутреннему, она одновременно освящает и преобразовывает качественные элементы внешней сферы; из этого видно, что троичность, содержащаяся в высказывании Мухаммада, отнюдь не является поразительной случайностью или шокирующим восхвалением земной суеты, как думают те, кто понятия не имеет ни о восточном символизме в целом, ни об исламской перспективе в частности, а совсем наоборот — она представляет собой учение, которое вполне гомогенно и основывается, разумеется, не на моральной или эстетической альтернативе[1], а на идее метафизи-

* Из *Dimensions of Islam*, глава 9.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

ческой прозрачности вещей. Природа этих трех элементов триады может быть далее описана при помощи понятий, перечисленных здесь в соответствующем порядке, а именно — «красоты», «любви» и «святости»: красота и любовь отражают Внутреннее во внешнем мире, а святость, или священное, устанавливает мост в обеих направлениях — между внешним и внутренним планом.

«Все, что красиво, исходит от Красоты Бога», — говорится в хадисе. Мусульмане охотно утверждают связь между красотой и любовью, и мало склонны разъединить эти два элемента, которые для них являются двумя лицами одной и той же реальности; кто говорит красота, говорит любовь, и наоборот, в то время как для христиан мистическая любовь почти исключительно ассоциируется с жертвой, за исключением рыцарского эзотеризма и его проявлений.[2] Только что приведенный хадис в действительности содержит в себе целую доктрину земных проявлений любви к Богу, сочетаясь со следующим хадисом: «Бог красив, и Он любит красоту»; это есть учение о метафизической прозрачности феноменов. Понятие красоты, или гармонии, со всеми подразумеваемыми ею тонкими ритмами и симметриями, имеет в исламе самое широкое значение: «Богу принадлежат самые красивые Имена», — говорится в Коране не единожды, а добродетели именуются «красивыми вещами» (*husna*). «Женщины и благоухания»: в духовном смысле, это — формы и качества, то есть истины, которые одновременно расширяют и приносят плоды, а также добродетели, которых эти истины порождают, и которые связаны с ними в нас.

«Все на земле проклято, кроме поминания Бога», — сказал Пророк и это высказывание надо толковать не только с точки зрения абстракции (*tanzih*), но и с точки зрения аналогии (*tashbih*), а это означает, что поминание Бога есть не только внутреннее, лишенная образов и ароматов, но также и восприятие Божественного в символах (*ayat*) мира. Иначе говоря, вещи прокляты или бренны настолько, насколько они предстают в чисто внешнем и овеществленном виде, а не насколько они актуализируют поминание Бога, и проявляют архетипы, содержащиеся во внутренней и Божественной Реальности. Все, что в окружающем нас мире сопутствует нашей любви к Богу или нашему выбору «внутреннего измерения», в то же самое время сопутствует той любви, которую Бог проявляет в наш адрес, или посланию надежды «Царства Божия, которое внутри тебя».

Эти соображения, или просто понятие «любви к Богу», ведет нас к вопросу о Божественной Личности в связи с нашей способностью любить: можно задуматься, почему Писания наделяют Бога мужским характером, и ка́к человек — мужчина, — естественным образом ориентированный на женщину, может направить всю свою любовь в сторону Божественной Личности, которая, кажется, исключает женственность?

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

Ответ звучит так, что мужской характер Бога в семитском монотеизме не означает, что Божественное Совершенство исключает женские совершенства (что немыслимо), а просто указывает на то, что Бог есть тотальность, а не часть, и эта тотальность своим образом имеет именно мужчину — отсюда и преимущество последнего по отношению к женщине, преимущество, которое в других отношениях является весьма относительным и вообще не существует; поистине, важно понять, что мужчина не есть тотальность таким же самым образом, как и Бог, и что женщина не является «частью» в абсолютном смысле, так как оба пола, будучи в равной степени человеческими, разделяют природу друг друга.

Если каждый пол представлял бы собой полюс, то Бог не был бы ни мужским, ни женским, так как было бы ошибкой речи свести Бога к одному из двух друг друга дополняющих полюсов, но если, наоборот, каждый пол представляет собой совершенство, Бог имеет характеристики обоих, хотя активное совершенство всегда имеет преимущество над пассивным совершенством. Хотим мы этого, или нет, в христианстве Пресвятая Дева берет на себя функцию женского аспекта Божества, во всяком случае на практике, и несмотря на все типологические предосторожности; однако, в глазах автора, это замечание вовсе не является упреком, прямо наоборот — оно имеет для него самое позитивное значение. В исламе иногда говорится, что человек имеет женский характер по отношению к Богу, но, с другой точки зрения, учение о Божественных Именах подразумевает, что Божество обладает всеми возможными качествами, и если в совершенной женщине мы созерцаем некие ей присущие качества, то она имеет их всего лишь настолько, насколько они являются отражением соответствующих Божественных Качеств...

СЕКСУАЛЬНОСТЬ

Проблема сексуальности*

В принципе было бы невозможно исключить из духовной жизни такую фундаментальную с человеческой точки зрения область, как сексуальность; секс является аспектом человека. На Западе сексуаль-

* Из *Esoterism as Principle and as Way*, стр. 129–145.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

ность традиционно несет на себе отпечаток августиновского богословия, которое рассматривает брак более или менее утилитарно, отрицая тем самым подлинную реальность предмета. Согласно этой перспективе, оставив в стороне любой апологетический эвфемизм, совокупление само по себе есть грех; следовательно, дитя рождается во грехе, но Церковь возмещает, или даже больше чем возмещает это зло добром, то есть крещением, верой и священной жизнью. С другой стороны, согласно перспективе предвечной традиции, которая основывается на подлинной природе обсуждаемых реалий, половой акт является «естественно сверхъестественным» сакральным. В первоначальном человеке сексуальный экстаз совпадает с духовным экстазом, он несет человеку опыт мистического единения, «воспоминания» Божественной Любви, далеким отражением которой выступает любовь человеческая; двусмысленным отражением, разумеется, поскольку образ одновременно является адекватным и перевернутым. Именно в этой двусмысленности и лежит вся проблема: первобытная, «языческая», греко-индийская перспектива, которая *de facto* является эзотерической перспективой в христианском контексте, основывается на адекватности образа, так как дерево, отраженное на водяной поверхности, все же остается деревом, а не чем-то иным; аскетическая, опирающаяся на покаяние и фактически экзотерическая перспектива христианства, наоборот, основана на инверсии образа, так как ветви дерева находятся наверху, а не внизу, и отражение не является больше деревом. Однако существует большая несоразмерность между двумя точками зрения: в то время как эзотеризм признает относительную и условную справедливость пути покаяния, этот последний не способен, в свою очередь, признать законность «естественной», первоначальной и участвующей перспективы; именно по этой причине она не может не быть «эзотерической» в августиновском контексте, хотя как таковая она может интегрироваться в экзотеризм, о чем свидетельствует, например, ислам.[1]

В христианской атмосфере сексуальность сама по себе, в стороне от любого извращения, сразу воспринимается как «скотство», в то время как в действительности ничто человеческое не является скотским по своей природе, потому что мы люди, а не звери. Тем не менее, для того, чтобы избежать животности, которую мы разделяем, необходимо, чтобы наши позиции были интегрально человеческими, согласно той норме, которой требует от нас богоподобие, то есть они должны охватить как душу, так и дух, или, иными словами, как благочестие, так и истину. Более того, только слепая страсть павшего человека, а не невинная сексуальность животных, является скотской; когда человек сводится к своей животности, он становится хуже животных, которые не изменяют своему призванию и не нарушают нормы; мы не должны применять табу

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

и анафемы человеческого морализма по отношению к животным, которые являются благородными тварями.

Если половой акт по своей природе был бы грехом, как в основном его рассматривает христианство и вообще философия покаяния,[2] то природа эта передавалась бы ребенку во время зачатия, а если наоборот, половой акт, благодаря своей глубокой и духовно-интегральной природе, представляет действие, которое является похвальным, потому, что в принципе он освящает[3], или выступает как первоначальный элемент сакрального, вызывающий и актуализирующий при надлежащих условиях единение с Богом, то дитя, зачатое согласно этой природе, будет в одинаковой степени наследственно предрасположено к духовному единению, как оно было бы предрасположено к греху в противоположном случае; то обстоятельство, что половой акт сам по себе *de jure*, а не *de facto* является своего рода элементом сакрального, предполагает, что дитя есть дар, а не просто итог совокупления.[4]

Церковь благословляет брак с учетом воспроизведения рода человеческого, с надеждой сделать новорожденных верующими; она благословляет брак, идя, тем самым, на неизбежную и временную уступку «плотскому греху». У нас возникает соблазн утверждать, что все это ближе духу св. Павла, чем Христа, иначе говоря, св. Павел, хотя и ничего не изобретая, ибо об этом не может быть и речи, все-таки подчеркивал отдельные моменты с учетом особого их применения, что само по себе не было необходимо. Несомненно, Христос указал на путь воздержания, однако воздержание не обязательно означает, что половой акт греховен по своей природе; совсем наоборот, оно может означать, что грешники оскверняют его, ибо в половом единении грешники воруют у Бога наслаждение, которое принадлежит лишь Ему. С этой точки зрения, грех Адама состоит в монополизации наслаждения, присвоении себе наслаждения как такового; проступок состоит одновременно в краже и в способе представления себе объекта кражи, а именно удовольствия, которое субстанциально является божественным. Таким образом, грех состоял в узурпации места Бога при одновременном удалении от божественной субъективности, к которой человек был причастен вначале; это значило лишиться причастности к божественной субъективности и сделать себя абсолютным субъектом. Человеческий субъект, сделав себя Богом, тем самым ограничил и исказил объект своего счастья и все свое космическое окружение.

Разумеется, намерением Христа не могло быть просто желание избежать профанации естественного и первоначального таинства, здесь было также и прежде всего стремление предоставить духовные средства, пригодные для аскетической перспективы, так как целомудрие является необходимым ферментом этого пути, имея в виду именно двусмыслен-

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

ность сексуальности. В Кане Христос освятил или благословил брак, и никто не сумеет сказать, что он сделал это в согласии с точкой зрения св. Павла или св. Августина: он превратил воду в вино, что являет нам яркий пример символизма и, по всей вероятности, больше указывает на возможность одновременно телесного и духовного единения, а не на моральный и социальный оппортунизм богословов; если речь шла бы исключительно о телесном единении, то оно на самом деле не было уже человеческим.[5]

Более того, если деторождение является таким важным делом, то невозможно, чтобы действие, которое есть его *conditio sine qua non*, было бы прискорбной случайностью и чтобы этот акт, наоборот, не имел священного характера, соразмерного с его важностью и со святостью самого деторождения. И если можно отделить, как это делают богословы, деторождение от полового акта, подчеркивая лишь первое, равным образом можно отделить половой акт от деторождения, акцентируя один только акт в соответствии с его собственной природой и его непосредственным контекстом; это означает, что любовь имеет качество, которое делает ее независимой от чисто биологического и социального аспекта, как об этом свидетельствует ее богословский и мистический символизм.

Можно производить потомство и не любя, также, как можно любить не производя потомства; любовь Иакова к Рахиль не потеряла своего значения по той причине, что Рахиль долгое время была бесплодной, а Песня Песней Соломона не стремится оправдать себя никакими демографическими соображениями.

Без всякого сомнения, Христос не был ни против брака, ни даже, по всей вероятности, против полигамии; притча о десяти девах, кажется, свидетельствует об этом[6]. В христианском мире следовало бы позволить полигамию для царей, если не для всех верующих; много войн и много тиранических давлений на Церковь можно было бы избежать, включая и англиканскую схизму. Да не разъединит человек то, что Бог соединил, сказал Христос, осуждая развод; женитьбы царей, однако, в большинстве случаев были результатом политической сделки, и это не имеет ничего общего с Богом, а тем более с любовью. Полигамия, как и моногамия, держится на естественных факторах: если моногамия нормальна потому, что первое бракосочетание было по необходимости моногамным и потому, что и женщина, и мужчина как таковые полностью открываются в одной личности, то полигамия, в свою очередь, объясняется, с одной стороны, биологическими факторами и социальными, или политическими обстоятельствами, по крайней мере в некоторых обществах, а с другой стороны, тем обстоятельством, что бесконечность, которую женщина собой представляет, позволяет многообразие аспектов; мужчина тянется к периферии, которая освобождает, так же,

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

как женщина основывается в центре, который защищает.[7] К этому надо добавить, оставив в стороне все соображения о благопристойности, что северяне более или менее склонны к моногамии, по явным причинам климата и темперамента, в то время как большинство южан имеют, кажется, естественную склонность к полигамии, — разнообразной по форме и уровню. Так или иначе, на Западе было ошибкой наложить на целое общество мораль монахов, которая вполне законна в своем контексте, но не должна распространяться на целое общество, и которая все-таки основана на заблуждении, что сексуальность есть своего рода зло, то есть, зло, которое следует свести к минимуму и терпеть только благодаря такому подходу, который считает несущественным все, что на самом деле является существенным.

Несомненно, надо провести различие между полигамией, где несколько женщин сохраняют свою личность, и царской «пантогамией», в которой множество женщин представляют женственность в квази-имперсональном виде; последнее было бы оскорбительным для достоинства человеческой личности, если только оно не основывается на идее, что данный жених находится на вершине человеческого совершенства. Пантогамия возможна потому, что Кришна есть Вишну, потому, что Давид и Соломон — пророки, потому, что султан является «тенью Аллаха на земле»; можно, между прочим, сказать, что бесчисленный и анонимный гарем выполняет функцию, аналогичную императорскому трону, украшенному драгоценными камнями, — функцию, аналогичную, но не идентичную, так как трон, сделанный из человеческой субстанции, то есть гарем, гораздо более прямым и более конкретным образом указывает на реальную и взятую взаймы божественность монарха. На профаническом уровне пантогамия эта была бы невозможной, а является ли она законной, или простительной, в любом частном случае, это вопрос, решаемый лишь на основе различия между индивидуальностью, которая может быть ординарной, и функцией, которая возвышена и поэтому может смягчить человеческие несоразмерности и иллюзии.

Мы пишем все это ради объяснения существующего феномена, а не для того, чтобы выразить свое предпочтение или наоборот; наша личная чувствительность здесь ни при чем и может находиться даже в оппозиции тому или иному моральному или социальному решению, законность которого, с определенной точки зрения или в определенном контексте, мы, тем не менее, склонны оправдать.

* * *

Очень важно учитывать возможность воздержания в рамках брака, идущую рука об руку с такими достоинствами, как отрешенность и великодушие, которое является существенным условием сакрализации сек-

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

суальности. Ничто не является более противоположным священному, нежели тирания или тривиальность в области супружеских отношений; воздержание, отказ от привычек и душевная свежесть — это обязательные элементы любой священной сексуальности. В постоянной конфронтации двух существ должны существовать две открытости, создающие равновесие — одно в сторону Неба, а другое на самой земле: должна быть открытость в сторону Бога, который есть третий элемент, стоящий над супругами, и без которого дуальность превратилась бы в оппозицию; а также должна быть открытость, или пробел, разрядка, образно говоря, на непосредственно человеческом плане, и это есть воздержание, которое одновременно есть жертва Богу и проявление уважения и благодарности к супруге (или супругу). Ибо человеческое и духовное супружеское достоинство требует, чтобы он, или она, не стали бы друг для друга привычкой, лишенной всякого воображения и свежести, напротив, видели бы в друг друге тайну; такое состояние требует не только воздержания, но также, и прежде всего, возвышенного характера, который, в конечном итоге, зависит от чувства священного внутри нас или от уровня нашей преданности.

Преданность требует с одной стороны, независимого уважения, а с другой стороны, интимности участия; с одной стороны, самоугасания бедности, а с другой стороны, излучения и отдачи; отсюда — взаимодополнительность отрешенности и щедрости. И в этом контексте необходимо подчеркнуть, что терпеливое и снисходительное отношение к физическому темпераменту супруга является не только состоянием человеческого достоинства, но также и духовной ценностью супружества; периодическое воздержание представляется выражением этого взаимопонимания или этой толерантности.[8]

Для того чтобы не упустить ни одной возможности, мы должны рассмотреть и такой, разумеется, очень редкий, но, тем не менее, само по себе законный случай, когда это воздержание является определяющим, и идеал отношения как брата и сестры сочетается с целомудрием; в этом случае тон задает не педантический и мучительный морализм, а святое детство.[9] Разумеется, платоническое супружество предполагает наличие особого призвания и условий, а также наличие духовной точки зрения, поддерживающей такое решение, согласно словам книги Бытия: «Не хорошо быть человеку одному; сотворим ему помощника, соответственного ему».[10]

* * *

Несомненно, что плоть была проклята из-за грехопадения, но лишь в некотором отношении, то есть в отношении экзистенциальной и формальной прерывистости, а не в отношении духовной и сущностной не-

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

прерывности: человеческое тело, как мужское, так и женское, есть теофания и остается таким, несмотря на падение[11]; любя друг друга, супруги законным образом любят божественную манифестацию, каждый согласно разному аспекту и в различном отношении, хотя божественное содержание благородства, доброты и красоты остаются тем же самым. Основываясь на этой связи, ислам, с одной стороны, косвенно признает священный характер сексуальности самой по себе и, следовательно, утверждает, что каждое дитя рождается мусульманином, а неверным его делают родители, если такое случается.

Христианское богословие, занимающееся вопросами греха и усматривающее соблазнительницу в образе Евы в частности и в женщине вообще, относится к женскому полу с максимальным пессимизмом. Согласно некоторым, один только мужчина сотворен по образу Божию, а женщина нет, в то время как Библия гласит, что Бог не только сотворил человека по Своему образу, но также «мужчину и женщину сотворил их», что неверно истолковывается с большой изобретательностью. В принципе, можно было бы лишь удивляться такому более или менее явному отсутствию проницательности у богословов, но, фактически, в такой ограниченности нет ничего удивительного, учитывая волевой и чувственный характер экзотерической перспективы вообще, что предрасполагает ее к предрассудкам и пристрастности.[12] Первым доказательством, если такие доказательства нужны, что женщина тоже является божественным образом, как и мужчина, есть тот факт, что она — человеческое существо, как и он; она не есть *vir* или *andros*, но, как и он, она есть *homo*, или *anthropos*; ее форма человеческая и, следовательно, божественная. Другое доказательство, которого достаточно, чтобы сразу же покончить с любым сомнением, кроется в том факте, что по отношению к мужчине, и в эротическом плане, женщина выполняет почти божественную функцию, что было бы невозможно, если бы она воплощала не качество абсолютности, а дополнительное качество бесконечности; бесконечности, которая в некотором смысле есть шакти Абсолюта.

Для того, чтобы исправить чрезвычайно односторонние мнения в вопросе пола, мы попытаемся определить три типа взаимоотношений, от которых зависит равновесие между мужчиной и женщиной: во-первых, это сексуальная, биологическая, психологическая и социальная связь, потом — просто человеческая и братская связь, и наконец, истинно духовная и сакральная связь. Что касается первой связи, здесь явно выступает неравенство, и отсюда возникает социальная подчиненность женщины, подчиненность, которая уже имеет своим прообразом физическое строение женщины и ее психологию; но это отношение еще не все, и оно может быть всячески возмещено другими измерениями, в зависимости от индивидуальности и конфронтации. Что касается

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

второй связи, то есть человеческого качества, то здесь женщина равна мужчине, ибо она тоже принадлежит роду человеческому; это сфера не подчиненности, а дружбы и, само собой разумеется, что на этом уровне жена может превышать своего мужа, поскольку одна человеческая индивидуальность может стоять выше другой, несмотря на пол. Наконец, что касается третьей связи, то здесь чрезвычайно парадоксальным образом проявляется обоюдное превосходство: в любви, как мы уже сказали раньше, супруга выполняет, по отношению к своему мужу, божественную функцию, подобно тому, как это делает мужчина по отношению к женщине вообще...

Кришна, великий аватара Вишну, имел много жен, подобно царям пророкам Давиду и Соломону, жившим в более близком к нашему времени; Будда, тоже великий аватара, не имел ни одной;[13] не имели их Шанкара, Рамануджа и другие, представляющие собой второстепенные воплощения, хотя они принадлежат индуистской традиции, как и Кришна. Это свидетельствует о том, что если выбор сексуального опыта или целомудрия может толковаться как вопрос преимущества или более низкого положения в духовном плане, то не менее законным образом он может быть всего лишь делом определенной перспективы, или призвания; вся проблема сводится, таким образом, к различию между «абстракцией» и «аналогией», или к возможностям — будь то интеллектуальной, методической, психологической, квази-экзистенциальной, или, может быть, даже просто социальной, так как любой выбор в принципе является равноценным. Вопрос, который здесь возникает, заключается в том, чтобы знать не просто, что человек выбирает, чего требует или чего желает его особая природа, но, прежде всего, знать, как угодно Богу, чтобы Его постигали: через пустоту, отсутствие всего, что не есть Он, или через полноту Его манифестаций, а может быть через пустоту и полноту попеременно, о чем жития святых подают многочисленные примеры. В конечном итоге, это Бог ищет Сам Себя через игру закрытия и раскрытия Своих покрывал, игру Своего молчания и Своих слов, Своих ночей и дней.

В основе своей каждая любовь является поиском Сущности, или потерянного Рая; нежная или мучительная меланхолия, которая часто сопровождает любовные мотивы в поэзии или музыке, есть свидетельство этой ностальгии по отдаленному Раю, а также — мимолетности земных мечтаний, сладость которых относится именно к Раю, которого мы больше уже не постигаем, или еще не постигаем. Цыганские скрипки тоскуют не только по высотам и безднам той любви, которая слишком человеческая, но в своей глубочайшей и жгучей печали они воспевают жажду вина небесного, которое есть сущность Красоты; вся эротическая музыка, настолько, насколько она является адекватной и благородной,

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

примыкает к звукам флейты Кришны, одновременно чарующей и освобождающей.[14]

Роль музыки, как и женщины, двусмысленна, и то же самое относится к танцевальному искусству и поэзии: наблюдается либо самовлюбленное раздувание эго, либо интериоризация и блаженное растворение в сущности. Женщина, воплощая в себе Майю, динамична в двояком смысле: в смысле экстериоризирующего и отдаляющего излучения, или интериоризирующего и реинтегрирующего влечения; в то время как мужчина фундаментально статичен и неизменен.

Мужчина стабилизирует женщину, женщина оживляет мужчину; далее, что совершенно очевидно, мужчина заключает в себе женщину, и наоборот, имея в виду, что оба они — *homo sapiens*, человек как таковой; и если мы определяем человеческое существо как понтифика (*pontifex*), то, само собой разумеется, что эта функция касается и женщины, хотя она добавляет к ней присущее своему полу свойство милосердия.[15]

Мужчина в своем лунарном и рецептивном аспекте «отмирает» без женщины-солнца, которая дает мужскому гению то, что нужно для его расцвета, и наоборот, мужчина-солнце представляет женщине свет путем распространения своей функции солнца, позволяющей ей реализовать свою идентичность.

Целомудрие может иметь своей целью не только сопротивление диктату плоти, но также, и более основательно, избавление от половой полярности и восстановление единства первородного понтифика, то есть человека как такового; оно, разумеется, не является обязательным условием для достижения этого результата, но представляет отчетливую и ощутимую поддержку для людей определенного темперамента и воображения.

* * *

Если в христианстве, как и в буддизме в целом (оставляя в стороне любые эвфемистические тонкости), половой акт отождествляется с грехом, это легко объясняется тем фактом, что если «дух» находится наверху, а «плоть» внизу, то наиболее интенсивное удовольствие плоти будет самым низким удовольствием духа. Эта перспектива вероятна настолько, насколько она основывается на реальном аспекте вещей, то есть на экзистенциальном разрыве между феноменом и архетипом, но она ложна настолько, насколько она исключает аспект сущностной непрерывности, который как раз и возмещает, а на своем собственном уровне и вовсе аннулирует упомянутый разрыв. Стало быть, если, с одной стороны, плоть как таковая оторвана от духа, то с другой стороны, плоть соединяется с ним настолько, насколько манифестирует и продлевает его, то

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

есть насколько плоть помещается на единящей вертикальной оси, или радиусе, а не на отдельной горизонтальной оси, или в круге; в первом случае центр продлевается, а во втором — скрывается.

Использование таинства непрерывности в духовных целях зависит либо от реальной, а не воображаемой созерцательности индивида, либо от религиозной системы, позволяющей косвенное и пассивное участие в таинстве; риск центробежного эффекта в любом случае нейтрализируется и компенсируется общей перспективой и особыми предрасположенностями религии при условии, разумеется, что человек подчиняется ей в достаточной мере. Для подлинно созерцательной личности, любое удовольствие, которое мы можем назвать благородным, является встречей с вечностью, а не падением в нечто эфемерное и непостоянное.

Согласно Мейстеру Экхарту, даже простой факт еды и питья был бы сакральным, если бы человек осознал, что он делает. Не пускаясь в подробности этого заявления, которое фактически применимо на разных уровнях, особенно в сфере ремесла и искусства, мы сказали бы, что в этих случаях сакральный характер связан с «малыми мистериями»; сексуальность, с другой стороны, указывает на «большие мистерии», о чем свидетельствует наличие вина в Кане, что еще раз говорит о ее опасной двусмысленности. В этой связи заметим, что пассивным дополнением полового единения является глубокий сон: здесь тоже сокрыт прообраз высшего единения, с той лишь разницей, что во сне сакральная инициатива полностью на стороне Бога, который шлет Свою благодать для тех, кто способен ее воспринять: иначе говоря, глубокий сон является сакральным единением настолько, насколько человек уже предварительно освящен.

В исламе мы находим понятие, которое эффективно служит мостом между священным и профаническим, или между духом и плотью, и это есть барака (*barakah*), «имманентное благословение»: говорится, что любое законное удовольствие, которое испытывается во имя Бога и внутри дозволенного, несет в себе бараку, а это значит, что оно имеет духовную ценность и созерцательный аромат, вместо того, чтобы ограничиваться чисто естественной сатисфакцией, которая терпима, потому, что неизбежна, или настолько, насколько она неминуема...

* * *

В этом контексте, как мы уже говорили, женщина появляется как экстериоризирующий и сковывающий элемент: поистине, женская психология в чисто натуральном плане, при отсутствии духовного регулирования ценностей, характеризуется тенденцией к мирскому, конкретному, экзистенциальному, если хотите, и в любом случае — к субъективному и чувственному, а также, благодаря более или менее сознательному об-

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

ману — служением этой врожденной тенденции.[16] Учитывая эту склонность, христиане, также как и мусульмане, чувствовали себя имеющими право говорить, что святая женщина не является более женщиной, а становится мужчиной — формулировка, которая абсурдна сама по себе, но которая может быть оправдана в свете обсуждаемой нами аксиомы. Однако эта аксиома, касательно прирожденной тенденции женщины, является относительной, а не абсолютной, имея в виду, что женщина — человеческое существо, как и мужчина, и что психология полов по необходимости есть вещь относительная; можно сколько угодно считать, что грех Евы состоял в том, чтобы призвать Адама к опасному приключению во внешнем мире, но нельзя забыть, что функция Марии прямо противоположная, и что эта функция тоже находится в рамках возможностей женского духа. Тем не менее, духовная миссия женщины никогда не будет связана с восстанием против мужчины, поскольку женская добродетель полу-экзистенциальным образом заключается в покорности: покорность женщины мужчине (что вовсе не значит — любому) является вторичной формой человеческой покорности Богу. И это происходит потому, что в области пола проявляется онтологическое отношение и, следовательно, экзистенциальная логика, которая может быть трансцендирована духом изнутри, но которую нельзя упразднить внешним образом.

Утверждать, что святая женщина становится мужчиной, благодаря своей святости, значит представить ее как утратившую свою природу: в действительности, святая женщина может быть таковой лишь на основании своей совершенной женственности, при отсутствии которой создание женщины было бы ошибкой Бога — *quod absit* — в то время как согласно книге Бытия, в намерении Бога она предстояла как «помощник человека», то есть прежде всего, как «помощь», а не помеха, а во-вторых, «соответствующая ему», а не находящаяся ниже человеческого уровня; чтобы быть принятой Богом, она не обязана перестать быть тем, что она есть.[17]

Ключ к тайне спасения через женщину, или, если угодно, через женственность, кроется в самой природе Майи: если Майя может влечь в сторону внешнего, она также может притягивать и в сторону внутреннего.[18] Ева есть жизнь, и это — манифестирующая Майя; Мария есть Благодать, и это — реинтегрирующая Майя. Ева персонифицирует демиурга в его женском аспекте, а Мария персонифицирует Шекину (*Shekhinah*), присутствие, которое одновременно является девственным и материнским. Жизнь, будучи вне области морали, может не подлежать моральному суждению; Благодать, будучи чистой субстанцией, способна поглотить все акциденции.

Сита, супруга Рамы, по всей видимости, соединяет в себе Еву и Марию: ее драма, с первого взгляда приводящая в замешательство, неким

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

образом показывает двусмысленный характер женственности. Примечательно, что среди невзгод человеческого состояния, божественность Ситы сохраняется: демон Равана, который преуспел в похищении Ситы, воспользовавшись ее ошибкой, верит, что изнасиловал ее, но изнасиловал он всего лишь магическое подобие, не сумев осквернить самой Ситы. Проступок Ситы заключался в неверном подозрении, и ее наказанием тоже стало подобное подозрение: такую форму здесь принимает грех Евы. Однако в конце своей земной жизни, Ева «Рамаяны» восстанавливает качество Марии: Сита, воплощение Лакшми,[19] уходит в землю, которая открывается перед ней, и это означает ее возвращение в Божественную Субстанцию, которую земля манифестирует. Имя Ситы фактически значит «пахотная земля»: Сита, вместо того, чтобы родиться от женщины, вышла из Матери-Земли, то есть формы Пракрити, метакосмической Субстанции, которая чиста и, в то же самое время, созидающа.

Индусы оправдывают Ситу, подчеркивая тот факт, что причиной ее проступка была чрезмерная любовь к своему супругу Раме;[20] обобщая это толкование, можно прийти к выводу, что началом зла является не любопытство или амбиции, как в случае с Евой, а несдержанная любовь и, следовательно, избыток блага.[21] Все это, кажется, примыкает к библейской перспективе, в том смысле, что грехом первой пары было незаконное присвоение любви — любовь к творению больше, чем к Творцу, любовь к творению помимо Творца и вне его. Но, в этом случае, «любовь» является больше страстным желанием души, чем поклонением, и поэтому, скорее, отсутствием любви, чем отклонившейся любовью.

* * *

Необходимым условием невинного и естественного опыта земного счастья является духовная способность обретения счастья в Боге и неспособность радоваться вещам вне Бога. Мы не можем полноценно и постоянно любить создание, не неся его внутри себя благодаря нашей привязанности к Создателю; это не значит, что упомянутое внутреннее обладание должно быть совершенным, однако при любых событиях оно должно присутствовать как интенция, позволяющая нам постоянно его совершенствовать.

Состоянием, или подлинной субстанцией, нормальной человеческой души является благочестие, или вера, и она содержит в себе элемент страха, так же, как и элемент любви; совершенство — это равновесие между этими двумя полюсами, что возвращает нас опять к даосскому символизму Инь-Ян, который является образом уравновешенной обоюдности: этим мы хотим сказать, что любовь к Богу и как ее отраже-

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

ние — любовь к супругу или супруге, предполагает элемент благоговейного трепета или уважения.

Быть в мире с Богом, значит искать и находить в Нем счастье; то создание, с которым Он нас соединил, может и обязано помочь нам достичь этого с большей легкостью или с меньшей трудностью, согласно нашим дарованиям и благодати, заслуженной или незаслуженной.[22] Говоря это, мы затрагиваем парадокс или, вернее, тайну привязанности с целью отрешенности, или обращенность к внешнему с целью обращения к внутреннему, или, опять же, обращенность к форме с целью обращения к сущности. Истинная любовь привязывает нас к священной форме, тем самым отделяя нас от мира и, таким образом, примыкает к таинству экстериоризированного Откровения, предусматривающего интериоризирующее Спасение.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

Часть V.

ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ

ЭЛЕМЕНТЫ И ЦЕЛЬ ДУХОВНОГО ПУТИ

Природа и функция духовного учителя*

Есть одно фундаментальное понятие веданты, которое может послужить ключом в самых различных сферах, и это не что иное, как триада Сат, Чит, Ананда: Бытие, Сознание, Блаженство. В данном случае мы используем эту триаду по отношению к духовному учителю не потому, что у нас нет возможности рассматривать предмет иначе, но потому, что ведантическая триада в этой связи представляет особо подходящие средства для такого подхода.

Фактически учитель представляет собой и передает, во-первых, реальность бытия (Сат), во-вторых, реальность интеллекта или истины (Чит), и в-третьих, реальность любви, единения, или счастья (Ананда).

Элемент «бытия», который учитель собой представляет и передает и без которого, можно сказать, он был лишен реальности и существования, есть религия, к которой он принадлежит, и мандат, который он имеет, или духовная организация в рамках этой религии. Религия или эзотерическая ячейка, суммирующая и преподносящая нам ее сущность, дарует человеку «бытие», без которого нет конкретного и эффективного пути. Функция основателей религий состоит в том, чтобы *a priori* возвратить падшему человеку его предвечное «бытие»; первым условием духовности является виртуальное «возрождение» и, стало быть, реализация онтологического основания двух составных элементов пути, а именно — распознания, или доктрины, с одной стороны, и концентрации, или метода, — с другой.

Духовный учитель, *a priori* представляя «субстанцию» или «бытие» Сат, на этом же основании *a posteriori* является носителем «интеллекта» или «сознания»; под этим надо понимать провиденциальную

---

* Из *Studies in Comparative Religion*, Spring, 1967, и *Logic and Transcendence*, глава 15.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

доктрину, которая обуславливает оттенок или стиль каждой последующей формулировки. Необходимо понять, что эта доктрина зависит от Откровения в прямом и полном смысле, и что, следовательно, ее регулярные ответвления имеют качество абсолютности и бесконечности, что делает излишним любое обращение к посторонним источникам, хотя вполне возможно, что формулировки, взятые из таких источников, могут быть внешне адаптированы данным учителем настолько, насколько они ментально совместимы с его догматической или мифологической системой и интегрированы в ту перспективу, которую он собою воплощает. Так случилось, например, с неоплатоническими идеями, адаптированными некоторыми суфиями, или учением Аристотеля в христианстве. Было бы неверно видеть в этом синкретизм, так как посторонние идеи принимаются лишь потому, что они пригодны для ассимиляции, — что происходит лишь благодаря их внутреннему согласию с данной традицией и потому, что Истина одна. Другим аспектом вопроса интеллекта является непогрешимость: учитель в принципе непогрешим относительно ниспосланной доктрины, которую он собою представляет и которую он даже персонифицирует благодаря своему «бытию» или «субстанции», то есть своему Сат; но непогрешимость эта связана с Благодатью и зависит от равновесия между знанием и добродетелью, или между интеллектом и духовностью, или даже, можно сказать, — между интеллектом и скромностью.

Таким образом, духовный учитель должен реализовать триаду «бытие», «распознание», «концентрация». Под «бытием» должна пониматься «новая субстанция», «посвящение» или «инициация»; «распознание» означает истину, которая различает между Реальным и иллюзорным, или между Атманом и Майей; а под «концентрацией» следует понимать метод, который позволяет «инициированному» и «посвященному» созерцателю фиксировать себя, сперва ментально, а потом при помощи центра своего бытия, на Реальном, свидетельство которому мы несем внутри себя. Именно эта фиксация, которая представляет собою реальность единения, а значит «любви» и «блаженства», аналогичным и оперативным образом связана с элементом Ананда в триаде веданты.

Важность так называемого экзистенциального элемента в духовности проистекает из принципа, что невозможно достичь Абсолюта, или Самости без благословения и помощи Неба: «Никто не придет к Отцу иначе, как через Меня» (христианство), и «никто не встретит Аллаха, кто не встретил Его Пророка» (ислам); «кто не собирает со Мною, разбрасывает» и «без Меня вы не можете ничего» (христианство); «вы не пожелаете, пока Аллах не пожелает» (ислам). Это *conditio sine qua non*, точками опоры которой, прежде всего и главным образом, являются элементы «посвящения» и «ортодоксии», относящиеся соответствен-

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

но к Сат и Чит, дает объяснение, почему духовность, лишенная своего основания, находит только психологическое применение, не имеющее никакого отношения к развитию наших высших состояний.

Поскольку профанический человек «не существует» с обсуждаемой нами точки зрения, учитель дает ему «духовное существование» путем принятия и посвящения; далее, он дает ему доктрину, или «понимание» и, наконец, он дает ему «жизнь», то есть духовные средства, относящиеся к элементу «концентрации». Итак, эти средства, которые являются приглашением «к смерти» — ибо для того, чтобы «жить» внутренне, надо «умереть» внешне — по сути являются даром учителя и Неба, так как иначе человек был бы лишен необходимой благодати. Несомненно, бывают исключительные случаи, когда в действие включаются и другие модальности, но это всегда относится к личностям, святость которых гарантирует чистоту намерения и охраняет духовные средства от любого осквернения.

Одним словом: мы можем использовать духовные средства лишь при условии конкретного и серьезного приглашения, осознав, таким образом, что Небо располагает нами согласно своему усмотрению, и что данное приглашение необратимо, ибо с этого пути нет возврата.

* * *

Будучи проводником ученика на его личном пути — всегда в рамках общего пути, установленного Божественным авторитетом в виде традиции, — духовный учитель является в некотором смысле продолжением *ego* ученика. Любая духовная алхимия предполагает неизбежную смерть и, следовательно, некоторую потерю равновесия, или периоды помрачения, во время которых ученик не вполне владеет собой; он уже не принадлежит полностью этому миру и еще не принадлежит полностью иному, и его опыт, кажется, ставит под вопрос все экзистенциальные категории, из которых мы, можно сказать, сотканы. В этих «испытаниях» и «искушениях», которые его сопровождают, ибо низшая майя, или нисходящее качество, тамас, использует для своих целей мельчайшую щель, духовный учитель играет роль «неподвижного центра»: искушению придать рациональную форму иррациональным беспокойствам он противопоставляет объективную, неизменную и непоколебимую истину. То же самое верно и в случае искушений обратного порядка, когда ученик, погруженный в некое созерцательное состояние, которое превышает его обычные возможности — а такое состояние может быть лишь случайным, и оно не служит доказательством какого-либо достижения, — может подумать, что он, в некоторой степени, стал сверхчеловеком. В этом случае низшая майя, или дьявол, что есть одно и то же, не перестает внушать ученику, чтобы тот объявил бы себя учителем или

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

предъявил какую-нибудь другую претензию подобного рода. Это напоминает случай с пьяным человеком, который больше не воспринимает подлинных пропорций вещей. Учителю, в свою очередь свойственно «трезвое опьянение», его человеческая субстанция приспособлена к его духовному состоянию, ибо учительство и есть «сохранение трезвой головы» в блаженстве, без каких-либо претензий, разумеется. Все, что было сказано, ясно показывает, что момент веры для ученика обязателен. Без веры нет духовной непрерывности, и, таким образом, невозможно преодолеть «ады» и невозможна никакая победа над ego...

Вышесказанное отчетливо демонстрирует, что духовное руководство является очень особой функцией, следовательно, неверно каждый учительствующий авторитет называть «духовным мастером». Функции «доктора» и «мастера» часто совпадают в одной и той же личности, но они могут и не совпадать. Мастер не обязательно пишет трактаты, но он всегда имеет достаточный авторитет в доктринальной области...

Слуга и единение*

Имам Абу-ль-Хасан аш-Шазили ** сказал: «Ничто не удаляет человека дальше от Бога, чем желание единения с Ним». С первого взгляда такое высказывание одного из великих основателей исламского эзотеризма может показаться неожиданным, однако все становится ясно, если понять, что оно указывает на эго, а не на чистый Интеллект. Поистине, «слуга» (*'abd*) как таковой никогда не перестает быть слугой; следовательно, он никогда не станет «Господом» (*Rabb*). Полярность «слуги–Господина» непреодолима по своей природе, так как природа слуги или твари, в некотором смысле, является достаточной причиной для Божественного вмешательства в виде Господа. Человек не может стать «Богом»[1], и слуга не может превратиться в Господа, однако есть нечто в слуге, что может, не без благодати Господа, подняться над осью «слуга–Господь» или «субъект–объект» и реализовать абсолютную «Самость». Эта Самость есть Бог настолько, насколько Он не зависит от оси «слуга–Господь» и любой другой полярности: если Господь в некотором смысле является объектом интеллекта и воли слуги, то Самость, наоборот, — не имеет комплементарной оппозиции, ибо Она — это чистый Субъект, то есть является Своим собственным Объектом, одновременно уникальным, бесконечным и неисчислимым в плане отно-

---

* Из *Dimensions of Islam*, глава 3.

** Абу-ль-Хасан аш-Шазили (1196–1258) суфийский мистик, уроженец Северной Африки, основатель суфийского ордена Шазилийя.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

сительности, порождающей многообразие. Майя, которая разделяет и делает многообразными как Субъект, так и Объект, не противопоставляется Самости, эманацией или иллюзорным продолжением которой она является; и эта иллюзорная модальность проистекает из подлинной природы Самости, что предполагает, благодаря ее бесконечности, возможность «нереальной реальности» или, наоборот, — «существующего небытия». Самость излучает себя даже в небытие и дает взаймы (если можно условно выразиться таким довольно парадоксальным образом) Свою собственную Реальность, состоящую из Бытия, Сознания, Жизни и Блаженства.[2]

Путь Единения никоим образом не означает, что слуга как таковой соединяется с Господом как Таковым, или что человек в конечном итоге отождествляет себя с Богом, а означает, что нечто в человеке, находящееся по ту сторону его внешней индивидуальности, уже является Божественным потенциально и даже виртуально и что это нечто есть чистый Интеллект, который отстраняется от дополнительности взаимоотношений «субъекта–объекта» и пребывает в своем собственном трансперсональном бытии, которое никогда не входит в состав упомянутой дополнительности, и это есть не что иное, как Самость. На возражение, что Самость является объектом человеческого интеллекта и, стало быть, вполне соответствует полярности «субъекта–объекта», надо ответить, что только понятие Самости выступает таким объектом и что наличие такого понятия свидетельствует, что в человеческом уме есть нечто такое, что является ни чем «иным», как Самость; благодаря этой таинственной внутренней связи с Самостью мы способны постичь последнюю объективно. Если этого *increatum et increabile* не было бы в нас, нам бы не представлялось возможным избежать полярности «слуги–Господа».

Монотеистическое богословие, так же как и доктрина *bhakti*, фактически строго связано с этой полярностью; поэтому оно не может превзойти ее, и по этой причине Интеллект здесь всегда сводится к аспекту слуги. Ее общим и как бы «коллективным» языком не может быть язык мудрого эзотеризма ни на Востоке, ни на Западе. В христианской среде Самость постижима только в рамках «теософии», то есть именно элемент *софии* указывает на уход из области полярностей и превосходство над последней. А что касается мусульман, то они не скажут, что Интеллект (*'Aql*) является «несотворенным» в своей сущности, но что Божественный Интеллект (*'Ilm,* «Наука») овладевает человеческим Интеллектом или заменяет его, что метафизически есть одно и то же; этот модус выражения согласуется с Божественным хадисом, согласно которому «Я (Аллах) стану ухом, которым он будет слышать, глазом, которым он будет видеть...»

Из сказанного выше, следует, что было бы совершенно неверно го-

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

ворить о Господе и о Самости, так как Бог Один. Если мы говорим о Самости, то здесь нет ни слуги, ни Господа, одна только Самость, возможными модальностями которой являются Господь и слуга, или то, что называется так с определенной точки зрения; и если мы говорим о Господе, то Самость не является чем-то особым или отличным от Господа; Самость — это сущность Господа миров. Атрибуты Господа (*Sîfât,* на арабском языке) касаются слуги как такового, но Сущность (*Dhât*) его не касается.

Из этого следует, что человек может говорить о Господе, но не может достичь Его, и что он может достичь Сущности, или Самости, но не может говорить о Ней. Что касается Самости, то Она не имеет ни оппозиции, ни собеседника, ибо Самость, или Сущность, повторяем, полностью находится по ту сторону оси «Творец–творение» или «Принцип–манифестация», хотя в этом отношении Она пребывает как бы внутри Творца; однако Она не касается нас — тварей или слуг, и мы не способны достичь Ее в плане этой полярности, за исключением возможности Ее достижения, которая предоставлена нам Господом благодаря универсальной природе нашего интеллекта и благодаря универсальности Самости. Иными словами, если мы способны достичь Самости за пределами упомянутой полярности, это происходит лишь по Воле Господа и с Его помощью; Самость не может быть реализована вопреки Господу или вопреки взаимосвязи «Господа–слуги». Иначе выражаясь, хотя объектом достижения единения является сверхонтологическая Сущность, а не Господь, оно не может быть осуществлено помимо благословения Господа; и хотя подлинным объектом единения является сверхперсональный Интеллект, а не слуга, оно не может произойти без участия слуги.

Эго, которое является «случайным», угасает или становится абсолютно «самим собой» в Самости, которая есть «субстанция». Путь — это возвращение Интеллекта в чистую Субстанцию, которая есть чистое Бытие, чистое Сознание, чистое Блаженство.

Субъектом реализации Самости, строго говоря, является Она Сама, то есть Сущность слуги «примыкает» к Сущности Господа вследствие космического путешествия, благодаря своего рода «Божественному дыханию»; именно в этом смысле говорится, что «суфий несотворен» и что процесс единения (*tawhîd*) есть «послание от Него Самого к Нему Самому».[3] Исходной точкой реализации Сущности, или Самости, является не столько слуга, сколько Самость; она осуществляется от Бога к Богу через человека, и это возможно потому, что в перспективе Самости, которая не имеет себе оппозиции и эманацией или «нисхождением» которой является Майя, человек сам является манифестацией Самости, а не чем-то противоположным, что помещается на оси разделения. «Есть пути, ведущие от Бога к людям, — заявляет Абу Бакр Ас-Сайдалани, — но нет

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

пути, ведущего от человека к Богу»: это значит не только, что слуга не способен достичь Господа, но также, что путь Единения не является делом слуги как такового.[4] С другой стороны, когда Абу Бакр Аш-Шибли* утверждает, что «в реализации Бога (Сущности) признаки должны иметь начало, а не завершение», он указывает, с одной стороны, на вторжение Благодати, которое испытывает слуга, а с другой стороны, на Сущность, которая Сама бесконечна и, стало быть, не имеет общей меры с начальным и фрагментарным опытом человека.[5]

Указано, что, с точки зрения Самости, не существует никакой конфронтации между Принципом и манифестацией, ибо есть лишь одна единственная Самость, чистый и абсолютный Субъект, являющийся Своим собственным Объектом. Однако можно задаться вопросом, что же тогда становится с миром, который мы все же воспринимаем? Этот вопрос уже в некоторой степени получил ответ, но, тем не менее, представляется полезным обсудить некоторые подробности этой чрезвычайно важной проблемы: мир есть Атман, Самость, в облике Майи; в более частном виде мир есть Майя настолько, насколько последняя отличается от Атмана, что само собой разумеется, ибо в противном случае не существовало бы словесной разницы, однако, будучи Майей, он косвенным образом и по необходимости является Атманом, подобно тому, как лед является водой и не является чем-то «иным», нежели вода. В Самости, в прямом и абсолютном смысле, нет ни следа Майи, кроме измерения бесконечности, о которой уже говорилось и из которой Майя и появляется косвенно, однако на уровне Майи последняя не является чем-то «иным», нежели Самость;[6] она — не слуга, ибо полярности здесь превзойдены. Майя есть отражение Самости в сторону небытия[7], или тотальность отражений Самости; бесчисленные относительные субъекты «являются» Самостью в аспекте «Сознания» (Чит), а бесчисленные относительные объекты тоже являются Самостью, но на этот раз в аспекте «Бытия» (Сат). Их взаимные отношения, или их «общую жизнь» представляет «Блаженство» (Ананда) в проявленном модусе, разумеется; в мире она присуща всему, что является расширением, радостью или движением.

Согласно перспективе «слуги–Господа», как было указано выше, Сущность[8] косвенным образом «содержится» в онтологическом Принципе, и отсюда — бесконечное Величие последнего, однако это есть тайна тайн, которая нас вообще не касается. Чтобы яснее проиллюстрировать различные точки зрения науки о сверхъестественном, эта перспектива прерывности или отдаленности может быть представлена

* Абу Бакр аш-Шибли, Дулаф б.Джахдар (861–946) — багдадский суфий, ближайший ученик и сподвижник Джунайда и ал-Халладжа.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

системой концентрических кругов или многоугольников, если угодно,[9] которые выступают изолированными образами центра. Мы видели, что, согласно перспективе Самости, все «есть» Сущность, и тем не менее, мы установили различие в этом плане, так как наше существование обязывает нас это делать, между Сущностью как таковой и Сущностью как «мною», или «миром».[10] Перспектива непрерывности, универсальной гомогенности, или имманентности, представляется такими фигурами, как крест, звезда, спираль; в этих фигурах периферия выступает в связи с центром или, вернее, фигура в целом является просто расширением или развитием последнего; вся фигура является центром, если можно так выразиться, тогда как в случае фигур с прерывными элементами центр находится как бы нигде, ибо не имеет протяженности.

Из этих соображений вытекают следующие практические последствия относительно нашей конечной цели: если мы рассматриваем всю Вселенную в целом под углом разделенности, согласно оси «Творец–творение», то никакое единение невозможно, разве только единение по «милости», которое гарантирует или сохраняет дуальность; однако если мы рассматриваем Вселенную под углом единства Сущности или Реальности, то есть с точки зрения гомогенности и неделимости Самости, то единение вполне возможно, ибо оно «существует» *a priori,* а разделенность представляет собой всего лишь иллюзорную «щель», и эта «щель», а не единение, является тайной; [11] тем не менее это есть негативная или преходящая тайна — загадка, которая есть загадка только с ее собственной точки зрения и в пределах ее субъективности; она может быть решена интеллектуально и, по еще более веским причинам, онтологически.[12]

Поскольку Рай представляет собой совершенное блаженство, можно спросить, как и почему можно желать чего-то еще, чего-то больше этого, то есть реализации, трансцендирующей сотворенное и реинтегрирующей индивидуальную акцидентальность в Универсальную Субстанцию? На данное возражение, которое вполне оправдано в некоторых психологических случаях, мы отвечаем, что вопрос состоит не в том, чтобы выбрать одно и пренебречь другим, а в том, чтобы следовать нашей духовной природе, которая есть таковая по Божьему велению, или, иными словами, чтобы следовать Благодати таким образом, каким она предстает перед нами. Подлинный метафизик не может не учитывать выводов, вытекающих из широты его кругозора; это значит, что человек с помощью Бога следует тому, что неотъемлемо от его «сверхъестественной природы», но человек, как слуга, принимает то, что ему дарует Господь. Верно, что суфии не стесняются Рай называть «тюрьмою» и использовать другие метафоры подобного рода для того, чтобы подчеркнуть абсолютную трансцендентность высшего Единства, которое они также именуют Единством «Рая Сущности», и выражение это имеет то преимущество,

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

что отвечает символизму Писания; слово «Рай», или «Сад», таким образом, становится синонимом «сверхъестественного блаженства», и если, с одной стороны, оно точно не определяет уровня реальности, то с другой — не ставит никаких ограничений.

Вышеупомянутое возражение можно также успешно опровергнуть при помощи суждения, что невозможно установить пределы любви к Богу и поэтому неразумно спрашивать, почему та или иная душа, наделенная интуицией Сущности, стремится к Реальности, которую она чувствует сквозь мрак существования. Такой вопрос не имеет смысла не только для «естественно сверхъестественных» стремлений гностика, но также и для эмоционального мистика, у которого душа стремится ко всему, что она способна достичь, и не желает меньшего. Явно абсурдно накладывать ограничение на знание; сетчатка глаза принимает лучи, поступающие от бесконечно далеких звезд, и делает это без всякой страсти или претензии, и никто не имеет права или силы воспрепятствовать этому.

МОЛИТВА

Виды молитвы *

Самым элементарным видом молитвы — контакта между человеком и Богом — несомненно является молитва в наиболее ординарном смысле слова, ибо это есть прямое выражение личности, ее желаний и страхов, ее надежд и благодарности. Такая молитва, однако, менее совершенна, чем каноническая молитва, которая, в свою очередь, имеет универсальный характер благодаря тому факту, что Бог является ее автором, и потому, что субъект, произнося ее, делает это не как отдельная индивидуальная личность, а как представитель человеческого рода вообще; эта молитва также не имеет в себе ничего, что не касалось бы каждого человека, а это значит, что она заключает в себе, в «высшей степени» или вдобавок, все возможные индивидуальные молитвы; они могут даже показаться излишними, ибо на самом деле Откровение позволяет или рекомендует индивидуальную молитву, но не налагает ее. Каноническая

* Из *Stations of Wisdom*, глава 5.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

молитва показывает свою универсальность и свою непреходящую ценность тем, что очень часто выражается от первого лица во множественном числе, а также тем, что предпочитает священный или литургический и поэтому символически универсальный язык, так что невозможно, читая ее, не молиться за всех и во всем.

Что касается индивидуальной молитвы, основания для ее существования следует искать в нашей природе, поскольку одна индивидуальность фактически отличается от другой, имеет различные судьбы и желания.[1] Цель этой молитвы состоит не только в том, чтобы получить особые милости, но и в том, чтобы очистить душу: она развязывает психологические узлы или, иначе говоря, растворяет подсознательные коагуляции и отводит прочь много скрытых ядов; она экстериоризует перед Богом трудности, недостатки и искажения нашей души, при условии, что молитва смиренна и правдива, и эта экстериоризация перед лицом Абсолюта способна восстановить равновесие и возвратить мир, то есть, одним словом, — открыть нас благодати. Все это в равной степени и *a fortiori* предоставляется нам и канонической молитвой, но человеческий дух в целом слишком слаб, чтобы извлечь из нее все лечебные средства, которые в ней находятся.

Личный характер неканонической молитвы не значит, что она не подлежит никаким правилам, ибо человеческие души, как превосходно показывает Псалтирь, всегда похожи в своих печалях и радостях и, поэтому, в своих обязанностях по отношению к Богу; для человека недостаточно сформулировать просьбу, он также должен выразить свою благодарность, покорность, сожаление, решительность и хвалу. В своем обращении человек добивается определенной благосклонности при условии, что его природа приемлема для Бога и соответствует универсальной Норме: благодарность — это сознание, что любая удача судьбы является милостью, которой могло бы и не быть; и если верно, что у человека всегда есть что попросить, не менее верно, мягко говоря, и то, что он всегда имеет повод для благодарности — без этого молитва невозможна. Покорность означает понимание заранее, что какие-то просьбы не будут выполнены; сожаление или искреннее раскаяние — просьба о прощении, предполагает осознание того, что ставит нас в оппозицию божественной Воле; решительность — это желание исправить определенные проступки, ибо наша слабость не должна позволить забыть, что мы свободны[2]; и, наконец, хвала означает не только то, что мы каждую ценность относим к ее Первоисточнику, но также, что каждое испытание мы принимаем в свете его необходимости и полезности, или в его аспектах фатальности и благодати. Если просьба является главным элементом молитвы, это потому, что мы ничего не можем без помощи Бога;

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

решения человека, если он не обращается за этой помощью, не дают гарантии, о чем свидетельствует пример апостола Петра.

* * *

Другим видом молитвы является медитация; связь между человеком и Богом здесь становится связью между Интеллектом и Истиной, или относительные истины рассматриваются как подходы к Абсолюту. Существует некая внешняя аналогия между медитацией и индивидуальной молитвой, в которой человек формулирует свои мысли спонтанно; разница, которая является гораздо более важной, заключается в том, что медитация объективна и интеллектуальна, если только речь идет не о раздумьях, окрашенных воображением, даже чувственных, которых мы здесь не касаемся, тогда как молитва субъективна и относится к воле. Цель медитации — знание, а следовательно, реальность, которая в принципе превышает *ego* как таковое; строго говоря, мыслящим субъектом выступает имперсональный Интеллект, а это значит, человек и Бог одновременно, так как чистый Интеллект является точкой пересечения между человеческим разумом и божественным Интеллектом.

Медитация, с одной стороны, действует на Интеллект, в котором она «пробуждает» некие консубстанциальные «воспоминания», а с другой стороны — на подсознательное воображение, включающее в себя истины, являющиеся предметом медитации, в итоге чего происходит фундаментальный и как бы органический процесс формирования убеждений. Опыт подтверждает, что один человек может совершить великие дела даже при неблагоприятных обстоятельствах, если он верит в свою способность осуществить их, тогда как другой, может быть более одаренный, но сомневающийся в себе, не делает ничего даже при благоприятных обстоятельствах; человек бесстрашно шагает по ровной поверхности, но воображение может помешать ему сделать даже один-единственный шаг, когда он должен пройти между двумя пропастями. Отсюда видна важность медитации даже просто с точки зрения автосуггестии; в духовной жизни, как и в других сферах, она является веской помощью как в достижении тех вещей, к которым мы стремимся, так и в укреплении нашей способности достичь их с помощью Бога.

Медитация, как она определяется на языке веданты, по своей сути есть «исследование» (*vichara*), ведущее к усвоению теоретической истины, а также — различение (*viveka*) между Реальным и нереальным; она имеет два уровня, один онтологический и дуалистический, а другой — сосредоточенный на Самости, или Над-Бытием, и следовательно — недуалистический; здесь кроется вся разница между *bhakti* и *jnana*.

Чистая концентрация тоже есть молитва, при условии, что она имеет традиционное основание и сосредоточена на Божественном; такая кон-

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

центрация есть не что иное, как тишина, которая поистине называется «Именем Будды» благодаря ее связи с идеей Пустоты[3].

* * *

Мы провели различие между канонической и индивидуальной молитвой, утверждая, что в последней субъектом является некая личность, тогда как в первой субъектом выступает человек как таковой; но есть и такая молитва, где сам Бог, в некотором смысле, является Субъектом, и это есть произношение ниспосланного в Откровении божественного Имени. Основание этого таинства, с одной стороны, состоит в том, что «Бог и Имя его — одно» (Рамакришна), а с другой стороны — в том, что Сам Бог произносит Имя Свое в Себе, то есть в вечности и вне творения, так что Его уникальное, несотворенное Имя является прототипом молитвы типа повторения мантры, а более косвенным образом — всякой молитвы вообще. Первое различие, которое интеллект постигает в Божественной Природе, это различие между Над-Бытием и Бытием, но поскольку Бытие является, так сказать, «кристаллизацией» Над-Бытия, оно в некотором смысле является «Словом» Абсолюта, в котором последний проявляет Себя, определяет Себя, или называет Себя. Другое различие, которое является существенным здесь и которое возникает из предыдущего с принципиальной последовательностью, это различие между Богом и миром, Создателем и созданием: подобно тому, как Бытие есть Слово или Имя Над-Бытия, так же и мир, или Экзистенция, является словесным Выражением Бытия, «личного Бога»; следствие всегда является «именем» причины.

Однако Бог, называя Себя, во-первых, определяет Себя как Бытие, а во-вторых, начиная с Бытия, манифестирует Себя как Творение, то есть Он манифестирует Себя «в рамках небытия», или «вне Себя» и, следовательно, «в иллюзорном виде»[4], тогда как человек, в свою очередь, описывает обратное движение, когда он произносит то же самое Имя, так как Имя это не есть всего лишь Бытие и Творение, но также Милосердие и Спасение; в человеке Оно не создает, а, напротив, «уничтожает содеянное», и делает это божественным образом, поскольку Оно возвращает человека назад к Принципу. Божественное Имя является метафизическим перешейком (в смысле арабского слова *barzakh*): «со стороны Бога» это — определение ограничения, «жертва»; со стороны человека это — освобождение, безграничность, полнота. Мы говорили, что это Имя, произносимое человеком, произносится также и Богом; человеческий зикр является всего лишь «внешним» следствием вечного зикра Божества. То же самое относится к любому Откровению: оно является жертвенным для божественного Духа и освободительным для человека, несмотря на его форму или модальность, то есть оно является «нисхож-

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

дением» или «воплощением» для Творца и «восхождением» или «развоплощением» для творения[5].

Достаточной причиной повторения Имени является то, что оно суть «воспоминание Бога», а это, в конечном итоге, есть сознание Абсолюта. Имя актуализирует это сознание, а потом увековечивает его в душе и фиксирует в сердце, так что оно пронизывает существо целиком, одновременно преобразуя и абсорбируя его. Сознание Абсолюта является прерогативой человеческого интеллекта, а также его целью.

Опять же: мы соединяемся с Единым посредством нашего бытия, чистого сознания и символа. Это происходит благодаря символу — Слову, — так что в центральной и основной молитве человек реализует как Бытие, так и Сознание — последнее в первом, и наоборот. Совершенство Бытия, то есть Угасание, представляется образом глубокого сна, а также — красотой и добродетелью; совершенство Сознания, то есть Идентичности, — или Единства, если это понятие ближе к сердцу, — представляется концентрацией, а также, *a priori* — Интеллектом и созерцанием. Красота, разумеется, не порождает добродетели, но она своеобразно поддерживает предсуществующую добродетель; равным образом Интеллект не создает, а расширяет и углубляет созерцание, что естественно. Бытие представляет собой пассивное совершенство, а Сознание — активное совершенство, «Я сплю, но сердце мое бодрствует».

Почему Бытие есть скорее «Слово» или «Имя»[6], нежели «Мысль», «Действие» или «Жертва», и почему молитва, в виде повторения мантры, также не является мыслью, действием, жертвой и тому подобным? Во-первых, совершенно ясно, что Бытие содержит в себе все эти аспекты и еще многие другие; эти аспекты мы находим в каждом Откровении. Тем не менее речь, с одной стороны, реализует все возможные аспекты утверждения, а с другой стороны, имеет своего рода преимущество благодаря тому, что она является наиболее примечательной чертой, отличающей человека от животных. Речь предполагает мышление, поскольку она есть экстериоризация последнего, но мышление не предполагает речи; подобным же образом речь прибавляет к действию новое измерение интеллигибельности, хотя речь сама есть действие. Опять же, речь имеет аспект жертвы, в том смысле, что она ограничивает то, что выражает; а что касается молитвы в виде повторения мантры, которая, будучи речью, одновременно является мыслью, действием и жертвой, то она заключает в себе еще один аспект жертвы или аскетизма, благодаря тому факту, что она исключает все другие заботы сердца и, таким образом, есть «бедность» или *vacare Deo*. Еще немаловажно, что человек в момент своего рождения проявляет свой голос прежде всех других способностей, и этот плач бессознательно, разумеется, уже является молитвой в виде прообраза или символа; то же самое относится и к последнему

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

вздоху умирающего человека, или его последнему дуновению, ибо голос и дыхание указывают на тот же самый символизм.

Само собой разумеется, что любая нормальная деятельность своеобразно отражает вечное Действие Бога: поистине, ткач сказал бы, что Бытие является первой божественной «тканью», в том смысле, что Над-Бытие вплетает в нее принципиальные возможности — «божественные Имена», и что Бытие, в свою очередь, манифестирует в Экзистенцию ангелов, миры и существа[7]; не каждый человек, однако, является ткачом, но каждый человек владеет речью, и это ясно показывает, что речь имеет преимущество над второстепенными и более или менее «случайными» действиями, которые представляются слишком внешними, чтобы уподобиться «молитвам», но которые могут служить носителями молитвы благодаря своему символическому качеству[8]. Иными словами, любого рода занятие, будь то ремесло или нечто другое, если только оно является «естественным», может быть духовной опорой не только благодаря присущему ему символизму, которого самого по себе было бы недостаточно, но прежде всего благодаря созерцательной молитве, которая налагается на него и которая актуализирует значение символа.

* * *

Принцип, согласно которому «молитва сердца» может заменить все другие обряды, с условием достаточной духовной зрелости, встречается в исихазме, но несравнимо сильнее подчеркивается в индуизме и буддизме, где отказ от общих ритуальных молитв и практик считается нормативным, иногда даже *sine qua non* для такой молитвы. Основная причина этого заключается в том, что необходимо различать между сферой «божественной Воли» и сферой «божественной Природы»; последняя является «тем, что она есть» и выражается одним лишь Именем, тогда как первая проецирует в человеческий мир дифференцированные и неизбежно относительные воли и выражается сложными молитвами, соответствующими сложности человеческой природы[9]. Тем не менее обряды, особенно очистительного и священного характера, могут считаться необходимой поддержкой молитвы сердца; эта точка зрения отличается от вышеупомянутой и более подходит для людей определенного темперамента.

Мы, разумеется, не решились бы рассуждать о подобных вещах, если бы другие, как европейцы, так и азиаты, не говорили о них и если мы не жили бы в такое время, когда требуются доказательства всякого рода и когда Милосердие в виде компенсации упрощает многие вещи, хотя это и не значит, что все становится легко доступным. Ясно, что духовные средства имеют значение только в рамках правил, установленных

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

той традицией, которая их предоставляет, будь то правила внешние или внутренние; ничто не является более опасным, чем «импровизации» в этой области. Данная оговорка непременно удивит тех, кто считает, что человек является свободным перед Богом во всех отношениях, и кто наверняка спросит, по какому праву мы стремимся подчинить молитву определенным условиям и заключить ее в рамки; однако ответ очень прост, и его дает Библия: «Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно; ибо Господь не оставит без наказания того, кто произносит имя Его напрасно»(Исход 20,7). Человек *a priori* является «тщеславным», согласно определенным духовным критериям, а именно тем, которые применяются, когда речь идет о прямых «мистагогических» методах; человек не является абсолютно свободным, так как абсолютная Свобода имеется у одного только Бога. Лишь то имеет ценность для спасения, что дано Им Самим, а не то, что изобретается человеком; ведь именно Бог открывает Свои Имена, и Он определяет способ их использования; и если, согласно Апостолу, «кто будет есть хлеб сей (божественный), ... недостойно... тот ест... осуждение себе»(1Кор 27–29), то же самое относится и к недостойному использованию молитв типа повторения мантры.

Если это принимается, мы можем вернуться к позитивной стороне вопроса: в той мере, в какой это возможно, согласно условиям и обстоятельствам, молитва типа повторения мантры должна отвечать двум требованиям — совершенству и непрерывности. «Непрестанно молитесь», — говорит Апостол (1 Фес 5, 17)[10] и «Также и Дух подкрепляет нас в немощах наших; ибо мы не знаем, о чем молиться, как должно, но Сам Дух ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными» (Рим 8, 26)[11].

* * *

Божественные Имена имеют частные значения, потому что относятся к языку Откровения, а также универсальные значения, потому что указывают на высший Принцип. Призывать Божество значит провозглашать доктрину: кто говорит «Иисус», косвенно говорит, что «Христос есть Бог»[12], а это означает, что Бог «снизошел» для того, чтобы человек смог бы «вознестись»[13]; более того, сказать, что «Бог сотворил человека», в то же самое время означает, что человек является падшим, поскольку оправданием Божественного нисхождения служит тот факт, что человек находится «внизу»; Бог «воплощается» потому, что человек есть «плоть», а это есть падение, страсть и горе. Исходной точкой христианства является волевой аспект человека; оно зиждется, так сказать, не на фундаментальных теоморфических качествах нашей природы, а на «случайности» нашего падения, хотя случайность эта для большинства практически является решающей; однако, начав с подобной точки зрения, что чрезвычайно важно, христианская традиция может открыть доступ

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

к гнозису и таким образом примкнуть к перспективам, основанным на интеллектуальном теоморфизме человеческого существа благодаря явной и поразительной аналогии между Христом и Интеллектом, а также благодаря идее «обожествления», из нее вытекающей.

Сказать, что «Бог стал человеком для того, чтобы человек смог стать Богом»[14], означает в конечном итоге, если мы желаем проследить данную взаимосвязь до ее конечного основания, что Реальность вошла в ничто, чтобы ничто могло стать реальным. Если возникнут возражения, что небытие, будучи ничем, вообще не играет никакой роли, то ответ кроется в следующих двух вопросах: как объяснить наличие самой идеи этого небытия? Как это происходит, что «ничто» появляется на уровне относительного и в сфере ежедневного опыта? Ничто, разумеется, не имеет ни бытия, ни экзистенции, но, тем не менее, оно является своего рода метафизическим «направлением» — чем-то, что мы способны искать и понимать, но никогда не способны достичь; «зло» есть не что иное, как «манифестированное ничто» или «невозможное, ставшее возможным». Зло никогда не живет своей собственной субстанцией, которой не существует, но оно разъедает или извращает добро, так же, как и болезнь не может существовать вне тела, которое она старается разрушить; зло, говорит Фома Аквинский, существует для того, чтобы сделать возможным появление большего добра, и, поистине, качества нуждаются в соответствующей отрицательности, позволяющей установить их разницу и отличие.

Но в христианстве взаимность имеет, прежде всего, значение любви и является свидетельством заботы об эффективности спасения: Имя Христа означает, что Бог возлюбил мир, чтобы мир смог возлюбить Бога, и поскольку Бог любит мир, человек должен любить своего ближнего, повторяя таким образом в человеческом плане любовь Бога к миру. Подобным же образом человек должен «потерять свою жизнь», потому что Бог ради него пожертвовал Собой[15]; крест является инструментом и символом этой жертвенной встречи, то есть как бы точкой пересечения человеческого и Божественного планов. Христианство проявляет себя, прежде всего, как волевое взаимодействие между Небом и землей, а не как интеллектуальное различение между Абсолютным и относительным; но, тем не менее, упомянутое различение предполагается взаимодействием как таковым, и, следовательно, христианство не лишено его: Субъект становится объектом для того, чтобы объект стал Субъектом, что является подлинным определением таинства знания. Гнозис «органически», а не искусственно, имеет своей основой поливалентный символизм Воплощения и Искупления, а это значит, что такой «симбиоз» — в порядке вещей и, стало быть, соответствует «божественному намерению».

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

Христос зовется «Истиной» и «Милосердием»; однако последнее качество своеобразно становится Именем Девы, так что Имена эти представляются как бы поляризацией божественного света: Христос есть «Истина и Сила», а Дева — «Милосердие и Чистота»[16]...

* * *

Молитва предполагает внутреннюю альтернативу, выбор между несовершенством, проистекающим из нашей природы, и «воспоминанием Бога», которое есть совершенство по причине как своего перводвигателя, так и своего объекта. Если это, прежде всего, внутренняя альтернатива, ибо в противном случае мы не имели бы права ни на какое внешнее действие, то это происходит потому, что молитва может налагаться на любое законное действие; подобным же образом, если альтернатива эта относительна, а не абсолютна, ибо иначе мы не имели бы права ни на какую мысль вне молитвы, то это потому, что молитва, если и не может быть наложена на каждую красивую или полезную мысль, то, по меньшей мере, продолжает вибрировать во время появления подобной мысли, и тогда ментальная артикуляция, хотя на практике и исключающая молитву (в той степени, в какой ум не способен заниматься двумя вещами сразу), все-таки не прерывает «воспоминания» в глазах Бога. Другими словами, подобно тому, как молитва не может быть наложена на низкое или незаконное действие, так и благоухание молитвы не сохраняется при мысли, противоположной добродетели; далее очевидно, что вибрация молитвы, при отсутствии артикуляции, когда ум занят чем-то другим, предполагает навык в молитве, ибо нет благоухания без цветка; она предполагает также намерение упорно продолжать молитву и усиливать ее; именно таким образом «прошлое» и «будущее», достигнутое и предполагаемое, участвуют в неартикулированной протяженности молитвы.

Жизнь не является пространством, полным возможностей, предназначенных для нашего удовольствия, как в это верят дети и люди земли; жизнь — это дорога, которая бежит, становясь с каждым шагом короче, от настоящего момента до смерти. В конце этой дороги — смерть и встреча с Богом, а далее — вечность; однако все эти реалии уже присутствуют в молитве, они — во вневременной актуальности божественного Присутствия.

То, что является важным для человека, это не многообразие событий, нанизанных на магическую нить, называемую продолжительностью, то есть событий, которые могут иметь место в его жизни, а стойкость в «воспоминании», уносящем нас за пределы времени и возвышающим над нашими надеждами и страхами. Воспоминание это уже покоится в вечности; последовательность действий здесь является всего лишь ил-

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

люзией, ибо молитва одна; тем самым это уже есть смерть, встреча с Богом и вечность блаженства.

Что есть мир, если не поток форм, и что такое жизнь, если не чаша, которая, по-видимому, опустошается между двумя ночами? И что есть молитва, если не единственная неизменная точка — точка спокойствия и света во вселенной, сотканной из сновидений, а также — узкие врата, ведущие ко всему тому, чего тщетно добивается мир и жизнь? В человеческой жизни эти четыре достоверности есть все: настоящий момент, смерть, встреча с Богом, вечность. Смерть — это выход, или «закрывающийся мир»; встреча с Богом подобна возможности выхода в сверкающую и непреложную бесконечность; вечность — это полнота бытия в чистом свете; а настоящий момент — это почти неуловимое «место» в нашем пребывании, в котором мы уже вечны, — капля вечности среди непрестанной игры форм и мелодий.

Молитва придает земному миру его вечную и божественную значимость; это священный корабль, несущий свой груз через жизнь и смерть к дальнему берегу, к безмолвию света — хотя, поистине, это не молитва пересекает время, повторяясь, но само время останавливается перед лицом исключительности молитвы, которая уже принадлежит небу.

Молитва формирует человека*

Размышления о Боге. Божественное присутствие напоминает снег, а сердце подобно огню, потому что сердце является экзистенциальной сущностью. Свежесть, чистота, спокойствие; тепло, любовь, блаженство. Лилия и роза.

Божественное присутствие пронизывает душу, экзистенциальное эго, а не сознание как таковое; подобно нежному теплу, как световая стрела оно проникает в сердце, поскольку сердце является центром интеллекта.

Молитва, в самом широком смысле, торжествует над четырьмя случайностями нашего существования: над миром, жизнью, телом и душой; или, иначе выражаясь, над пространством, временем, материей и желанием. В сей жизни молитва подобна крову, подобна островку. Только в ней мы являемся полностью сами собой, потому что она помещает нас перед лицом Бога. Она напоминает волшебный алмаз, у которого никто не может отнять его блеска и которому никто не в силах воспротивиться.

Человек молится, и молитва формирует человека. Святой сам ста-

* Из *Spiritual Perspectives and Human Facts*, стр. 212–213.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

новится молитвой, местом встречи земли и Неба; стало быть, он содержит в себе вселенную, и вселенная молится вместе с ним. Он находится везде, где молится природа, и он молится вместе с ней и внутри нее: с горными вершинами, которые соприкасаются с пустотой и вечностью, с осыпающимся цветком или беззаботным пением птицы.

Кто живет в молитве, тот не живет тщетно.

Духовные добродетели*

...Истина в своем проявлении имеет нечто смиренное и милосердное; смирение является ложным, если нет ни истины, ни милосердия, и милосердие является ложным, если нет ни истины, ни смирения. Добродетели определяют друг друга.

Когда истина появляется на уровне нашей воли, она становится добродетелью и есть не что иное, как правдивость и искренность.

* * *

Три основные добродетели — правдивость, милосердие и смирение — должны войти в наше мышление, которое тоже является действием. Нет такого уровня деятельности, в который добродетели не входили бы. Когда чистая истина манифестирует себя, она делает это не иначе, как через добродетели, ибо манифестация есть действие.

Смирение — это значит видеть себя в ограниченном состоянии индивидуальности, то есть смотреть на эго, на ограниченность, на ничто. Милосердие — это значит смотреть вокруг себя, а следовательно — видеть Бога в своем ближнем, видеть себя, но на этот раз не как чистую ограниченность, а как творение Божье, сотворенное по Его же подобию. Правдивость — это значит смотреть в направление Истины, покориться ей, привязаться к ней и быть пронизанным ее неумолимым светом. И каждая из этих трех добродетелей должна присутствовать в каждой другой добродетели, ибо они выступают критерием друг друга.

* * *

Милосердное смирение постарается избежать скандала и, таким образом, не причинит вреда ближнему своему; оно не будет противоречить самоугасанию, которое является его достаточной причиной.

Правдивое смирение будет избегать слишком высокой оценки:

---

* Из *Spiritual Perspectives and Human Facts*, глава 6.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

добродетель не должна идти против истины. Но она может быть более «истинной», чем некая бесплодная и внешняя истина, и в этом случае она — добродетель и поэтому — истина, а противоречие является всего лишь мнимым.

Смиренное милосердие будет избегать выставления себя напоказ, когда это не является полезным. Человек не должен возгордиться своей щедростью: «пусть левая рука твоя не знает, что делает правая». Дар твой должен быть прежде всего внутренним даром; иначе внешняя благотворительность будет лишена духовной ценности или благословения.

Правдивое милосердие осознает природу вещей. Я не хуже своего соседа, поскольку я существую и имею бессмертную душу так же, как и он. Но может так случиться, что некий высший интерес превзойдет преходящий интерес, неважно, идет ли речь о «ближнем» или о «себе».

Смиренная правдивость не станет скрывать нашего невежества. Посягать на знание, которым мы не обладаем, значит наносить ущерб тому знанию, которое мы имеем.

Для того, чтобы сделать истину понимаемой, милосердная правдивость не будет отрицать ничего. Если истина есть благо, она тем самым является даром.

Устранение эго, самоотдача, реализация истины — можно сказать, что эти положения соответственно связаны с фазами или состояниями очищения, расширения и единения. Это есть три «измерения» совершенного гнозиса.

Духовная добродетель есть не что иное, как сознание Реальности. Естественно, хотя и безразлично, что к ней добавляется то или иное чувство. Когда добродетель всего лишь чувственна, в том смысле, что она несведуща в реальности, к которой она относится, она может быть относительно полезной, и, тем не менее, она является духовной помехой и источником заблуждений.

* * *

Если метафизика является священным предметом, это значит, что она не может быть представлена так, как если бы она была всего лишь самодостаточной профанической философией, то есть философией, которая сводится к ограниченной игре и только. Нелогично и опасно рассуждать о метафизике, не заботясь о моральном сопутствовании, которого она требует и критерием которого для человека является его поведение по отношению к Богу и своему ближнему.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

* * *

Ключом к пониманию духовной необходимости добродетелей является то обстоятельство, что метафизические истины отражаются не только в интеллекте или уме, но и в воле. Принципиальной истине здесь соответствует позиция воли. Это — необходимый аспект, или следствие, принципа, что «знать есть то же самое, что быть».

* * *

Размышлять о Божественных качествах значит одновременно размышлять о человеческих добродетелях и, следовательно, о пороках. Духовность изображается как при помощи концентрических кругов, так и радиусов, как при помощи аналогии, так и тождества, то есть как при помощи добродетели, так и интеллекта. Когда последний заменяется рациональными операциями, тогда добродетель, в свою очередь, становится своего рода модальностью тождества, «относительно непосредственным» участием в божественном Бытии.

* * *

Некоторые древние индусы ценили свою эпоху не потому, что она хороша, но потому, что, будучи плохой, она в виде компенсации заключает в себе духовную благодать, которая делает легким то, что само по себе является трудным, но всегда с условием, что человек искренен, чист, смиренен и упорен. В прежних веках дух присутствовал более или менее везде, но его было труднее достичь и реализовать именно потому, что он был везде. Само его изобилие исключало легкость. Он присутствовал, но имел тенденцию исчезать, а сегодня он сокрыт, но имеет тенденцию отдавать себя.

Существует экономия милосердия, хотя в сущности своей милосердие стоит вне любой экономии, ибо принципиально оно появляется раньше справедливости. Милосердие не измеряется, разве только в своем внешнем аспекте; и справедливость, которая не является ни первым, ни последним делом Бога, ограничивает ее лишь случайно и только в связи с определенным уровнем экзистенции.

Кроме компенсирующей благодати, которая сама по себе не зависит от зла нашего времени, есть выгода от самого этого зла. Мир уже настолько лишен подлинной субстанции, что духовному человеку трудно испытывать к нему слишком большую привязанность. Нынешний человек, если он созерцатель по своей природе, уже является наполовину отрешенным благодаря самому этому факту. Прежде мирская жизнь представляла больше искушений, ибо она имела аспекты интеллигентности, благородства и полноты. Она была далека от той ничтожности,

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

которая присуща ей сейчас. Разумеется, это делало возможным в душах элиты своего рода бесхитростную и тотальную привязанность (которая одна нас здесь интересует), требующую соответственной отрешенности. Мировое зло еще не утвердилось в самих проявлениях этого мира.

* * *

Почему человек не может углубиться в созерцание, пока его сердце полно злобы по отношению к ближнему? Это потому, что человек в состоянии превзойти свое «я», свою индивидуальность только при условии, что он видит в ней индивидуальность как таковую и не различает в ней личности.

Перед жертвоприношением, говорит Евангелие, человек обязан помириться с братом своим. Некий святой, мы забыли, кто именно, сказал, что так же абсурдно желание созерцать Бога, когда сердце полно горечи по отношению к ближнему твоему, как и намерение выколоть себе глаз для того, чтобы лучше видеть.

Моральное несовершенство здесь является всего лишь человеческим выражением несовместимости перспектив. Ненависть отдельной личности или коллектива, что есть одно и то же, противопоставляется любви в отношении тотальности. Именно тотальность человек должен любить для того, чтобы он смог любить Бога. Совершенство требует любящего человека, а не любви к определенному человеку.

* * *

Духовная реализация теоретически является самым легким, а практически самым трудным делом. Самым легким потому, что для этого достаточно думать о Боге. Самым трудным потому, что человеческая природа состоит в забвении Бога.

Святость — это дерево, которое растет между невозможностью и чудом...

* * *

Необходимо копать глубоко почву души через слои бесплодности и горечи, для того, чтобы отыскать любовь и жить ею.

Глубины любви недосягаемы для человека в его состоянии затвердения, но они открывают себя внешне через язык искусства и природы. Созерцая священное искусство и первозданную природу, душа путем аналогического предчувствия может испытать нечто от той любви, которая дремлет в ней и ностальгию по которой она чувствует, хотя ее самой и не испытывает.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

* * *

В этом земном «нижнем» мире существует великая проблема разлуки. Как помочь людям понять, что в Боге они не разлучаются ни с чем?

Наш мир форм, или отделенный мир, для ангелов представляется кучей развалин. То, что в реальности соединено, то в форме и через форму разъединено. Мир форм создан из сгущенных сущностей.

* * *

Душа — это дерево, корни которого глубоко уходят в «мир» (в те вещи, которые внутри нас так же, как и вокруг нас, и которые можно почувствовать, испытать и пережить). «Мир» — это многообразие и отвечающие ему страстные движения как в нашей плоти, так и в наших чувствах или мыслях.

То, что является «единственно необходимым», это переместить наши корни в кажущееся ничто, пустоту, единство. И поскольку душа не способна пустить свои корни в пустоту, пустота «воплощается» в символ, который есть во всем, что приближает нас к Богу.

* * *

То, что не подлежит сомнению в жизни, это смерть. Кто в действительности осознает это, уже является мертвым в этой жизни. Тот, кто испытывает счастье в настоящем, мало заботится о прошлых страданиях; то, что прошло, несмотря на важность происшедшего, того уже нет. Итак, в один прекрасный день все станет прошлым; именно это человек понимает в момент своей смерти. Знать, что значит быть мертвым, это значит покоиться в мире.

В жизни есть еще одна несомненность; от нас самих зависит, можем ли мы ею обладать, и несомненность эта есть жизнь согласно Божественной воле. Несомненность эта возмещает несомненность смерти и побеждает ее. Иными словами, когда мы уверены, что живем согласно Божественной воле, тогда и несомненность смерти наполняется сладостью. Таким образом, наша земная жизнь сводится к двум несомненным вещам: к неизбежности нашей судьбы и к значимости и важности нашей воли. Мы не можем перечеркнуть смысл нашей жизни, так же, как и не можем избежать смерти. Великий уход, который не оставляет места для сомнения, доказывает нам, что мы не свободны действовать «как попало» и что с этого момента мы должны подчиниться Воле, которая сильнее нас.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

* * *

В этом эмпирическом существовании человек находится в связи с Богом, с миром, с душой и со своим ближним. Можно сказать, что на каждом из этих уровней Бог говорит на разном языке. В мире Он действует на нас через судьбу, которая раскрывается во времени, и через окружающие нас символы, которые находятся в пространстве. В душе Он есть Истина, которая объективна, и голос совести, который субъективен. В нашем ближнем Он появляется как нужда, которую мы должны удовлетворить, и как учение, которое мы должны принять, так что божественная функция нашего ближнего одновременно пассивна и активна.

Мы не можем служить Богу, если мы не видим Его в судьбе, в истине и в ближнем.

Назовем великие недуги, которые испытывает душа: это ложная жизнь, ложная смерть, ложная деятельность, ложный покой. Ложная жизнь: страсть, которая порождает страдание; ложная смерть: эгоизм, от которого каменеет сердце и который отделяет нас от Бога и Его благодати; ложная деятельность: рассеивание, втягивающее душу в неумолимый круговорот и заставляющее забыть о Боге, который есть Покой; ложное спокойствие или ложная пассивность — это слабость и лень, которые без малейшего сопротивления предают душу бесчисленным соблазнам мира.

* * *

Ложной жизни противопоставляется истинная смерть: смерть страстей. Это — духовная смерть: трезвая и прозрачная чистота души, сознающей свое бессмертие. Ложной жизни противопоставляется истинная жизнь: жизнь сердца, обращенного к Богу и открытого теплу Его любви. Ложная деятельность противопоставляется истинному покою, настоящему миру: покою души, простой и щедрой, благодарной Богу, то есть души, которая отбрасывает волнение, любопытство, амбиции, и покоится в божественной красоте, если можно так выразиться. Ложному покою противопоставляется подлинная деятельность: сражение Духа против многочисленных слабостей, которые губят душу и растрачивают драгоценную жизнь, как будто играя или во сне.

Ложному знанию, пустому мышлению противопоставляется путь бытия: духа, воссоединившегося со своим божественным Источником, по ту сторону ума, который расщеплен и бесконечно разбросан в своем бесплодном движении. Ложному существованию, грубому и слепому факту противопоставляется подлинное знание, настоящая проницательность: знание, что один только Бог есть абсолютная Реальность, что мир существует только через Него и в Нем, и что вне Его нет меня...

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

Часть VI.

ЭСХАТОЛОГИЯ И ЗАГРОБНАЯ ЖИЗНЬ

РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМАХ

Некоторые замечания о проблеме загробной жизни*

Великие Откровения одновременно являются в различной степени тотальными и фрагментарными: тотальными по причине своего абсолютного содержания, или эзотеризма, и фрагментарными по причине своего особого символизма и своего экзотеризма; но даже этот экзотеризм всегда содержит элементы, позволяющие восстановить тотальную истину. В исламе, например, одним из таких элементов является выраженная различными способами идея относительности, или невечности Рая и Ада. Коран упоминает блаженных и обреченных как пребывающих соответственно в Раю и в Аду «пока длятся небеса и земля, если только не пожелает твой Господь»[1]. Долговечность эта вдвойне относительна. Что касается Рая, мы можем привести высказывание Пророка: «Бог скажет (обитателям Рая): довольны ли вы? Они ответят: как мы не будем довольны, видя, что Ты предоставил нам то, чего не дал никому другому из Своих творений? Тогда Он скажет: Я дам вам лучше этого. Они ответят: А что есть лучше, о Господи? Тогда Он скажет: Я представлю вам Свое Блаженство и после этого никогда не буду гневаться на вас»[2]. Это напоминает отрывок из Корана: «А благоволение Аллаха — больше (Рая)»[3]. Следует также упомянуть высказывания суфиев, что Рай есть «тюрьма для гностика» или что он — «обиталище дураков»; к тому же и сам Коран утверждает, что «всякая вещь гибнет, кроме Лика (Сущности) Аллаха»[4].

---

* Из *Dimensions of Islam*, глава 10.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

Скрытый смысл всех этих намеков заключается в следующем: к концу великого космического цикла «пламя Ада остынет», как гласит хадис[5]; соотносительно, но без истинной симметрии, ибо «Мое Милосердие превосходит мой Гнев», Небеса, при приближении Апокатастасиса, по метафизической необходимости раскроют свой ограничивающий аспект, как будто они стали менее обширными или как будто Бог стал менее близким, чем прежде; они почувствуют своего рода ностальгию по Единому, не имеющему рядом с собой другого, или по Сущности, ибо близость не является Единением и содержит в себе элемент инаковости и отдельности. Без малейшего страдания, которое было бы противоположным подлинному определению Неба, аспект «иное, чем Бог» проявит себя в ущерб «близости к Богу». Это будет не больше, чем преходящая тень, так как дальше последует Апокатастасис, слава которого превзойдет все обещания и все ожидания, согласно принципу, что Бог никогда не дает меньше, чем Он обещал, а, наоборот, всегда больше[6]. В тот самый момент, когда, может быть, один из блаженных спросит себя, находится ли он все еще в Раю, великий Покров будет разорван и несотворенный Свет все зальет и поглотит: «сад» возвратится к «Садовнику», Универсальная Манифестация будет преобразована, и все будет реинтегрировано внутри невыразимой полноты Принципа; само Бытие вместе со своими возможностями творения больше уже не будет обособлено от неделимой Самости; ее возможности превратятся в то, что может быть названо «абсолютной Субстанцией», несмотря на некоторую абсурдность такого выражения. Этот аспект райских «сумерек» для суфиев представляется прямым следствием относительности самих небесных состояний; он подразумевается и в шахаде — утверждении Единства, — которая служит ключом для различения между Абсолютным и относительным[7]; именно данное распознание позволяет суфиям уподобить Рай, или Небеса, «тюрьме» — иначе говоря, они видят следствия в причинах и осознают *a priori* пределы всего того, что не есть Бог, хотя при этом одновременно, и с другой точки зрения, они созерцают Бога через феномены. При этом суфии аналогичным образом примыкают и к буддистской перспективе, когда Божественное Блаженство они называют «Раем Сущности», который непосредственно связан с Нирваной; последняя фактически есть «Бог», рассматриваемый с точки зрения Блаженства и Неизменности. Это показывает важные точки соприкосновения между семитской и брахмано-буддистской эсхатологиями и иллюстрирует основную идею «непостоянства всех вещей».

Мы только что видели, что когда приближается окончательное абсорбирование Небес в Сущность, тогда подчеркивается аспект отдельности за счет аспекта близости, во всяком случае, в некоторой степени. В случае Ада, или Адов, наблюдается обратная аналогия, в том смысле, что, с

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

одной стороны, они заключают в себе аспект отдаленности (от Бога), что и есть их *raison d'être*, а с другой стороны — аспект необходимости или экзистенции, который вынуждает их подчиниться Воле Божьей и, таким образом, — самой Реальности; вначале доминировать будет первый аспект, а второй аспект заявит о себе только в конце цикла, так что именно в этом состоит причина «охлаждения» пламени Ада, как об этом гласит хадис. Поскольку Бог есть скорее Любовь и Милосердие, чем Справедливость или Строгость, Благо Его содержится в экзистенции и во всех существующих субстанциях, и оно, в конце концов, овладеет всем, что существует. То, что в каждой вещи и в каждой твари является благом, это, прежде всего, ее чистое и простое существование, потом — богоподобие, даже если оно предстает наиболее косвенно, и в последнюю очередь — особые качества; эти позитивные аспекты, без которых ничто не существует, восторжествуют наконец над отрицательными случайностями, и это случится благодаря универсальному закону равновесия с его двойным аспектом истощения и возмещения[8]. Подобного рода соображения относительно как Рая, так и Ада, являются очень схематичными и не могут учитывать всех возможных модальностей, которые по своей природе нам неизвестны; Откровение учит нас прямо или косвенно, что Рай и Ад содержат в себе области и уровни, как в «горизонтальных», так и в «вертикальных» измерениях[9], но «жизнь» или «движение» в этих обиталищах не поддается земному пониманию, разве только при помощи редких и фрагментарных образов. В любом случае метафизическая база всей этой доктрины покоится на самом твердом из оснований, ибо она совпадает с самим понятием вероятности.

Существование неизбежно предполагает особенность и изменение; в плане физического существования об этом говорят пространство и время, а в плане универсальной Экзистенции — космические циклы. Существование, рассуждая по аналогии, является как «формой», так и «движением», оно, будучи одновременно статичным и динамичным, заключает в себе чередование развертывания и кристаллизации; трансмиграция душ не имеет другого значения[10]. На вершине универсальной Экзистенции эта «мигрирующая вибрация» останавливается, потому, что она поворачивается вовнутрь, в сторону Неподвижности; здесь остается всего лишь одно-единственное движение, один-единственный цикл Рая, который открывает доступ к Сущности. В Самом Боге, находящемся по ту сторону Экзистенции, есть элемент, который служит прообразом Экзистенции, и это есть Божественная Жизнь, которая в христианском учении относится к Святому Духу и называется Любовью; к этой жизни стремятся те экзистенции, которые озарены светом Славы и поддерживаются ею, ибо именно этот Свет, этот «Божественный Нимб» держит Небеса вне «мигрирующих вибраций» тех экзистенций, которые все еще тленны.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

Мудрец, строго говоря, не появляется из своего экзистенциального движения, хотя, с точки зрения космического круговорота, это происходит именно так, а поворачивает его вовнутрь: движение исчезает в Бесконечном или продолжается в «неизменном движении» «Пустоты».

Отождествлять себя с движением значит порождать движение и изменение, то есть серии движений; отождествление с Чистым Бытием порождает Бытие и поэтому — интериоризацию или преображение движения либо прекращение движения в Неизменном и Неограниченном. Желание есть движение, а созерцание есть Бытие.

Откровение предлагает не только те истины, которые выражены явно, но и те, которые только подразумеваются; оно предоставляет одновременно постулаты и выводы, идеи как причин, так и следствий, так что оно не может не учитывать эти следствия конкретно, если оно само предоставило ключ к их пониманию. Ключ этот обязательно подразумевают соответствующие последствия, по отношению к которым он выступает как бы верным предчувствием. «Тотальность» любви в христианстве и «искренность» веры и знания в исламе предполагают самые главные метафизические истины, даже если эти истины неизбежно откроют иллюзорную природу не только буквальных толкований, которые всегда имеют ценность на их собственных уровнях, но и самих этих уровней. По этой причине критерий традиционной ортодоксии не обязательно состоит в согласии с определенным экзотерическим тезисом, но в согласии с принципом знания или реализации, который этот тезис сопровождает: тот, кто говорит «лед», говорит «вода», даже если с точки зрения непосредственного восприятия, которое имеет ценность лишь на определенном уровне, твердое и жидкое состояния противопоставляются. Также по этой причине абсурдно ожидать от Откровения подробных разработок, касающихся всех истин; оно должно быть подробным относительно тех истин, которые необходимо касаются всех людей, но у Откровения нет причины подробно излагать те истины, которые не являются ни понятными, ни обязательными для большинства людей и потому остаются в состоянии потенциальности, актуализировать которую призван только эзотеризм. Например, когда Писания заявляют, что «Бог есть Любовь», это метафизически предполагает относительность и даже конец Ада, ибо говорящий «относительность» говорит «предел» и, стало быть, — «конец», однако этот конец своим истоком имеет такое «измерение», которое превышает реальность Ада, так что не Ад приходит к своему завершению, а завершение его устраняет. Это подобно тому, как если бы измерение глубины абсорбировало бы одно из двух других измерений, или вернее — оба одновременно, растворяя или преобразуя плоскую поверхность; ни то, ни другое измерение не перестанет существовать по отношению к своему обычному уровню, но сам этот уровень прекратит существование.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

Универсальная эсхатология *

Эсхатология — это часть космологии, а последняя — это продолжение метафизики, которая по сути является тем же самым, что и *sophia perennis*. Можно спросить, по какому праву эсхатология является частью софии (*sophia*), если, рассуждая в эпистемологическом ключе, чистый интеллект, по всей видимости, не способен открыть нам наших загробных судеб, хотя и открывает универсальные принципы; однако в действительности судьбы эти доступны пониманию благодаря знанию принципов или правильному их применению. Фактически, путем осознания сокровенной природы субъективности, а не только исключительно внешним путем через Откровение[1], мы можем знать о бессмертии душ, ибо назвать субъективность тотальной или центральной, а не частичной и периферийной, как у животных, значит тем самым признать способность к объективности, интуицию Абсолюта и бессмертие[2]. А сказать, что мы бессмертны, значит сказать, что мы существовали до нашего человеческого рождения, ибо то, что не имеет конца, не имеет начала, и кроме того, что мы подчинены циклам и наше прежнее существование также представляло собой цикл в цепи других циклов. Наше будущее существование также будет цикличным, то есть обречено быть таким, если мы не сумеем постичь причину человеческого существования, которая, будучи центральной, позволяет освободиться от «круговорота существований».

Человеческое состояние фактически является преддверием Рая: дверь ведет в сторону космического Центра, который, хотя и составляет часть манифестированной Вселенной, тем не менее помещен, благодаря магнетической близости от божественного Солнца, вне круговорота миров и судеб, и, таким образом, вне «трансмиграции». Именно по этой причине «человеческое рождение труднодостижимо», согласно индуистским текстам; для того, чтобы убедиться в этом, достаточно представить себе несоизмеримость между центральной точкой и бесчисленными точками периферии.

* * *

Есть души, которые, полностью или в достаточной мере осуществив человеческое призвание, вступают прямо в Рай: они являются либо святыми, либо освященными. В первом случае это великие души, озаренные божественным Солнцем и щедро раздающие благотворные лучи; во втором случае это души, не имеющие ни дефектов характера, ни мирских устремлений, которые свободны или освобождены от смертных грехов и

* Из *Sur les traces de la Religion pérenne*, глава 7.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

освящены сверхъестественным действием благодати, к которой они стали причастны. Между святыми и освященными, разумеется, существуют промежуточные возможности, но один только Бог может судить относительно их положения и ранга.

Тем не менее среди освященных, то есть тех, которые спасаются благодаря как естественному, так и сверхъестественному освящению[3], есть такие, которые недостаточно совершенны для того, чтобы войти прямо в Рай; таким образом, они будут ждать наступления своей зрелости в месте, называемом богословами «благородным заключением», но которое, согласно амидаистам, находится выше, поскольку, как они говорят, это место находится в самом Раю; они сравнивают его с золотым бутоном лотоса, который открывается, когда душа становится зрелой. Это состояние связано с «лимбо отцов» (*limbus* = край) католической доктрины: праведники «Ветхого Завета», согласно этой очень особой перспективе, находились там до «нисхождения в ад» Христа-Спасителя[4]; концепция эта, прежде всего, символическая и очень упрощающая суть вещей, но в принципе она совершенно адекватна и даже верна буквально в некоторых случаях, которые мы оставим в стороне, учитывая сложность проблемы.

После «лотоса» мы рассмотрим «чистилище» как таковое: душа, верная своему человеческому призванию, то есть искренняя и стойкая в своих моральных и духовных обязанностях, не попадает в ад, однако перед вхождением в Рай должна испытать промежуточное и мучительное состояние, которое в католическом учении называется «чистилищем»: душа должна пройти его, если она имеет дефекты характера или мирские склонности, она может быть обременена грехом, который она не в состоянии искупить ни своими моральными или духовными качествами, ни при помощи священной благодати. Согласно исламской доктрине, «чистилище» является преходящим обиталищем в аду: Бог спасает из огня «тех, кого Он пожелает» спасти, то есть Он один судья тому, что является несущественным в нашей природе, или, иначе говоря, Он один знает, что собой представляет наша фундаментальная возможность или наша субстанция. Если в христианстве есть направления, отрицающие Чистилище, это происходит в основном по той же причине, то есть потому, что души тех, кто не обречен, находятся в Божьих руках и заботят только Его.

Что касается Рая, то необходимо учитывать как его «горизонтальные» области, так и «вертикальные» уровни: первые связаны с круговыми секторами, а последние — с концентрическими кругами. Первые разделяют разные религиозные и сектантские миры, а последние — разные уровни внутри каждого из этих миров: с одной стороны, например, Брахмалока в индуизме, являющееся местом спасения, подобно Небу в христианстве, но отнюдь не совпадающее с последним[5], а с другой стороны, места

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

блаженства для скромных святых или «освященных» не те же самые, что и для великих святых. «В доме Отца Моего обителей много»[6], но это не значит, что существуют непреодолимые преграды между различными уровнями, ибо «собор святых» составляет часть Блаженства[7]; поэтому не надо предполагать, что невозможна коммуникация между разными религиозными секторами на эзотерическом плане, где такая связь имеет смысл[8].

* * *

Необходимо объяснить, с одной стороны, те инфернальные возможности, которые душа несет в себе в человеческом состоянии, а с другой стороны, возможности «трансмиграции», которые, наоборот, заставляют душу покинуть человеческое состояние. Строго говоря, ад, в конечном итоге, тоже является фазой трансмиграции, однако прежде чем освободить душу для других фаз или других состояний, он держит ее в заключении «постоянно», а не «вечно»; «вечность» принадлежит одному только Богу и в некоторой степени — Раю, благодаря таинству участия в божественной Неизменности. Ад кристаллизует вертикальное падение; он «непреодолим» потому, что длится до истощения определенного цикла, продолжительность которого одному только Богу известна. В ад идут не те, кто случайно согрешил, ибо в данном случае грех относится к их «оболочке», образно говоря, а те, кто грешил субстанционально, так как в этом случае грех относится к их «ядру», хотя упомянутая разница внешне может и не восприниматься; во всяком случае, такие люди надменны, полны злобы и лицемерия и, стало быть, являются противоположностью святым и освященным.

Экзотерически судя, человек обречен потому, что он не принимает данного Откровения, данной Истины, и не подчиняется данному Закону; рассматривая этот вопрос эзотерически, мы можем сказать, что он становится обреченным потому, что не принимает своей собственной фундаментальной и предвечной Природы, которая предписывает определенное знание и определенное поведение[9]. Откровение — это всего лишь объективная и символическая манифестация того Света, который человек имеет в самом себе, в глубине своего бытия; оно только напоминает, кем он является и кем он должен быть, поскольку он забыл, кто он есть. Если, согласно Корану[10], все человеческие души еще до творения должны засвидетельствовать, что Бог — их Господь, то это потому, что они «до существования» знают, что такое Бытие, Истина и Закон; фундаментальный грех является самоубийством души.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

О понятии ада*

...Понятие о «вечном» аде, в течение многих столетий стимулировавшее страх перед Богом и стремление к добродетели, сегодня имеет скорее противоположный эффект и делает учение о загробной жизни неправдоподобным, так что благодаря странному парадоксу в период контрастов и компенсаций, который в то же самое время является предельно враждебным по отношению к чистой метафизике, только эзотеризм, то есть гнозис способен сделать понятными и укрепить шаткие положения экзотеризма, а также удовлетворить определенные требования причинности. Итак, проблема наказания, которая так трудно воспринимается нашими современниками, может быть суммирована двумя вопросами: во-первых, возможно ли для человека, который является ответственным и свободным, быть в оппозиции к Абсолюту, даже в чисто иллюзорном смысле? Разумеется — да, поскольку индивидуальная сущность может принять на себя любые космические качества и, стало быть, есть такие состояния, которые представляют собой «возможность невозможного»[1]. А второй вопрос таков: может ли экзотерическая истина относительно ада быть тотальной истиной? Разумеется, нет, поскольку она, в некотором смысле, «по определению» обусловливается частными моральными соображениями или психологическими обстоятельствами. Отсутствие компенсирующих оттенков выражения в некоторых религиозных учениях можно объяснить следующим образом: эсхатологии, относящиеся к этим религиозным перспективам, вовсе не являются антиметафизическими, но — «не-метафизическими» и антропоцентрическими[2] настолько, что некоторые истины в их контексте кажутся «безнравственными» или, по крайней мере, «неприличными»: поэтому они не могут различить в инфернальных состояниях аспекты, являющиеся более или менее позитивными, и то же самое, только наоборот, наблюдается по отношению к райским состояниям. Этим мы не собираемся сказать, что существует симметрия между Милосердием и Строгостью, так как первое имеет превосходство над вторым[3], а скорее, что отношение «Небо — ад» по метафизической необходимости связано с тем, что в дальневосточном символизме выражается образом Инь-Ян, в котором черная часть окружности содержит белое пятно, а белая часть — черное пятно; если есть компенсации в геенне, потому что ничто в экзистенции не является абсолютным, а божественное Милосердие проникает повсюду[4], то и в Раю также должны присутствовать если не страдания, разумеется, то тени, свидетельствующие в обратном порядке о том же принципе компенсации и означающие, что Рай не есть Бог, а также — что все экзистенции связаны между собой. Упомянутый принцип компен-

* Из *Understanding Islam*, стр. 74–79.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgradereleasе

сации является эзотерическим, так что превращение его в догму всецело противоречило бы духу «или — или», столь характерному для западного экзотеризма, ибо на самом деле мы находим суфийские тексты, выражающие взгляды, удивительные по своим смысловым оттенкам: Джили, Ибн' Араби и другие допускают аспект наслаждения в инфернальном состоянии, поскольку, если, с одной стороны, осужденный человек страдает от того, что он отделен от Высшего Блага и, как подчеркивает Авиценна, от того, что лишился своего земного тела, хотя страсти остались, то, с другой стороны, он вспоминает Бога, согласно Джалаладдину Руми, и «нет ничего слаще, чем воспоминание Аллаха». Поистине, в аду как злобная, так и горделивая душа знает, что Бог реален, тогда как на земле они либо не обращали на это внимания, либо постоянно сомневались в этом; таким образом, нечто в них изменилось благодаря одному лишь факту их смерти, и это нечто не поддается описанию с точки зрения земной жизни. «Только умерший знает цену жизни», — говорят мусульмане. Здесь, может быть, следовало бы припомнить, что находящиеся в аду освободились бы *ipso facto*, если бы они имели высшее знание, потенциальность которого, несомненно, присутствует в них, так что даже в аду они обладают ключом к освобождению; но прежде всего надо подчеркнуть, что упоминание о второй смерти в Апокалипсисе, а также оговорка в Коране, где некоторые высказывания об аде сопровождаются фразой «если Господь не пожелает иначе» (*illâ mâ shâ'a Llâh*)[5]–все это указывает на точку пересечения между семитской концепцией о вечном аде и индуистской и буддистской концепцией трансмиграции. Говоря другими словами, ады, в конечном итоге, — это переходы в индивидуальные нечеловеческие циклы, то есть в иные миры. Человеческое состояние, или любое другое аналогичное «центральное» состояние, как бы окружено кольцом огня: выбор в нем только один — либо избавиться от «потока форм», двигаясь вверх, в сторону Бога, либо лишиться человеческого состояния, падая вниз через огненное кольцо, ибо огонь является как бы наказанием за измену тех, кто не постиг божественного смысла человеческого состояния. Если «человеческое состояние труднодостижимо», как полагают азиаты, верующие в трансмиграцию, то по той же самой причине его центральности и теоморфного величия в равной степени трудно его и покинуть. Люди вступают в огонь как боги, а выходят из огня всего лишь тварями: один только Бог мог бы пребывать в аду вечно, если бы Он мог грешить. Опять же: человеческое состояние очень близко к божественному Солнцу, если мы вообще можем говорить о близости в подобном отношении; огонь в обратном порядке является окончательной ценой той привилегированной ситуации, которая измеряется интенсивностью и неугасимостью огня. Поняв тяжести ада, мы должны судить о величии человека; мы не должны судить наоборот, то есть по кажущейся невинности человека думать о несправедливости ада...

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

Два Рая*

Ведантическое понятие «Освобождение» (*moksha*, *mukti*) верно или неверно вызывает парадоксальный образ отказа от Рая и выбора Высшего Единения, ибо последнее, как кажется, согласно некоторым формулировкам, предполагает растворение индивидуальности и отождествление интеллектуального ядра с Самостью. Если представить такой исход как результат строго человеческого выбора, можно справедливо возразить, что никакая индивидуальность не имеет ни малейшей возможности выбирать что-либо, кроме своего выживания и счастья; все остальное является показными и оторванными от жизни спекуляциями и, стало быть, не имеет ничего общего с данным понятием веданты.

Перед началом обсуждения надо учитывать следующее: во-первых, что идея «Освобождения» или «Единения» соотносится с метафизической истиной, независимо от того, насколько ее подлинный смысл может измениться по причине педантических или экстравагантных толкований; во-вторых, что человеку присущи два субъекта, или две субъективности, которые несоизмеримы между собой и имеют противоположные тенденции, несмотря на то, что в некотором смысле они как бы совпадают. С одной стороны, есть *anima*, или эмпирическое эго, которое соткано из случайностей, как объективных, так и субъективных, таких, как воспоминания и желания; с другой стороны, есть *spiritus*, или чистая Интеллигенция, субъективность, которая коренится в Абсолюте и которая, поэтому, видит в эмпирическом эго всего лишь оболочку, нечто внешнее и чуждое истинному «себе», то есть трансцендентной и имманентной «Самости».

Итак, если неопровержимо то, что человеческое эго обыкновенно желает счастья и выживания в счастливом состоянии до такой степени, что оно вообще не имеет никакой причины желать большего, то равным образом верно, что и чистый Интеллект существует и что его природа состоит в стремлении к своему источнику. Весь вопрос состоит в знании: которая из этих субъективностей в человеческом существе преобладает. Мы имеем полное право отрицать, что выбор сверхиндивидуального состояния имеет какой-нибудь смысл для индивидуальной души как таковой, но мы не можем отрицать, что в человеке есть нечто, что превышает индивидуальность и что может иметь приоритет над стремлениями последней.

Мы говорим о приоритете над ее устремлениями, но вовсе не отрицаем их, и здесь мы подходим к другому аспекту проблемы, отнюдь не менее важному. Когда традиция говорит о «растворении» или «угасании»

---

* Из *Islam and Perennial Philosophy*, глава 12.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

индивидуальности, имеются в виду только частные ограничения эго, а не существование как таковое. Если нет общей меры между эго и духовной реальностью существа, «освобожденного при жизни» (*jîvan-mukta*), и если, говоря, что он «есть Брахма», нет необходимости отрицать, что он является определенным человеком, такая же несоизмеримость, а вместе с ней такая же совместимость, или такой же параллелизм, обнаруживается и в потустороннем мире. Если бы не было так, мы должны были бы прийти к выводу, что аватары полностью исчезают из космоса, а этого традиционная доктрина никогда не допускает. Христос «есть Бог», но это вовсе не мешает Ему сказать: «ныне же будешь со мною в Раю», или предсказывать Свое возвращение в конце цикла.

«Мир» — это сфера феноменов и случайностей, а обыкновенное эго, *anima*, является, таким образом, интегральной частью мира, и для того, кто способен видеть его с точки зрения духа, *spiritus*, который по определению относится к *Spiritus Sanctus*, помещается «с наружной стороны»; и это не является вопросом честолюбия или эмоции, ибо речь идет о реальном понимании и природной перспективе. Иначе говоря, субъективность можно постичь или реализовать согласно трем уровням, а именно тем, с которыми связана триада *corpus*, *anima*, *spiritus*. Первый уровень есть уровень животности, хотя и человеческой; второй — уровень микрокосма сновидений, в котором субъект больше не отождествляет себя с телом, но с постоянно растущим миражом, сотканным из опыта воображения и чувств; третий уровень — уровень чистого Интеллекта, который есть отпечаток «трансцендентно имманентного» Субъекта в человеке. Душа является внутренним свидетелем тела, так же, как дух является внутренним свидетелем души.

Интеллект по своей природе не должен отождествлять себя пассивно и как бы вслепую с феноменами, которые он регистрирует, а наоборот — сводя феномены к их сущностям, познать, наконец, Того, кто познает. В то же самое время мудрец, потому что субъективность его обусловлена Интеллектом, стремится «быть Тем, который есть» и «наслаждаться тем, кто наслаждается», что возвращает нас обратно к ведантической триаде: Бытие, Знание, Блаженство (Сат, Чит, Ананда). В реальности есть только одно Блаженство, так же, как один-единственный Субъект и один-единственный Объект. Три полюса объединяются в Абсолюте и разделяются настолько, насколько Абсолют включается в Относительное, согласно таинству Майи; конечным итогом этого нисхождения является именно многообразие субъектов, объектов и опыта. Объект, Субъект, Счастье: все наше существование соткано из этих трех элементов, но только иллюзорно; мудрец делает то же самое, что и невежественный человек, ибо его жизнь зависит от этих трех элементов, однако делает это, поворачиваясь в сторону Реального, которое одно суть Объект, Субъект и Счастье.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

* * *

Когда суфии говорят, что «Рай населен дураками», это надо, скорее, понимать как указание на субъектов, связанных с феноменами, чем на один-единственный Субъект, который является своим собственным Объектом и своим собственным Блаженством. Все парадоксальные выражения, стремящиеся провести различия между «спасенными» и «избранными», надо понимать, прежде всего, как метафоры, утверждающие некий особый принцип или специфическую тенденцию. Парадокс состоит в том, что образ является наивно человеческим и поэтому психологическим, тогда как сам принцип ничего общего с психологией не имеет. Две субъективности, два языка: здесь кроется вся загадка эзотеризма. Доктрина является эзотерической, если она обращена к «внутренней субъективности» и, таким образом, оставляет «внешнюю субъективность»; с другой стороны, она является экзотерической в той мере, в какой она рассматривает эмпирическое эго как закрытую систему, как абсолютную реальность, и стремится подчинить эту систему предписаниям, которые также являются абсолютными. Утверждение, что нет бога, кроме Бога, для суфиев является эзотерическим, потому что оно, в предельном значении, исключает внешнее эго; «в предельном значении» — то есть когда оно понимается «искренне» и поэтому тотально. Традиционное выражение «познание через Бога» (*'ârif bi'Llâh*), а не «познание Бога», является характерным в этой связи, а слово «через» указывает на практически божественную субъективность внутри чистого Интеллекта.

Внешнее эго, по определению, питается феноменами и, следовательно, оно полностью дуалистично; оно соответствует богооткровенной и объективной религии, Пророком которой выступает определенная историческая личность. Внутреннее эго смотрит в сторону своего трансцендентного и имманентного Источника; с ним связана врожденная и субъективная религия, аватарой которой является сердце, однако эта мудрость фактически недостижима без согласования с объективной и богооткровенной религией, так же, как и внутреннее эго недоступно без согласования с освященным внешним эго.

Кристаллизация метафизической истины в религиозный и поэтому догматический феномен есть результат принципа индивидуализации. Падая в человеческую среду, Божественная Истина сгущается и индивидуализируется; она становится точкой зрения и персонифицируется, так что невозможно одну особую религиозную форму согласовать с другой на актуальном уровне этой персонификации; так же, как собственное человеческое эго невозможно заменить другим человеческим эго, даже если мы вполне осознаем, что эго нашего ближнего является не менее логичным и законным, чем наше собственное. Однако этот переход от

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

одной формы к другой и, таким образом, от одной метафизико-мистической субъективности к другой, всегда возможен, если мы возвращаемся к истоку религиозных сгущений, связанному с универсальной Субстанцией, или, можно сказать, к самому Интеллекту; человеку это доступно, в принципе и фактически, в чистом интеллектуальном познании, и это та субъективность, которая связана с «Освобождением» в ведантическом понимании.

Когда суфии презирают Рай и желают одного только Бога, то само собой разумеется, что они подразумевают Рай сотворенный, который поэтому есть «иное чем Бог», а не Рай, который является Божественным благодаря своей субстанции и своему содержанию, независимо от своего экзистенциального уровня. Иначе они не говорили бы совершенно логично, как они это делают, о «Рае Сущности», который находится по ту сторону творения. Аналогичным образом, если иногда кажется, что суфии отрицают благие дела или даже добродетели, то они отрицают эти ценности лишь настолько, насколько они кажутся «их собственными», а не — принадлежат Богу. Или опять же, когда некий суфий провозглашает, что он в равной степени безразличен как к добру, так и ко злу, это значит, что он рассматривает их по отношению к области случайного, к которой они относятся и которая, в свою очередь, кажется «злом» по сравнению с тем «благом», которое является качеством одного только Абсолюта. Если мы сравним добро со светом, а зло с темным непрозрачным камнем, то отбеливание камня не преобразует его в свет. Камень может быть испещрен белыми и черными полосами, как бы «добром» и «злом», но он, по причине своей непрозрачности и тяжести, тем не менее будет своего рода «злом» по отношению к сияющему лучу.

Два человеческих субъекта, внешний, или эмпирический, и внутренний, или интеллектуальный, аналогично связаны с двумя аспектами Божественного Субъекта — онтологического, или персонального, и сверхонтологического, или имперсонального; в человеке, как и *in divinis*, дуальность воспринимается, или актуализируется, только по отношению к элементу Майи. Или опять же, возвращаясь к триаде *corpus*, *anima*, *spiritus*, эти три субъективности соответственно отражают три ипостаси, если это понятие здесь допустимо, — Экзистенцию, Бытие и Над-Бытие, так что человек полностью является самим собой только в Интеллекте; подобно тому, как эмпирическое эго питается феноменами, так интеллектуальное эго сжигает их и стремится к Сущности. Это различие в принципе никоим образом не предполагает фактической альтернативы, потому что между ними просто не существует общей меры; норма — это равновесие между двумя уровнями, а не «дегуманизация», непостижимая в конкретных понятиях.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

* * *

Парадоксальное выражение «абсолютный Абсолют» нуждается в некоторых объяснениях. Согласно Паламе, православные богословы внутри самого Бога различают Сущность и Энергии; это ошибка, говорят католики, ибо Божественная природа несоставная; вовсе не ошибка, отвечают православные, ибо законы логики Бога не касаются, Он вне их; мы же сказали бы, что это не что иное, как диалог между глухими, поскольку логика отнюдь не мешает признать, что Божественная Природа содержит в себе Энергии, даже будучи несоставной. Чтобы осознать это, достаточно иметь понятие о Божественной Относительности — то, которое богословы с их искушенной схоластикой исключают, отказываясь принять любую комбинацию антиномных связей, которые в чистой метафизике составляют часть природы вещей. Не может быть симметрии между относительным и Абсолютным; в итоге, если и нет такой вещи, которая была бы «абсолютно относительна», тем не менее есть нечто, что является «относительно абсолютным», и это есть Бытие в своем творящем, открывающем и спасающем аспекте, абсолютное для мира, но не для Сущности, которое есть Над-Бытие, или «Не-Бытие». Если Бог был бы Абсолютом в любом контексте и не имел бы никакого ипостатического ограничения, то не было бы контакта между Ним и миром, и мир даже не существовал бы. Для того, чтобы быть способным творить, говорить и действовать, Самому Богу необходимо создать для Себя некий «мир», и Он создает его путем онтологического самоограничения, которое порождает «личного Бога», тогда как мир есть самое крайнее и самое относительное из Его самоограничений. Пантеизм был бы учением по-своему верным, если бы он ограничился упомянутым аспектом, не отрицая трансценденции.

Монотеистический экзотеризм легко упускает из виду эти аспекты ипостатической градации, упрощая ее, в чем и состоит причина его существования, то есть он помещает человека как такового перед «человеческим» Абсолютом, Богом-Творцом; однако ему приходится расплачиваться за подобное упрощение своего рода богословским «тупиком», из которого христиане пытаются выйти с помощью понятия «тайна», а мусульмане говорят, что Богу «так угодно», свидетельствуя этим о потребности одним махом постичь как единство Бога, так и антиномическую сложность Божественного вмешательства в мире. Однако эта сложность никогда не будет объяснена понятием единства; напротив, она объясняется относительностью *in divinis*, то есть при помощи ипостатической градации, в связи с развертыванием творения; относительность эта никоим образом не затрагивает единства, подобно тому, как измерения пространства не затрагивают ни единичности центральной точки, ни

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

гомогенности тотального пространства, возникающего из этой точки и развертывающего ее.

Ситуация богословских учений перед лицом парадоксальной сложности метафизической Реальности может быть суммирована следующим образом: во-первых, существует аксиома, что Бог есть Абсолют, поскольку ничто не может быть выше Его; далее следует логическое наблюдение, что в Боге есть нечто относительное; наконец, делается заключение, что поскольку Бог — Абсолют, то этот кажущийся элемент относительности может быть только абсолютным. Тот факт, что это противоречит логике, доказывает, что логика неспособна постичь Бога, который есть «тайна» (христианство) и который «делает то, что пожелает» (ислам). Мы видим, что решение проблемы зависит от двух положений: объективного — что Абсолют содержит в себе градации, разве что мы предпочитаем не говорить об этом, и субъективного — что не логика во всем виновата, а тупость наших аксиом и жесткость нашего мышления. Разумеется, «Бог делает то, что пожелает», однако подобная иллюзия «произвольности» возникает вследствие нашей неспособности понять все Его побуждения на уровне феноменов; несомненно, Он является «тайной», но это потому, что Его Субъективность, а это, в конечном итоге, — одна-единственная Субъективность, неисчерпаема и открывает свои тайны лишь настолько, насколько объемлет нас своим светом.

Становится ясным, что эго не является полностью самим собой, поскольку оно обусловлено объектами, которые есть «нечто другое»; истинное эго, чистый Субъект, заключает свой объект внутри себя, как Божественная Сущность, которая «стремится к своему бесконечному Центру», если допустим такой весьма условный образ, тогда как Бытие стремится к творению, но явно «не выходя из себя» и не испытывая никакого воздействия со стороны мира и его содержания. Субъект-интеллект, как и Над-Бытие, заключает свои объекты внутри себя, а эмпирическое или психическое эго имеет свой объект вне себя и внутри себя, подобно Бытию; точно так же, как Экзистенция имеет свой объект вне себя, в существующих вещах, так и чувственное эго имеет свой объект вне себя и стремится к внешнему. Итак, Бог может быть одновременно Над-Бытием, Бытием и даже Экзистенцией, с точки зрения Майи, ибо в предельном значении Над-Бытие никогда не раскрывается, но содержит все внутри себя в состоянии недифференцированном, но, тем не менее, бесконечно реальном. А со стороны человека, который сотворен по образу Божию, возможна неверность относительно этого образа, поскольку он не Бог и поскольку он свободен. Совершая подобный акт неверности и неся его в своей природе, он обязан стремиться к Божественной Глубине, если желает опять стать теоморфным существом. Субъект, как *anima*, должен стать независимым от телесного субъекта, а интеллектуальный субъект

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

должен освободиться от субъекта души (*anima*), в согласии с наставлением: «Кто станет сберегать душу свою, тот погубит ее; а кто погубит ее, тот оживит ее» (Лк. 17. 33); и далее: «если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода. Любящий душу свою погубит ее; а ненавидящий душу свою в мире сем сохранит ее в жизнь вечную» (Ин. 12. 24–25).

Мы повторяем, что «душа», или «жизнь», которая должна быть принесена в жертву, есть эго, как ядро страстей, а не частная субъективность, так же, как отсутствие сознания самости не может быть критерием духовного уровня и не может быть обычным состоянием, — иначе Христос вообще не ходил бы по миру, — им является избавление от того страстного вовлечения, которое коренится в желании, в выставлении себя напоказ и в оптической иллюзии. Начальная духовная фаза — это изоляция, так как мир есть эго, а конечная фаза состоит в том, чтобы «видеть Бога везде», поскольку мир есть Бог. Иными словами, есть такое духовное совершенство, в котором Бог созерцается только внутренне, в безмолвии сердца; и есть другое, которое превышает данное совершенство и из него рождается, ибо является как бы его продолжением, и в котором Бог созерцается в равной степени во внешних и внутренних феноменах — в их существовании, в их общих и частных качествах, а косвенно — даже в их частных проявлениях. На этом уровне не только эго кажется внешним — что случается также и в первом случае совершенства, — но сам мир кажется внутренним настолько, насколько он открывает свою Божественную субстанцию, и вещи становятся прозрачными. Именно эту реализацию, светящуюся и всеохватывающую, имеют в виду суфии, когда они говорят вместе с аш-Шибли: «Я никогда не видел ничего, за исключением Бога».

Однако выражение «видеть Бога повсюду» может иметь также и более специфическое значение, которое, по сути, совпадает с пониманием «языка птиц» и в то же самое время возвращает нас к принципу, что «крайности сходятся»: интеллект, постигший то, что является наиболее глубинным, благодаря дару Божьему, может получить способность понимать скрытые «намерения» внешних вещей и форм в общем смысле.

* * *

Выше мы приводили слова Христа о том, что те, кто сберегут душу, потеряют ее, а те, кто готовы отказаться от нее, спасут ее для вечной жизни. Несомненно, данное изречение проводит первое различие, весьма общего характера, между мирским и духовным человеком, однако, поскольку оно является священным и поэтому поливалентным, оно в равной степени указывает на две субъективности, особо интересующие нас, то есть на феноменальную и интеллектуальную, или на эмпирическую

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

«самость» и трансцендентную «самость». В последнем случае понятие «гибели» отсутствует, так как оно просто указывает на двусмысленную ситуацию «психического» человека. Что касается «пневматического» человека, то он спасается благодаря своей восходящей природе, ибо его субъективность интеллектуальная, а «психические» опасности отступают по причине случайного и пассивного характера его эго.

Однако для духовной субъективности естественным представляется промежуточное решение, которое является скорее жертвенным, чем интеллектуальным, и согласно которому субъект, хотя и не предстает микрокосмическим продолжением Самости в том смысле, в каком это слово употребляет Шанкара, но, тем не менее, не ограничивается эмпирической «самостью». Это — героическая субъективность на пути Любви, которая отрывает себя от феноменов, не будучи при этом способна интегрировать себя в сферу трансцендентного и имманентного Свидетеля. Луч Милосердия тогда нисходит на субъективность, отказавшуюся от мира сего; лишенная земной «самости», бессмертная душа продолжает жить той Благодатью, которая ее поддерживает и принимает.

* * *

Поскольку разница между двумя субъективностями существенна, то ее выражение мы находим в любой духовно целостной цивилизации. Даже если бы мы ничего не знали о Майстере Экхарте, то, тем не менее, мы утверждали бы, что христианство не исключает этой точки зрения. Майстер Экхарт с присущей ему отвагой молит Бога освободить его от Бога, поясняя при этом, что он имеет в виду Бога как источник творения и что наше сущностное бытие выше Бога, рассматриваемого таким образом; он говорит, предоставляя ключ к загадке, что «сущность Бога и сущность души одна и та же». Подобный взгляд на вещи выражает компенсирующую взаимосвязь между Абсолютным и Относительным, или между Атманом и Майей, подобно тому, как таинство несоразмеримости (*Lâ ilâhâ illâ'Llâh* в исламе) сопровождает таинство обоюдности (*Muhammadun Rasûlu'Llâh*). Иными словами, в Атмане есть точка, которая является Майей, и этой точкой является Бытие, или Личный Бог, тогда как в Майе есть точка, которая является Атманом, и это Над-Бытие, или Божественная Сущность, представленная в Интеллекте; это имманентная «абсолютность» в человеческой «относительности». Это опять возвращает нас к даосскому символу Инь-Ян, где белая часть имеет черный центр, а черная часть — белый центр. Тот факт, что человек способен постичь ограниченность Бытия по отношению к чистому Абсолюту, свидетельствует, что в принципе он может реализовать чистый Абсолют и, таким образом, трансцендировать то, что эманирует из Бытия путем законодательства, то есть не что иное, как религию; мы говорим «в принципе»

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

потому, что фактически это случается очень редко, ибо иначе религии не существовали бы вообще.

«Если бы не было меня, не было бы и Бога», — говорит Мейстер Экхарт, и смысл сказанного становится ясным в свете только что рассмотренной доктрины; он также осторожно добавляет, что те, кто не понимает этой «совершенно голой истины, вытекающей прямо из самого сердца Бога», не должны «биться головой о стену», так как истина эта понятна лишь тем, кто «ей подобен». Иначе говоря, доктрина Высшей Субъективности требует провиденциального предрасположения, чтобы понять ее; мы говорим скорее «предрасположения», чем «способности», поскольку принципиальной причиной метафизического непонимания является не столько фундаментальная неспособность интеллекта, сколько страстная привязанность к идеям, отвечающим естественному индивидуализму человека. Трансцендируя этот индивидуализм, человек становится, с одной стороны, предрасположен к такого рода пониманию, а с другой стороны, сама метафизика способствует этому трансцендированию; любая духовная реализация имеет два полюса, или две отправные точки, — одна из них в нашем мышлении, а другая — в нашем бытии.

«Тому, кто боится сана Господа своего» сура «Милосердный» (5:46) обещает два Райских сада, а затем упоминает еще два сада. Согласно одним комментаторам, первые два сада предназначены соответственно для людей и для джиннов, или, согласно другим, для любого верующего, без объяснений при этом разницы между двумя садами; что касается двух других садов, то Бадави, а вслед за ним и множество других, предполагают, что они предназначены для верующих, имеющих меньше заслуг или меньше положительных качеств. Согласно другим толкователям во главе с Кашани — два других сада, наоборот, выше двух первых, но вопрос этот, зависящий от символического описания Рая, здесь не имеет значения. Нам кажется, что в любом случае следует сделать различие в каждой из двух упомянутых пар между «горизонтальным» садом и «вертикальным» садом, ибо этот другой Рай есть не что иное, как сам Бог, сообщающий или манифестирующий Себя по отношению к рассматриваемому уровню; это точный эквивалент различия между «небесным телом» Будд и их «божественным телом».

Для «избранных» или «приближенных» (*muqarrabūn*) «вертикальный» сад является состоянием Единения; мы уже видели, что это состояние не исключает личного присутствия «тел славы» в сотворенном Раю, так как без этой возможности многие места Писаний и множество священных феноменов были бы необъяснимы. Что касается двух нижних садов, высший из этих двух будет не Раем «Единения», а Раем «блаженного созерцания», ибо это зрение, подобно Единению, является «вертикальным» по отношению к «горизонтальному» и, поэтому, феноменальному

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

или, точнее, человеческому блаженству. Одним из символов, выражающих небесную «вертикальность» по отношению к небесной «горизонтальности», является «венец несотворенного света», который, согласно христианской традиции, будет носить избранный; на уровне непревзойденной реальности значение этого символа, во-первых и прежде всего, указывает на «Коронацию Девы».

В знаменитой Молитве Ибн Машиша, которая связана с Логосом, или *Haqîqah al-muhammadiyyah*, есть упоминание об «очаровании Красоты» и о «преизбытствующей Славе»; кроме иных значений, это может восприниматься как указание на два «осевых» уровня Неба. В эротическом символизме это разница между «созерцанием» возлюбленной и «соединением» с ней; во втором случае форма исчезает таким же образом, каким акциденции растворяются в Субстанции, и Божественные качества становятся недифференцированной Сущностью. Это исчезновение, или растворение, связано с тем, что в других случаях называется «перспективой центростремительных лучей». С точки зрения первого таинства, то есть таинства непрерывности, или включенности — речь здесь идет о чем-то бесконечно превышающем «путь восприятия вещей», — «все есть Атман» и, стало быть, непосредственное единство является возможным; с точки зрения второго таинства, «Брахма не есть мир» и, стало быть, разрыв между сотворенной и несотворенной сферами является абсолютным и поэтому непреодолимым, и это есть таинство разрыва, или исключенности. Только на основе этой несводимости можно адекватно постичь емкую гомогенность Реального вместе с его духовным следствием — тайной Идентичности, или «Раем Сущности».

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

ПРИМЕЧАНИЯ

Часть I. Религия и откровение

Чувство Абсолюта в религиях

1. Подобно тому, как удар молота производит множество искр, так одно-единственное слово Торы, согласно каббалистам, содержит в себе множество значений.

2. Тот факт, что жизнь Будды, которая в своих основных чертах, включая и определенные чудеса, является исторической, воскрешает миф об Индре, отнюдь не означает, что эта жизнь также есть миф, подобно тому, как и пророчества о Христе не умаляют Его историческую реальность. Наоборот, если первые шаги достигшего Просветления Будды были отмечены цветами лотоса, то этот факт относится к тонкому миру души и никоим образом не является «нереальным».

3. Согласно нашему мнению, аватары, имеющие не человеческий облик, принадлежат к сфере мифологического символизма; однако необходимо остерегаться причислять к этой категории всю совокупность явлений, идущих вразрез с опытом наших времен. По этому поводу мы хотели бы заметить, что не видим никакой логической причины для отрицания историчности любовных сказаний вайшнавов, то есть последователей Кришны, о гопи, потому что, если подобного рода символизм возможен, он также имеет право существовать на уровне фактов; есть нечто подобное в случае «Песни Песней», где буквальное значение сохраняет за собой права, поскольку оно существует; моральный интерес не следует путать с Истиной, пронизывающей все ступени Существования.

4. Следует, однако, отметить наличие определенного разночтения в вопросе о «трех Мариях Магдалинах» наряду с некоторыми противоречивыми элементами повествования в Новом Завете, наверняка указывающими на то, что священное, хотя здесь и помещается во времени, но находится вне истории; такие «неравномерности» вовсе не противоречат божественной Воле, они обнаруживаются также в священном искусстве, где они подобны «отверстиям», стерегущим беспредельный поток «жизни»; это значит, что в глазах Неба любая форма неадекватна. Нечто подобное наблюдается также в крайне свободном оперировании цитатами из Писания в Новом Завете: божественное Слово, кристаллизуя себя, одновременно отвергает некоторые прежние «фиксации». Однако, с нашей точки зрения, достаточно прочесть Новый Завет, чтобы свести к нулю все искусственные доводы, имеющие своей целью усомниться в подлинности текстов. Те, кто вопреки традиции превозносят значимость «критицизма» или «объективного анализа», забывают о существенном, а именно об интеллектуальном познании, без которого даже прекрасные методы оказываются бесполезными, хотя

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

интеллектуальное познание на самом деле часто отождествляется с критическим подходом, как будто бы сомнения по поводу очевидного являются достаточным доказательством наличия интеллектуального познания.

5. Согласно широко распространенному мнению, почти все собранные Сунной высказывания и действия Пророка суть фальсификации, созданные определенным кругом заинтересованных богословов. Психологическая несостоятельность подобной гипотезы игнорируется: почему-то, вероятно, забывается факт, что предполагаемые фальсификаторы были людьми, которые верили в ислам и боялись ада; не придается вообще никакого значения традиции или ортодоксальному единогласию, что показывает полное отсутствие знания о том, что возможно в традиции, а что нет; главным образом это свидетельствует о незнании того, что представляет собой традиция.

Принять или отвергнуть Откровение

1. Мечтатели XVIII века, не знавшие о влиянии на них христианского наследия, и пропитанные древней идеей гражданственности и франкмасонским идеализмом, воображали, что человек является благоразумным и что человеческий разум совпадает с их идеологией, которая в действительности, мягко говоря, представляла собой нечто отрывочное и заранее обреченное на провал из-за губительного преклонения перед человеком. Они не предвидели, что если человек не чувствует над собой божественной Власти, он вообще не считает себя обязанным подчиниться человеческой власти; как только он находит себя свободным от любой морали, кроме своей собственной, ничто не мешает ему самому изобретать моральные нормы, соответствующие его заблуждениям и порокам, драпированные рационализмом, по крайней мере до той поры, пока эвфемизмы еще кажутся ему полезными.

2. Есть полученные из Откровения предписания, имеющие в виду не человеческую природу как таковую, на что наглядно указывает Декалог, а особые условия или обстоятельства.

3. Для такого типа ментальности мораль есть нечто субъективное, и, следовательно, проступок является полностью относительным; таким образом, судебный аппарат становится бессильным в обществе, которое больше уже не считает, что преступление есть преступление, и, таким образом, способствует психоаналитическому размыванию законности и полному пренебрежению общественной безопасностью.

4. Наряду с трудом и освящающей его религией, люди также нуждаются в мудрости; этого как раз не понял Ришелье, выступивший против гильдий.

5. Это то, что пытался осуществить Ганди — героически, но безуспешно, если не считать хорошего примера и разного рода инициатив, которые так и остались

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

частичными и локальными. Что касается Церкви, будут высказаны возражения, что она не может компрометировать себя, противопоставляя себя такому «необратимому» явлению, как индустриализация; мы ответили бы на это, что, во-первых, Истина превосходит любые возможности или любую «необратимость», а во-вторых, что Церковь могла бы всегда отстаивать свою доктринальную позицию в отношении любых намерений и целей, оставаясь реалистичной на уровне фактов; следуя безупречной логике и в согласии со своим прошлым, она могла бы открыто предпочесть монархическое и традиционно-правое направление, бравшее ее под защиту уже по одному своему определению, и не компрометировать себя на глазах у всех неким сомнительным «правом», возникшим в XIX столетии в тени машины.

6. Несмотря на все иллюзии, это, несомненно, не «христианская цивилизация».

7. Как может некто, прочитав сочинения Хонэна Сёнина (*Honen Shonin*)* и познакомившись с его жизнью, ставить под сомнение весомость традиции амидаизма или святость этой личности? Традиция и вера, которые в течение многих веков обильно приносят плоды, могут быть только сверхъестественными.

8. Этот Бог персонален и драматичен в случае христианства, имперсонален и безмятежен в случае буддизма; одно спорадически отражается в другом. Мы приводим эти два примера их различия. Позвольте добавить, что арианство представляет собой случай возможности вмешательства архетипа ислама внутри христианства, тогда как шиизм, напротив, суть архетипическое проявление христианского драматизма внутри ислама.

Эзотеризм и мистицизм

1. Это следует из того, что под «объективностью» мы понимаем не знание, которое ограничено чисто эмпирическим собиранием почерпнутых извне данных, а полную эквивалентность познающего субъекта и познаваемого объекта, которая вполне соответствует современному значению этого термина. Интеллектуальное познание или знание «объективны», когда они в состоянии постичь объект как он есть, а не в том виде, в какой он может быть превращен деформирующим его субъектом.

2. Модернисты думают, что они первыми узнали, как объединить внешнюю относительность с внутренней абсолютностью, но их демаркационная линия между внешним и внутренним является совершенно ложной вследствие того факта, что они внутреннее немедленно сводят к внешнему, а Абсолют — к относительности. Следует ясно заявить, что модернизм не ведет своего происхождения от

* Хонэн Сёнин (1133–1212) — основатель школы Дзёдо, главного направления японского буддизма Чистой Земли.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

католицизма, наоборот — он завладел и воспользовался им как оккупационная сила. Остальное завершается по закону гравитации.

3. Мы должны настаивать на том, что, строго говоря, освобождение от этого положения вещей невозможно без помощи религии, ортодоксии и традиционного эзотеризма, со всем, что из этого вытекает.

4. Такое Откровение имеет одновременно консервативную и охранительную функцию, оно выражает Истину с учетом риска, что она может быть забыта; следовательно, оно также имеет своей целью защитить «чистое» от загрязнения «нечистым», напомнить Истину тем, кто по неосторожности сбился с пути.

5. Первый аспект, как хорошо известно, проявляется у Газали, который добился для суфизма признания в рамках официальной религии, в то время как второй аспект — коранической параллелью которого является повествование о Моисее и неизвестном (*Аль-Хидр*) — мы находим, например, у Ниффари, заявившего, что экзотерическое откровение не служит опорой для эзотерического откровения, то есть гнозиса, и что массовая религия смотрит на вещи в плане их множественности, а не единства, как это делает внутреннее откровение. Ибн Араби также говорит: «Бог Всемогущий не ограничен никаким верованием, ибо Он сказал (в Коране): «Куда ни повернешься, везде лик Бога»».

6. Здесь мы подразумеваем, что чудеса тоже имеют свой механизм, но в данном случае причинная связь «вертикальная», а не «горизонтальная»: луч причинного развертывания пересекает несколько экзистенциальных уровней, вместо того, чтобы действовать лишь на одном-единственном.

7. Согласно св. Фоме Аквинскому, принципы логики присущи Богу, и согласно им мы должны мыслить; это значит, что невозможно противоречие между нашим интеллектуальным познанием и Истиной, которая имеет Бога своей опорой. Несомненно, внешние абсурды имеют место, но в этом случае противоречие возникает лишь по причине нашего невежества или умственной тупости. «Правильный ум есть храм Бога», — сказано св. Иоанном Креста.

8. В общем виде межтрадиционные влияния при определенных условиях всегда возможны, но без какого бы то ни было синкретизма. Несомненно, буддизм и ислам оказали влияние на индуизм, однако, разумеется, не путем прибавления к нему новых элементов, а благоприятствуя или побуждая расцвет уже имевшихся элементов.

9. Иначе говоря, можно найти элементы эзотеризма в ортодоксальном гностицизме, получившем свое продолжение в теософии Беме и его последователей, а также в дионисовом мистицизме рейнландцев и, конечно, в исихазме, не забывая тех частичных элементов методического эзотеризма в квиетизме Молиноса, следы которого можно найти у св. Франциска Сальского.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

10. Как известно, для созерцательного индийца этот вид метафизической гибкости является второй природой и не представляет трудности; это значит, что индийцы особенно чувствительны к тому, что мы неоднократно называли «метафизической прозрачностью феноменов». Разумеется, *bilinguis maledictus*, двусмысленная речь — отвратительна; но она осуществляется на одной плоскости, а не так, как эзотеризм — на двух разных уровнях; если это двойное измерение считать незаконным, то невозможно интерпретировать Песнь Песней Соломона иначе, как в буквальном смысле, а большую часть патриотической и мистической экзегезы пришлось бы отвергнуть. Христос ведь употреблял притчи и метафоры.

11. То обстоятельство, что в нашем веке все можно прочесть и обо всем узнать, имеет последствие в религиозных кругах не в том смысле, что чужие духовные системы принимаются безусловно, а в том, что устанавливается смягченное и нередко терпимое отношение к ним, за исключением определенных слоев, путающих традиционную ортодоксию с правом на клевету и, таким образом, наносящих вред делу, которое они пытаются защитить. Отвергать ислам — это одно, а утверждать, что он не допускает женщин в Рай или что мусульмане не обладают добродетелью, — это совсем другое.

12. «Кто не любит песен, женщин и вина, тот остается дураком всю жизнь» (*Wer liebt nicht Wein, Weib und Gesang, der bleibt ein Narr sein Lebenlang*) — эта старая немецкая пословица вполне может иметь эзотерическое происхождение, устанавливающее родственную связь с аналогичными выражениями, которые встречаются у Омара Хайяма и других. «Вино» фактически, согласно самым различным традициям, является «любовью»: с одной стороны, эта доктрина эзотерична настолько, насколько она освобождает и направляет к сущности, даже несмотря на ее двусмысленность и опасность, а с другой стороны — созерцательное опьянение — мимолетное (*hal*) или постоянное (*maqam*); «женщина» — это красота, или восхищающее и освобождающее лицезрение Бога в формах, манифестирующих Его лучезарное Благо; «вечная женственность» также проявляет в себе это Благо, ибо она прощает, приветствует и объединяет, освобождая нас от формального и иного жестокосердия; «песня» является квинтэссенцией, молитвой сердца, «восхвалением», «плавящим» и реинтегрирующим сердце в Сущность. Заметим между прочим, что неправдоподобно вовсе не то, что Лютер произнес эти слова, как принято думать, а то, что он является их автором, потому что они встречаются также и в итальянской форме, происхождение которой также остается неясным (*Chi non ama il vino, la donna ed il canto, un pazzo egli sarà e mai un santo*); в этой форме эзотерическая интенция фактически подкреплена аллюзией на «святость»: тот святым не будет никогда, согласно *эзо*теризму, кто не познал этих трех вещей (*vino, donna u canto*). Также и Омар ибн Аль-Фарид в своем «*Khamriyah*» произносит: «И вовсе не жил в этом мире тот, кто жизнь без опьянения провел, и интеллекта вовсе не имел, кто от опьянения не умер»; человек, «не имеющий интеллекта», и есть «дурак» (*Narr* или *pazzo*), то есть человек профанический и светский.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

13. В экзотерическом смысле мы неверны себе, находясь в состоянии греха, что является сущей правдой, только не вполне достаточной; мы неверны себе также и в тех пещерах грез, которые совращают нас и пленяют, и которые для большинства людей есть их «подлинная жизнь»; именно эти пещеры питают тот ядовитый базар, которым является светская «культура». Земная мечта уже есть косвенный грех: несомненно, она не исключает религиозную практику, но компрометирует любовь к Богу, кроме случая, когда ее природа такова, что может связать себя мимолетно с этой любовью, благодаря просветам над нами, посылающим нам небесное благоухание как приглашение подняться над самим собой.

Вера, любовь и знание

1. Эта подчиненность *a priori*, а не *a posteriori* интеллектуальному познанию Откровения, так удачно выражена св. Ансельмом фразой *Credo ut intelligam*.

Понимание и верование

1. «Знаки» (*ayat*), о которых повествует Коран и которыми могут быть даже естественные явления, рассматриваемые в свете ниспосланной доктрины. Здесь вовсе неуместно замечание по поводу равнодушия верующих любой подлинно ортодоксальной религии к доводам другой религии, поскольку в этом случае мотив отказа является позитивным — это существующая вера, не потерявшая своей значимости.

2. Надежная доктрина является «описанием», основанным на прямом, сверхментальном знании, и поэтому автор не впадает в иллюзию относительно ее неизбежных формальных ограничений; с другой стороны, философия, претендующая на то, что она является «исследованием», является полным ничто, и ее показная скромность есть ни что иное, как претенциозное отрицание истинной мудрости, абсурдно называемой «метафизическим догматизмом». Ясно, что отнюдь не скромность звучит в словах, что человек невежествен потому, что все, мол, невежественны.

3. Когда американские индейцы назвали алкоголь «огненной водой», они, не подозревая об этом, выразили глубокую истину: алхимическое и почти сверхъестественное совпадение двух состояний: жидкости и возгорания.

4. Эта высшая вера совершенно отлична от безответственного и надменного проявления вольности, столь свойственного профаническим импровизаторам дзэна и *jnana*, стремящимся достичь всего «одним махом» путем отмежевания от подлинного человеческого контекста реализации, тогда как на Востоке и вообще в нормальных условиях, создаваемых этическим и литургическим окружением, этот контекст в значительной степени присутствует изначально. На прием к царю не ходят через заднюю дверь.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

5. В житии святых духовное продвижение часто ознаменовывается неким внешним или внутренним происшествием, подталкивающим душу к особому определенному настрою по отношению к Небу; символом здесь является не само событие, но тот позитивный духовный фактор, проявлению которого и послужило событие.

Любовь к Богу и то, что ей сопутствует

1. То же самое верно даже в отношении буддизма, так как Будды и великие Бодхисаттвы на практике и в соответствии с необходимостью возлагают на себя функции личного Божества.

2. Или *Нирвана*, поскольку здесь имеет значение вовсе не личностный аспект, а аспекты абсолютности, бесконечности и спасения.

Любовь и знание

1. Согласно представлениям Экхарта, достаточной причиной добродетели, в первую очередь, является не ее внешняя польза, а красота.

2. Это перспектива Чайтаньи или Рамакришны. Им случалось впасть в экстаз (*samadhi*) при виде прекрасного животного. В суфизме аналогичные примеры «духовной эстетики» наблюдаются у Омара ибн Аль-Фарида или Джалаладдина Руми.

3. Будда, не произнося ни слова, поднял цветок, и этот жест знаменовал начало дзэна. Давайте вспомним, что Будды спасают не только при помощи своего учения, но и посредством своей сверхъестественной красоты, которая в более или менее «абстрактном» виде увековечивается в священных образах.

Очевидность и тайна

1. Неправильно, если эманация понимается в физическом смысле; правильно, если признается, что она чисто каузальная, с одновременным предположением некоторой консубстанциональности, благодаря тому факту, что Реальность одна.

2. Согласно Книге Бытия: «И сотворил Бог человека по образу Своему» и «мужчину и женщину сотворил их». А вот по мнению одного из Отцов Церкви, мужской и женский пол сотворены не по образу Божию; только те черты, которые идентичны у обоих полов, богоподобны, по той простой причине, что сам Бог — ни мужчина, ни женщина. Такое размышление является несостоятельным, ибо, хотя и очевидно, что Бог в Самом Себе не двойственен, Он неизбежно содержит принципиальную двойственность в Своем Единстве, точно таким же образом, каким Он содержит Троицу или Четверицу; и как можно не согласиться, что Святая Дева имеет свой прообраз в Боге не только относительно своей человечности, но и относительно своей женственности?

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

3. То обстоятельство, что мы столь многократно уже ссылались на это ведантическое понятие, не мешает нам обратиться к нему еще раз; и мы снова вернемся к нему позже. Здесь следовало бы напомнить читателю, что термин *Maya* сочетает в себе значения «производящей силы» и «универсальной иллюзии»; это неистощимая игра манифестаций, развертываний, комбинаций и отражений, игра, при которой *Atma* облачается в разные покровы подобно тому, как океан облекается вечно обновляющимся и никогда одним и тем же покрывалом пены.

4. Православная Церковь более предусмотрительно говорит о «преображении».

5. Если каждое слово Евангелия толковать буквально, то, стало быть, надо верить, что Христос является вином или дверью, или что мы обязаны ненавидеть отца и мать, или выколоть себе глаз и тому подобное.

6. Отвергнутому из-за неумения соотнести его с дополнительным тезисом. Истина здесь антиномична, не однозначна: ипостаси одновременно являются тремя модусами одной Божественной Личности и тремя относительно разными Личностями.

О воле Божьей

1. «В искушении никто не говори: «Бог меня искушает», потому что Бог не искушается злом и Сам не искушает никого» (Иак. 1.13).

2. Тот факт, что в мусульманской молитве вертикальное положение чередуется с распростертым, своеобразно свидетельствует о двух аспектах человека, то есть «раба» (*'abd*) и «наместника» (*khalifah*); это суть два аспекта и два отношения, которые не следует смешивать тогда, когда есть необходимость их различать. Совершенно ясно, что исламу это известно, ибо он оперирует понятиями интеллектуального познания, ответственности и достоинства, хотя благочестие пытается превратить наместника в раба, что является возможным лишь по отношению к онтологической каузальности, где понятие «наместничество» просто отсутствует.

О понятии философии

1. Естественно, что наиболее «продвинутые» модернисты пытаются устранить принципы рассуждения как таковые, но это пустая фантазия *pro domo*, ибо человек обречен на рассуждения сразу же, как только начинает пользоваться языком; разве только он вообще ничего не собирается выразить. В любом случае, нельзя утверждать невозможность утверждать что-нибудь, если слова еще имеют хоть какое-то значение.

2. Немецкий автор H. Türck выдвинул термин «мизософ» — «враг мудрости», для обозначения мыслителей, разрушающих саму основу истины и интеллектуального познания. Мы добавим, что «мизософия», не считая некоторых прецеден-

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

тов в древности, появляется, *grosso modo*, вместе с «критицизмом», а заканчивается разного толка субъективизмами, релятивизмами, экзистенциализмами, динамизмами, психологизмами и биологизмами. А что касается древнего выражения «мизология», оно, прежде всего, обозначает ненависть фидеистов по отношению к разуму.

3. На самом деле, уникальность Бога исключает уникальность мира, как в смысле последовательности, так и протяженности; бесконечность Бога требует повторения мира, однако творение не может быть уникальным событием, и, тем более, его нельзя свести лишь к миру человеческому.

4. Все же в защиту этого довода, который, кстати, повторяет Ибн Араби, говорит то обстоятельство, что он является единственным способом примирения эманационной истины с креационной догмой, не навязывая последней толкования, слишком удаленного от «буквы»; мы говорим «эманационная истина», желая при этом подчеркнуть, что вопрос стоит о подлинно метафизической идее, а не о каком-то пантеистическом или деистическом эманационизме. В любом случае, когда Ибн Араби в начале своего трактата «Геммы мудрости» (*Fusus al Hikam*) рассуждает о творении, он не может избежать оттенка временной модальности: «Когда Божественная Реальность захотела увидеть... свою Сущность» (*lamma sha'a 'l-Haqqu subhânahu an yara... 'aynahu...*); правда, прошедшее время в арабском языке в принципе имеет значение вечного присутствия, когда речь идет о Боге, но это, прежде всего, относится к глаголу «быть» (*kâna*) и отнюдь не мешает изображению творения как «акта», а не «качества».

5. Вселенную в целом можно сравнить с кругом или с крестом, где в обоих случаях центр представляет собой Принцип; однако, тогда как в первом образе связь между периферией и центром лишена непрерывности, и это, по аналогии, является перспективой догматического богословия, во втором образе эта же самая связь непрерывна, и это — перспектива гнозиса. Первая из упомянутых перспектив имеет силу в том случае, когда рассматривается феномен как таковой — то, чего гнозис не стал бы оспаривать, тогда как вторая перспектива адекватно рассматривает и вещи, и Вселенную.

6. Эта идея, как и выражающие ее понятия, принадлежит исламу, независимо от вышеупомянутых греческих аналогий; и в этом нет ничего удивительного, так как истина одна.

7. Эта четверица Эмпедокла в иной форме обнаруживается в космогонии североамериканских индейцев, а также, возможно, в Мексике и в других более южных регионах: именно Пространство здесь символизирует Субстанцию, универсальный «Эфир», тогда как кардинальные точки выражают четыре принципиальные и экзистенциальные обусловленности.

8. *Sattva,* по аналогии, есть восходящий и озаряющий «Огонь». *Tamas* — это «Земля», тяжелая и мрачная. *Rajas,* благодаря своему промежуточному положению,

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

имеет один аспект легкости, другой аспект тяжести, соответствующих «Воздуху» и «Воде», однако здесь оба представлены в их страстной форме: с одной стороны, это — ярость ветров, с другой — волн.

9. Молчание на эту тему вовсе не является доводом, опровергающим истинность той или иной философии; более того, Платон в одном из своих писем упоминает, что его писания не содержат полностью всех его учений. Следует заметить, что, согласно Синезию, у монахов и философов цель одна и та же — созерцание Бога.

10. В нашей первой книге «Трансцендентное единство религий» относительно «философии» мы приняли точку зрения Газали, имея при этом в виду обнищание современной философии, однако, подобно другим нашим предшественникам, мы упростили проблему, считая «философию» синонимом «рационализма». Заниматься философией, согласно Газали, это значит оперировать силлогизмами (хотя он и сам не обходится без последних), используя при этом логику; весь вопрос в том, делается ли это *a priori* или *a posteriori*.

11. Даже Ананда Кумарасвами не стесняется говорить об «индийской философии», что, по меньшей мере, удобно для определения «литературного жанра», тем более если предполагается, что читатель имеет понятие об индийском духе, в частности, и о традиционном духе, в целом. Точно так же, когда речь идет о «религии индуизма», Ананда Кумарасвами совершенно ясно осознает, насколько она отличается — а иначе и быть не может — от понимания религии у семитов или на Западе, где упорно не допускается никакой дифференциации перспективы; мы также традиционно говорим о римской, греческой и египетской «религиях», и Коран не стесняется говорить язычникам-арабам: «Вам ваша религия, а мне моя», хотя языческая религия и не обладает характерными для иудео-христианского монотеизма чертами.

Часть II. Изучение религий

Очертания Духа

1. Слово «понимание» имеет здесь совершенно условный и относительный смысл.

Священная Трубка индейцев

1. Или, если сказать более точно, индейцев прерий и лесных массивов, простирающихся начиная со Скалистых гор (или еще западнее) до Атлантического побережья.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

2. Совершенно очевидно, что знание формы черепа, говора и народных обычаев отнюдь не делает человека способным к интеллектуальному постижению идей и символов. Некоторые этнологи верят, что поступают правильно, называя «слабой» каждую концепцию, которую они не в состоянии понять.

Веданта

1. «Никто не приходит к Отцу иначе, как через меня». Ниже приводимый хадис говорит о том же: «Желающий встретить Аллаха сперва должен встретить Его Пророка».

2. Животные и другие периферийные существа как таковые не имеют возможности покинуть мир. Сначала они должны достигнуть в нем «центрального» положения.

Принцип различия в социальном порядке

1. Покойный Пандит Хари Прасад Шастри заверил нас, однако, что есть исключения к этому правилу, не считая возможной реинтеграции в семью путем следующих одно за другим бракосочетаний. Он упомянул случай с царем Вишвамитрой. В данном случае несомненно следует учитывать качество циклического периода и особые условия, созданные близостью аватары Вишну.

2. В Европе XIX столетия буржуазия по причинам социального равновесия, стала, в свою очередь, воплощать качества ею устраненных классов: здесь имеется в виду не просто факт принадлежности к классу буржуазии, который сам по себе не является важным, но буржуазный дух, а это уже совсем другое. Пристрастие к наукам в XIX и XX столетиях свидетельствует, конечно, не о том, что «человечество прогрессирует», а о том, что «интеллектуальность» людей меркантильного типа неспособна подняться выше уровня голых фактов. Иллюзия, что человек может покончить с метафизической реальностью при помощи научных открытий, вполне характерна для подобной вялости духа и свидетельствует лишь о том, что, как замечает Генон, «подъем вайшьев влечет за собой интеллектуальную ночь». Более того, «цивилизация», стоящая вне всякого качественного определения и воспринимаемая как цивилизация вообще, является типичной концепцией вайшьев, и это как раз объясняет, с одной стороны, ту ненависть, которую сейчас так часто испытывают ко всему, что считается причастным «фанатизму», а с другой, — элемент показной доброты, который служит признаком постоянного притеснения со стороны той же самой цивилизации.

3. В рамках традиционного христианского мира.

4. Некоторое смягчение индуистской системы среди жителей острова Бали объясняется теми обстоятельствами, которые в качественном порядке аналогичны

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

кочевому образу жизни, а именно — изоляцией от внешнего мира и, по необходимости, ограниченным числом жителей; балийцы также обладают гордым и независимым характером, что сближает их с кочевниками.

5. Бхагавад-Гита не подразумевает того, что каждая индивидуальность при встрече с традиционными учениями должна следовать личностным вкусам и мнениям, иначе индуизм как традиция давно прекратил бы свое существование.

Тайна Бодхисаттвы

1. Наш друг буддист верно заметил, что заслуги, сострадание и знание Бодхисаттвы связаны, соответственно, с путями *karma*, *bhakti* и *jnana*, а значит, и адресованы соответствующим людям; для каждого из них Бодхисаттва открывается в определенном аспекте. Говоря буддийскими понятиями, эти три аспекта называются *upekshâ* («бесстрастие»), *maitrî* («любовь к своему ближнему») и *prajnâ* («знание»). Тем не менее, сострадание меняет свой модус в области знания.

Высшая заповедь

1. Хасидизм свидетельствует об обратном, если вообще нужны доказательства тому, что само собой очевидно.

2. Вот почему тщетно спрашивать, «куда делся христианский эзотеризм», и предполагать, например, что он основан на каббале или еврейском языке; христианский эзотеризм может основываться лишь на Евангелии и символизме таинств и догм, а также, в некоторой степени, на «Ветхом Завете» в переводе, особенно — «Псалтири» и «Книге Песни Песней Соломона», хотя на своей «окраине» он, несомненно, может инкорпорировать элементы еврейского и эллинского эзотеризма; и поступает он так по необходимости, поскольку элементы эти ему доступны и отвечают некоторым определенным склонностям.

3. Или опять же: «Пришелец, поселившийся у вас, да будет для вас то же, что туземец ваш; люби его как себя; ибо и вы были пришельцами в земле Египетской. Я Господь, Бог ваш» (Лев. 19. 34).

4. Ибо «все вещи есть Атман». Следовательно: «так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне» (Мф. 25.40); «Благотворящий дает взаймы Господу и Он воздаст ему за благодеяние его» (Притч. 19. 17).

5. К тому же понятие бедности может сильно колебаться, учитывая искусственность и нескончаемость потребностей «цивилизованного» человека.

6. Надо припомнить, что золотые украшения предписаны Самим Богом. Поэтому знаменательно, что ни св. Винценту де Паулю, ни св. Жану Вианнэ (оба были горячо озабочены положением нищих, не забывая при этом благополучия духовного, без которого материальное благополучие не имеет никакого смысла) даже

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

во сне не снилось завидовать Богу, Его богатству; что касается св. Жана Вианнэ, для него никакие расходы для украшения дома Божьего не казались слишком большими.

7. Раввинская экзегеза, несомненно, проясняет смысл данного перечисления, но не этот аспект нас интересует.

8. «Слушай, Израиль, Господь, наш Бог, один есть Господь».

9. «Бог сказал Моисею: Я есмь Сущий» (Исх. 3. 14).

10. Декалог содержит и развивает эти две основные Заповеди.

11. «Господь имел меня (Мудрость) началом пути Своего, прежде созданий Своих, искони: От века я помазана, от начала, прежде бытия земли» (Притч. 8. 22–23).

12. Мы говорим «предвечная Религия», а не «Традиция», поскольку первое из этих понятий обладает преимуществом, выражая сокровенную реальность (*religere* = «связывать» земное с небесным), а не просто внешнюю реальность, как это происходит со вторым понятием (*tradere* = «передавать» элементы Писания, а также ритуальные и правовые элементы). Более того, хочется не без основания спросить, можно ли вообще говорить о «традиции» в такие времена, когда духовное знание было врожденным и спонтанным, или, опять же, не влечет ли за собой необходимость традиции, а значит внешней передачи *ipso facto*, необходимости плюрализма в области формулировок?

Христианская традиция. Размышления о ее природе

1. «Был Свет истинный, который просвещает всякого человека» (Ин. 1.9).

2. Весьма важно, что кельтская церковь, этот таинственный мир весны, который кажется своего рода последним проявлением золотого века, прослеживает свою связь с апостолом Иоанном.

3. Согласно Тертуллиану, «тело помазывают для того, чтобы душа могла освятиться; тело перекрещивают для того, чтобы душа могла укрепиться, и на тело возлагают руки для того, чтобы душа озарилась Духом Святым». Что касается Крещения, тот же самый автор говорит, что «тело омывается для того, чтобы душа очистилась». Согласно св. Дионисию, Крещение, Евхаристия и Конфирмация указывают, соответственно, на пути «очищения», «озарения» и «совершенства»; по мнению других, именно Крещение называется «озарением», и это очевидно не противоречит данной перспективе, ибо любая инициация «озаряет» по определению: снятие «первородного греха» открывает путь «Свету», предсущему в эдемском человеке.

4. Эти похоронные обряды напоминают символическую кремацию, которая в Индии знаменует состояние *sannyasa*.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

5. Женатый человек может быть целомудренным «в духе и в истине», и то же самое обязательно относится к бедности и послушанию, как это подтверждается примером св. Людовика и других канонизированных монархов. Оговорка, выраженная словами «в духе и в истине», или формулировкой апостола Павла, «буква убивает, а дух оживляет», в христианской перспективе имеет капитальное значение, но она при этом провиденциально содержит в себе «обоюдоострый меч».

6. Для Климента Александрийского тело Христа, или евхаристический хлеб, относится к активной жизни и вере, а кровь или вино — к созерцанию, или гнозису.

7. О том же рассказывает доминиканка св. Катерина из Раккониги. Помимо *Ave Maria* и имени Иисуса, надо упомянуть двойную формулу *Jesus Maria*, содержащую как бы два мистических измерения; так же, как и *Christe eleison*, которое является сокращенным вариантом «Иисусовой молитвы» Восточной церкви; известно, что мистическая наука непрестанной молитвы была передана на Запад через Кассиана, который ретроспективно видится как провиденциальный посредник между двумя великими ветвями христианской духовности, тогда как в своем веке для Запада он был представителем мистической традиции как таковой. Вспомним следующие литургические слова: «*Panem celestem accipiam et nomen Domini invocabo*» и «*Calicem salutaris accipiam et nomen Domini invocabo*». В греческих и славянских монастырях завязанные узлом четки составляют часть инвеституры Малой Схимы и Большой Схимы, и они ритуально преподносятся монаху или монахине: «Возьми, брат N., меч Духа, который есть слово Божие, молись Иисусу непрестанно, ибо ты должен постоянно носить Имя Господа нашего Иисуса в сердце и на устах, повторяя: «Господи Иисусе Христе, Сын Божий, помилуй меня грешника». Не выходя за пределы обсуждаемых идей, мы хотели бы обратить внимание на «акт любви» — непрестанную молитву сердца, открытую в наши дни Сестре Консолате из Тестоны.

8. Толкователи Торы говорят, что дефект речи, которым страдал Моисей, был наложен на него Богом для того, чтобы тот не мог разгласить тех Таинств, которые Синайский Закон должен был сокрыть, а не открыть, но эти Таинства в своей основе ничем не отличались от «Таинств Христовых».

9. Достоверность, которая в конечном итоге более важна, чем моральные догадки, предполагает последовательное применение логики, а именно: ничего не ставить выше истины и не впадать в противоположное заблуждение, веря, что быть беспристрастным значит ничего не называть ни хорошим, ни плохим. Нельзя терять умения распознавать, стараясь быть беспристрастным, ибо объективность состоит не в оправдании ложного или обвинении справедливого, а в видении вещей такими, какие они есть, нравится нам это или нет: следовательно, это значит обладать чувством пропорции и уметь различать тонкости уровней. Не нужно было бы говорить такие элементарные вещи, если бы не встречалась

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

на каждом шагу ложная добродетель, которая искажает наглядность фактов, но которая может освободиться от сомнений, если только она осознает в достаточной степени ценность и действенность смирения перед Богом.

Таинства Христа и Девы

1. Это выражение не должно пониматься совершенно буквально, как и другие выражения о единении, которые будут встречаться далее; то, что является существенным, это осознание «обожествления», какое бы значение мы ни придавали этому понятию.

2. Мы намекаем здесь на хорошо известную буддистскую формулу *Om mani padme hum*. Существует достойная упоминания аналогия между этой формулой и именем «Иисус из Назарета»: буквальное значение слова *Nazareth* есть «цветок», а *mani padme* означает «драгоценность в лотосе».

Проблема евангелизма

1. Как, например, мормонизм, бахаизм, ахмадийя Ахмада Кадиани, то есть все «новые религии» и другие псевдодуховные течения, которые размножаются в сегодняшнем мире.

2. Арий Александрийский не был германцем, но его учение шло навстречу ожиданиям германской ментальности, и отсюда его успех среди вестготов, остготов, вандалов, бургундов и лангобардов.

3. Для Жозефа де Местра, имевшего, кстати, обширный интеллект, реформаты могут быть всего лишь «ничтожествами», которые осмелились свои личные мнения противопоставить традиционным и непререкаемым убеждениям Католической церкви; он даже не подозревал, что эти «ничтожества» вещали под давлением архетипов, которые, будучи таковыми, не могли не проявиться при подходящих условиях. Тот же самый автор обвиняет протестантизм в совершении громадного зла разрушения христианства, однако он охотно забывает о том, что католицизм совершил отнюдь не меньшее зло, безрассудно отлучив от Церкви всех восточных патриархов, не говоря уже о Ренессансе, зловредность которого была, мягко говоря, так же «громадна», как политические и другие последствия Реформации.

4. Он отделился от Римско-Католической церкви только после его осуждения, сжегши буллу экскоммуникации; к тому же не следует упускать из виду того факта, что во времена Реформации не было единодушия по вопросу о папе и о соборах, и даже вопрос божественного происхождения папской власти не был защищен от разного рода полемики.

5. Индуизм, — как и язычество средиземноморского региона, — с его неповоротливой и нескончаемой педантичностью брахманов, представляет подобный

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

пример, — чего, однако, было бы нетрудно избежать, опираясь на пластичность индийского духа и гибкость соответствующих институтов.

6. В католическом лагере это признается также кардиналом Ньюменом и другими.

7. Говоря это, мы не теряем из виду того факта, что южные немцы — аллеманды (немцы Бадена, эльзасцы, швейцарские немцы, швабы) и баварцы (включая австрийцев) отличаются своим темпераментом от северных немцев и что везде встречаются смешанные группы; в любом случае, расовые и этнические границы Европы довольно неустойчивы. Мы не говорим, что каждый немец создан для евангелизма, ибо германские тенденции могут наглядно проявиться в рамках католицизма, как и наоборот: протестантский кальвинизм проявляет прежде всего латинскую возможность.

8. Следует заметить мимоходом, что именно это забывает большинство даже безупречных гуру современной Индии, начиная с Рамакришны.

9. «А вы не называйтесь учителями, ибо один у вас Учитель — Христос, все же вы — братья»; «И не называйтесь наставниками, ибо один у вас Наставник — Христос» (Мф. 23. 8, 10).

10. Он выражается так в заметке на полях своего перевода: «Тот, кто верует, должен подвергаться гонению и рисковать всем» (*alles dran setzen*). И он повторяет в своей песне *Ein feste Burg ist unser Gott*: «Даже если они (гонители) убьют, отнимут все добро, честь, дитя и жену, пусть будет так (*lass fahren dahin*); они не получат от этого пользы; Царство (Божие) будет за нами (*das Reich muss uns doch bleiben*)».

11. Что касается протестантского либерализма, то Лютер не замедлил предвидеть его злоупотребления, и, в любом случае, он ужаснулся бы, узрев либерализм в его сегодняшнем виде, ибо он терпеть не мог ни самодовольной заурядности, ни иконоборческого фанатизма.

12. Настоящий евангелизм, являющийся антиподом либерального протестантизма, сохранился в пиетизме, отцом которого был де Лабади — мистик, ставший реформатом в XV веке, самыми значительными представителями его несомненно являются Спенер* и Терстиген; этот пиетизм, или это благочестие, существовали в разных местах, как в заниженной, так и в благородной форме.

13. А что касается католического модернизма, то здесь все как раз наоборот. То, что этот модернизм открыт не только евангелизму, но также исламу и другим религиям, не имеет значения, ибо этот модернизм открыт чему угодно, только не Традиции.

14. Ибо он был скорее мистиком, нежели богословом, что и объясняет многое.

---

* Филипп Джакоб Спенер — известен как отец пиетизма.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

15. Можно возразить, что семиты усвоили греческую философию, но это другой вопрос, поскольку это усвоение было разным по степени и характеру, не считая многочисленных оговорок. К тому же Лютер, образованный человек, был еще и логиком, и не мог им не быть; в некоторых отношениях ему не удалось избежать латинизации, как и Альберту Великому или Экхарту, но она была довольно поверхностна.

16. В этом случае, когда реформатор называет «папскую мессу» мерзостью, нам вспоминается бонза Нитирэн, утверждавший, что достаточно однажды призвать Амиду, чтобы провалиться в ад, не говоря уже о Будде, который отверг Веды, касты и богов.

17. Среди создателей гимнов находим и пастора Иоганна Валентина Андреа, автора «Химической свадьбы Христиана Розенкрейцера», а также Поля Герхарта,* Терстигена и Новалиса, чьи гимны считаются венцом немецкой поэзии; и еще добавим, что религиозная музыка Баха свидетельствует о той же мощной духовности.

18. Как сказал Данте: «Ты так властна, и мощь твоя такая, /Что было бы стремить без крыл полет/ Ждать милости, к тебе не прибегая» (*Рай* XXXIII, 13–15)**.

19. Положение которого нашло поддержку у либерального протестантизма; Кальвин пытался более или менее примкнуть обратно к Лютеру. Идея простого памятного обряда является подлинно еретической, ибо «отправлять службу для памятников» бессмысленно с точки зрения сакральной действительности.

20. Ибо сказано: «Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями». В Православной церкви Литургия является центром, определяющим действия священнослужителей, тогда как у католиков священник практически становится центром, управляющим мессой.

21. То же самое, пожалуй, можно было бы сказать, правда с некоторыми оговорками, которые трудно коротко изложить, и касательно кальвинистов, и англиканской общины, но только не последователей Цвингли,*** или либеральных

---

* Поль Герхарт (1607–76) — немецкий лютеранский поэт, автор евангелических песнопений «Церковные хоралы» (1667), многие из которых положены на музыку И.С. Баха.

** Перевод М. Лозинского.

*** Ульрих Цвингли (1484–1531) — став пастором «*Великой монастырской церкви*» в Цюрихе, Цвингли увидел себя в роли ветхозаветного пророка и начал проповедовать против антибиблейских обычаев римо-католической церкви. В 1522 году он открыто порвал с Римом, после того, как изучил труды Мартина Лютера. Цвингли расходился с Лютером во взглядах на причастие, считая, что Вечеря Господня — это лишь таинство напоминания. Гражданские власти поддерживали Цвингли. Под его влиянием реформация начала распространяться по Швейцарии. Цвингли принимал участие в вооруженных действиях против католических государств и погиб в бою, с мечом в руках, защищая Библию от традиций.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

протестантов, а также, что с первого взгляда кажется весьма парадоксальным, относительно «умиротворяющих», или «примиряющих», месс, которые не оправданы легитимным архетипом и которые являются всего лишь плодом человеческого решения.

22. Независимо от подлинной эффективности таинства, хотя эффективность эта достигается в меру святости и, следовательно, восприимчивости реципиента.

23. В главе, которая называется *Kurzen Bericht von der Mystik*.

24. Теософ Ангелус Силезиус, пожалуй, не покинул бы лютеранской церкви, если бы его не выгнали за эзотеризм; так или иначе, но бернардинский мистицизм, кажется, более подошел его духовному призванию. Это наводит нас на мысль о шри Чайтанье, который, будучи великим адвайтистом, выбросил свои книги, чтобы думать только о Кришне; и, кстати, следует заметить, что этот *бхакт*, считающийся ортодоксом, отвергает ритуал брахманов и отрицает касты для того, чтобы акцентировать веру и любовь, а не усилия.

Ислам

1. Коран гласит: «Не молись в пьяном состоянии», что можно истолковать в высшем и позитивном смысле; суфий, наслаждающийся стоянкой (*maqam*) блаженства, или просто захир (*dhakir* — человек, исполняющий зикр, что является исламским эквивалентом индийской практики джапа), учитывая, что тайная его молитва уподобляется вину (*khamr*), может в принципе воздержаться от общих молитв; «в принципе», так как забота о равновесии и солидарности, столь свойственная исламу, предпочитает обратное.

2. Эта позиция изменилась по отношению к индуистам, во всяком случае в заметной степени, когда мусульмане поняли, что индуизм не является эквивалентом арабского язычества; индуисты в таком понимании были отнесены к «людям Книги» (*ahl al-Kitab*), то есть к монотеистам западносемитских традиций.

3. Христос, применив силу против менял в храме, показал, что такая позиция не исключена.

О Коране

1. Джалал ад-Дин Руми в своих «Беседах», или «*Fihi mafihi*», пишет: «Высочайший Бог не разговаривает ни с одним человеком; подобно царям мира сего, Он не разговаривает с каким-то случайным дураком; Он имеет избранных управителей и представителей. Человек вступает в связь с Богом при помощи Им назначенных посредников. Высочайший Бог наметил избранников из числа тварей для того, чтобы человек смог прийти к Нему через тех, кого Он выбрал». Эти

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

слова, которые относятся к Пророкам, применимы также и к признанным толкователям традиций.

2. Только эта сила может объяснить важность декламации Корана. В сочинении *Risalat el-Quds* Ибн Араби упоминает суфиев, которые всю жизнь провели, читая или непрерывно декламируя Коран, и это было бы невообразимо или даже невозможно осуществить, если за шелухой буквы не обнаружилось бы конкретное и активное духовное содержание, сокрытое по ту сторону слов и разума. Более того, благодаря этой силе Корана некоторые его строки способны, при соблюдении нужных правил, прогонять демонов и излечивать больных.

3. Судя по этому, читатель может прийти к заключению, что арамейский язык является священным, потому что на нем говорил Христос, однако три оговорки должны быть учтены; во-первых, в христианстве, как и в буддизме, Аватара сам является Откровением, несмотря на их доктрину, Писания не имеют той центральной и безоговорочной роли, как в других традициях; во-вторых, точные арамейские слова, которые употреблял Христос, не сохранились, а это подкрепляет только что нами сказанное; в-третьих, для самого Христа священным языком был иудейский. Хотя Талмуд утверждает, что «ангелы не понимают арамейского», этот язык тем не менее обладает высокой литургической ценностью; еще задолго до Христа он был «освящен» Даниилом и Ездрой.

4. Фактически ислам является последней мировой религией. Что касается братства сикхов, оно, подобно эзотеризму Кабира, представляет собой эзотеризм, особое положение которого объясняется совершенно исключительными условиями, возникшими благодаря соприкосновению индуизма и суфизма; однако здесь тоже случай самой поздней возможности.

5. Это верно относительно любого священного Писания, и особенно библейского повествования: бедствия Израиля есть бедствия души, ищущей своего Господа. В христианстве эта функция «преобразующей магии» главным образом относится к Псалтири.

6. Так, кстати, в средние века читалась Библия, вслед за древними. Отрицание герменевтической интерпретации, которая была оплотом традиционной и интегральной интеллектуальности, в итоге неизбежно вело к «критицизму» и разрушению подлинного смысла священных Текстов, так как, например, совершенно ничего не остается от Песни Песней, если принимать только ее буквальный смысл.

О Пророке

1. На этой основе иногда раздавались упреки, что благочестие его «фаталистическое», или «квиетистское». В действительности, обсуждаемые тенденции предполагаются уже самим понятием 'islam', что означает «покорность» (Богу).

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

Квинтэссенция эзотеризма в исламе

1. Лестница Иакова является образом Логоса, с нисходящими и восходящими ангелами, где Бог помещается на вершине лестницы, а Иаков остается внизу.

2. Другая восходящая триада состоит из *makhafah*, *mahabbah*, *ma "rifah*: страха, любви, знания, и это — модальности как одновременного, так и последовательного характера.

3. Это толкование подвергалось обвинению в пантеизме — несправедливо, разумеется, ибо Бог не может быть сведен к внешнему; иначе говоря, внешнее не исключает внутреннего, а имманенция не исключает трансценденции.

4. Инициационное, или, можно сказать, «адвайтистское», значение таково: «Нет субъекта (нет «эго»), кроме единственного Субъекта («Самости»)». Следует заметить, что Рамана Махарши, так же, как и Рамакришна, в своих учениях, кажется, не сумел осознать жизненной важности ритуальных и литургических рамок для духовного пути, в то время как ни великие ведантисты, ни суфии никогда не упускали этого из виду.

5. Онтологический монизм Ибн Араби. Следует заметить, что даже в исламе эта школа не имела монополии в сфере унитарной метафизики, несмотря на авторитет ее основателя.

6. С первого взгляда можно было бы подумать, что такое выявление представляется всего лишь второстепенным фактором, ибо оно случайно; однако дело обстоит совсем не так, ибо вопрос здесь, в каком-то смысле, о принципиальной оппозиции феноменов, или групп феноменов, а не об их акцидентальной конфронтации. Качественное «сопоставление» является космическим принципом, а вовсе не вопросом столкновений и сравнений.

7. Зло в виде страдания способствует проявлению Милосердия, которое, чтобы быть неограниченным, должно уметь спасать в самом широком смысле этого слова, а это значит, что Божественная Любовь в высоте своего безграничного сострадания предполагает зло с его бездонным страданием; об этом свидетельствуют Псалтирь и Книга Иова, а окончательным и квазиабсолютным разрешением этого является Апокатастасис, который все интегрирует в Высшее Благо.

8. В субстанциальном, или женском, полюсе (*Prakriti*) Бытия доктрина Веданты различает три тенденции: восходящую и светлую (*Sattva*), расширяющуюся и огненную (*Rajas*), нисходящую и мрачную (*Tamas*); эта последняя сама по себе не содержит зла, но косвенно выступает его прообразом и ведет к нему на определенных уровнях и при определенных обстоятельствах.

9. Здесь тоже имеют место любовь к прекрасному и чувство священного.

10. Согласно Корану, Бог вознаграждает за заслуги намного больше, чем карает за прегрешения, и Он прощает более охотно в связи с незначительной заслугой,

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

нежели уменьшает вознаграждение в связи с незначительным проступком — всегда согласно Божьим меркам, а не нашим.

11. Это точка зрения всех учений повторения Имени, таких как индуистская джапа-йога или нэмбуцу (*buddhanusmriti*) у амидаистов. Эта йога имеет своей основой как *jnana*, так и *bhakti*. «Повторяй Священное Имя Божества», — призывает Шанкарачарья в одном из своих гимнов.

12. «Бог и Его Имя тождественны», — сказал Рамакришна; разумеется, он не первый сказал это.

13. Бог милостив и милосерден в Самом Себе, в том смысле, что Доброта, Красота и Любовь содержатся в Его подлинной Сущности (*Dhat*), и поэтому Он обязательно манифестирует их в мире и через мир; это выражается Именем *Rahman*, который является почти синонимом Имени *Allah*. Кроме того, Бог является милосердным по отношению к миру, ибо Он проявляет Свое милосердие, посылая всем тварям пропитание и всевозможные дары, включая наивысшие, такие как спасение; именно это выражается Именем *Rahim*.

Часть III. Природа реальности

Измерения, модальности и степени Божественного Порядка

1. Позитивно, или качественно, уникальный предмет, даже в сфере естественного порядка всегда тотален; совершенная красота не может быть ущербна, она по определению является синтезом — отсюда ее безграничность и умиротворенность.

2. Если судить принципиально, опираясь на метод аналогии, Майя имеет не только «пространственные», но и «временные» характеристики: существуют не только расширение и иерархия, но также перемена и ритм, миры и циклы.

3. Если мы говорим о ведантической триаде Сат («чистое Бытие»), Чит («Сознание»), Ананда («Блаженство»), нам нужно обязательно помнить, что аспект «Могущества» относится к «чистому Бытию». На языке физики мы скажем, что «энергия» связана с «массой», доказательством чего служит тот факт, что сила притяжения небесных тел пропорциональна их объему или плотности.

4. Здесь мы встречаемся с теорией ашаритов о человеческом «приобретении» (*kasb*) божественных Действий: один только Бог действует, поскольку лишь Он способен на это; это Он «создает» наши действия, но «приобретаем» их (*naksibun*) мы.

5. Это то, что «политеисты» прекрасно осознают.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

6. Существуют заметные намеки на «сокрытое» (*ghayb*) и такие выражения, как: «Бог знает, а ты не знаешь».

7. Надо заметить, что если Коран не уточнил бы, что Бог «сотворил зло» (*min sharri ma khalaq*), то был бы открыт путь к маздейскому или манихейскому дуализму: к признанию двух божеств, доброго и злого. Кораническое решение стоит как бы между двумя ловушками: между идеей богов-антагонистов и просто отрицанием зла; арабский и ближневосточный коллективный менталитет, кажется, не представляет другого выбора.

8. Эта «Божественная Манифестация» есть не что иное, как Буддхи ведантистов или уровень архангелов в монотеизме.

9. Над-Бытия и Бытия или Экзистенции; либо чистой Бесконечности (*Ananda*), либо ее продолжения в Бытии (=*Prakriti*), или безграничности оживляющей космической Субстанции (=*Saraswati-Lakshmi-Parvati*). Согласно Парацельсу, Бог «Сын» предполагает не только «Отца», но также и «Мать»; последняя более или менее сокрыта внутри «Отца», а в человеческом плане ее олицетворяет Мария. Если мы принимаем подобного рода символизм, предположив такие рамки, которые делают его вполне возможным, то это мнение является правдоподобным в том смысле, что Бесконечность может метафизически рассматриваться как «Супруга» (*Shakti*) Абсолюта и как «Матерь» Божественного Совершенства, или Высшего Блага; Бесконечность тогда необходимо отражается в Женщине-Аватаре в модусе «первостепенной важности».

10. В рационализме Все-Возможность является абстракцией, в то время как в действительности она есть потенциальность, или Потенциальность как таковая. Мы добавили бы, что Все-Возможность — это не только божественное «измерение», это также всеобщая Майя, начиная от уровня Бытия вплоть до нашего мира.

Взаимодействие Ипостасей

1. Которое в мире физическом отражается во взаимосвязи «массы-энергии». А что касается понятия «Бытие», то оно не должно быть истолковано в узко онтологическом или детерминистском смысле, но приниматься просто как синоним Реальности.

2. Эта комплементарность одинаково представляется «Марией» и «Иисусом» — отсюда и феминизация Пневмы (*Pneuma*) у некоторых гностиков, имеющая связь с Марией.

3. Выражение «внутренняя проекция» кажется противоречивым, но, как и выражение «относительный абсолют», оно содержит в себе метафизический нюанс,

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

который иначе выразить невозможно и который является вполне понятным, несмотря на парадоксальность.

4. «Отец Мой более Меня» (Ин. 14,28), но «Я и Отец — Одно» (Ин. 10, 30). Богословие не учитывает всех последствий, вытекающих из первого выражения, и слишком акцентирует второе.

Тайна Покрова

1. В суфийской терминологии, связанной с Кораном, Божественная Сущность (*Dhat*) называется «Лицом» (*Wajh*), на первый взгляд это кажется парадоксальным, но становится понятным благодаря символизму покрывала.

2. Омар Хайям: «Ни ты, ни я не разгадаем тайны этого мира; ни ты, ни я не прочтем его таинственные письмена. Мы оба хотели бы узнать, что скрывает это покрывало; но когда поднимается покрывало, ни тебя уже нет, ни меня».

3. Хорошо известный пример Божественной Женственности представляет собой Египетская Изида, которую мы упоминаем здесь в связи с ее Покрывалом. Изида есть Майя — не как противоположность, но как аспект или функция Атмана, то есть как его Шакти, олицетворяющая не столько мощь космической иллюзии, сколько разрушение иллюзии путем инициации. Сбрасывая свои покрывала, которые есть не что иное, как случайности и тьма, она открывает свою Наготу, которая есть Субстанция и Свет; будучи неприкосновенной, она может ослепить или убить, однако, будучи щедрой, она оживляет и освобождает.

4. Тем не менее уток, представляемый человеком, активен, что вовсе не противоречит женской пассивности, ибо женщина активна в деторождении, в то время как мужчина в этом отношении остается пассивным; именно поэтому в учении индуизма творческая активность приписывается Универсальной Субстанции, Пракрити, которая фактически «рождает» существа, в то время как Пуруша «задумывает» их как идеи. Это кажущееся перевертывание иллюстрирует даосское учение об Инь и Ян, которое вкратце является теорией взаимной компенсации, так как без этой компенсации дуальности были бы абсолютны и непреодолимы, что является невозможным, ибо Реальность одна.

5. Вот почему Пророк называется одновременно «Посланником», *Rasul*, и «Слугой», *Abd*. Последний исчезает перед лицом Бога, а первый выступает Его продолжением.

6. Аллах «был» благим и любящим «до» творения, и это выражается Именем Рахман (*Rahman*), «самый Милостивый», и Он является благим и любящим «после» сотворения и по отношению к тварям, что выражается Именем Рахим (*Rahim*), «самый Милосердный». Согласно Корану, Ар-Рахман есть синоним Аллаха, а это показывает, что он относится к Зат (*Dhat*), а не к Сифат (*Sifat*), так как

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

именно Ар-Рахман сотворил человека, научил его речи (*bayan,* способности выражаться разумно, то есть мыслить) и открыл Коран. Надо заметить, что Имя Рахим относится к атрибутам, а не к Сущности, хотя оно тем не менее является продолжением Имени Рахман в области сотворенного.

7. Иными словами, это скорее Шакти, нежели Майя, а это значит, что Майя лишена двусмысленности настолько, насколько она присуща Атману, ибо в этом случае она — не что иное как Шакти, Сила Божественной Жизни и космической Манифестации.

8. Бог, насколько Он проявляет себя в космосе, называется в Коране «Внешним» (*Az-Zahir*).

9. «Это не я оставил мир, а мир меня оставил», — сказал нам однажды арабский факир, а мы добавили бы, что в виде компенсации Бог сам присутствует в мире в такой степени, что мир становится для нас отсутствующим.

10. С точки зрения священного искусства в этом контексте следует упомянуть использование облака в китайской живописи. Это облако своим значением иногда выходит за пределы пейзажа, который оно в одно и то же время затмевает и углубляет, создавая таким образом атмосферу спокойствия и прозрачности.

11. Слово происходит от *jilwah*, «снятие покрывала», когда говорится о невесте; указание на «излучение» содержится в корне самого слова. *Jalwah* есть конкретное осознание Божественной Вездесущности, осознание, позволяющее, метафорически говоря, понимать «язык птиц», слышать всеобщее прославление Бога.

12. Само собой разумеется, что христианство, в своей общей и характерной форме, видит в этом жертвенном разрыве единственно возможное решение; тем не менее оно содержит обратное и дополнительное положение в той мере, в какой оно эзотерично.

13. Надо также упомянуть призывание *ya Sattar*, «Ты, Защищающий», выражающее желание покровительства.

14. Самым известный пример — кашмирские шали, а также украшенные сари, добавляющие к игре обертывания элемент коммуникативной магии, то есть, скрывая тело, они как бы стараются открыть душу; то же самое относится, в частности, ко всем царским и жреческим одеяниям.

15. Японская ширма, часто украшенная живописью, вдохновленной дзэн-буддизмом и даосизмом, тоже имеет отношение к общему символизму, который нами обсуждается; то же самое верно и относительно дырчатых деревянных дверей и оконных ставней в исламе. Все указанные примеры имеют в виду перегородку, которая либо подвижна, в отличие от неподвижной стены, либо прозрачна, и, таким образом, она открыта даже будучи закрытой; подобного рода двусмысленность прекрасно соотносится с подвижностью и прозрачностью покрывала. Дырчатая завеса позволяет человеку видеть, при этом оставаясь

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

невидимым, и это есть такое покрывало, которое прозрачно с одной стороны и непрозрачно с другой, так что приходит на ум хадис о духовной добродетели (*ihsan*): почитай Бога так, «как если бы видел Его, ибо если ты Его не видишь, тем не менее Он тебя видит».

16. Книга, ниспосланная откровением, Пророк, обряд, священная формула, Божественное Имя — все это относится к сфере формального и, таким образом, является Майей, но это Майя, которая освобождает, ибо, по существу, она — носитель Атмана. Это «Атман в Майе», в то время как творящее Слово, или Логос, есть «Майя в Атмане».

17. О «танце семи покровов» говорят и в негативном смысле, как в случае Саломеи, танцевавшей перед Иродом, и в позитивном смысле, как в случае Царицы Савской, танцевавшей перед Соломоном, что в особенности говорит о двоякой функции красоты, женщины и вина. В случае Непорочной Девы и согласно толкователям Корана семь покровов становятся семью дверями, которые Захарий должен был отпирать ключом каждый раз, когда он посещал Марию в Храме. Захарий представляет собой привилегированную душу, которая проникает в тайну благодаря «ключу», что является еще одним примером «снятия покрывала». Таким образом, седьмой день творения знаменует возвращение к Истоку, к «спокойствию Пустоты», как сказали бы даосы, или встречу с принципиальной Реальностью — «нагой», потому что непроявленной. Аналогичное значение несет в себе понятие «седьмое Небо», которое соответствует «Саду Сущности».

18. В Русской Церкви отмечается «праздник Покрова» в память явления Марии в Константинополе, во время которого Дева сняла свой сверкающий покров и держала его чудесным образом над очевидцами. Русское слово «покров» означает как «покрывало», так и «заступничество»: Майя, скрывающая Сущность, одновременно есть Майя, посылающая благодать.

19. Аватары «содержатся» в небесном Логосе, который они представляют на земле, или функцию которого они проявляют, так же, как до своего воплощения они содержатся подобным же образом в Божественных Именах, которые варьируют недифференцированные тайны Сущности и аспекты которых бесчисленны. В суфизме Непорочная Дева персонифицирует предсущую и сущую Софию: Логос (в той мере, в какой он осуществляет «зачатие» тварей) их порождает, и, наконец, «формирует», или «украшает»; если Мария, таким образом, представляется непроявленным и безмолвным Логосом — *nigra sum sed formosa*, то Иисус есть проявленный и законодательный Логос.

20. То, что в Аватаре «воплощается», — это аспект Буддхи, такой как, например, Вишну или Шива, а не сам Атман. В этой связи надо припомнить, что целью христианства является подчеркивание «Божественного Феномена», в то время как цель ислама, напротив, — свести феномен к Принципу, или следствие к Причине.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

Символизм Благодати

1. Например, обряды омовения, будь то брахманские, иудейские, христианские или мусульманские, действенны не благодаря воде как таковой, ибо вода «мертва», «экстериоризирована», или «материализирована» после падения из эдемского состояния, но благодаря Откровению, которое в рамках определенных условий возвращает воде ее первоначальное качество.

2. На языке ислама это разница между «благословением» (*salat*) и «покоем» (*salam*), сопровождающими имя Пророка.

3. Как, например, в случае тех христиан, которые были платониками или неоплатониками и, следовательно, в той или иной степени были вскормлены орфической и пифагорейской мудростью.

Наука изучения мифов

1. Некоторые достойные внимания исключения можно найти среди антропологов последних лет, подход которых к людям и к фольклору, которые они изучают в разных частях света, не надменен и не искажен укоренившимися рационалистическими или материалистическими предрассудками, но учитывает духовное измерение человека, во всяком случае, в некоторой степени. Но попадают ли их исследования в официально признанную рубрику «точной науки» или нет, это еще вопрос.

Последствия, вытекающие из тайны субъективности

1.Мы слышали от кого-то, что крылья птиц служат доказательством существования воздуха, и подобным же образом религиозный феномен, который является общим для всех людей *a priori*, служит доказательством своего содержания, то есть доказательством Бога и потусторонней жизни; все окажется именно так, если мы постараемся глубоко изучить этот довод.

2. Или экзистенциалистскому люциферианству, что по сути дела есть то же самое, ибо не найти более великого «мыслителя», чем отрицатель интеллектуальной способности.

3. Слово «гуманизм» представляет собой интересный пример неправильного использования языка ввиду того факта, что оно выражает понятие, противоположное тому, что является интегрально человеческим, а следовательно, и тому, что является человеческим в собственном смысле; поистине, ничто не является настолько фундаментально нечеловеческим как «чисто человеческое» — иллюзия создания совершенного человека, начиная с того, что является индивидуальным и земным, — в то время как причину для существования и все свое содержание

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

«идеально человеческое» черпает из того, что трансцендирует индивидуальное и земное.

4. Тот факт, что вместо «материи» скажут «энергия» или что-нибудь в этом роде, совершенно ничего не меняет по отношению к основанию проблемы, а лишь отодвигает назад границы затруднения. Давайте припомним, что так называемые социобиологи (уже в самом слове содержится вся программа) стали до того изобретательны, что заменили материю «генами», слепой эгоизм которых, смешанный с инстинктами муравьев и пчел, дошел не только до того, что сформировал тела, но также и сознание, и, наконец, человеческий интеллект, чудесным образом способный писать диссертации о тех самых генах, которые развлекаются, создавая его же самого, то есть интеллект.

5. Ключом к дельфийским мистериям является выражение «познай себя» (*Gnothi seauton*); познать природу субъективности значит познать структуру мира.

6. Характерной чертой «нашего времени» является то, что везде «лошадь впрягается позади повозки»: то, что обычно было средством, становится целью, и наоборот. Предполагается, что машины существуют для человека, но фактически люди служат машинам; в то время как прежде дороги существовали для городов, сейчас — города для дорог; вместо того, чтобы средства массовой информации служили «культуре», последняя стала прислужницей средств массовой информации, и так далее. Современный мир является безвыходно запутанным клубком, вращения которого никто не в состоянии остановить.

Ипостатические и космические числа

1. Комбинация точки, горизонтальной линии и вертикальной линии вписывается в круг, который выражает единство Божества и его излучающей Силы, или единство Дэвы (*Deva*) и его Шакти (*Shakti*); это — Божественная Тотальность, в то время как точка представляет собой «Единичность».

2. «Бытие» здесь должно пониматься не только в виде онтологического и творящего Принципа, но — Реальности как таковой. Что касается различия между Творящим Бытием и Над-Бытием, мы можем заметить, что понятия *esse* и *posse* своим соприкосновением и соотношением ясно указывают на взаимосвязь двух обсуждаемых аспектов.

3. Две точки зрения могут сочетаться и даже обязаны сочетаться в том случае, когда социальное и созерцательное призвания совпадают, а такое совпадение одобряется исламом и, особенно, примером самого Пророка.

4. Дьявол есть гуманизированная персонификация (гуманизированная при контакте с человеком) извращенного аспекта центробежной экзистенциальной силы, но отнюдь не персонификация этой силы как таковой, так как ее задача состоит в позитивной манифестации Божественной Возможности.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

5. В каждом виде созданий, будь то человек, животное, растение или минерал, форма выражает Чит, материя — Сат, расширение и рост — Ананду. Тем не менее невозможно одно измерение изолировать от другого, ибо они всегда «действуют» вместе: если форма, которая отличает один цветок от другого, проявляет элемент «Знание», Чит, она в рамках того же элемента выражает и другой элемент — «Радость», Ананду, и отсюда — красота цветка. Следует добавить, что в случае сознательных существ психологическое применение триады обычно накладывается на физико-вегетативное применение, которое мы только что очертили.

6. Интересно заметить, что в литургических образах солнца, таких как дароносица или обрамление монограммы Иисуса, прямые лучи чередуются с языками пламени; это выражает разницу между «светом» и «теплом» Божественного Бытия.

7. Воссоединены под одним именем: *Dhu 'l-Jalali wa 'l-ikram*, «Обладатель Величия и Щедрости» (Коран, 55:78). Сунна упоминает два эквивалентных Имени: Джалил (*Jalil*), «Величественный» и Джамил (*Jamil*), «Красивый», а отсюда — два фундаментальных Божественных аспекта, такие как Джалал (*Jalal*), «Величие», и Джамал (*Jamal*), «Красота», то есть Строгость и Нежность.

8. Или точнее: Который Сам Себя содержит. «Пассивность» здесь означает чистую «Субстанциальность» и предполагает идеи Гармонии и Покоя; Бог является «пассивным» в том смысле, что Он вечно соответствует Себе, или Сущности, когда имеется в виду Бытие.

9. Логически, кажется, лучше было бы представить динамическую четверичность в виде квадрата, стоящего на одном из своих углов, нежели в виде креста, поскольку центральное пересечение последнего уже составляет пятый элемент; это заменило бы стороны квадрата углами, которые эффективно указывали бы на излучение как противоположность направленному вовнутрь созерцанию.

10. Вспомним, с одной стороны, Каабу, внутренним помещением которой является храм, охраняемый стенами и, таким образом, замкнутый, а не открытый, а с другой стороны — призыв к молитве с минаретов, который направляется в четыре стороны света. Более того, тот, кто молится внутри Каабы, уже не способен обратиться к центру, ибо он сам находится в центре и поэтому должен молитвенно пасть, обращаясь во все четыре стороны. Здесь статический символизм квадрата сочетается с динамическим символизмом креста.

11. Небесный Иерусалим, будучи городом и храмом, связан с квадратом; земной Рай, с его четырьмя реками, связан с крестом. В исламе Рай, называемый «Садом» (*Jannah*), соединяет в себе оба этих образа: с одной стороны, это мир и храм, а с другой стороны — четыре реки, истоком которых является центр. В первом случае это есть Блаженство безопасности, а во втором — блаженство излучения.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

12. Это иерархия земных царств: минералов, растений, животных и людей; человеческий род отличается от животных Интеллектом.

Что такое материя и кто есть Мара?

1. Подобными функциями озарения ислам наделяет различные приметы (*ayat*) Природы: кочевник Аравийской пустыни и житель североамериканских прерий своеобразно разделяют эту истину.

2. В книге Рене Генона «Господство количества и знамения времени» (*Rene Guenon, The Reign of Quantity and the Signs of the Times, LURAC, 1953*) находим ясное объяснение качественного неравенства временных фаз, или периодов, мировой истории. Это учение первостепенной важности и, несомненно, по этой причине все модернистски настроенные представители религий, как на Западе, так и на Востоке, руководствуясь своего рода безошибочным инстинктом, обходят его стороной, и они, очевидно, имеют веские причины для того, чтобы предпочитать сомнительные объяснения относительно возможностей века сего, в котором они живут, учитывая тот факт, что они уже догматически верят в интегральный и неограниченный прогресс.

3. Этот поздний эмпиризм действует вслепую, будучи связан с ложной доктриной; однако упомянутый факт сам по себе не препятствует реальности подобных феноменов на их собственном уровне. Здесь мы должны заметить различие между данными феноменами и совершенно ложными их объяснениями.

Часть IV. Человек

О сотворении человека

1. Этот миф удивительно совпадает с учением Саура-Пураны: Шива, в образе Калы (*Kala*), медитировал над новым Творением после разрушения старого Творения или, вернее, его реабсорбции в Пракрити, и первыми появились элементы, связанные с гуной тамас, то есть темнотой, слепотой, невежеством, инерцией.

2. Мир не был еще «затвердевшим», как сказал бы Генон. На эту тему, а также по поводу «священной географии», см. его «*The Reign of Quantity*» (Luzac, 1953) и наше «*Spiritual Perspectives and Human Facts*» (Faber, 1954).

3. Подобные вещи могут иметь место и в настоящее время, *mutatis mutandis* при исключительных условиях и в очень ограниченном масштабе в магических или «спиритуалистических» операциях, в которых объекты могут «дематериализоваться» или «рематериализоваться», а психические воздействия могут принять

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

человеческие формы. «Эктоплазма» сеансов является как бы магической и неформальной имитацией предвечной материи.

4. Совершенно неверно предполагать, подобно широко распространенному в наше время взгляду, что лишь религиозный подход противостоит эволюционизму.

5. То же самое повторяется в материнском чреве; как только тело оказывается сформированным, бессмертная душа внезапно фиксируется в нем подобно блеску молнии, и, таким образом, осуществляется разрыв между этим новым существом и эмбриональными фазами, которые подготавливают его пришествие. Правильно было сказано против трансформизма, что не только «большее не может возникнуть из меньшего» (Генон), но что даже если нечто у отдельного индивида и может стать более тонким или атрофироваться, то это вовсе не повод для того, чтобы целый вид перенял бы этот новый элемент, не говоря о том, что ничто не гарантирует наследственного характера этому элементу (согласно Шуберту-Солдерну).

Человек как божественная манифестация

1. Так как Сатана не является личностью, Ориген говорит об «уничтожении» «Смерти», а не об обращении дьявола; тем самым это конечное уничтожение не представляет собой тотальной аннигиляции, ибо разрушается не актуальная субстанция сил зла, но состояние извращения. Апокатастасис — это трансмутация, которая не подразумевает «персональной» реинтеграции. Среди ангелов, добрых или злых, персонификации на самом деле всего лишь «акцидентальны», и они относятся к сфере контактов с человеческим миром.

2. Сущностью ангелов, за исключением высших, или «центральных», ангелов, являются божественные Атрибуты, а не Бог непосредственно; однако ангелы превышают людей потому, что они представляют собой чистые сущности, или, иначе говоря, потому, что лишены формальной кристаллизации, а человек превышает ангелов своим центральным положением — вот почему брамины могут «приказывать» дэвам. Что касается высших ангелов, мы говорили о них в нашей книге «Измерения ислама» («*Dimensions of Islam*»), в главе «En-Nur».

3. Это учение о падении Иблиса. Надо заметить, что, согласно Корану, Иблис был «сотворен из огня», и поэтому он является джинном, то есть существом не «от света», а «от огня». На языке индуизма мы могли бы сказать, что тамас (принцип темноты, «земли», экзистенциального «затвердения», невежества) возникает косвенно, отделяя себя от раджаса (принцип «огня», экзистенциального «расширения», «страсти»), который, в свою очередь и также окольным путем, возникает из саттвы (принцип сияния, духовной «прозрачности», знания). Имя Люцифер указывает, что дух зла проистекает путем падения и косвенно из «опо-

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

ры света», то есть из гуны саттва; в этой перспективе промежуточная гуна раджас ассимилируется гуной тамас, точно так же, как с точки зрения знания страсть ассимилируется невежеством, хотя разница между этими двумя понятиями остается реальной на их собственном уровне.

4. Страстная тенденция к уплотнению, отделению и падению может проявить себя очень разными положениями; она может иметь место в мышлении или во плоти; идолопоклонство последней может быть таким же беспощадным, как и отрицание Истины, или близко к этому, не говоря уже о злобе, в которой особенно наглядно сочетаются затвердение и страсть.

5. Беме, а также Эль-Джили* в исламе, очень верно подчеркивали этот аспект наслаждения, привязывающий к инфернальным состояниям. Заметим, что если ад был бы «вечным» в подлинном смысле слова, вместо того чтобы быть просто «постоянным» и, следовательно, исчезающим вместе с длительностью, то дьявол был бы частично прав в своих притязаниях на божественность, но это невозможно, так как «небытие» не может «быть».

6. Твари, стоящие ниже человека, также не должны недооцениваться. Классическим примером «антропоцентризма», который метафизически неприемлем, хотя, несомненно, уместен в некоторых перспективах, является мнение, согласно которому животные и растения созданы с одной-единственной целью — поддержать жизнь человека-животного, как будто бы все растения и все животные полезны для человека и как будто бы их полезность объясняет формы, цвета и другие бесконечно разнообразные свойства этих существ, не говоря уже о психологической индивидуальности и созерцательности высших животных. Более того, все эти аспекты в большинстве своем бесполезны для поддержания самих животных и растений. Тот факт, что лев, во-первых, не является полезным для человека, а во-вторых, что он имеет гриву, которая для него самого не является полезной, своеобразно показывает, что животные имеют цель, не зависящую от их материальной жизни, с одной стороны, и полезности для человека, с другой. Бесспорно, они не обладают разумом, но они имеют сознание, которое тоже трансцендирует грубую материю, и в любом случае целью сознания не может быть бессознательное; все в природе сотворено для «восхваления Бога».

7. Об этом смотри: глава «Троичный аспект человеческого микрокосма» (F. Schuon, *Gnosis,* Murray, 1959).

8. Хатха-йога — это своего рода «телесно-экзистенциальное мышление», которое не только неосуществимо, но даже и непостижимо для людей, страдающих от морализма по поводу одеяния.

---

* Абдул-Карим Эл-Джили, ближайший ученик Ибн Араби, в своем труде «Совершенный человек» утверждал, что совершенный человек может воплощать в себе все атрибуты Бога, хотя Всевышний Аллах во всем превышает возможности человека.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

9. Эта функция сведения формальных кристаллизаций к Сущности хорошо показывает символическую связь между женщиной и вином, или между любовью и опьянением. Растворение по нисходящей линии в сторону инфраформальных, темных и хаотических сущностей порождает много иллюзий, что объясняет, почему экзотеризм не может использовать некоторые символы. Геометрическая координация может также породить зловещие подделки, связанные с ограничивающими кристаллизациями ума, духом систематизации и разделения, с «логической ошибкой», которая отрицает и компрометирует неформальную ясность Сущности; именно последняя отождествляется с хаосом, тогда как форма становится синонимом Абсолюта; идея Бесконечности заменяется идеей Совершенства, или Бытия, как это показывают некоторые аспекты «классической» мысли.

Женщина и интериоризация

1. Принцип: для того, чтобы достичь Бога, надо отвергнуть мир, так как последний ведет нас все дальше от Бога. Эту перспективу воплощают Будда и Христос.

2. Кто-нибудь может подумать, что взаимоотношение «красоты-любви» является чисто «натуральным» и поэтому чуждо духовности; считать так — значит упустить из виду, что позитивное естественное взаимоотношение коренится в сверхъестественном и содержит в себе все качества последнего в виде духовных ценностей человека и в ритуальном подходе. На экзотерическом уровне, это — бесплодный диалог между двумя различными сферами истины, одна из которых — аскетическая, а другая — алхимическая; это еще раз подчеркивается потому, что, по меньшей мере, в моральном плане, это является главным камнем преткновения между Западом и Востоком. В этой связи можно добавить, что любой экзотеризм, как *de facto*, так и *de jure*, имеет склонность поставить на место интеллекта покорность, на место красоты — заслугу, как будто они представляют неизбежные альтернативы.

Проблема сексуальности

1. Ислам в этом отношении является даже более откровенным, чем иудаизм.

2. Несомненно, что эта перспектива не является исключительно христианской, но здесь мы хотим рассматривать ее в наиболее известной форме.

3. Это связано с тем обстоятельством, что в ряде традиционных цивилизаций бытует представление, что половой акт царя оплодотворяет почву всей страны через женщину или же способствует повышению благосостояния ее жителей.

4. Если половой акт есть как бы обоюдоострый меч, способный привести к совершенно противоположным эсхатологическим последствиям, в зависимости от сопровождающих его объективных и субъективных условий, то это напоминает

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

нам, *mutatis mutandis*, о таинстве Евхаристии, которое, при отсутствии нужных условий, несет не благодать, а проклятие, как подчеркивают апостолы.

5. Когда церковь учит, что Мария была «зачата без греха», это указывает на тот факт, что ее душа была сотворена без пятна первородного греха, однако многие неосведомленные верующие думают, что это отличительное свойство указывает на необычный способ ее зачатия, произошедшего без плотского единения родителей, согласно традиции, или, по крайней мере, без полового влечения или удовольствия во время совокупления и, следовательно, без «похоти». Если подобное толкование и не является богословским, его существование все-таки представляется важным, ибо такого рода чувственность типична для христианской перспективы.

6. Во всяком случае, символическим путем, если не принимать во внимание слова «и невесты» («*and of the bridge*»), добавленные Вульгатой, что подтверждает, как кажется, определенный иудейский обычай.

7. Полиандрия, с другой стороны, не находит себе поддержки в природе; будучи чрезвычайно редкой, она, разумеется, объясняется чрезвычайными экономическими причинами и, возможно, также идеями, присущими шаманизму. Есть также случай священной проституции — гетер, гиеродул, девадаси, гейш — где женщина становится центром, потому, что она отдается многим мужчинам; мы вынуждены признать, что этот феномен представляет собой возможность в рамках архаических традиций, но он никоим образом не допускается в позднейших религиях, кроме небольших исключений, которые, однако, слишком незначительны, чтобы заслуживать отдельного упоминания.

8. Можно заметить, что североамериканские индейцы видели в половом воздержании, к которому они иногда прибегали по практическим причинам, признак силы и, следовательно, настоящего мужества.

9. Женитьба Рамакришны представляет нам пример тому, Парамахамса восхищался своей женой, не касаясь ее, что имеет несравнимо большую ценность, чем обладать ею без восхищения.

10. Данное место переводится также как «которая подходила бы ему» или «которая была бы достойна его»; этот отрывок, если постараться вникнуть в него, сводит на нет благочестивое женоненавистничество и святое неразумие некоторых богословов.

11. «Видевший меня, видел Бога»: этот хадис, во-первых, и прежде всего, относится к личности аватары, но он в равной степени относится к человеческой форме как таковой; в данном случае речь идет не о «том или ином человеке», но о «человеке как таковом».

12. Можно возразить, что доктора были вдохновлены Духом Святым; несомненно, но вдохновение это обусловлено заранее, если можно так выразиться, пос-

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

кольку вода принимает цвет сосуда. Дух Святой исключает истинное заблуждение или ошибку, которая наносит вред душе, но не обязательно любую ошибку, которая не относится к сути дела, или даже уместна и, таким образом, практически нейтральна по отношению к непреложным истинам и спасению.

13. То есть он был женат в своей юности, когда еще был Бодхисаттвой, а не Буддой.

14. Зримые формы манифестируют небесные сущности, кристаллизуя их; музыка в некотором смысле интериоризирует формы, воскрешая их сущности посредством языка, которому присуща сладость единения и безграничность. Земная красота вызывает в душе преобразующее «воспоминание» небесной музыки, хотя, по сравнению с последней, она может показаться грубой и нестройной; «*Qualunque melodia più dolce sona — qua giù, e più a sè l'anima tira, — parebbe nube che squarciata tona, — comparata al sonar di quella lira. — onde si coronava il bel zaffiro — del quale il ciel più chiaro s'inzaffira*» (Dante, *Paradiso* XXIII, 97–102).

Сладчайшие из всех земных созвучий,
Чья прелесть больше всех душе мила,
Казались бы как треск раздранной тучи,
В сравненье с этой лирой, чья хвала
Венчала блеск прекрасного сапфира,
Которым твердь светлейшая светла.

(Данте, *Рай* XXIII, 97–102, пер. М. Лозинского)

15. Если женщина «одной плоти» с мужчиной, если она — «плоть его плоти и кость его костей», это показывает, что есть аспект непрерывности, или продолжения, а не разрыва по отношению к Духу, который мужчина собой представляет.

16. Здесь мы находимся в сфере неуловимого, однако бесспорным является то, что психологические различия меж полами действительно существуют, как в вертикальном или качественном смысле, так и горизонтальном или нейтральном смысле. Для того, чтобы определить легко предвидимые возражения, может быть следует добавить, что женщина находит средства для проявления своей особой поглощенности земными интересами в рамках *de facto* существующей мужской поглощенности мирскими делами; иными словами, общая человеческая слабость не отменяет особой, но явной и обязательной, слабости женского пола. Наконец, в этом контексте необходимо напомнить, что современная жизнь ведет к девирилизации мужчины и к дефеминизации женщины, от чего никому нет пользы, поскольку процесс этот противоречит природе и сохраняет или даже акцентирует дефекты, вместо того, чтобы исправить их.

17. *Ave gratia plena*, — сказал ангел Марии. «Благодатная»: это решает дело, имея ввиду, что Мария — женщина. Ангел не сказал *Ave Maria,* потому, что для него

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

gratia plena есть имя, которое он дает Деве; это означает, что *Maria* и *gratia plena* синонимы.

18. Когда говорится, что *Samsara* есть *Nirvana*, и наоборот, это значит, что есть только *Nirvana*, и что *Samsara* — это ее измерение, которое одновременно есть центробежное и центростремительное, проецирующее и реабсорбирующее, созидающее и спасающее.

19. Лакшми божественна, кроме того, она является персонификацией Пракрити, женского полюса Бытия, аспект доброты, красоты и счастья, которое она манифестирует.

20. А именно пятнящее подозрение относительно благородного Лакшманы, который отказался идти на поиски Рамы, поскольку его делом было охранять Ситу; в конце концов, он послушался, и это позволило Раване похитить героиню.

21. «Рамаяна», повествуя о происшествии, констатирует, что женщина «покрывается тучами», когда речь заходит о ее возлюбленном, так что ее доверие «непостоянно», язык ее «ядовит»; это, однако, возмещается качеством любви к своему *alter ego* и, следовательно, совершенной самоотдачей. В другом месте «Рамаяны» нежная мудрость жены противопоставляется бездумному гневу воина.

22. Согласно хорошо известному хадису, «женитьба есть половина религии».

Часть V. Духовная жизнь

Слуга и единение

1. Если такого рода формулировки все-таки встречаются то здесь, то там, понимать их следует косвенно, а не буквально. Когда св. Ириней говорит о том, чтобы «стать Богом», он понимает под этим Сущность или, иными словами, он интеллектуально помещает себя вне обсуждаемой полярности; несомненно, он понимает под этим также и, может быть, даже *a priori*, единение, которое является косвенным и виртуальным, но которое уже представляется своего рода участием в высшем Единении, во всяком случае, согласно той перспективе, которая нас здесь интересует.

2. Это триада веданты — Сат, Чит, Ананда. Под «Бытием» мы понимаем здесь не единственный онтологический Принцип, который есть Ишвара, а не Сат, но предонтологическую Реальность, которая является дополняющей оппозицией полюса «Знание» (Чит). Вместо Чит суфии сказали бы *'Ilm* («Наука») или *Shuhud* («Восприятие»), и это последнее понятие является эквивалентом ведантического термина *Sâkshin* («Свидетель»); вместо *Sat* они сказали бы *Wujûd* («Реальность»), а вместо *Ananda* — *Hayût* («Жизнь») или *Irûdah* («Воля» или «Желание»).

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

3. Зун'н-Нун аль-Мисри: «Подлинное знание есть знание Истины через Истину, так же как и солнце познается через само солнце»; «Именно знающий (*'arif*) существует не сам по себе, но через Бога и для Бога»; «Познание завершается, когда человек достигает точки, в которой он был в начале». Баязид Бистами: «Кто знает Бога, тот через Бога становится бессмертным».

4. Аль-Джунаид: «Суфий есть тот, кто лишается (личных) атрибутов и встречает Бога».

5. Баязид Бистами: «Знающий получает от Бога, в виде вознаграждения, самого Бога»; «Кто постигает Бога, тот постигает истину всех вещей и сам становится Истиной (*Al-Haqq = Бог*); и неудивительно, если все то, что существует вне Бога, он тогда видит в себе и как бы становится всем». Похоже говорит Шанкарачарья: «Йогин, интеллект которого является совершенным, созерцает все вещи как бы в самом себе, и таким образом, благодаря глазу Знания, он постигает, что все есть Атман».

6. Именно в этом смысле говорится в Махаяне, что Сансара «есть» Нирвана.

7. Небытие не существует, но «направление в сторону» небытия существует, и это замечание поистине фундаментально для метафизики.

8.»Личный Бог» фактически есть не что иное, как персонификация Сущности.

9. В этом случае надо учитывать измерения или составные структуры миров и микрокосмов, а не только их существование.

10. Пантеизм является заблуждением, которое переносит на ось «Господа–слуги» природу Атмана–Майи, или отрицает эту полярность в том плане, в котором она реальна.

11. Для последователя веданты Майя является более таинственной, или менее очевидной, нежели Атман.

12. Интеллектуальным решением является понятие противоречивой или отрицательной возможности, ибо Все-Возможность, или сама природа Бесконечности, необходимо содержит в себе и такую возможность. Было бы абсурдным отрицать, что это понятие является недостаточным, поскольку все более адекватно в сфере «бытия», а не «мышления».

Виды молитвы

1. В случае аватары любая личная молитва становится поливалентной и канонической, о чем свидетельствует, например, Псалтирь; но эти великие Посланники одновременно дают нам пример спонтанной молитвы, поскольку они редко повторяют молитвы других и, в любом случае, показывают нам, что каноническая молитва может произноситься спонтанно, словно она первая или последняя молитва в нашей жизни.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

2. Логически рассуждая, сожаление и решительность неотделимы, но сожаление может иметь место независимо от решительности, и это — сомнение и отчаяние, так же, как и решительность встречается без сожаления, и это — гордыня, если только она не основана на мудрости. Вопрос здесь прежде всего о волевых установках, а не о чувствах, о том, — сопровождаются ли они чувствами или нет.

3. Шуньямурти, «Манифестация Пустоты» — это одно из Имен Будды. Безмолвная молитва североамериканских индейцев, которая заранее предполагает символическое мироощущение в рамках первозданной природы, имеет поразительные аналогии с дзэном.

4. В Торе Бог говорит Моисею: «Я есмь то, что Я есмь» (*Eheieh asher Eheieh*); это указывает на Бога как Бытие, поскольку лишь в ипостаси Бытия Бог творит, говорит, законодательствует, ибо мир существует только по отношению к Бытию. В Коране то же самое выражение звучит следующим образом: «Я есмь Бог» (*Ana 'Llah*); это значит, что Бытие (*Ana,* «Я») проистекает из Над-Бытия (*Allah* — Имя, обозначающее Божество во всех Его аспектах, без каких-либо ограничений); именно таким образом кораническая формула указывает на божественный Прототип произношения Имени Бога. *Ana 'Llah* косвенно означает, что «Бог и его Имя — одно», поскольку Бытие «есть» Над-Бытие ввиду того, что оно есть «Имя», и по этой же причине «Сын» есть Бог, хотя и не является Отцом. То, что придает силу иудейской формуле, — это возврат «бытия» в самое себя, а то, что придает силу арабской формуле, — это соприкосновение «субъекта» и «объекта» без парного единения.

5. В японском амида-буддизме существуют разногласия по вопросу, должно ли Имя Будды повторяться много раз или, напротив, для спасения достаточно одного-единственного произнесения при условии наличия совершенной веры в обоих случаях и, вследствие этого, — воздержания от зла или искреннего на то намерения. В первом случае повторение Имени рассматривается с человеческой стороны, то есть с точки зрения продолжительности, тогда как во втором случае оно понимается согласно своей принципиальной, божественной и поэтому вневременной реальности; Джодо-Шиншу, как и индуистская джапа-йога, соединяет в себе обе перспективы.

6. Мейстер Экхарт в своем комментарии на Евангелие от Иоанна говорит: «Отец не видит, не слышит, не произносит, не желает ничего, кроме Своего Собственного Имени. Благодаря Имени Своему Отец видит, слышит и проявляет Себя. Имя содержит в себе две вещи. Сущностью Божества является Сам Отец. Отец даст тебе Свое вечное Имя, и это есть Его собственная Жизнь, Его бытие, Его божественность, которые Он дает тебе в один-единственный миг посредством Своего Имени».

7. Именно это второе суждение ремесленник фактически перенимает, ибо первое относится к области чистой метафизики и не обязательно входит в поле зре-

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

ния ремесленнических инициаций, имеющих под собой космологическое основание.

8. Именно так необходимо понимать любую фундаментальную и, естественно, «ритуальную» деятельность, например, телодвижения сеятеля или работу каменщика; не Бог ли сеет космические возможности в первичную Материю (*Materia prima*), а истину и благодать — в душу, и не Он ли является «Великим Архитектором Вселенной»?

9. Здесь кроется вся разница между формой и сущностью, и эта разница встречается везде. Если «в воскресенье не женятся, не выходят замуж», это указывает на модальность или форму, а не на сущность; если, с другой стороны, Рай служит приютом гурий, это указывает на сущность, а не на модальность; именно по отношению к сущности св. Бернард мог говорить о «потоках чувственных наслаждений».

10. Опираясь на тексты Евангелия: «Сказал также им притчу о том, что должно всегда молиться и не унывать» (Лк 18, 1); «Итак бодрствуйте на всякое время и молитесь, да сподобитесь избежать всех сих будущих бедствий» (Лк 21, 36), св. Бернардин Сиенский утверждал в проповеди, что «имя (Иисуса) есть начало не имеющее начала» и что оно «достойно прославления так же, как и сам Бог»; и далее: «Все, что Бог сотворил для спасения мира, сокрыто в Имени Иисуса» (San Bernardino da Sienna: *Le Prediche Volgari*). Вовсе не случайно, что Бернардин придал своей монограмме Имени Иисуса вид дароносицы: божественное Имя, хранимое в мысли и в сердце, проносится через мир и через жизнь, подобно Святому Таинству, которое несут в процессии. Монограмма, состоящая из греческих букв *I H S*, означает *Iesouss*, но на латыни она толкуется как *In Hoc Signo* или *Jesus Hominum Salvator*, а если она пишется готическими буквами, то в ее первичной форме можно узреть три элемента — вертикальную прямую линию, две соединенные вертикальные линии и изогнутую линию, так что таким образом она содержит в себе одновременно метафизический, космологический и мистический символизм; в этом есть удивительная аналогия не только с именем *Allah*, написанном по-арабски, которое также заключает в себе три только что упомянутые линии (в форме буквы *alif*, двух *lam* и *ha*), но и с односложным санскритским словом *Aum*, в состав которого входят три *matras* (*A U M*), указывающие на «свертывание» и, стало быть, возвращение в Центр. Все эти символы, в некотором смысле, отмечают путь от «затвердения» к «растворению».

11. «Станем же призывать Его, объект наших медитаций, непрестанно, для того, чтобы ум наш всегда был поглощен Им и чтобы наше внимание было бы сосредоточено на Нем ежедневно (Nicholas Cabasilas, «*Жизнь в Иисусе Христе*»). Повторение божественного Имени по отношению к другим молитвам занимает то же положение, что и Евхаристия по отношению к другим таинствам: Евхаристию принимаем в конце, потому что дальше идти некуда и к ней ничего нельзя прибавить, ибо ясно, что первое понятие подразумевает второе, и это — послед-

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

нее. Итак, после Евхаристии уже не к чему больше стремиться: здесь нужно остановиться, размышляя о сохранении приобретенного блага» (*ibid*).

12. То есть «Христос один есть Бог», а не «Бог есть Христос», точно так же, как одно солнце есть «наше солнце», солнце нашей планетарной системы. Нам вовсе не нужно возвращаться здесь к вопросу, который практически отсутствует для большинства древних и даже современных христиан, о том, где находятся границы «планетарной системы» христианства; это влечет за собой вопрос о преломлении небесного в земном или, точнее, о соответствии между Божественным Светом и человеческим восприятием.

13. Ввиду того, что Абсолют вошел в человека, в пространство и время, мир и история стали в некотором смысле абсолютны, и здесь появляется опасность антиметафизической концепции «реального», или искушение заключить Бога-Абсолют, ставшего в известном смысле человеческим, или историческим, в «потоке форм». Это связано с богословским «персонализмом», который Божество-в-себе, как Оно открывается чистому Интеллекту, хотел бы заменить очеловеченным Божеством. Когда мы говорим «Абсолют», рассуждая о Слове или о Бытии, то вовсе не из-за неспособности понять, что эти аспекты метафизически относятся к относительной области, вершину *in divinis* которой они собой представляют, но потому, что по отношению к космосу любой аспект Бога является абсолютным.

14. Например, св. Ириней: «Благодаря Своей безграничной любви Бог стал таким, как мы, для того, чтобы мы стали такими, как Он».

15. В обряде Евхаристии человек вкушает Бога в виде пресуществленных хлеба и вина, для того, чтобы впоследствии самому стать пищей Бога; «избранными среди избранных» являются те, которые пьют божественное вино и сами поглощаются, когда исчезает различие между «Тобою» и «Мною».

16. На многих иконах Святая Дева выражает милосердие наклоном и поворотом тела, тогда как суровость выражения ее лица указывает на незыблемую чистоту; другие иконы выражают только чистоту, подчеркивая суровость черт лица вертикальным положением тела, а третьи выражают только милосердие, сочетая наклон тела с нежностью выражения.

Часть VI. Эсхатология и загробная жизнь

Некоторые замечания о проблеме загробной жизни

1. 11:107–8.

2. Bukhâr/mî, *Riqaqq* 1.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

3. 9:72.

4. 28:88 , а также Евангелие: «Небо и земля прейдут, но Слова мои не прейдут» (Лк. 21. 33).

5. Абдул-Кадир Ал-Джилани указывает, что на месте Ада, когда тот исчезнет, появится зеленое дерево, называемое Джарджир, «а лучшим среди цветов Рая является зеленый», который противопоставляется красному огню.

6. Это объясняет кажущееся противоречие в Коране, которое ограничивает продолжительность Рая, говоря, что он будет длиться «до тех пор, пока небеса и земля не погибнут», и сразу же добавляя, что Рай — это «дар, который не будет отнят».

7. Христианство имеет тот же самый ключ в виде высказывания Иисуса: «Никто не благ, как только один Бог» (*Nemo bonus nisi unus Deus*) (Мк. 10. 18). Фраза эта содержит в себе целую доктрину между относительным и Абсолютным и, следовательно, выражает не-вечность сотворенных состояний: Небо, не будучи Богом, не может быть «благим», и, таким образом, оно по необходимости является эфемерным, когда рассматривается согласно шкале «Жизней Брахмы» и по отношению к «существованию».

8. Индийские тексты, описывающие Апокатастасис, указывают, что гуна тамас будет превращена в раджас, а раджас — в саттву. В Апокалипсисе св. Петра воскресший Христос говорит об Апокатастасисе, в то же самое время запрещая разглашать эту доктрину, для того, чтобы люди не грешили еще больше; разумеется, совершенно логично, что это не нашло отражения в общем учении Церкви. Но в наши дни ситуация совершенно иная, во всяком случае, что касается своевременности некоторых истин, но не догм.

9. «Есть много обителей в доме Моего Отца», — сказал Христос. Св. Ириней ссылается на это высказывание, развивая доктрину, согласно которой некоторые пойдут в Небо, другие — в земной Рай, а еще другие — в небесный Иерусалим; все узрят Спасителя, но различным способом, согласно уровню своего достоинства.

10. В монотеизме точка встречи между монотеистической эсхатологией и индийским «трансмиграционизмом» раскрывается в представлениях о лимбо и аде, а также — в «воскрешении плоти», при котором существа, однако, не наделяются новой индивидуальностью.

Универсальная эсхатология

1. Хотя последнее всегда является возможной или исходной причиной соответствующего интеллектуального познания.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

2. Как мы уже наглядно показали, прежде всего в нашей книге «От Божественного к человеческому» («*From the Divine to the Human*»), в главе «Последствия, возникающие в связи с тайной субъективности» («*Consequences Flowing from the Mystery of Subjectivity*»).

3. Это не противоречие, так как специфическая природа человека по определению содержит в себе элементы, открытые к сверхъестественному.

4. Именно здесь, учитывая все обстоятельства, Данте *de facto* помещает мудрецов и героев античности, хотя и связывает их с Адом по богословским причинам, поскольку они «язычники».

5. Эти индуистские Раи, которые существам предстоит покинуть после исчерпания «хорошей кармы», являются местами временного вознаграждения, а не спасения; это «периферийные», а не «центральные» места, и находятся они вне человеческого состояния, так как связаны с трансмиграцией.

6. Это высказывание также косвенно содержит эзотерическое указание на небесные секторы разных религий.

7. Уточним, что если в Раю есть уровни, то есть также и ритмы, о чем повествует Коран, говоря, что блаженные будут вкушать пищу «утром и вечером». Более того, нет такого мира, который не имел бы иерархических уровней или циклов, то есть «пространства» или «времени».

8. Эта возможность межрелигиозной коммуникации явно имеет смысл и тогда, когда одна и та же личность, историческая и небесная одновременно, появляется в разных религиях, как в случае с библейскими пророками, даже если их функция различается в зависимости от религии, в которой они манифестируют себя.

9. «Поистине, Аллах ни в чем не несправедлив к людям, но люди несправедливы сами к себе» (10:45).

10. «И вот (вспомни). Господь твой извлек из сынов Адама, из спин их, их потомство и заставил их засвидетельствовать о самих себе (говоря): «Разве не Господь ваш Я?» Они сказали: «Да, мы свидетельствуем...» Чтобы вы не сказали в День Воскресения: «Мы были небрежны к этому». Или не сказали бы: «Ведь еще раньше отцы наши придавали Аллаху сотоварищей, а мы были потомством после них...» (7:171–172). Эти предсущие создания есть индивидуальные возможности, по необходимости содержащиеся внутри Все-Возможности, и вызываемые к Существованию благодаря оживляющему Излучению, а не производимые моральной Волей.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

О понятии ада

1. «Они говорят: «Нас не коснется огонь, разве только на немного дней». Скажи: «Разве вы взяли с Аллаха договор и Аллах никогда не изменит Своего договора? Или вы говорите на Аллаха то, чего не знаете?» Да! Тот, кто приобрел зло и кого окружил его грех, то они — обитатели огня, они в нем вечно пребывают» (*khalidun*) (2:74–75). Здесь ударение целиком падает на слова: «...и кого окружил его грех» (*wa ahatat bihl khati 'atuhu*), которые указывают на существенный и, следовательно, «смертный» характер прегрешения. Данный отрывок адресован людям, верящим не в то, что Ад как таковой является метафизически ограниченным, а в то, что продолжительность наказания равна продолжительности греха.

2. Богословы в принципе осознают, что «вечность» ада (в случае рая дело обстоит совсем иначе) не находится на том же уровне, как и вечность Бога, и не может с ней отождествляться; однако эта тонкость для них не имеет никаких последствий. Если в семитских Писаниях экзотеризму свойственны такие идеи, как творение *ex nihilo* и одновременное сохранение индивидуального и вечного, то подобным же образом экзотерические тенденции появляются в индуистских и буддистских Писаниях, хотя по-иному, в том смысле, что эти тексты, по всей видимости, помещают на земле те фазы трансмиграции, которые не являются ни небесными, ни инфернальными; экзотеризм, который вообще не расположен к тонким объяснениям, в индуистской среде сводится к незатейливым символам. Разумеется, одна эсхатология может быть более сложной, чем другая, но ни одна из них не будет абсолютно адекватной, по причине предельной узости человеческого и вообще земного воображения.

3. Существует асимметрия между небесными и инфернальными состояниями, поэтому первые несравнимо ближе к чистому Бытию, чем последние; их «вечность», таким образом, в любом случае отличается от «вечности» адов.

4. Ал-Газали в своем сочинении *Durrat el-fâkhirah* рассказывает, что некий человек, ввергнутый в огонь, кричал громче других:

«И он был вытащен весь в ожогах. И Бог сказал ему: «Почему ты кричал в огне громче других людей?» Он ответил: «Господи, Ты осудил меня, но я не потерял веры в Твою милость...» И Бог сказал: «А кто отчаивается в милости Господа своего, кроме заблудших?» (Коран, 15:56). «Ступай с миром, Я прощаю тебе». С католической точки зрения, это указывает на «чистилище». В буддизме известны Бодхисаттвы, такие, как Кшитигарбха, которые облегчают участь обреченных при помощи небесной росы или иным путем смягчают их страдания, что указывает на функции ангельского милосердия, проникающего даже в ад.

5. Суры 6:129 и 11:107. Та же самая оговорка касается и Рая: «... пребывая там, — пока длятся небеса и земля, если только твой Господь не пожелает иначе, — наградой не отсеченной» (11:108). Последнее утверждение наиболее непосредственно указывает на соучастие «приближенных» (*muqarrabûn*) в Божественной Сущности благодаря высшему единению; в их случае (то есть в случае *karma-*

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgradereleasе

mukti, согласно учению веданты) Рай раскрывается внутри Божества в конце цикла («пока длятся небеса и земля»), так же, как и Рай Вишну и Рай Амиды. Что касается вышеупомянутой оговорки, то она указывает на более поздние, хотя всегда благотворные, перемены для тех, кто, по суфийскому выражению, «сад предпочитают Садовнику», то есть чье состояние является плодом действия, а не знания или чистой любви. Здесь также можно упомянуть о возможности таких Бодхисаттв, которые, хотя внутренне и оставаясь в Раю, нисходят в определенный мир, который по аналогии является «земным», и о тех нечеловеческих благословениях, — уже на гораздо более низком уровне, — которые, благодаря определенной карме, существо может использовать пассивно, как растение, абсорбирующее пищу. Но ничего подобного мы не встречали в той перспективе, которая отвечает призванию монотеизма, то есть перспективе, которая не заключает в себе ни учения о ритмах космических циклов, ни *a fortiori* — о ритмах универсальных циклов («жизни Брахмы»), хотя некоторые хадисы и некоторые места в Библии (в их числе, несомненно, и место, повествующее о «тысячелетнем царстве») более или менее открыто указывают на такие идеи.

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

СОДЕРЖАНИЕ

Фритьоф Шуон — возрожденная метафизика 3

Часть I.
РЕЛИГИЯ И ОТКРОВЕНИЕ

Природа религии 8
Religio perennis 8
Чувство Абсолюта в религиях 10
Принять или отвергнуть Откровение 14

Эзотеризми мистицизм 24
Понятие эзотеризма 24

Вера, Любовь и Знание 39
Природа и доводы веры 39
Понимание и верование 41
Вера и ее объект 45
Любовь к Богу и то, что ей сопутствует 46
Любовь и знание 47
«Четыре драгоценности» человеческой жизни 52

Богословие и философия 52
Человек и уверенность 52
Чудеса как доказательство существования Бога 54
Очевидность и тайна 55
О Воле Божьей 63
О предопределении и свободной воле 66
О понятии философии 68

Часть II.
ИЗУЧЕНИЕ РЕЛИГИЙ

Сравнительное религиоведение — методология 76
Многообразие Откровений 76

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

Ограниченность экзотеризма 80
Очертания Духа 89
Человеческий сектор 93

Архаические религии 103
Древний мир в перспективе 103

Религии американских индейцев 107
Священная Трубка индейцев 107

Индуизм 113
Веданта 113
Принцип различия в социальном порядке 119

Китайские религии 126

Буддизм 127
Оригинальность буддизма 127
Тайна Бодхисаттвы 131
Взгляд на дзэн-буддизм 138

Синтоизм 143

Иудаизм 145
Тора и Мишна 145
Высшая Заповедь 145

Христианство 150
Христианская традиция. Размышления о ее природе 150
Таинства Христа и Девы 158
Проблемы евангелизма 161

Ислам 174
Ислам 174
О Коране 180
О Пророке 187
Семена расхождения 190
Бедность в исламе 198
Квинтэссенция эзотеризма в исламе 200
О жизненном цикле суфизма 211

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

Часть III.
ПРИРОДА РЕАЛЬНОСТИ

Метафизика 213
Измерения, модальности и степени Божественного Порядка 213
Взаимодействие Ипостасей 220
Тайна Покрова 225
Символизм и Благодать 237
Наука изучения мифов 239

Эпистемология 241
Последствия, вытекающие из тайны субъективности 241

Космология и традиционные науки 246
Ипостатические и космические числа 246
Что такое материя и кто есть Мара? 254

Часть IV.
ЧЕЛОВЕК

Природа человека 259
О сотворении человека 259
Человек как божественная манифестация 260
Падение человека 265
Человек во Вселенной 269

Женщина 274
Женщина и интериоризация 274

Сексуальность 276
Проблема сексуальности 276

Часть V.
ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ

Элементы и цель духовного пути 289
Природа и функция духовного учителя 289
Слуга и единение 292

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease

Молитва 297
Виды молитвы 297
Молитва формирует человека 306
Духовные добродетели 307

Часть VI.
ЭСХАТОЛОГИЯ И ЗАГРОБНАЯ ЖИЗНЬ

Размышления об эсхатологических проблемах 313
Некоторые замечания о проблеме загробной жизни 313
Универсальная эсхатология 317
О понятии ада 320
Два Рая 322

ПРИМЕЧАНИЯ 333

Апгрейд проекта "Upgrade & Release": https://vk.com/upgraderelease